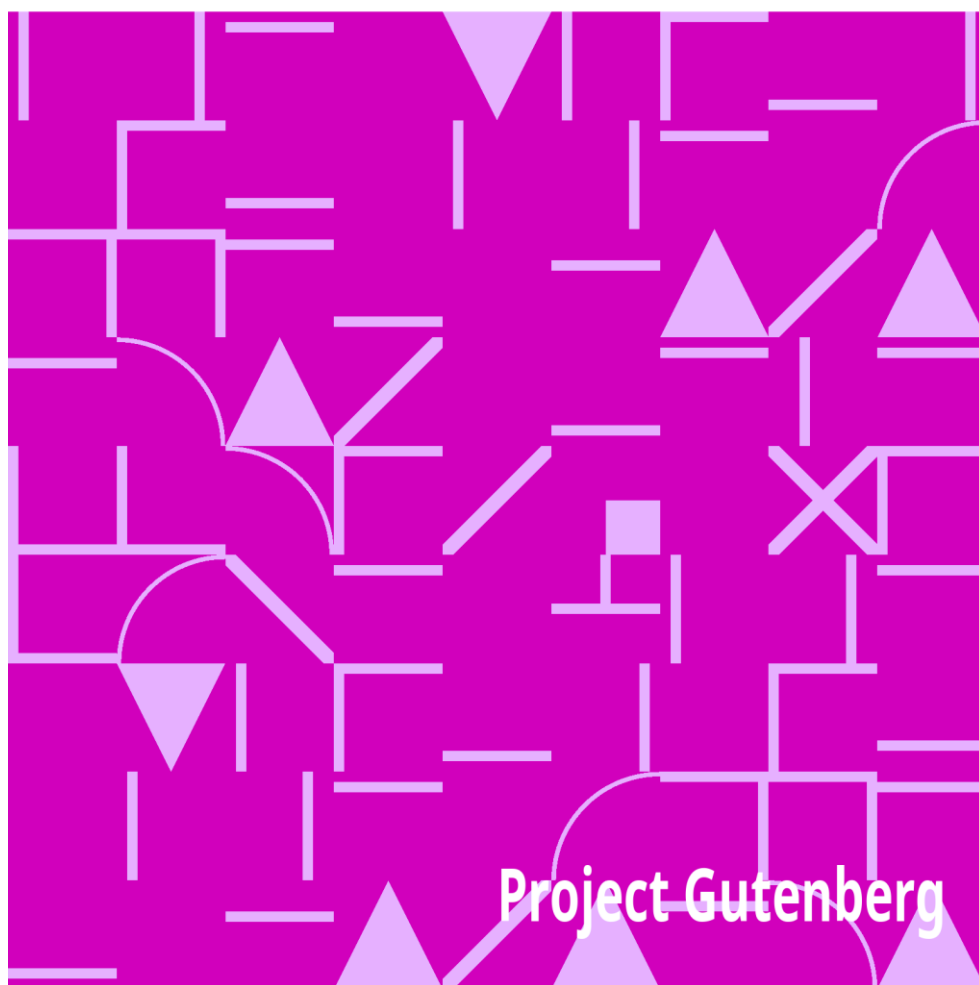

История восстания в Верхней Канаде, том 1

Джон Чарльз Дент

The Story of the Upper Canadian Rebellion, Volume 1

John Charles Dent

Электронная книга проекта Гутенберга "История восстания в Верхней Канаде", том 1

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История восстания в Верхней Канаде, том 1

Автор: Джон Чарльз Дент

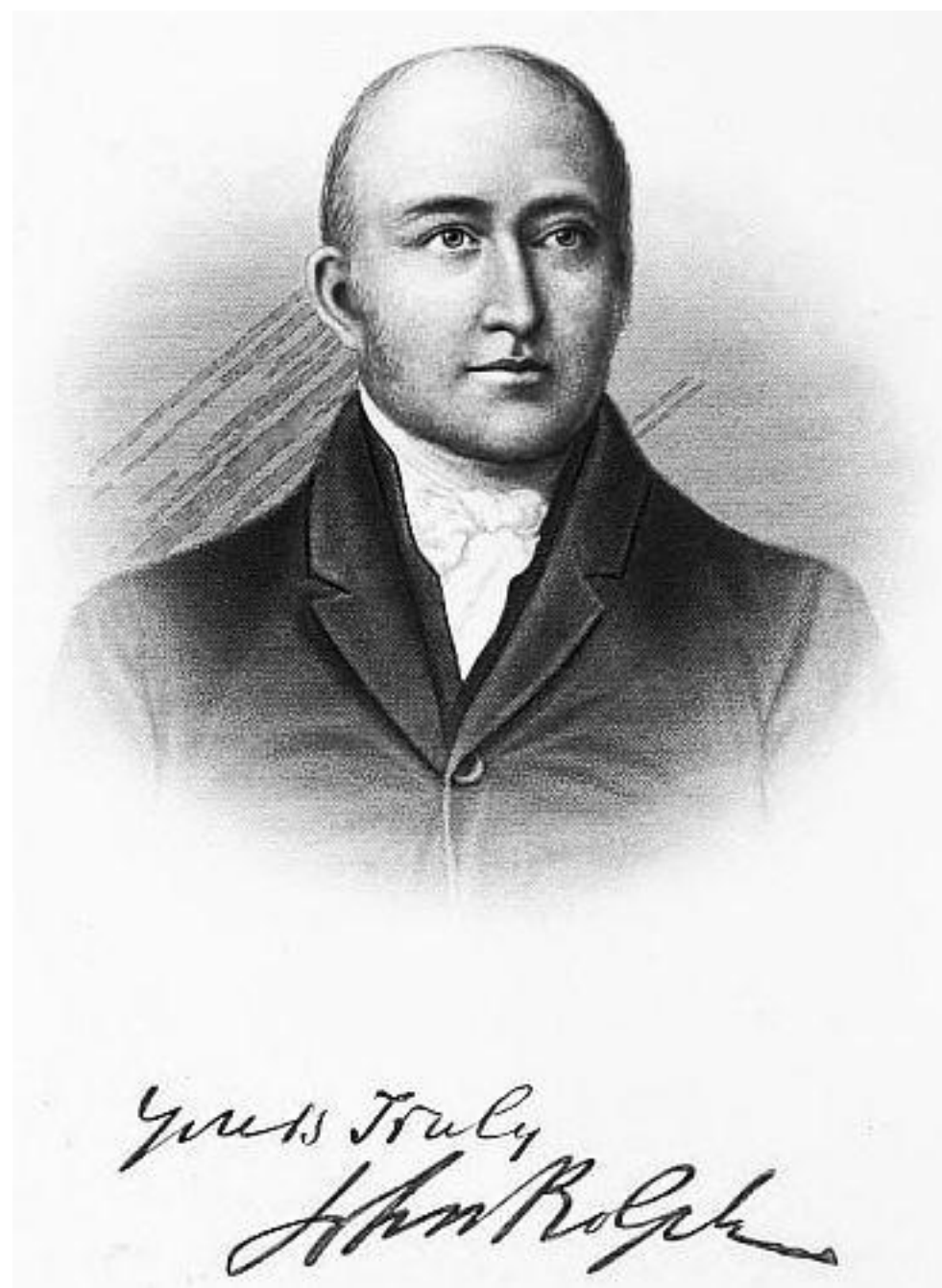
Дата выхода: 24 июля 2007 [Электронная книга № 22131]

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Мэрилинда Фрейзер-Канлифф, Марсия Брукс и команда онлайн-корректоров на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом / Канадскими библиотеками)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ВОССТАНИЯ В ВЕРХНЕЙ КАНАДЕ", ТОМ 1 ***

ИСТОРИЯ ВОССТАНИЯ В ВЕРХНЕЙ КАНАДЕ

ИСТОРИЯ ВОССТАНИЯ В ВЕРХНЕЙ КАНАДЕ

ДЖОН ЧАРЛЬЗ ДЕНТ

АВТОР КНИГИ "ПОСЛЕДНИЕ СОРОК ЛЕТ" И С.

Том I.

ТОРОНТО.

ОПУБЛИКОВАНО К. БЛЭКЕТТОМ РОБИНСОНОМ

1865

ИСТОРИЯ ВОССТАНИЯ В ВЕРХНЕЙ КАНАДЕ;

В ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ПОЧЕРПНУТО ИЗ ОРИГИНАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ДОКУМЕНТОВ.

Автор: ДЖОН ЧАРЛЬЗ ДЕНТ,

Автор книги "Последние сорок лет" и др.

"Что ж, благодарение Богу за этих мятежников". — *Генрих IV*, Акт III, глава 3.

"Правду не всегда следует скрывать, потому что ее выражение может ранить чувства общественных деятелей, чьи официальные действия подвергли их общественному порицанию. Если бы это было так, история и биографии перестали бы быть путеводными звездами и, прежде всего, не предлагали бы никаких полезных ограничений жестокому, или коррумпированному, или некомпетентному осуществлению власти". — *Жизнь Таппера и переписка генерал-майора сэра Айзека Брока*.

"Мы восстали не против личности Ее Величества или ее правительства, а против колониального ~~неправильного~~ управления.... Мы протестовали; нас высмеяли.... Нас довели до безумия, и мы были вынуждены показать, что у нас есть дух сопротивления, чтобы противостоять травмам или чтобы нас считали плененными, деградировавшими и вероломными людьми. Мы взяли за оружие не для того, чтобы нападать на других, а чтобы защитить себя". — *Письмо лорду Дарему от доктора Вулфреда Нельсона и других заключенных в Монреале, 18 июня 1838 г.*

Торонто:

К. БЛЭКЕТТ РОБИНСОН, ДЖОРДАН-СТРИТ, 5.
1885.

Введен в соответствии с Актом парламента Канады в 1885 году, посредством

К. Блэкетт Робинсон, в кабинете министра сельского хозяйства.

Я ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ МОЕМУ УВАЖАЕМОМУ ДРУГУ,

ДЖОРДЖ СТЮАРТ, младший.

Из КВЕБЕКА:

ЧЬИ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОДСТВЕННОМ НАПРАВЛЕНИИ ПОЗВОЛЯТ ЕМУ

ОТДАВАЙТЕ ДОЛЖНОЕ ВСЕМУ, ЧТО В НЕМ ДОСТОЙНО ВНИМАНИЯ; В ТО ВРЕМЯ КАК

ЕГО ЩЕДРАЯ ОЦЕНКА УСИЛИЙ ЕГО

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СОБРАТЬЯ ВОЗДАДУТ ЕМУ ДОЛЖНОЕ

СНИСХОДИТЕЛЕН К ЕГО НЕДОСТАТКАМ.

ДЖОН ЧАРЛЬЗ ДЕНТ.

Торонто, 1885 год.

Содержание.

- *Страница.*
- **ГЛАВА I.**
 - Изгнанный британец [9](#)
 -
- **ГЛАВА II.**
 - Перечень сведений [46](#)
 -
- **ГЛАВА III.**
 - Семейный договор [71](#)
 -
- **ГЛАВА IV.**
 - Отцы реформы [96](#)
 -
- **ГЛАВА V.**
 - "Свободная и раскрепощенная" пресса [122](#)
 -
- **ГЛАВА VI.**
 - Дело капитана Мэтьюза [144](#)
 -
- **ГЛАВА VII.**
 - Возмущение Ниагарским водопадом [151](#)
 -
- **ГЛАВА VIII.**
 - "Амоваль" мистера судьи Уиллиса [162](#)

-
- **ГЛАВА IX.**
- Дело Фрэнсиса Коллинза [195](#)
-
- **ГЛАВА X.**
- Фонари—Старые и новые [213](#)
-
- **ГЛАВА XI.**
- Парламентские привилегии [231](#)
-
- **ГЛАВА XII.**
- Лишение гражданских прав [253](#)
-
- **ГЛАВА XIII.**
- Письмо мистера Хьюма о "Пагубном господстве" [264](#)
-
- **ГЛАВА XIV.**
- "Смотрите, идет Герой-Победитель!" [282](#)
-
- **ГЛАВА XV.**
- "Испытанный реформатор" [296](#)
-
- **ГЛАВА XVI.**
- Триумфы испытанного реформатора [324](#)
-
- **ГЛАВА XVII.**
- Реакция [342](#)
-
- **ГЛАВА XVIII.**
- Ковка копий [354](#)

-
- **СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ**

- **Джон Рольф** [Фронтиспис](#)

-

- **Дэвид Гибсон** [279](#)

-

ИСТОРИЯ ОГВОССТАНЯ В ВЕРХНЕЙ КАНАДЕ

ГЛАВА I.

ИЗГНАННЫЙ БРИТАНЕЦ.

[Наверх](#)

1819

После полудня теплого и знойного дня, ближе к концу одного из самых теплых и знойных летних периодов, которые когда-либо знала Верхняя Канада, в здании суда в старом городе Ниагара состоялся экстраординарный судебный процесс. Это было более шестидесяти лет назад, когда Йорк был городом незначительных размеров; когда о Гамильтоне едва ли можно было сказать, что он существовал; и когда места расположения большинства других городов Провинции, названия которых нам теперь знакомы, все еще составляли часть охотничьих угодий коренных индейцев. Маленький городок на границе был относительно более важным местом, чем в настоящее время; хотя его благосостояние даже в тот ранний период было явно на исходе, и та слава, которой он когда-либо мог похвастаться как столица провинции, покинула его задолго до этого. Если говорить с абсолютной точностью, то это была пятница, 20 августа 1819 года: так давно, что, насколько мне удалось узнать, сейчас в живых осталось только два человека, которые присутствовали при этом событии. Зал суда, который был самым большим в провинции, был набит битком, и хотя все окна были распахнуты для проветривания, атмосфера была почти удушливой. Даже посторонний человек, если бы кто-нибудь из них присутствовал, не мог бы не заметить, что суд вызывал живой интерес у зрителей, многие из которых были

беспокойными и раздражительными до такой степени, что они не могли сохранять полную неподвижность и время от времени беспокойно ерзали на своих местах. Шепот "не громкий, но глубокий" время от времени доносился с задних скамей до четырехугольного пространства впереди, отведенного джентльменам в длинных мантиях, и поднимался оттуда к августейшему присутствию на судейском месте. Время от времени зычный голос глашатая провозглашал тишину тоном, который ясно означал, что терпение почти достигло своего предела и что он действительно будет вынужден пойти на крайние меры, если его приказу еще хоть немного не будут повиноваться.

Зал суда был оформлен по старому традиционному образцу. В верхнем конце находился большой приподнятый стол, или трон, занимавший почти половину зала, с просторными мягкими креслами и другими подходящими помещениями для председательствующего судьи и его помощников. Справа и слева располагались закрытые ложи присяжных с сиденьями, значительно приподнятыми над уровнем пола, но не такими высокими, как те, что были предусмотрены для судей. Прямо напротив трона правосудия, примерно в шести ярдах от него, находилась скамья подсудимых, на которую в крайнем случае можно было бы запихнуть пять или шесть человек. Промежуточное пространство, окруженное этим четырехугольником, — трон, скамья подсудимых и ложи присяжных — в основном предназначалось для барристеров и поверенных, а также их клиентов. Большая часть отведенного таким образом пространства была занята столом, вокруг которого было расставлено несколько стульев, каждый из которых был занят; а в конце, непосредственно под судейским троном, находилось небольшое помещение для секретаря суда, отделенное низкими перилами и содержащее письменный стол небольшого размера. Между столом секретаря и ложей присяжных по левую руку находилась кабинка для свидетелей, поднятая на уровень самых высоких мест, предусмотренных для присяжных. Кресло для шерифа было установлено на небольшом расстоянии справа от трона правосудия и на несколько более низком уровне.

Все эти приготовления занимали примерно треть всего зала суда. Остальное пространство, простиравшееся от задней части скамьи подсудимых до нижнего конца камеры, было занято креслами, поднимающимися ярус за ярусом, с проходом посередине. Между каждым из концов этих сидений и стенами камеры были проходы шириной около трех футов, ведущие к дверям для целей "входа, выхода и регрессии". Такова была планировка традиционного зала суда Верхней Канадской палаты в старину; и такими, с несколькими незначительными изменениями, многие из них сохранились до наших дней.

Единственным сидящим на судейском месте в этот знойный полдень был джентльмен несколько миниатюрного роста, но при этом красивой и импозантной внешности. Хотя он достиг преклонного среднего возраста, у него не было ни одного признака возраста, и, очевидно, он сохранил всю свою энергию в первозданном виде. Его глаза были яркими и пронизательными, а небольшие, но твердые и четко очерченные черты лица озарялись сознанием умственной силы. Никто, глядя на это лицо, не мог усомниться в том, что его обладатель держал все свои способности под строгим и тщательным контролем или что его способности были значительно выше, чем у среднестатистического человека. Это лицо было не из тех, в которые мог бы влюбиться ребенок, потому что оно идеально отражало характер и было твердым и решительным, а не дружелюбным или добрым. Очевидно, человек, который, если бы для этого представился случай, соблюдал бы предельную строгость закона, если не с безразличием, то, по крайней мере, без угрызений совести. Это был достопочтенный Уильям

Даммер Пауэлл, и он занимал высокий пост главного судьи провинции. Совместно с преподобным доктором Стрейкеном, настоятелем Йорка, он в течение нескольких лет практически руководил управлением делами в Верхней Канаде. Фрэнсис Гор и сэр Перегрин Мейтленд могли последовательно выступать в качестве руководителей под титулом вице-губернаторов, но настоящими хранителями власти были ректор и верховный судья. Зловещая комбинация! которая опровергла афоризм великого писателя — ныне, к сожалению, утраченный для нас - о неизбежной несовместимости закона и Евангелия. Оба они имели места в Исполнительном совете и, при существовавшем тогда положении вещей, были официальными, но безответственными советниками представителя короны. Не одному будущему новатору тех дней пришлось ощутить тяжесть своих рук, ни в малейшей степени не зная и даже не подозревая, откуда пришел удар. Они были главой и фронтменом хунты олигархов, которые сформировали *Vehmgericht*, известный как Семейный договор, и для всех практических целей их суждения в вопросах, касающихся распределения патронажа и распоряжения собственностью короны, были окончательными.

Защитником обвинения был красивый молодой человек двадцати восьми лет, который в течение нескольких прошедших лет неуклонно готовил себя к важной роли, которую ему суждено было сыграть, - роли судебного пристава мистера Пауэлла^[1] и политического преемника в колонии. До того времени, когда он, в свою очередь, должен был стать верховным судьей Верхней Канады, оставалось всего десять лет. Еще менее отдаленным было то время, когда он должен был сменить главного судью Пауэлла в качестве самого активного коллеги доктора Стрейкена — главного светского представителя своей партии и главного светского советника сменявших друг друга вице-губернаторов. Его звали Джон Беверли Робинсон, и его судьба, несомненно, была достаточно ясна ему 20 августа 1819 года. У него были серьезные претензии к своей партии, поскольку он был сыном лоялиста Объединенной империи и во время последней войны с Соединенными Штатами доказал, что он не был дегенеративным отпрыском того рода, из которого происходил. Он присутствовал при капитуляции Детройта и доблестно вел себя в битве при Куинстон-Хайтс. Его партия также не проявила склонности игнорировать его заявления. Напротив, они подталкивали его вперед с быстротой, которая вскружила бы голову любому человеку с естественной склонностью к головокружению. Он был назначен генеральным прокурором провинции еще до того, как его пригласили в коллегия адвокатов, и когда ему был всего двадцать один год — впоследствии был принят специальный парламентский акт, подтверждающий это судебное разбирательство. В 1815 году он был назначен генеральным солиситором, главным образом для того, чтобы получать жалованье, сопутствующее этой должности, во время двухлетнего визита в Англию. Вскоре после своего возвращения он снова был назначен генеральным прокурором и рано обозначил свое возвращение на этот пост своей манерой судебного преследования некоторых преступников из страны Ред-Ривер, которые предстали перед судом в Йорке. Эти разбирательства не входят в сферу компетенции данной работы, но относительно связей молодого генерального прокурора с ними можно сказать, что он проявил себя чрезвычайно узкопартийным и послушным учеником доктора Стрейкена. Теперь он представил себя, чтобы принять ведущее участие в одном из самых бесстыдных и незаконных судебных процессов, которые когда-либо позорили суд. Его внешность была определенно располагающей. Его фигура, одетая в хорошо сидящую одежду модного покроя того времени, была легкой, подвижной и компактной, а лицо, несколько склонное к узости, венчал высокий и ровно очерченный лоб, из-под которого выглядывала пара серо-стальных глаз, обычное выражение которых было энергичным и твердым, но в целом не

недоброжелательным. У него был изящно очерченный рот, и когда он был в приятном расположении духа — а это случалось нередко, — его улыбка была милой и заискивающей. По интеллектуальным способностям он значительно опережал большинство своих собратьев по профессии того времени и развивал свои природные способности постоянной бдительностью и учебой. Черты его лица, все до единого, были хорошо и резко очерчены, и он был, вероятно, самым красивым мужчиной в провинциальном баре.

Присутствовали еще несколько представителей юридической профессии, все они были более или менее широко известны в судебной или политической летописи Провинции. Среди них выделялся блестящий, но беспринципный Кристофер Александр Хагерман, который уже занял высокий пост в адвокатуре и которому было суждено стать одним из самых активных и нетерпимых проводников олигархической политики. Высокий и гибко сложенный Арчибальд Маклин к тому времени проработал в коллегии адвокатов более четырех лет и уже продемонстрировал высокие способности, которые должны были обеспечить ему почетное место на судейской скамье. Он был нанят для защиты двух заключенных на Ниагарских судебных слушаниях, и его присутствие в зале суда было обусловлено именно этим фактом. Еще одной фигурой за столом адвокатов был Сэмюэл Питерс Джарвис, руки которого все еще были красны от крови молодого Джона Ридута, безжалостно пролитой им на дуэли два года назад, и которая никогда не будет стерта со скрижалей его памяти. Там же сидел Генри Джон Боултон, молодой человек с большими претензиями, но посредственным интеллектом, который в прошлом году был назначен исполняющим обязанности генерального солиситора и который объединил в своем лице весь фанатизм и узкий эгоизм фракции, к которой он принадлежал. Он также был замешан в пролитии крови молодого Ридута, поскольку выступал в этом деле в качестве заместителя выжившего принцепала. За этим исключением его прошлая жизнь не была богата событиями, но его будущему было суждено быть отмеченным значительным разнообразием происшествий и поступков, к которым даже самое благоприятное суждение не может относиться с неизменным самодовольством.

Двенадцать присяжных заседателей сели на свои места в ложе присяжных слева от судьи. Свидетелями, вызванными от имени короны, были почтенный Уильям Диксон и почтенный Уильям Клаус, оба из которых были членами Законодательного совета Верхней Канады. Бывший джентльмен был предприимчивым шотландцем, поселившимся на Ниагаре, когда он еще был известен как Ньюарк, где сначала держал универсальный магазин, а затем с большим финансовым успехом занимался юридической практикой и спекуляцией. Как и упомянутый выше Джарвис, он был обезображен красной правой рукой, застрелив своего человека на дуэли осенью 1808 года за фортом Соединенных Штатов на противоположном берегу реки. Однако будет справедливо по отношению к мистеру Диксону сказать, что он был стороной, вызванной на дуэль, и что дуэль была в какой-то мере навязана ему варварскими обычаями общества в те (счастливые) далекие дни. Другой свидетель, мистер Клаус, возглавлял департамент по делам индейцев в Ниагаре, злоупотребления в администрации которого были печально известны. Во всей округе было хорошо известно, что Диксону и Клаусу удалось добиться от индейцев относительно хороших результатов и что они были замешаны в каких-то явно сомнительных сделках. Если это правда, что Небеса помогают тем, кто помогает себе сам, то, безусловно, оба этих джентльмена имели право обратиться за божественной помощью. Они обладали широким влиянием во всех поселениях на полуострове Ниагара, а также в столице провинции и обычно считались находящимися на пути к большому богатству. За два года до судебного разбирательства, составляющего предмет настоящей главы, Диксон приобрел весь

великолепный городок Дамфрис, занимающий 94 305 акров, по цене немногим более доллара за акр; и он уже начал отдавать деньги за свои инвестиции. Клаус и он сам заняли места за столом адвокатов, в непосредственной близости от генерального прокурора. Среди зрителей были почти все видные жители города Ниагара и его ближайших окрестностей.

Но еще предстоит рассмотреть самую заметную фигуру в этом переполненном зале суда. Упоминалось, что скамья подсудимых была достаточно большой, чтобы вместить пять или шесть человек. На этот раз в нем содержался всего один-единственный заключенный. Мужчина, крупный и костлявый, который при обычном состоянии здоровья, должно быть, весил не менее пятнадцати стоунов. Как раз в настоящее время он был очень далек от обычного состояния здоровья, поскольку за предыдущий год он перенес достаточно тревог и страданий, чтобы разрушить жизнь любого человека средней жизнестойкости. После успешной защиты в двух уголовных процессах он был брошен в тюрьму, где томился более семи месяцев. Во время своего длительного заключения он подвергался обращению, которое было бы в высшей степени преступным, если бы применялось к осужденному преступнику, и которое отличалось злобной жестокостью, которую трудно понять, учитывая характер инкриминируемого ему преступления. Его собственный рассказ об этом деле представляет собой простое изложение фактов, истинность которых основывается на самых ясных и неоспоримых доказательствах. "После двух месяцев строгого заключения, - пишет он, - в одной из камер тюрьмы, мое здоровье начало ухудшаться, и по жалобе на это мне была предоставлена свобода ходить по коридорам и сидеть у двери. Эта свобода предотвратила ухудшение моего самочувствия в последующие четыре месяца, хотя я ни дня не наслаждался здоровьем, кроме как благодаря силе лекарства. По истечении этого срока меня снова заперли в камере, отрезав от всех разговоров с моими друзьями, но через дыру в двери, в то время как тюремщик или заместитель шерифа наблюдали за тем, что говорилось, и в течение некоторого времени моему адвокату и моим знакомым магистратам было отказано в допуске ко мне. Четвертные заседания были проведены вскоре после начала этого жестокого и неконституционного обращения, и в этих случаях в обычай и обязанность большого жюри входило обходить тюрьму и следить, чтобы с заключенными все было в порядке. Я подготовил мемориал для их рассмотрения, но по этому поводу не был посещен. Я пожаловался мировому судье через дверь, который пообещал передать мое дело председателю заседания, но председатель оказался братом одного из тех, кто подписал мое обязательство, и суд разошелся, не добившись для меня ни малейшего облегчения. Душевное раздражение, теперь присоединенное к чрезмерной жаре, быстро истощило мое здоровье и ослабило мои способности. Я почувствовал, что моя память сильно пострадала, и мог связывать свои идеи не с помощью каких-либо длинных рассуждений, а с помощью письма, к которому много дней я был совершенно непригоден из-за сильной постоянной головной боли".

В этой простой, неприкрашенной истории есть пафос, который трогает каждое сердце. То, что нервная система человека, каковы бы ни были его преступления, должна быть таким жестоким образом подорвана; что его физические и умственные способности должны быть медленно, но верно отняты у него таким преднамеренным образом, - это идея, которую не должен спокойно переносить тот, чья грудь восприимчива к человеческим импульсам. Но Роберт Гурли не был великим преступником. Он не участвовал в заговоре с целью взорвать короля, лордов и палату общин. Он не был виновен ни в государственной измене, ни в уголовном преступлении. Он не угрожал ничьей жизни и не отнял ни у кого кошелек на большой дороге. Он ни в коем случае не был тем материалом, из которого делают великих преступников. Он даже не был порочным или аморальным человеком. Он был любящим мужем, любящим и снисходительным отцом. Его

история, от начала до конца, даже в самом ярком свете, который только можно на нее пролить, не раскрывает ничего жестокого или мстительного, ничего мерзкого или возмутительно порочного, ничего пресмыкающегося или низменного, ничего грязного или подлого. С другой стороны, это раскрывает человека со многими благородными и великодушными порывами; человека с большим сердцем в груди, которое могло горячо сочувствовать несправедливости своих ближних; человека, в котором не было ни эгоизма, ни жадности; человека твердых принципов и безупречной морали; который был неспособен на нечестность или жестокость; который обладал высоким чувством человеческой ответственности; который боялся своего Бога и почитал своего Короля. Когда мы сравниваем его добродетельную и благородную, хотя и бурную и во многом ошибочную жизнь с жизнью любого из его непосредственных преследователей, контраст с грустью наводит на мысль о противоположности мистера Лоуэлла

"Истина навеки на эшафоте; ложь навеки на троне".

Чему же тогда следует приписать его долгое и ожесточенное преследование? Почему его лишили свободы; бросили в темную и нездоровую темницу; отказались воспользоваться законом Habeas Corpus; отказали в его расширении под залог или главный приз; заклеили как самого опасного злоумышленника; травили и пытали до разрушения его здоровья и рассудка? Только вот что: он заранее проникся духом мистера Артура Кленнэма и "хотел знать".^[2] Он продемонстрировал упорную решимость пролить свет на беззакония и негодяйство государственных должностных лиц. Он осудил систему покровительства и фаворитизма в распоряжении землями короны. Он обрушился с упреками на некоторых кровопийц того времени в выражениях, которые, безусловно, не были ни любезными, ни парламентскими, но которые, столь же несомненно, были и убедительными, и правдивыми. Он даже осмелился в оскорбительных выражениях отозваться о самом преподобном ректоре Йорка, которого заклеил как "маленького лживого дурачка-пресвитерианина-ренегата". Более того, он посоветовал направить в Англию уполномоченных, чтобы привлечь внимание Империи к колониальным претензиям. Он был единственным человеком в Верхней Канаде, у которого хватило смелости сделать и отважиться: приподнять тонкую и непрочную завесу, которая лишь наполовину скрывала коррупцию, благодаря которой кучка жадных вампиров быстро обогащалась за счет общества. Он осмелился вынести на всеобщее обозрение пагубные последствия деятельности безответственного Руководителя и доминирующей клики, единственная надежда которой заключалась в сохранении существующего порядка вещей нетронутым. Именно за это инквизиция обрушила на него свою месть; за это на его голову были вылиты сосуды гнева исполнительной власти; за это его тело было подчинено, а нервы истерзаны более чем семимесячным тюремным заключением; за это он был "разорен в своем состоянии и подавлен своим умом". И все это происходило в "этой нашей Канаде" в тысяча восемьсот девятнадцатом году от рождения Христа — всего шестьдесят шесть лет назад, - когда герцог Ричмондский был генерал-губернатором, а его красивый зять номинально управлял правительством Верхней провинции.

Чтобы лучше понять обстоятельства, приведшие к этому злодейскому из канадских государственных преследований, будет полезно взглянуть на некоторые подробности прошлой жизни заключенного.^[3]

Роберт Гурли был сыном джентльмена со значительным состоянием — писателя the Signet на пенсии - и родился в приходе Церес, графство Файфшир, Шотландия, в 1778 году. Он получил

образование, соответствующее его социальному положению, и во время учебы в Университете Сент-Эндрюс был соучеником личным другом молодого Томаса Чалмерса, который впоследствии стал одним из самых красноречивых ораторов современности.[4] Роберт был старшим сыном своих родителей, и, будучи наследником отцовских поместий, он дорос до зрелого возраста с надеждой однажды добиться богатства и положения в обществе. У него не было никакой профессии, и после окончания колледжа он не посвятил себя оседлому занятию. Он был в гостях у местной знати своего родного графства и проявлял некоторый интерес к местным военным делам. В 1806 году он предложил возглавить экспедицию для вторжения в Париж, вероятно, будучи подтолкнут к этому безумной попыткой лорда Кэмелфорда несколькими годами ранее. Он был полон энергии и крепкого здоровья, щедр по отношению к беднякам прихода, практический филантроп, обладал большим умом и искренней любовью к себе подобным; но при этом несколько взбалмошен, вспыльчив, лишен такта и осмотрительности, склонен к мечтаниям и теоретизированию. Короче говоря, он был клубком противоречий, некоторые из его особенностей, несомненно, были унаследованы от отца, который был щедрым и благородным, но непрактичным человеком. Отец, по-видимому, признавал слабости своего сына. "Роберт, - обычно говорил он, - может навредить себе, но делать добро другим". Сын глубоко изучал экономическую сторону вопроса о бедных, и его исследования в этом направлении привели его к близким отношениям с выдающимся писателем мистером Артуром Янгом,[5] по предложению которого он был назначен провести расследование положения бедных в Англии. В силу этого назначения он путешествовал, в основном пешком, по наиболее важным сельскохозяйственным районам острова, после чего компетентные власти объявили его самым информированным человеком в королевстве в отношении бедных слоев населения Великобритании. Как я уже говорил в другом месте: "Члены парламента, политические экономисты, приходские надзиратели и даже члены кабинета министров консультировались с ним относительно наилучших средств для реформирования законов о бедных, и он всегда был готов потратить себя и свое состояние на общественное благо".[6]

Женившись и поселившись в одном из поместий своего отца, он взял на себя различные общественные должности и филантропию. Благодаря его предприимчивости и общественному духу йомены Файфшира относились к нему с большим уважением, и вскоре он был признан особым защитником интересов небольших арендаторов на сельскохозяйственных собраниях. На одной из таких встреч ему показалось, что его сосед, граф Келли, невежливо обошелся с ним. Невежливость, по-видимому, не носила серьезного характера, но мистер Гурли разозлился до степени, совершенно несоизмеримой проступку. Он написал и опубликовал брошюру, в которой с лордом Келли обошлись с большой строгостью. Автор распространил ее по всему Файфширу и широко зачитал; и с этого времени он стал посвящать общественность в свои личные обиды. Однако его нападки на лорда Келли ослабили его популярность, и в 1809 году, отчасти по этой причине, а отчасти из-за временного ухудшения здоровья, он принял предложение герцога Сомерсета стать арендатором фермы, принадлежащей его светлости и расположенной в приходе Уайли в Уилтшире. Какое-то время в его новом жилище все шло хорошо. Его ферма была образцом для подражания для всех землевладельцев прихода, и его продукция получала приз за призом на последовательных сельскохозяйственных выставках. Но мистер Гурли был не чем иным, как критиком, и кое-что из его окружения давало законные основания для придирок. В те дни в системе исполнения законов о бедных Великобритании было много серьезных недостатков, и управление в приходе Вайли сопровождалось

некоторыми особенно предосудительными чертами. Вскоре это стало болезненно очевидным для пронизательного взгляда мистера Гурли, который начал агитировать за реформу. Он взялся за дело со свойственной ему серьезностью и вскоре начал производить впечатление благодаря постоянным выступлениям и еженедельным письмам, адресованным в местные газеты. Его аппетит к агитации рос из-за того, чем она питалась, до такой степени, что он стал убежденным распространителем жалоб и охотником за злоупотреблениями. Магнаты графства начали относиться к нему холодно и даже, в некоторых случаях, перешли в открытую оппозицию. Это только еще больше усилило врожденную драчливость его характера, и его нападки на местные злоупотребления и тех, кто их поддерживал, становились все более и более жестокими. Итак, во всем этом не может быть никаких сомнений в том, что мистер Гурли с начала и до конца руководствовался главным образом подлинной филантропией. У него, конечно, не было никакой эгоистичной или денежной цели, которой он мог бы служить; и действительно, трудно представить себе человека, менее подверженного влиянию корыстных мотивов. Его жизнь прошла в постоянной войне с истинным и несомненным злом; но, к сожалению, его вспыльчивость и недостаток такта помешали ему отдать должное самому себе и своим взглядам. Ему не хватало спокойного интеллекта и терпеливого характера, необходимых для успешного ведения суровой жизненной битвы, и он обладал несчастливой способностью обычно ставить себя во главу угла, даже когда не могло быть никаких сомнений в том, что изначально он был прав. Некоторые из его писем в газеты не были примечательны ничем, кроме своей нескромности, жестокости и безвкусицы, и землевладельцы Уилтшира стали смотреть на него как на дальновидного и опасного человека. Его собственный домовладелец, герцог Сомерсет, придерживался такого же мнения, и после нескольких обращений из вторых рук, которые оказались безрезультатными, его светлость решил, что от этого "чумного шотландца" необходимо избавиться. Против него под тем или иным предлогом был подан судебный иск в канцелярию с целью положить конец его аренде. Последовали годы раздражающих и разорительных судебных разбирательств, конечным результатом которых стало решение в пользу мистера Гурли. Но это была старая история *Оджарндисе* против *Джарндиса*. Затянувшийся судебный процесс истощил силы победившей стороны, и после опубликования декрета уилтширский радикал был разорен. Это было бы делом второстепенной важности для наследника богатого файфширского лэрда, но, к несчастью, его отец тоже подошел к концу своих ресурсов. Неразумные спекуляции и неумелое управление агентом в сочетании с необходимостью выставления большого количества недвижимости на рынок в неподходящее время были причинами, приведшими к банкротству старшего Гурлея, который был лишен своего огромного имущества и остался с голыми средствами к существованию. Таким образом, надеждам сына на наследование состояния пришел конец, и в тридцать семь лет он оказался почти совсем без средств, с семьей из пятерых детей и женой с ослабленным здоровьем, зависевшей от его поддержки. До него начал доноситься вой волка, пока еще далекий, но постепенно приближающийся. По его мнению, это ясно указывало на смену базы его операций.

За пять лет до этого он приобрел участок земли в городке Дерехэм в графстве Оксфорд, Верхняя Канада, где его жена также владела некоторой собственностью. Теперь он начал с тревогой поглядывать на заходящее солнце, надеясь восстановить свою разбитую судьбу. Тщательно взвесив этот вопрос, он решил пересечь Атлантику и нанести визит в Канаду, чтобы выяснить, будет ли благоразумно перевезти туда свою семью. Похоже, он очень тщательно обдумывал свое решение, поскольку отплыл из Ливерпуля только в апреле 1817 года и достиг Канады только в начале июня. Страна приводила его в восторг, особенно Верхняя провинция; но тому,

кто так остро следил за злоупотреблениями, в те дни не приходилось далеко ходить по нашей прекрасной стране в поисках тем для критики. Ознакомившись с некоторыми из наиболее вопиющих беззаконий правящей фракции и с различными причинами, которые имели тенденцию тормозить прогресс колонии, он начал освобождать свой разум с помощью письменных и устных высказываний, каких прежде не слышали в Провинции. Эффект от этих обращений к народным чувствам вскоре стал очевиден. Люди, которые долгое время молча страдали от несправедливости, не колеблясь заявляли о своем недовольстве. Нарушитель общественного спокойствия продолжал говорить и писать, и с каждым месяцем его присутствие ощущалось все больше и больше. Приняв решение заняться бизнесом в качестве земельного агента и запустить масштабную схему иммиграции в Канаду из Великобритании, он усердно принялся за работу по сбору конкретной информации и пресечению одного злоупотребления за другим. Он разъезжал по стране туда-сюда, выступал на общественных собраниях и писал письма во все газеты, которые публиковали его анимадверсии. Он был предельно серьезен и вкладывал в свои призывы всю энергию своей страстной натуры. Комментируя проступки государственных должностных лиц, он не придавал значения, хотя я тщетно ищу в его объемистых трудах какие-либо доказательства того, что он когда-либо был виновен в искажении или даже преувеличении. Он потчевал своих читателей и слушателей неопровержимыми фактами — фактами, которые по большей части легко поддавались доказательству и которые были в высшей степени рассчитаны на то, чтобы вызвать общественное негодование против гарпий, которые жали там, где не сеяли, и собирали там, где не разбрасывали солому.

Эти действия, как легко можно поверить, сделали его невыразимо неприятным для Исполнительной власти и для орды мирмидонян, которые занимали этот пост с их позволения. Но чаша его прегрешений еще не была полна. Его следующее действие переполнило ее до краев. Он обратился с серией из тридцати одного напечатанного вопроса к видным деятелям в разных частях провинции с просьбой предоставить топографическую и иную информацию. Тридцать первый вопрос был сформулирован таким образом, что при правдивом ответе на него можно было без сомнения выявить факты, которые легли бы в основу обвинительной критики основных злоупотреблений того времени. "Что, по вашему мнению, - спросил мистер Гурли, - тормозит благоустройство вашего городка в частности или провинции в целом?" Во всем Родном округе влияние Соглашения было достаточным для предотвращения получения каких-либо ответов на эти запросы. В других районах это влияние было лишь частичным, и многие ответы были получены из других округов. Практически неизменный ответ на тридцать первый вопрос объяснял медленное развитие страны заслугами короны и духовенства. Мистер Гурли не пытался скрыть своего намерения опубликовать результаты своих исследований и распространить их по всей Великобритании и Ирландии. Преуспев в возбуждении большого народного энтузиазма, он приступил к нанесению того, что, по его замыслу, должно было стать еще одним сокрушительным ударом. Благодаря его усилиям в Йорке был проведен съезд, на котором он выступил за обращение к имперскому парламенту с просьбой провести расследование общественных дел Верхней Канады. Он также предложил направить депутатов в Англию в поддержку петиции, и не исключено, что такому курсу в конечном итоге последовали бы, но петиционеры еще не были полностью организованы, и прежде, чем какой-либо из их планов смог быть воплощен в зрелости, их агитационная карьера чемпиона получила внезапный и, на тот момент, эффективный отпор.

Олигархи забили тревогу. Если бы этому человеку было позволено продолжать в том же духе, с чего он начал, то вскоре наступил бы конец существующему порядку вещей, в сохранении которого они были так сильно заинтересованы. Любой ценой и любыми средствами он должен быть подавлен. Против него должно быть общее и решительное наступление по всей линии фронта.

Считается, что главным организатором этого самого несправедливого крестового похода был преподобный доктор Джон Стрейкен, настоятель Йорка, член Исполнительного совета, верховный руководитель мирской и церковной политики Англиканской церкви в Верхней Канаде, защитник Резервов духовенства и так далее. Может показаться неблагодарной задачей писать о сильном принижении человека, на которого в свое время с почтением смотрела большая и влиятельная часть общества и память о котором до сих пор горячо чтят многие. Но правда есть правда, и простой факт заключается в том, что доктор Стрейкен сделал больше для подавления свободы и замедления прогресса в Верхней Канаде, чем любой другой человек, чье имя фигурирует в нашей истории. Его пагубное влияние давало о себе знать, прямо или косвенно, на всех государственных должностях. Везде, где свобода мысли и самовыражения, будь то в том, что касается духовных или светских вещей, осмеливалась поднять голову, там с дубинкой в руке стоял великий протестантский папа, готовый нанести удар. Возможно, можно признать, что он действовал в соответствии со своими искренними убеждениями. Так, несомненно, поступали Филипп Испанский и Томас де Торквемада. Не будет преувеличением сказать, что доктор Стрейкен был совершенно неспособен видеть более одной стороны в любом вопросе, затрагивающем интересы его самого и его церкви. Когда его дело было справедливым, кто так любил взывать к величию закона, как он? Когда он хотел извратить закон в своих собственных целях, который так умело предписывал пренебрегать им.^[7] Существует множество оснований полагать, что он был первоначальным инициатором судебного преследования Гурли. Во всяком случае, они проводились его спутниками и поощрялись при его полном согласии и одобрении. Их целью было выдворить мистера Гурли из страны, и с этой целью, по-видимому, стороны Соглашения были готовы пойти на все, чего могли потребовать обстоятельства дела. Против обреченной жертвы недоброжелательства исполнительной власти было возбуждено уголовное дело за клевету, который был арестован и брошен в тюрьму в Кингстоне, где просидел несколько дней. Судебный процесс состоялся 15 августа 1818 года, когда г-н генеральный прокурор Робинсон применил всю силу своего красноречия, чтобы добиться обвинительного приговора. Тщетно. Заключение сам выступил в свою защиту и так ясно показал несостоятельность обвинительного заключения, что обвинение полностью провалилось. Второй арест по аналогичному обвинению привел к еще одному оправдательному приговору в Броквилле. К этому времени стало очевидно, что ни один суд присяжных не может быть признан настолько раболепным, чтобы стать слепым орудием угнетения. Предполагаемая клевета состояла из двух абзацев петиции принцу-регенту, составленной мистером Гурлеем, одобренной, распечатанной и опубликованной шестнадцатью жителями округа Ниагара, шестеро из которых были мировыми судьями. Эти параграфы содержали яркую, но достоверную картину злоупотреблений, существующих в Земельном департаменте Короны, и, вероятно, было бы трудно найти где-либо в Верхней Канаде суд присяжных, некоторые члены которого не имели личного опыта подобных злоупотреблений. Потерпев неудачу в двух попытках обвинить его в клевете, враги мистера Гурлея прибегли к другому, более эффективному способу его уничтожения.

Согласно провинциальному закону, известному как Закон об иностранцах, принятому в 1804 году, определенным должностным лицам были предоставлены полномочия выдавать ордер на арест любого лица, не проживавшего в провинции в течение предыдущих шести месяцев, не приносившего присягу на верность и давшего основания подозревать, что он "собирается попытаться отвратить умы подданных Его Величества в этой Провинции от своей личности или правительства, или каким-либо образом с мятежным намерением нарушить их спокойствие". В случае, если арестованное таким образом лицо не сможет доказать свою невиновность, ему может быть предписано покинуть эту провинцию в установленный срок, а если он этого не сделает, то может быть заключен в тюрьму до тех пор, пока его не смогут официально судить в тюрьме общего режима. Если его признают виновным на суде, суд должен был вынести решение покинуть провинцию, а если он все же проявит непокорность, то его должны были признать виновным в уголовном преступлении и приговорить к смертной казни как преступника без участия духовенства. Этот статут, следует отметить, был принят не в Вестминстере во времена правления Плантагенетов или Тюдоров, а в Йорке, Верхняя Канада, на сорок четвертом году правления Георга Третьего. Не один видный авторитет объявил это неконституционной мерой. Однако на момент принятия закона этому было некоторое оправдание, поскольку провинция тогда была наводнена нелояльными иммигрантами из Ирландии и иммигрантами-республиканцами из-за границы, многие из которых пытались вызвать недовольство среди населения и, как известно, выступали за присоединение к Соединенным Штатам.^[8] Именно против таких лиц был применен Закон, и никогда не было вопроса о попытке применить его к кому-либо еще. Теперь, однако, его принудили к реквизиции, чтобы предотвратить разорение самого лояльного подданного, какого только можно было найти на просторах Британской империи; который прожил в Верхней Канаде почти восемнадцать месяцев; который был таким же чужаком, как и король на троне; и чье единственное реальное преступление заключалось в том, что он не мог спокойно стоять в стороне, пока жадные и бесчестные чиновники продолжали свои гнусные действия без протеста.

Среди различных высокопоставленных лиц, уполномоченных приводить закон в действие путем выдачи ордера в соответствии с Законом, были члены Законодательного и Исполнительного советов. Уильям Диксон и Уильям Клаус, как уже было замечено, были членами первого корпуса; и как таковые они имели власть над свободой любого, чью лояльность они считали нужным поставить под сомнение. Диксон был родственником мистера Гурли по браку и в течение нескольких месяцев после прибытия этого джентльмена в эту Провинцию всем сердцем поддерживал его планы реформирования. Ибо у мистера Диксона тогда была своя жалоба, возникшая из-за частичного запрета на иммиграцию из Соединенных Штатов, который был принят после войны 1812-15 годов. Он был владельцем огромного количества необрабатываемых земель в крае, в том числе городке Дамфрис уже мужчиныотмечается, что он желал продавать для прибывающих поселенцев. Закрытость от иммигрантов из Соединенных Штатов, как правило, замедляла процесс заселения и продажи его собственности. Его гнев против Администрации был горячим и ожесточенным, и он даже зашел так далеко, что публично заявил, что предпочел бы жить при американском, а не при британском правительстве. Но ему удалось убедить Ассамблею принять определенные резолюции, признающие право подданных Соединенных Штатов селиться в Верхней Канаде. Поскольку ограничения были ослаблены, его единственная причина враждебности к Администрации исчезла, и он перестал протестовать против этого. Его симпатии к проектам мистера Гурлея растаяли в воздухе. Эти проекты предусматривали проведение исследований и

реформ. Диксон, добившись своих целей, не желал дальнейших реформ; а что касается расследования, то у него были веские причины приостановить его, поскольку это, вероятно, привело бы к раскрытию определенных предосудительных операций со стороны его самого и Клауса, агента по делам индейцев. Поэтому он внезапно сменил позицию и, вместо того чтобы продолжать действовать вместе с мистером Гурли, стал злейшим врагом этого несчастного.

Насколько враждебность Диксона была вызвана сотрудничеством с лидерами партии "Соглашение" в Йорке, вероятно, никогда не будет известно. То, что существовало нечто большее, чем просто молчаливое понимание того, что от мистера Гурли следует избавиться, не подлежит сомнению. Но прежде чем можно было произвести какой-либо арест в соответствии с Законом 1804 года, необходимо было получить лжесвидетельские показания. Это было легко обеспечить. 18 декабря 1818 года между Диксоном и неким Исааком Суэйзи состоялась секретная консультация в частной резиденции Диксона. Суэйзи был жителем округа Ниагара и представителем Четвертого округа Линкольна в Законодательном собрании, но, тем не менее, был человеком безразличного характера и настолько неграмотным, что едва мог написать свое имя. Во время войны за независимость он был шпионом и "поставщиком лошадей" лоялистским войскам. Совсем недавно он был известен главным образом как один из самых фанатичных и беспринципных второстепенных спутников Соглашения; прихлебатель, который всегда был готов взяться за любую сомнительную работу, которую Исполнительная власть могла поручить ему. Он был красноречивым лицемером, который экстравагантно заявлял о своем рвении к религии, когда находился в обществе религиозных людей, но слепоподопечные смеялись над их легковерием за то, что они поверили ему. "Во время предвыборной кампании, - сказал он, - я молюсь вместе с методистами". В других случаях он завоевывал голоса избирателей, угрожая обрушить на избирателей месть исполнительной власти, которая, по его утверждению, особенно желала заполучить его услуги в Ассамблее. Коррупция всегда может найти подходящие инструменты для выполнения своих задач.

"Где бы ни плавал мусор по Тибру, вы видите жадную щуку; И где бы ни был найден такой господин, такой клиент все равно найдется".

Айзек Суэйзи был настоящим современным двойником клиента Маркуса, и когда он набирал голоса, *терроризируя* своих покровителей над головами выборщиков, он всего лишь повторял своего древнего прототипа: —

*"Я прислуживаю Аппию Клавдию, я прислуживал его отцу;
Пусть тот, кто дурно обращается с клиентом, остерегается гнева покровителя".*

Его наниматели знали своего человека и понимали, что он не станет разбираться в мелочах, чтобы сохранить их расположение. На следующий день после своей тайной беседы с Диксоном он доказал свою подчиненность властям, совершив умышленное лжесвидетельство. Он поклялся, что мистер Гурли был злонамеренным и мятежным человеком, пытавшимся поднять восстание против правительства Верхней Канады; что он, обвиняемый, искренне верил, что упомянутый Гурли не проживал в Провинции в течение шести месяцев и не приносил присягу на верность.^[9]

На основании этого заявления под присягой мистер Гурли был арестован в соответствии с Законом об иностранцах 1804 года и предстал перед Диксоном и Клаусом, которые были лично заинтересованы в том, чтобы заставить его замолчать. Допрос и слушание дела перед ними, которые состоялись 21 декабря, были откровенной насмешкой над правосудием. Диксон, Клаус и Суэйзи, как и почти все жители Верхней Канады, хорошо знали, что их жертва проживала в Провинции почти в три раза дольше срока, указанного в Законе. Диксон находился с ним в постоянных и фамильярных отношениях в течение шестнадцати месяцев. Клаус знал его почти столько же. Суэйзи беседовал с ним в Йорке более года назад и был знаком с его действиями из месяца в месяц — почти из недели в неделю - в течение всего этого промежутка. Обвинение в том, что он злонамеренный и мятежный человек, было слишком абсурдным, чтобы кто-либо, знавший мистера Гурли так близко, как Диксон, знал его более восьми лет, мог хоть на мгновение серьезно отнестись к нему.^[10] Что касается того, что он не приносил присягу на верность, от него этого никогда не требовали, и он мог и хотел принять ее с чистой совестью. Но на самом деле никто не подозревал в его лояльности, и обвинение против него было самым верным предлогом, который только могла придумать злоба. Однако, когда он предстал перед своими судьями, господа Диксон и Клаус заявили, что не удовлетворены его защитой, и утверждали, что его "слова, действия, поведение" были такими, что вызывали недовольство. Соответственно, они постановили, что он должен покинуть провинцию в течение десяти дней. Ему был вручен подписанный ими письменный приказ о его выезде. "Выполнение этого приказа", - пишет мистер Гурли,^[11] "оказалось бы губительным для бизнеса, для которого я с большими затратами и большим трудом получил квалификацию. Это было бы молчаливым признанием вины, о которой я не подозревал. Это было бы отказом от самых благородных британских прав; это выставило бы напоказ мою естественную преданность; это было бы заявлением о том, что Билль о правах был Биллем о Неправоте. Я решил скорее вынести любые трудности, чем добровольно подчиниться".

Он жестоко поплатился за свое непослушание. 4 января 1819 года — на третий день после истечения срока, разрешенного ему для выезда, — Диксон и Клаус издали приказ о взятии под стражу, в соответствии с которым он был арестован и помещен в тюрьму Ниагара, где должен оставаться до следующего заседания Суда Ойера и Терминера. Его драчливость к этому времени полностью пробудилась, и он решил отстаивать свою позицию дюйм за дюймом. После некоторой задержки он добился того, чтобы его доставили к главному судье Пауэллу в Йорке на основании приказа о *хабеас корпус*, с целью либо освобождения из-под стражи, либо освобождения под залог. Спор был заслушан 8 февраля, когда представились несколько состоятельных людей с хорошим социальным положением и предложили взять на себя ответственность в любой сумме за его появление, когда бы его ни вызвали на суд. Адвокат, выступавший от имени заключенного, представил три письменных показания под присягой, сделанные соответственно уважаемым Робертом Гамильтоном, Питером Гамильтоном и самим заключенным, который, чтобы сделать свою позицию вдвойне неопровержимой, тем временем принес присягу на верность. В первом письменном показании под присягой было заявлено, что мистер Гурли проживал в Квинстоне более девяти месяцев и что обвиняемый искренне верил, что он является прирожденным подданным Великобритании. Через секунду выяснилось, что обвиняемый знал мистера Гурли в Великобритании, где его уважали и принимали за британского подданного; "и что он таков", — так гласили показания под присягой, - "этот обвиняемый искренне верит, что это общеизвестно в этом округе". В показаниях самого заключенного под присягой указывалось, что он был британским подданным; что он принес

присягу на верность и что он был жителем Верхней Канады более года до даты первого выданного против него ордера. Едва ли мог быть более ясный случай. Но расширение круга заключенных в то время было бы для него триумфом и сделало бы его популярным кумиром, что никак не вязалось бы с политикой Нечестивой инквизиции в столице. Он был заключен под стражу, Главный судья поддержал решение по судебному приказу о том, что ордер на привлечение к уголовной ответственности, по-видимому, был обычным и что Закон, в соответствии с которым он был выдан, не предусматривал залога или главного приза.

Когда мистера Гурли впервые поместили в изолятор временного содержания на Ниагаре, он обладал крепким здоровьем, энергичным телосложением, казавшейся непобедимой волей и беззаветным энтузиазмом во имя истины и справедливости. Но его страдания в течение последующих шести месяцев носили характер, хорошо рассчитанный на то, чтобы подорвать здоровье самых крепких, закалить тело спортсмена, укротить самый дикий энтузиазм и подчинить самую сильную волю. Когда мы читаем о том, что пришлось пережить мягкому и эрудированному Джону Фишеру или красноречивому и честному сэру Джону Элиоту в Тауэре ради спасения совести, кровь в наших сердцах бурлит от праведного негодования. Но нас успокаивает мысль о том, что все это происходило столетия назад и в далекой-далекой стране. В случае с Робертом Гурлеем мы не можем возложить столь лестное помазание на наши души. Его медленное распятие было совершено на нашей собственной земле, и в то время, которое многие люди, живущие сейчас среди нас, хорошо помнят. Некоторое представление о том, через что он прошел, можно составить из его собственных слов, которые уже цитировались. Дополнительный свет на этот предмет можно получить, обратив внимание на его поведение во время судебного разбирательства, что у читателя вскоре будет возможность сделать.

В течение нескольких месяцев после заключения прекрасное состояние здоровья и буйный животный дух не давали ему окончательно сломаться. Вся его натура восстала против причиненного ему зла, и его драчливость проявилась настолько, насколько позволяли обстоятельства. Он получил мнения выдающихся английских юристов относительно правового аспекта его дела. Единодушное мнение адвокатов заключалось в том, что его тюремное заключение было совершенно неоправданным. Сэр Артур Пигготт ясно дал понять, что главный судья Пауэлл должен был освободить заключенного, когда тот предстал перед ним в соответствии с предписанием *хабеас корпус*, и что Диксон и Клаус были привлечены к ответственности за незаконное лишение свободы. На это мнение отреагировали, и против двух названных фамилий было возбуждено уголовное дело. Но состязание было слишком неравным. Каждый из ответчиков получил ордер на возмещение расходов, которое истец, находящийся в заключении и страдающий различными формами инвалидности, не смог предоставить. Соответственно, иски были прекращены, и Диксон и Клаус, таким образом, избежали всякой гражданской ответственности за свои самые предосудительные поступки.

Теперь можно возобновить нить повествования почти с того места, с которого она была прервана несколькими страницами назад. Это было, как уже было сказано, 20 августа — почти через год после Кингстонского процесса^[12] — когда заключенный, наконец, был посажен на скамью подсудимых для проведения видимости, без реального, судебного расследования его поведения. Сам он был твердо убежден, что присяжные, избранные по его делу, были битком набиты. У нас нет возможности узнать все обстоятельства, которые привели его к такому выводу, но сама по себе эта идея не является невероятной. В те дни и долгое время после этого ни один человек, привлеченный в Верхней Канаде к ответственности за что-либо,

напоминающее радикализм в политике, не мог надеяться на честную игру. В случае с Гурлеем были одна или две подозрительные особенности, которые, мягко говоря, требуют объяснения. Обычай, обычно принятый шерифом при отборе присяжных, состоял в том, чтобы набирать их по очереди из различных поселков округа. "В моем случае, - говорит г-н Гурли, - было сказано, что он изменил свой курс; и не только это, но вместо того, чтобы брать за основу квадратное пространство страны, он выбрал линию протяженностью почти в двадцать миль, вдоль которой, как было хорошо известно, было наибольшее количество людей, настроенных против меня предвзято".^[13] Г-н Гурли далее заявляет, что это было замечено людьми в суде. Что в стакане, содержащем сложенные стенограммы из списка присяжных, некоторые из сложенных листов были отчетливо отделены друг от друга, что позволяет предположить, что они были составлены, по-видимому, добросовестно, обычным способом. Эти бумаги, столь отличавшиеся от остальных, как сообщает своим читателям мистер Гурли, были "схвачены" как двенадцать, которые должны были решить его судьбу. Имена присяжных заседателей, которые, насколько мне известно, до сих пор не появлялись в печати, заслуживают сохранения. Это были Уильям Пью, Джон Грир, Уильям Сервос, Джеймс Б. Джонс, Ральф М. Лонг, Дэвид Бастедо, Джон К. Болл, Джон Милтон, Джеймс Ланди, Уильям Пауэрс, Питер М. Болл и Джон Холмс.

Внешность заключенного претерпела прискорбные изменения за время его заключения. Если бы его собственная жена увидела его в тот момент, вряд ли она узнала бы своего господина. Возможно ли, что эта хрупкая, пошатывающаяся, изможденная фигура и это побелевшее, с ввалившимися глазами, идиотского вида лицо были всем, что осталось от некогда грозного Роберта Гурлея? Это зрелище могло бы растрогать его злейшего врага до слез. Его одежда, слишком широкая для такого сморщенного жильца, висела на нем неряшливо, и один из зрителей заметил, что он постарел на целых десять лет за те шесть месяцев, которые прошли с момента его поездки в Йорк в феврале прошлого года. Его конечности казались слишком слабыми, чтобы поддерживать его на месте, и когда он оперся руками о перила перед собой, его пальцы нервно подергивались, в то время как все его тело заметно дрожало. Самая печальная перемена произошла в его некогда прекрасных глазах. Они были светло-серыми, и их обычное выражение было более резким и пронзительным, чем обычно бывает у глаз такого цвета. Они были ясными и пронизательными и свидетельствовали об активном, энергичном мозге, стоявшем за ними. В настоящее время они были блуждающими, слабыми и водянистыми, им совершенно не хватало блеска или экспрессии. Они рассказали свою печальную историю с жалобной краткостью. Мозг больше не был активным, а если и оставался активным, то без определенной цели. Искра разума в нем на время погасла. Его ораторского искусства и его сочинений больше не следовало опасаться. Человек, чье внушительное присутствие когда-то безошибочно свидетельствовало о физической и умственной мощи, был доведен до состояния физической и умственной развалины. Ни один человек в этом битком набитом зале суда не был сейчас более безобиден, чем он. Этот Договор действительно оставил на нем неизгладимый след — след, который ему предстояло унести с собой в могилу, ибо в течение оставшихся ему сорока четырех лет жизни он уже никогда не был прежним Робертом Гурли и периодически подвергался психическим расстройствам.

И все же, когда он стоял там, дрожа и обезумев, среди этого моря обращенных к нему лиц, он был не совсем лишен проблеска разума. Он, по крайней мере, пассивно осознавал, как человек в тревожном сне, что происходит вокруг него. Смутно, ошеломленно он осознал, что находится на процессе; но, как бы он ни напрягал память, он не мог вспомнить характер своего предполагаемого преступления. Дело в том, что, хотя ни один стимулятор не попадал ему в рот,

он находился в состоянии, которое можно охарактеризовать только как опьянение. Мы знаем из несомненных источников, что очень эмоциональные люди иногда опьяняются тарелкой супа и что инвалиды становятся пьяными, съев свой первый бифштекс после выздоровления. Мистер Гурли был наделен восторженной, буйной натурой, которую требовалось держать в повиновении с помощью обильных физических упражнений. До своего заключения он вел активную жизнь на свежем воздухе, благодаря чему демона нервозности внутри него держали в узде. Но продолжительное заключение в тесной камере, лишение свежего воздуха и подходящих физических упражнений помешали его буйству найти выход. Его разум замкнулся в себе. Ему не разрешалось совещаться со своими друзьями, за исключением таких ограничений, которые делали беседу невыносимой. Его держали в состоянии такого нервного напряжения, что у него не было аппетита, и он почти ничего не ел. Его сон был нарушен психическим дискомфортом, и иногда он пролежал всю ночь, ни на минуту не теряя сознания. Что удивительного, что его плоть отвалилась от костей и что его тело утратило свою эластичность! Каждый день по несколько часов он лежал, распростертый на кровати в своей камере, в состоянии жалкой слабости, неспособный говорить или двигаться и едва способный дышать. "Однажды утром, - пишет он, - задыхаясь, я попросил тюремщика дать мне подышать свежим воздухом, открыв окно. "Вы не джентльмен, - сказал он, - вы выбросили это письмо[14] из окна, и я сейчас приду, чтобы разобраться с этим". К счастью, вскоре после этого ко мне зашел друг, и благодаря его вмешательству окно было поднято. Жестокий тюремщик никогда раньше не был невежлив со мной ... но в животной природе, грубой и человеческой, есть дух угнетать, пока есть возможность, а объект беззащитен. Раненый олень и близкий пленник провинциального правительства подвергаются подобному обращению".[15]

Летняя жара, как уже упоминалось, была чрезмерной. В течение нескольких недель не было дождя, пока незадолго до открытия судебных заседаний не установилась три дня сырая, прохладная погода. За эти три дня силы заключенного чудесным образом окрепли, и он смог подготовить письменную защиту, а также письменный протест против законности судебного разбирательства над ним на случай вынесения враждебного вердикта. Но напряжение было непосильным для него в его ослабленном состоянии, и, словно в довершение к его страданиям, жара стала еще невыносимее, чем раньше. Он и не подозревал, насколько расшатаны его нервы, пока его дело не было передано в суд и он не оказался на скамье подсудимых. Каким бы горячим и удушливым ни был воздух зала суда, он сам по себе был бальзамом по сравнению с испорченной стихией, которой он долгое время был вынужден дышать. Стимул был слишком велик, и он больше не владел собой. Цитируя его собственные слова, он пришел в неистовство от свежего воздуха и впал в маразм в тот самый момент, когда ему особенно нужны были силы, терпение и собранность. Таково было его состояние, когда господин генеральный прокурор поднялся со своего места и приступил к разоблачению невыразимых чудовищных деяний заключенного. Было решено, что не следует предпринимать никаких попыток обвинить его в подстрекательстве к мятежу и что единственным обвинением, которое можно было бы выдвинуть против него, должен быть его отказ покинуть провинцию. Обвинительный акт, однако, был зачитан и прокомментирован, несомненно, с целью повлиять на умы аудитории. В нем с утомительным повторением обвинялось, что он, упомянутый Роберт Гурли, будучи мятежным и недоброжелательным человеком, замышляет и злонамеренно намеревается нарушить мир и безмятежность нашего господина Короля в провинции Верхняя Канада, чтобы беспокоить и возбуждать недовольство и мятеж среди подданных его Величества в этой Провинции — и так далее, и тому подобное, до конца утомительной и тавтологичной главы.

Патриотическое и бескорыстное поведение Диксона и Клауса, выполнявших императивную, но неприятную обязанность по отправке своего личного друга в тюрьму, чтобы он не подорвал лояльность народа, было прокомментировано с перифрастическим красноречием. Когда заключенному был задан официальный вопрос: "Что вы скажете, Роберт Гурли, виновен ты или невиновен?" он инстинктивно ответил: "Невиновен". Затем последовал следующий вопрос: "Вы готовы к своему испытанию?" Действительно, готовы к его испытанию! когда его беспомощное состояние было очевидным для всех, кто мог мельком увидеть его шатающуюся фигуру и пустое, ничего не выражающее лицо. Ничего не значащий звук, сорвавшийся с его губ, был принят за утвердительный, и фарс с беспристрастным расследованием продолжился.

В течение всего этого процесса заключенный стоял как пораженный и сбитый с толку; как человек, который вслепую нащупывает в темноте то, чего не может найти. Из различных намеков, разбросанных тут и там по его многочисленным произведениям, мы можем составить некоторое представление о том, чему он подвергся во время этого тяжелого испытания. Слабость и распростертое тело оживили его воображение, и он был так воодушевлен сменой воздуха из камеры в зал суда, что его ощущения были в основном ощущениями смутного и беспричинного восторга - восторга от перспективы свободы; восторга от перспективы еще раз насладиться роскошью солнечного света небес, не стесненного решетками тюремной камеры; от того, что он безудержно носится по земле и ощущает на своих впалых щеках восхитительно бодрящий воздух открытых полей. Его высокий дух был эффективно укрощен этой жесткой, мучительной пыткой тесного заключения в течение собачьих дней, когда у него не было другого спутника, кроме отчаяния. К этому времени личная свобода и свежий воздух казались ему единственным, чего можно было так сильно желать. Он испытывал чувство благодарности за то, что его испытание наконец состоялось, даже несмотря на то, что оно должно было привести к его изгнанию. Он радовался, что даже таким образом освободился из своего ужасного положения.^[16] Он страстно желал почувствовать, как вокруг него убывает и течет человеческая жизнь, и почувствовать, что он сам не простой трутень в улье. Во время судебного процесса, хотя он почти ничего не замечал из того, что происходило в зале суда, память и воображение были обострены, и он быстро пережил заново многие эпизоды своей прошлой жизни. Мертвые и ушедшие годы вставали перед ним подобно сценам быстро меняющейся панорамы, подобно тому, как прошлое, как говорят, возникает перед мысленным взором тех, кто лежит на одрах боли, как раз перед тем, как их взору открывается великая тайна могилы. Предметы и сцены, давно забытые или редко вспоминаемые, возникали сами собой. Там была маленькая файфширская школа с ее уютной игровой площадкой, где он был веселым смеющимся мальчиком и где доминик Ангус впервые дал ему попробовать ферулу и Фотеруп. В колледже Святой Марии висел залатанный портрет кардинала Битона, на который он и его друг Джон Дин обычно смотрели с восторженным восхищением в старые времена, оставшиеся так далеко позади. Более дюжины лет назад, во время его профессионального путешествия по Сомерсетширу, среди Мендипских холмов произошло то странное приключение, о котором он не мог вспомнить ни единой мысли с момента своего приезда в Канаду. Там же был пьяный наборщик из Бристоля, который научил его техническим знакам, которые следует использовать при внесении исправлений для прессы, и которого он не видел и о котором не вспоминал с тех пор, как был опубликован его памфлет, в котором он изобразил страдания Бет Беннэм и Мэри Бэкон. Кто скажет, какие еще сцены, печальные или веселые, представлялись среди его "стремительно надвигающихся фантазий"? Возможно, он вспомнил о больших надеждах своего детства, когда он жаждал улучшить положение бедных и был почти убежден, что он был послан

в мир специально для того, чтобы защищать их интересы от посягательств алчных землевладельцев. Возможно, перед ним также возникали видения его прекрасной фермы в Уилтшире, где скромные маргаритки выглядывали из травы, а с луга доносилось радостное пение жаворонка; где он когда-то был так счастлив в обществе своей любящей жены и малышей, которые в этот момент с тоской ожидали вестей от отсутствующего мужа и отца. Возможно, в этот критический момент он вспомнил также о своей маленькой умершей дочери, которая расцветала и увядала среди зеленых полей Вайли и над могилой которой приходской священник отказался читать церковную службу.^[17] Бедный младенец умер некрещеным, и при таких обстоятельствах рубрика запрещала проведение похоронных обрядов.

От всех этих размышлений его отвлек голос главного судьи Пауэлла, спрашивавшего, хочет ли он что-нибудь сказать, прежде чем ему будет вынесен приговор суда. Приговор суда! Большую часть двух часов он занимался сбором шерсти, и слова бились у него в голове, не вызывая сколько-нибудь справедливого понимания их значения. Теперь он снова осознал тот факт, что находится на скамье подсудимых, но не мог ни оценить возможности своего положения, ни, хоть убейте, вспомнить точный характер преступления, в котором его обвиняли. Однако он понимал, что присяжные вынесли вердикт о том, что он был виновен в отказе покинуть Провинцию в соответствии с вынесенным ему судебным приказом. Отчаянным усилием ему удалось собраться с мыслями настолько, чтобы вспомнить, что его обвинили в подстрекательстве к мятежу, хотя было ли это обвинение выдвинуто вчера, или позавчера, или полвека назад, он совершенно не знал. Повернувшись к скамье присяжных, он спросил ближайшего сидящего, был ли он признан виновным в подстрекательстве к мятежу. Внезапно его осенило, что он подготовил защиту вместе с письменным протестом против ожидаемого приговора. Но никаким умственным усилием, на которое он был способен, он не мог вспомнить, что он сделал с защитой, и не мог вызвать в памяти слово "протест", хотя в тот момент оно было написано у него в кармане. После минутной попытки вспомнить, что он хотел сказать, он обнаружил, что безнадежно запутался, и оставил эту попытку. Затем, к изумлению всех, кто его слышал, он разразился громким, пронзительным раскатом бессмысленного, маниакального смеха — смеха, в котором не было ни капли веселья и который был просто спонтанным усилием природы снять напряжение с расшатанных нервов. Судейская коллегия, коллегия адвокатов, присяжные и зрители ошеломленно уставились на него. Такой смех звучал не только неуместно, но и зловеще. Он наводил на мысль о предсмертном вопле заблудшей души. Это было красноречивее, чем могли бы быть какие-либо простые слова, и говорило самым чудесным образом. Не в одно сердце закралось своего рода предчувствие, что когда-нибудь за работу этого дня должна настать страшная расплата: что Вечное Правосудие рано или поздно наложит суровое наказание за жестокое извращение права, которое было совершено именно тогда. Было бы интересно узнать, каковы были в тот конкретный момент самые сокровенные ощущения Уильяма Диксона и Уильяма Клауса, которые оба сидели в нескольких футах от своей жертвы и оба неоднократно получали от него добрые услуги.

Как ни странно, память несчастного человека была просто отключена, и впоследствии он с большой ясностью вспоминал мысли и размышления, которые проносились в его голове во время этого более чем двухчасового бреда. Он даже вспомнил бессмысленный взрыв смеха, который, на взгляд сочувствующего человека, является не самой впечатляющей чертой этого незаконного судебного процесса. Его перенапряженные нервы временно успокоились от кашля, и нанесколько минут к нему вернулось некоторое самообладание и здравомыслие. С возвращением разума вернулось чувство несправедливости и угнетения. Он предпринял

краткую, но безрезультатную попытку обсудить этот вопрос с Главным судьей, который сообщил ему, что факты были рассмотрены присяжными и что ему может быть разрешено говорить только по вопросам права. Затем был вынесен приговор суда. Он гласил, что заключенный должен покинуть провинцию в течение двадцати четырех часов. Ему напомнили о риске, которому он подвергнется в случае, если осмелится ослушаться или вернуться в Верхнюю Канаду после своего отъезда оттуда. Согласно словам Закона 1804 года, он был бы приговорен к смертной казни как преступник, без участия духовенства. Наконец, Главный судья прочитал ему суровую лекцию о его прошлом курсе с момента прибытия в Канаду и, кроме того, дал несколько отличных советов. Он сообщил ему, что в этой стране закон превыше всего; что никому не может быть позволено безнаказанно ему противоречить; что те, кто вершит закон, не должны уважать людей; что правосудие беспристрастно и по отношению к бедняку, и по отношению к богатому. Он посоветовал ему обратить свои выдающиеся способности на практическое применение, благодаря чему он, без сомнения, добьется счастья и отличия. "Возможно, - говорит Джордж Элиот, - одна из самых ужасных ироний человеческой судьбы заключается в том, чтобы слышать глубокую правду, произносимую устами, которые не имеют на нее права". Бедный Гурли испытывал нечто подобное, когда слышал подобные истины, провозглашаемые такими устами. Его болезненно чувствительной натуре такая ирония казалась усугублением всего, что он пережил. Подумать только, что после такого опыта, который выпал на его долю, судья по Семейному договору должен серьезно сообщить ему, что в Верхней Канаде блюстители закона не должны уважать людей! что правосудие беспристрастно! Подумать только, что такой человек осмеливается советовать ему стать практичным с целью достижения богатства и счастья! Это было похоже на прелюбодейную женщину, которая, сбежав со своим любовником, написала мужу письмо, призывающее его быть добродетельным, если он хочет быть счастливым. Это несоответствие поразило заключенного с такой силой, что на мгновение он был на грани очередного взрыва сардонического смеха. Прежде чем покинуть скамью подсудимых, он предпринял последнюю попытку привлечь внимание к обращению, которому он подвергался, находясь в тюрьме. Чтобы усилить эффект своего повествования, он сообщил Суду, что его письма были изъяты шерифом:[18] что, хотя его врагам было позволено наполнять газеты лживыми обличительными речами против него и предвзято относиться к общественному сознанию в связи с предстоящим судебным процессом, его собственные письма в "*Ниагара Спектейтор*" были строго запрещены от дневного света, и это из-за официального вмешательства. Главный судья Пауэлл довел дело до абсурда, сообщив ему, что, если он захочет, он может привлечь к ответственности шерифа. Привлеките к ответственности шерифа! когда он только что был приговорен самим Верховным судьей покинуть провинцию в течение двадцати четырех часов, и когда его ждала последняя мера наказания по закону в случае его возвращения для судебного преследования!

Суд закончился, и — блаженная мысль! — в течение последующих двадцати четырех часов он был волен приходить и уходить, куда пожелает. Его взяли на попечение его друзья Гамильтоны, и он провел ночь в их доме в Квинстоне. На следующий день — в субботу, 21 августа — он подчинился предписанию закона и отряхнул со своих ног выжженную пыль Верхней части канадской почвы. Его психическое состояние было далеко от удовлетворительного, но он не потерпел бы вмешательства в свои действия даже со стороны своих лучших друзей. Самым сильным чувством в его груди было восхитительное ощущение того, что он на свободе, и никто не может закрыть за ним дверь камеры или каким-либо иным образом контролировать его действия. Он чувствовал себя так, словно его вернули к жизни. Несчастный человек прекрасно

понимал, что его мозг слаб, но он также знал, что он не был тем, кого обычно считают сумасшедшим. Подобно Бальдассарре, он нес в себе эту жалкую печать здравомыслия, ясное сознание разбитых способностей. Его слабость была очевидна как ему самому, так и другим. Он знал, что был всего лишь развалиной того, чем был когда-то, и знал также, что его умственное и физическое разрушение произошло из-за торжества тирании и несправедливости. И все же в этот момент он был счастлив. В его сердце сиял солнечный свет, а в глазах светилась радость. Переправившись через реку Ниагара, он понял, что находится вне материальной досягаемости тех, чьей пагубной тени, тем не менее, суждено омрачить остаток его жизни. "Я поблагодарил Бога, - пишет он несколько лет спустя, - когда я впервые ступил на американский берег, за то, что ступил на землю свободы. Поток животворящего духа пронес меня более двух миль в торжествующем отвращении. Это несло меня сверх моих сил, пока, шатаясь, я не оказался на обочине дороги, почти бездыханный, среди кустов, и, очнувшись ото сна, не пришел в состояние нечувствительности и ужаса, которое невозможно описать. Если во время моего суда и так долго после него я был черств к чувствам; если я был слеп к окружающим меня предметам и невзирая на последствия, сцены, через которые я прошел, теперь были слишком заметны: мои чувства были слишком обострены; мои переживания слишком обострены. Раньше все было заморожено и оцепенело; теперь же крайнее расслабление обрекло меня на муки рассеянного ума, слабого, сомневающегося и нерешительного. Фактически, моя нервная система претерпела сильнейшие изменения; и по сей день последствия остаются постоянными: по сей день, при всех усилиях и каждом приспособлении, мой естественный уровень здоровья и бодрости не может быть восстановлен".^[19]

Одним из самых горьких размышлений, посетивших его, было то, что он, человек безупречной лояльности, был изгнан — "выброшен, как испорченное желе",^[20] в соответствии с законом, который был принят для защиты от происков инопланетян и предателей. "Изгнание" было для него словом, изобилующим отталкивающими и позорными ассоциациями. Оно нравилось ему не больше, чем сладкая роза Капулетти.

"Изгнанный": это единственное слово — *изгнанный*.

В смерти этого слова нет конца, нет предела, мерки, скованности".

27 августа, ровно через неделю после описанного выше судебного процесса, высокопоставленный и могущественный английский дворянин, который в то время проживал в Канаде, пережил более ужасный опыт, чем когда-либо выпадавший на долю Роберта Гурлея. В то время он путешествовал по части графства Карлтон и, бродя по лесу в сопровождении нескольких спутников, почувствовал себя крайне плохо. Его настроение было подавленным, и им овладел, казалось, необъяснимый страх перед водой. Его камердинер заметил, что за день или два до этого он отказался от совершения своих обычных омовений и вымыл руки и лицо влажным полотенцем. Когда он приблизился на несколько ярдов к лесному ручью, его охватили сильные спазмы. Приняв отчаянное решение, он заставил себя сесть в предоставленное ему каноэ, но не успело суденышко проплыть и нескольких ярдов, как его охватил новый приступ, и он бешеным голосом приказал лодочнику высадить его на ближайшем берегу. Приказ был немедленно выполнен, и не успел он выскочить из лодки, как опрометью бросился в глубь леса. Его преследовали и настигли товарищи, которые нашли его с пеной у рта и бредящим в

безумии. Они охраняли его до тех пор, пока не прошел приступ, после чего перенесли в соседнюю лачугу. Пострадавшего, по его собственной просьбе, вскоре перевели в соседний сарай, где, по его словам, ему должно быть удобнее, чем в лачуге, поскольку она находится *дальше от воды*. В течение оставшейся части дня и последующей ночи он был подвержен повторяющимся приступам, во время которых он испытывал невыразимые муки. Для него самого и тех, кто его окружал, было очевидно, что он страдает самым ужасным из всех недугов, которым подвержено человечество, — гидрофобией. Несколько недель назад его укусила ручная лиса, и с тех пор смертельное бешенство терзало его организм. Он понял, что должен умереть, и инстинкты его расы — он был отдаленным потомком королевской семьи — научили его закончить жизнь так, чтобы стать джентльменом. Ближе к вечеру он согласился, чтобы его отвели обратно в лачугу, где для него была приготовлена постель. За исключением тех случаев, когда на него накатывали пароксизмы, он был совершенно спокоен и собран и давал свои последние печальные наставления другу, который стоял рядом с ним. Около восьми часов утра 28-го числа его охватила предсмертная агония, и его мучительным мучениям пришел конец.

Так скончался Чарльз Гордон Леннокс, четвертый герцог Ричмонд, граф Марч и барон Сетtringтон в звании пэра Англии; герцог Леннокс, граф Дарнли и барон Метуэн в звании пэра Шотландии; герцог д'Обиньи во Франции, генерал-губернатор Канады, лорд Халнакера, Гудвуда и Уэст-Хэмпнетта. Как уже упоминалось выше, в его гербе была зловещая черта, поскольку он происходил от короля Карла Второго и прекрасной и хрупкой француженки Луизы Рене де Керуайль, которая была широко известна среди англичан своего времени как мадам Карвелл. Эта леди, которая, вероятно, была наименее плохой из нелегализованных проституток серала Чарльза в Уайтхолле, была создана герцогиней Портсмутской за свои многочисленные добродетели. Ее потомки, как и потомки Нелл Гвинн и остальных членов этого хрупкого сестринства, считаются одними из величайших людей земли. Герцог, о печальной судьбе которого мы только что рассказали, был отцом леди Сары, супруги сэра Перегрин Мейтленда, вице-губернатора Верхней Канады.

Была ли какая-либо связь между этими двумя трагическими событиями: судом над Робертом Гурлеем и смертью герцога Ричмондского? Мистер Гурли очевидно, склонялся к тому, что так оно и было.^[21] Герцог и его зять переправились через Ниагару в жаркую июльскую погоду, в то время как из жертвы злодейства Семейного договора постепенно вытягивали пытками его здоровье и рассудок в тюрьме этого места. Он придерживался мнения, что двум уважаемым посетителям следовало воспользоваться своей прерогативой, отпустив его на свободу. Это, конечно, было совершенно необоснованным предположением. Его светлость вовсе не собирался вмешиваться в это дело, а что касается сэра Перегрин, то он был полностью в руках врагов мистера Гурли. Это убеждение, однако, стоит зафиксировать, поскольку показывает, до какой степени преследования мистера Гурли продолжали терзать его разум даже по прошествии лет, когда он был настолько здоров, насколько это вообще возможно.

Было сочтено целесообразным, чтобы дело мистера Гурли стало постоянным предупреждением для всех и каждого человека, который впоследствии осмелится пойти по его рискованным стопам. Соответственно, как уже было видно, ему пришлось испытать чашу унижения до дна. И, чтобы удержать публицистов от оказания помощи и подстрекательства к любым подобным пагубным новаторам в будущем, было решено, что следует привести в качестве

примечательного примера редактора "Ниагарского *Зрителя*", который осмелился встать на сторону угнетенных против угнетателя и опубликовал некоторые нападки мистера Гурли на злоупотребления того времени. Его звали Бартемус Фергюсон, и он несколько раз выражал свое сочувствие проектам реформ. Наказание, наложенное на него, было быстрым и суровым. Его схватили в постели, посреди ночи, в ста пятидесяти милях от дома, доставили в тюрьму на Ниагаре, а оттуда в Йорк, где его продержали несколько дней вне досягаемости друзей, которые могли внести за него залог. Его судили за подстрекательство к мятежу на Ниагарском суде присяжных за день или два до мистера Гурли. Для того, что государственные журналисты сегодняшнего дня можно отметить, что сравнительно приятных мест их линии упали, я расшифровываю приговор суда, который был следующим:—"поэтому считается, что в указанном судебном вот что сказал Bartemus Фергюсон сделать, оплатить штраф в наш говорит Господь, царь пятьдесят фунтов законных деньги Верхней Канады: что он, сказал Bartemus Фергюсон, подвергаться тюремному заключению в общей тюрьме округа Ниагара в течение восемнадцати календарных месяцев, чтобы быть вычислено из восьмой день ноября, в год шестидесятилетия царствования наш Царь сказал Господь: то, что в течение первого месяца, сказал полтора месяца он вообще стоят в общественных позорному столбу один час с десяти часов до полудня и два часа после обеда: и что по истечении указанного заключения он передайте безопасности за его хорошее поведение на срок семь лет: он сказал Bartemus Фергюсон в сумме пятисот фунтов, и два поручительства на сумму в двести пятьдесят фунтов каждый; и еще, что он, сказал Bartemus Фергюсон, по-прежнему сажали в тюрьму до тех пор, пока онный штраф выплачивается и безопасности."

Сочинение, за которое редактор, таким образом, получил столь строгий отчет, было письмом, написанным мистером Гурли и подписанным его именем, опубликованным в "*Зрителе*" во время отсутствия редактора дома и без его ведома. Это довольно резко отразилось на распорядке дня. В бряцающей фразеологии обвинительного заключения это было рассчитано на то, чтобы "умалить, возмутить и очернить Его светлость Чарльза герцога Ричмондского, Леннокса и Обиньи, генерал-капитана и губернатора провинций Нижняя и Верхняя Канада, Новая Шотландия и Нью-Брансуик и их зависимых территорий; а также возмутить и очернить сэра Перегрин Мейтленда, рыцаря-командора Самого Почетного военного ордена Бата, вице-губернатора Его Величества этой провинции Верхняя Канада". Некоторые государственные должностные лица, на которых конкретно не ссылается суд. именем, были названы дураками и подхалимами. Но в письме не было ни слова, которое не соответствовало бы действительности в буквальном смысле, и было само по себе мягкостью по сравнению с письмами и статьями, которые в наше время постоянно и безнаказанно публикуются в газетах всех оттенков политических взглядов. Похоже, что после смиренного и недвусмысленного заявления виновного некоторые из самых суровых наказаний, наложенных судом, были отменены, и вскоре ему было разрешено возобновить свой бизнес;^[22] но тем временем из него вытравили весь энтузиазм по поводу общественного блага, и он стал еще одним дополнением к списку вспомогательных инструментов, которые исполнительной власти всегда удавалось держать под своим контролем. Такова была слава свободной прессы в просвещенной Верхней Канаде шестьдесят шесть лет назад. Таковы были "старые добрые времена", о которых наши деды никогда не устают напоминать эхо. Как ярки оттенки ретроспективы! Но что касается нас, нынешнего поколения, давайте будем благодарны Подателю всего Хорошего за то, что такие отважные старые времена давно прошли и что они никогда не вернуться. Пусть они уходят; но,

конечно, это слишком - ожидать, что мы произнесем благословение над их мертвыми и усопшими сухими костями.

Еще до начала судебного разбирательства против г-на Гурли в соответствии с Законом об иностранцах его поведение послужило предлогом для властей предержащих нанести серьезный удар по свободе слова и действий. Проведение съездов, на которых назойливые личности типа Гурли могли высказывать свои жалобы и агитировать за расследование общественных злоупотреблений, было недопустимым в Верхней Канаде. На собрании законодательного собрания в Йорке в октябре 1818 года вице-губернатор в своей вступительной речи намекнул на закон, запрещающий проведение подобных собраний; и в ходе последующей сессии законопроект, направленный на достижение этой цели, был внесен в Ассамблею мистером Джоном Джонсом, депутатом от Гренвилла. Законопроект был поддержан двенадцатью из тринадцати присутствующих депутатов и быстро принят в качестве закона; но, как будет видно далее, ему не суждено было долго жить.

После короткой задержки в штате Нью-Йорк мистер Гурли отправился в Бостон, а оттуда сел на корабль, следующий в Ливерпуль. На следующей странице мы еще раз мельком взглянем на него, но за этим исключением настоящая работа больше не имеет отношения к его пестрому существованию. Время от времени на него будут ссылаться, но только вскользь и в целях иллюстрации. Те, кто может испытывать к нему достаточный интерес, чтобы проследить за его судьбами и несчастьями до самого горького конца, найдут некоторые сведения о них в авторитете, цитируемом ниже.[\[23\]](#)

СНОСКИ:

[\[1\]](#), однако, не является его *непосредственным* правопреемником. Мистер — впоследствии сэра Уильяма—Кэмпбелла стал верховным судьей в 1825 году, а преемственность мистера Робинсона произошла только четыре года спустя.

[\[2\]](#) "Клянусь душой, ты не должен приходить сюда и говорить, что хочешь знать, ты знаешь! Ты не имеешь права так поступать!" — *Крошка Доррит*.

[\[3\]](#) Для получения гораздо более полного отчета о жизни мистера Гурли, чем приведенный здесь, читатель может обратиться к наброску автора этой работы в *Канадской портретной галерее*, том. III., стр. 240-256.

[\[4\]](#) Более полувека спустя почтенный Доктор так написал своему старому школьному товарищу: "... Я получил ваше интересное письмо ... с немалым чувством доброты и уважения я всегда считал вас одним из самых способных моих сокурсников по Сент-Эндрюсу; и кто, если бы человеческая жизнь не была лотереей, которой она является, заслужил бы своими талантами и своим дружелюбным расположением высокое и почетное место в обществе".

[\[5\]](#) Следующие наблюдения, написанные о мистере Янге мистером Гурли много лет спустя, содержат, насколько это возможно, исключительно точный портрет самого изгнанного британца: "Он был энтузиастом и, конечно, честным: он был хорошо образован и джентльменом. Во всех его объемистых произведениях нельзя найти ни одного подлого чувства.

Его привычка вольно обращаться с именами людей и позволять себе вольности с их писаниями проистекала из неудержимого рвения к делу совершенствования.... Его склонность накапливать грубую и неперевавленную информацию, в достаточной степени проявившуюся в некоторых его поездках, проявилась в полной мере: тогда он терялся сам и сбивал с толку других в путанице деталей. Я сомневаюсь, что он когда-либо обладал способностью правильно абстрактно рассуждать. Его воображение было слишком занято для этого: его взгляд был слишком хищным, пожиравшим все в пределах своей досягаемости". —*Общее введение в статистический учет Верхней Канады*; стр. xcviі.

[6] *Канадская портретная галерея*, Том. III., стр. 241.

[7] *Пример. gr.*: —"Закон! закон! - нетерпеливо воскликнул преподобный доктор на своем самом резком наречии, когда в его присутствии обсуждался вопрос об исключении Барнабаса Бидвелла из Ассамблеи. — Не обращайтесь на закон; не обращайтесь на него внимания, не обращайтесь на него внимания.

[8] "Местное положение Верхней Канады подвергает ее вторжению иностранцев всех наций, которые, не имея никаких уз верности или привязанности к Великобритании, могут быть оттуда заподозрены в злых умыслах; и по этой причине могут быть применены ужасы, чтобы держать их на расстоянии; но для британских подданных быть заподозренными и подвергнутыми наказанию по простому подозрению, противоречит одновременно природе и духу нашей страны ". конституция. Это становится еще более абсурдным, если учесть, что закон был специально разработан для их защиты ".—*Общее введение в статистический учет Верхней Канады*, стр. lxxviii.

[9] Через семь или восемь лет после этого Суэйзи чудом избежал судебного преследования за убийство капитана Уильяма Моргана, который, как предполагается, был убит за угрозу раскрытия масонского ритуала. Суэйзи открыто хвастался, что был причастен к похищению Моргана и к осуществлению масонской мести ему. Он заявил, что может указать точное место, где было зарыто тело, — это место, по его словам, находилось недалеко от нижней части его сада. При расследовании эти тщеславные заявления оказались совершенно беспочвенными на самом деле.

[10] Диксон впервые познакомился с Гурли в 1810 году, когда посетил его ферму в Уилтшире и провел с ним неделю. См. *Статистический отчет Горли о Верхней Канаде*, том 2, стр. 494.

[11] *Общее введение в статистический учет Верхней Канады*, стр. ix.

[12] В те времена в Верхней Канаде в тюрьму доставляли только одного человека в год.

[13] *Статистический отчет*, Том II., стр. 342. В примечании к стр. xv *Общего введения* мистер Гурли говорит далее: "Присяжные по этому делу, как известно, были переполнены. Чтобы максимально обезопаситься от последствий этого, я, в ожидании судебного разбирательства за клевету, раздобыл списки враждебно настроенных присяжных и нашел людей, готовых явиться в суд и поклясться, что многие из них открыто высказывались против меня в пылу партийного спора. Эти списки были вручены мне через дверь до и во время судебных слушаний; но всякая осторожность и осмотрительность покинули меня в трудную минуту".

[14] Относится к письму, написанному с целью привлечь сочувствие к делу редактора *Niagara Spectator*, который был заключен в тюрьму и подвергся позорным издевательствам за публикацию нескольких критических замечаний мистера Гурли. Некоторый отчет о преследовании, которому подвергся этот джентльмен, вы найдете на следующей странице.

[15] *Статистический отчет*, Том 2, стр. 393, 394.

[16] *Общее введение*, стр. xv.

[17] *Общее введение*, стр. cсviii., cсix. и примечание.

[18] Шерифом был Томас Мерритт, отец джентльмена, который впоследствии стал достопочтенным. Уильям Гамильтон Мерритт, чьей предприимчивости мы больше, чем кому-либо другому, обязаны каналом Уэлланд. Уместно добавить, что большинство второстепенных обязанностей в управлении шерифа выполнялись подчиненным, и что Томас Мерритт, возможно, лично не был виноват в отношении мистера Гурли. Предполагая, что он был виноват, его сын, достопочтенный У. Х. Мерритт, впоследствии сделал все возможное, чтобы искупить вину, поддержав дело мистера Гурли в Канадской ассамблее, как будет видно из парламентских дебатов 1856, 1857 и 1858 годов.

[19] *Статистический отчет*, Том II., стр. 400, 401.

[20] *Ib.*, стр. 401.

[21] Мистер Гурли ошибся относительно даты смерти герцога. Он представляет его "корчившимся в агонии в тот же час" и умирающим в тот же день, когда он, мистер Гурли, пересек границу Соединенных Штатов.—*Статистический отчет*, т. 2, с. 401. Он сбился с пути ровно на неделю. Ссылаясь на предписание суда, я нахожу, что суд над мистером Гурлеем состоялся в день, указанный в тексте, — пятницу, 20 августа. Он покинул провинцию на следующий день — в субботу, 21-го. Смерть герцога наступила в субботу, 28-го.

Возможно, мне следует сослаться здесь на историю, которая, по-видимому, приобрела некоторую известность, о том, что смерть герцога Ричмондского наступила не от гидрофобии, а от белой горячки. В этой истории нет и тени правды. Доказательства того, что герцога укусила в Сореле ручная лисица; что он показал зажившую рану на большом пальце несколько недель спустя; что он боялся воды за день до смерти и что все обстоятельства, сопутствовавшие этому трагическому событию, настолько очевидны, насколько это вообще возможно. Более того, его привычки ни в коем случае не были таковы, чтобы привести к *мании в поту*. Он был *бонвиваном*, но, насколько я смог установить, он не пил чрезмерно и всегда был хозяином тех мозгов, которыми обладал. Его конец был таким, что его семья могла искренне оплакивать его, и в его жизни, как и в его смерти, не было ничего такого, чего они могли бы стыдиться.

[22] "Генерал-майор" Д. Маклеод в своей "Истории канадского восстания", стр. 75, неверно утверждает, что Фергюсон "умер в тюрьме от чрезвычайно жестокого обращения".

[23] *Канадская портретная галерея*, том. III., стр. 240-256.

ГЛАВА II.

СПИСОК ПОДРОБНОСТЕЙ.

Наверх

Курс ожесточенных преследований, которому подвергся мистер Гурли, на самом деле был первым отдаленным зародышем восстания в Верхней Канаде. Делая это заявление, я не хотел бы быть истолкованным как утверждение, что Гурли был первым человеком, выступившим против власти в Провинции, или даже что он был первой жертвой тирании исполнительной власти. Вскоре после ухода вице-губернатора Симко в 1796 году возникло большее или меньшее недовольство эгоистичной и односторонней политикой администрации. Между этой датой и прибытием мистера Гурли в провинцию несколько известных местных деятелей понесли суровые наказания за то, что осмелились иметь собственное мнение. Мистер Уайатт, генеральный инспектор, был уволен с должности, потому что он позволил себе указать на определенные официальные нарушения и потому что он не предал оказанное ему доверие. Джозефа Уиллокса подтолкнули к государственной измене длительные преследования. Судья Торп был изгнан из страны столь же эффективно, как и мистер Гурли, только по той причине, что он упорно выставлял на всеобщее обозрение коррупцию чиновников. Но ни одно из этих проявлений "гнева угнетателя, непримиримости гордеца" не произвело такого глубокого впечатления на общественное сознание, как случай с мистером Гурли. Нанесенные ему увечья были настолько жестокими, извращение правосудия - настолько мерзким, что общественное сознание испытало шок, от которого оно не оправилось в течение жизни нынешнего поколения. Впервые в истории Верхней Канады в зале Ассамблеи стали появляться признаки организованной оппозиции. С тех пор антагонизм между двумя партиями год от года усиливался. С течением времени оппозиция часто становилась контролирующей силой в Палате представителей. На более позднем этапе своего развития она разделилась на две части. Одна из них представляла собой умеренную реформистскую партию провинции. Другая состояла из передовых радикальных элементов, откуда и возникло Восстание, составляющее особую тему настоящей работы. Все это впоследствии будет рассказано с большей амплитудой деталей.

Было намекнуто, что следы недовольства начали проявляться вскоре после прихода к власти губернатора Симко. После сложения им полномочий руководство делами перешло к

достопочтенному Питеру Расселу как старшему члену Исполнительного совета; и этот джентльмен недолго пробыл у власти, прежде чем начали раздаваться слухи о частичном и несовершенном управлении важным департаментом Земель Короны. В стране было сравнительно немного людей, обладающих достаточным образованием и опытом ведения бизнеса, чтобы допустить, чтобы им доверили ведение государственных дел; а там, где все должности неизбежно находились в руках небольшого числа лиц, было предreshено, что вкрадутся нарушения и что в большей или меньшей степени будут преобладать зажиточность и фаворитизм. Когда в 1799 году прибыл вице-губернатор Хантер, он обнаружил, что определенные предосудительные действия стали обычным явлением и что был заложен фундамент серьезного общественного зла. Жадность и фаворитизм прочно закрепились, и едва ли какая-либо отрасль государственной службы управлялась эффективно. Грех алчности распространялся не только на нижестоящих чиновников, но и включал в число своих приверженцев некоторых высших сановников провинции. Казалось бы, у самого президента Рассела чесались руки и что его личные интересы тщательно соблюдались во время его временногоуправления делами. Все слышали, как он предоставлял общественные земли от себя самому себе,[24] нарушив тем самым один из самых заветных принципов английской юриспруденции. Вице-губернатор Хантер в письме, написанном другу в Англию вскоре после своего прибытия в Йорк, называет П. Р., которым четко обозначен мистер Рассел, "скупым человеком". В последующей части того же послания он добавляет: "Насколько это зависело от него [мистера Рассела], он предоставил бы землю дейлу и всей его семье как хорошим лоялистам, если бы они только платили пошлины". Во время пребывания в должности губернатора Хантера, хотя нет никаких свидетельств коррупции или двурушничества с его стороны, злоупотребления продолжали существовать, и нечестность слишком часто затмевала честность. Во время *правления* его преемника, commodора Гранта, эти злоупотребления неуклонно росли, как по количеству, так и в массовом порядке; а во время долгого, хотя и прерывистого правления Фрэнсиса Гора они достигли такого размаха, что громко требовали возмещения ущерба.

И здесь желательно исследовать специфическую природу многообразных зол, которые обогатили немногих за счет многих; которые наделили продажную и коррумпированную клику практической монополией на политическую и социальную власть; которые посеяли смертоносное семя фракционной розни и остановили волну процветания Верхней части Канады.

Теоретически говоря, конституция, дарованная Верхней Канаде Законом 1791 года, не была несправедливо представлена вице-губернатором Симко как "само изображение и расшифровка конституции Великобритании".[25] У нас был Законодательный совет, члены которого назначались короной пожизненно. Этот орган имел некоторое сходство с Британской палатой лордов. Далее, у нас было Законодательное собрание, члены которого периодически избирались народом — или, скорее, той частью народа, которая обладала достаточным имущественным цензом, дающим им право пользоваться избирательным правом; и этот имущественный ценз был установлен на столь низком уровне, что почти представлял собой всеобщее избирательное право.[26] Ассамблея соответствовала Британской палате общин; и эти два органа — Совет и Ассамблея - с вице-губернатором составляли Парламент провинции. Последний названный чиновник, конечно, соответствовал Суверену Великобритании. Он был назначен короной, перед которой он нес единоличную ответственность. Он ни в каком конституционном смысле не был ответственен ни перед одной из ветвей законодательной

власти, ни перед обеими ветвями власти вместе взятыми, ни перед каким-либо другим органом власти СНГ-Атлантики вообще.

Таким образом, можно сказать, что с такими заместителями короля, лордов и Палаты общин Верхняя Канада обладает довольно точной копией британской конституции. Но когда это было реализовано на практике, сходство потерпело неудачу в вопросе высочайшей важности. Отсутствие министерской ответственности было всеобъемлющим расхождением. Когда британскому министерству не удастся завоевать доверие электората, представленного Палатой общин, должна последовать отставка. Другими словами, современное правительство получает свою власть от народа, перед которым оно несет ответственность за то, каким образом оно оправдывает оказанное ему доверие; и в тот момент, когда оно не может завоевать общественного доверия, оно должно уступить место тем, кто обладает таким доверием. Критерием доверия является голосование в Палате общин. Это был признанный принцип парламентского правления Англии на протяжении почти двухсот лет; фактически, с момента принятия конституции после революции 1688 года. У нас в Верхней Канаде не было такой министерской ответственности. У нас было министерство, но не ответственное. Было совершенно невозможно, чтобы с каждым членом Законодательного совета и Ассамблеи консультировались по каждой мельчайшей детали управления. Такая система была бы громоздкой и совершенно невыполнимой. Таким образом, фактическая задача управления государством была, как и в Англии, возложена на небольшую группу людей, которые по характеру своих функций были известны как Исполнительный совет. Члены этого органа назначались короной, то есть вице-губернатором, по своему усмотрению. Не было необходимости, чтобы они занимали места в какой-либо из ветвей законодательной власти, ни перед одной из которых они ни в каком смысле не были ответственны. От них не требовалось обладать какой-либо собственностью или другими качествами. Одним словом, представитель короны был волен выбирать их без каких-либо ограничений, и никто в провинции не имел бы никакого конституционного права привлекать его к ответственности, если бы он счел нужным назначить своего камердинера членом Исполнительного совета. На самом деле они обычно избирались из числа судебных и других оплачиваемых должностных лиц, а также из числа членов Законодательного совета. Их число было неопределенным, но редко составляло меньше четырех или больше шести человек, не считая самого вице-губернатора. Их функции состояли в том, чтобы давать советы вице-губернатору по всем вопросам государственной политики, когда бы он ни счел целесообразным проконсультироваться с ними. Предполагалось, что в отношении простых мелочей, таких как назначения на должность, у него не было необходимости советоваться с ними, и, согласно давно и демонстративно провозглашенному мнению, в те первые дни он не был ни в малейшей степени обязан следовать их совету после того, как он был дан. Это, однако, было всего лишь предписывающей точкой зрения, и она не была санкционирована самим Конституционным актом, в котором, между прочим, говорится, что Исполнительный совет назначается "в пределах такой провинции для ведения ее дел". С другой стороны, сами Исполнительные советники не несли юридической или конституционной ответственности перед Высшим канадским населением, ни индивидуально, ни коллективно, за любое направление политики, которое они могли бы проводить, или за любые советы, которые они могли бы дать. Не было никаких средств, с помощью которых народ мог бы призвать их к ответу, даже если бы они коррумпированно и открыто злоупотребляли оказанным им доверием.

Нетрудно предвидеть результат столь аномального положения вещей, хотя в этой провинции из-за малонаселенности и других местных причин результат стал очевиден не сразу. Симко был

сильным духом, а также добросовестным человеком. У него была собственная политика в отношении правительства страны, как в целом, так и в деталях, и во время своего режима он проводил эту политику так, как ему казалось наилучшим. Время от времени он проводил консультации со своим Исполнительным советом, но, будучи далек от того, чтобы получать от них какой-либо импульс, он неизменно представлял все перед собой на Совете Совета и был началом и завершением всей Администрации. Короче говоря, он был великодушным деспотом с высокими и бескорыстными взглядами, который сделал много хорошего для Верхней Канады и, несомненно, добился бы большего, если бы не его слишком раннее смещение. Однако в тот момент, когда его всепроникающее влияние исчезло, озорство, как уже было замечено, начало действовать. Президент Рассел предоставил Питеру Расселу государственные земли и быстро накопил состояние. Там, где глава государственной службы был таким образом склонен помогать себе сам, мы можем быть уверены, что подчиненные чиновники не замедлили последовать его примеру. Последующие вице-губернаторы были по большей части военными, плохо разбиравшимися в нуждах страны и стремившимися сделать свое добровольное изгнание настолько легким и приятным — и к тому же прибыльным, — насколько это было возможно.^[27] Они, естественно, обратились за советом и помощью к своим Исполнительным советникам, которые, таким образом, стали распределителями патронажа и верховной власти в государстве. Представитель Короны был всего лишь инструментом в их руках. Их господство было полным. "Составленная таким образом группа должностных лиц", - говорит лорд Дарем,^[28] "без привязки к народу или его представителям фактически, в силу самой природы колониального правительства, должна взять на себя все руководство делами провинции. Губернатор, прибывающий в колонию, в которой он почти всегда ранее не был знаком с положением партий или характером отдельных лиц, вынужден почти полностью полагаться на тех, кого он считает своими официальными советниками. Его первые действия обязательно должны быть совершены, а его первые встречи назначены по их предложению. И поскольку эти первые действия и назначения придают характер его политике, он, как правило, вступает в непосредственное столкновение с другими партиями в стране и попадает в более полную зависимость от официальной партии и ее друзей".

У большинства авторов, пишущих о нашей ранней истории, вошло в моду представлять Исполнительный совет как произвольное творение первых вице-губернаторов: как механизм, санкционированный имперскими властями, но не санкционированный конституцией провинции. Такие авторы не могли читать дебаты, которые происходили в Палате общин во время обсуждения там Конституционного акта 1791 года. Более того, они не могли читать сам Закон с большим вниманием. Нет ничего более определенного, чем то, что разработчики этого закона предполагали создание Исполнительного совета. Ссылаясь на седьмой, тридцать четвертый и тридцать восьмой пункты, можно увидеть, что Исполнительный совет определенно упомянут поименно и что назначение такого органа предполагается и рассматривается как нечто само собой разумеющееся. Но то, что Совет должен занимать такое же относительное положение, как в Великобритании, и что он должен учитывать общественное мнение, выраженное голосованием в Палате Собрания, по-видимому, не было четко понято. Действительно, за исключением нескольких выдающихся умов, таких как Питт, Фокс и Берк, британские законодатели, по-видимому, проявили мало интереса к этому важному колониальному эксперименту. Парламентское правление, хотя и давно установилось в Англии, тогда еще не было сведено к науке. Даже такие дальновидные государственные деятели, как Питт и Фокс, были слепы к фактам, которые в наши дни привлекают внимание каждого

изучающего конституционную историю. Что же тогда удивительного, что в мерке 1791 года были дефекты? Стоит ли удивляться, что даже выдающиеся государственные деятели пытались разогнать круг в политике, вводя такое несоответствие, как представительные институты без исполнительной ответственности? Популярной ветви законодательной власти была дана власть принимать меры для общественного блага. Но каким бы подавляющим ни было большинство, которым были приняты такие меры, другие ветви законодательной власти не были обязаны принимать их или действовать в соответствии с ними. По словам одного из наших собственных авторов: "Законодательные советы, назначаемые короной, держали Законодательные собрания за горло, держали их ниц и парализовали их".^[29] Что касается членов Исполнительного совета, они были во всех отношениях независимы от общественного мнения и могли отменить единогласное голосование Ассамблеи, не неся при этом никакой ответственности. Ссылаясь на переписку между сменявшими друг друга губернаторами колоний и Министерством внутренних дел, магнаты по обе стороны Атлантики, по-видимому, молчаливо признавали, что исполнительной власти колоний не было необходимости подчиняться парламентскому большинству. Право назначения на должность считалось исключительной прерогативой представителя Суверена, и отсутствие права голоса у народа в таких вопросах рассматривалось как признак колониальной зависимости.

По-видимому, предполагалось, что в этом важном вопросе были задействованы определенные имперские интересы и что уступить требованию народа означало бы освободить колонии от имперского контроля. В чем заключались эти особые интересы, которые требовали защиты с помощью столь ревнивой и аномальной доктрины, по-видимому, нигде не указано с точностью. Но нет ничего более определенного, чем то, что неразбериха и хаос должны быть неизбежным результатом любой попытки применить на практике такие противоположные принципы, которые связаны с Представительным правительством и безответственностью исполнительной власти. Такая попытка в Англии очень скоро привела бы к революции. Такая попытка во Франции действительно привела к революции в 1830 году, когда Карл Десятый был свергнут за его настойчивые попытки сохранить у власти непопулярное министерство. Ни одна страна в мире не стала бы долго терпеть парламентскую систему, которая была бы свободной и представительной в теории, но тиранической и деспотической на практике. Верхняя Канада действительно была многострадальной страной, но пришло время, когда стало очевидно, что ее выносливости есть предел.

По мере того как шли годы, а страна неуклонно росла в богатстве и численности населения, злоупотребления росли быстрыми темпами.^[30] Исполнительная власть стала алчной и тиранической. Распоряжаясь всем административным и официальным влиянием Провинции, они распоряжались всем по своему усмотрению. Они могли рассчитывать на поддержку каждого члена Законодательного совета. Действительно, с помощью своего гибкого инструмента, на данный момент вице-губернатора, они контролировали членство в последнем органе и заботились о том, чтобы никто не был назначен членом законодательного совета, если только он не был одним из них или полностью не находился под их влиянием. Ассамблея вскоре обнаружила, что ее намеренно и систематически лишали привилегий, которые по праву принадлежали ей, и что это было немногим лучше, чем аннулирование. Он мог собираться и принимать такие меры, какие считал нужным, но если принятые таким образом меры были неприемлемы для Законодательного и Исполнительного советов, на них было наложено грубое вето, когда они достигали Верхней палаты. Это привело к прямому и постоянному конфликту двух совещательных ветвей законодательной власти. Ассамблея, однако, в первые годы всегда

в основном состояла из таких людей, как Айзек Суэйзи — подчиненных администрации, которые противопоставляли свое влияние влиянию народных трибунов и не позволяли любому столкновению между двумя палатами принять очень серьезный конституционный аспект. Только в третьем десятилетии века конфликт принял такой характер, что стал угрожать основам самой конституции; и только в четвертом десятилетии были предприняты какие-либо реальные попытки подорвать эти основы.

Провинция существовала около пятнадцати лет, прежде чем жители Верхней Канады в целом начали осознавать, какое невыносимое бремя им приходится нести при этой безответственной Исполнительной власти. До этого времени некоторые из наиболее образованных и интеллигентных людей среди них признавали его существование как зло, с которым им или их потомкам когда-нибудь в будущем придется иметь дело. Но таких людей было сравнительно немного, и поскольку бремя не лежало особой тяжестью на их собственных спинах, они не чувствовали себя обязанными ввязываться в то, что могло оказаться губительной ссорой с людьми, которые не подчинились бы покорно вмешательству. Что касается жителей в целом, то они были слишком заняты расчисткой своих земель, вырубкой домов для себя и своих семей в бескрайней дикой местности и приведением почвы в состояние, пригодное для возделывания, чтобы уделять много внимания общественным делам. Не было газетной прессы, которая стимулировала бы их к расследованию. Единственным издаваемым в провинции листком, который при любых языковых ограничениях можно было назвать обычной газетой, была *The Upper Canada Gazette*, которая была официальным рупором администрации. "*Канадское созвездие*", представлявшее собой причудливый длинный фолиант, изданный в старой столице Ниагаре, просуществовал недолго и истек в самые первые годы века. *Upper Canada Guardian*, о которой пойдет речь ниже, появилась на свет только в 1807 году. Редакционные статьи, за исключением самых кратких и грубых, были еще более поздним развитием событий. Буколический разум не располагал никакими интеллектуальными стимуляторами, за исключением тех, которые можно было получить в результате контакта с другими буколическими умами посредством беседы. Поэтому неудивительно, что в течение первых пятнадцати лет после создания Верхней Канады правительству провинции должно было быть позволено делать все, что оно пожелает, не подвергаясь какой-либо серьезной критике со стороны сообщества.

Законодательный совет, как уже было сказано, состоял из членов, назначенных представителем Суверена. Шестым разделом Конституционного закона было предусмотрено создание потомственного дворянства с наследственным правом быть вызванным в Законодательный совет. К счастью, эта власть не была использована; в противном случае, как заметил Гурли, "возможно, мы увидели бы герцога Онтарио, ведущего телегу с сеном, милорда Эри, подающего, и сэра Питера Супериора, собирающего стог сена; или, возможно, его светлость сейчас изображал бы из себя мелочного юриста, его светлость - корабельника, а сэр Найт - бедного священника, умирающего с голоду на пяти тысячах акров Запасов Духовенства".^[31] Мы были избавлены от зрелища подобных абсурдов, и пожизненные члены Законодательного совета были ближайшим приближением к дарованному нам дворянству. Некоторые из первых назначенцев были людьми умными и честными, но мало кого из тех, кто был создан впоследствии, можно было с какой-либо долей правдивости охарактеризовать таким образом. По большей части они были иждивенцами правительства, не способными ни к образованию, ни к чему-либо другому для выполнения серьезных законодательных функций и не имевшими иного мотива, кроме выполнения приказов тех, кто наделил их достоинством

должности. Учитывая все обстоятельства, такого положения вещей следовало ожидать; но неизбежный результат последовал. Немногочисленные честные члены либо вымерли со временем, и их сменили льстивые чиновники, либо, обнаружив, что их меньше, перестали посещать заседания той ветви общественной организации, к которой они принадлежали. Так или иначе, те, кто действительно хотел сохранить общественные интересы, были отсеяны, и не осталось ничего, кроме огрызка, преданного воле исполнительной власти. Вместо того чтобы соответствовать цели, для которой он изначально предназначался, Законодательный совет превратился в простой инструмент в руках олигархии для сдерживания волны общественного мнения. Вместо того, чтобы своевременно и эффективно пресекать расточительность и необдуманное законодательство в Нижней палате, это способствовало обнищанию провинциальных доходов, помогая удерживать контроль над государственными делами в руках эгоистичных и беспринципных людей. Вместо сохранения "счастливого равновесия нашей славной Конституции" — фраза, постоянно звучащая из уст вице-губернаторов и воплощенная в их обращениях к нашему канадскому подобию Палаты лордов, — все это имело тенденцию удерживать равновесие на одной стороне, и эта сторона была наиболее пагубной для общественного блага. Это стало просто промежуточным звеном, установленным правительством между собой и Ассамблеей. Ассамблея принимала меру за мерой с тщательным обдумыванием только для того, чтобы обнаружить, что их время было упущено впустую, поскольку по достижении Верхней палаты эти меры были с позором отвергнуты. Человек, который сам был членом Ассамблеи и на личном опыте убедился в пороках, о которых он писал, оставил следующее описание того, как законопроекты из Нижней палаты рассматривались в Верхней: "Заседая каждый день короткое время, законопроекты Ассамблеи отправляются под стол с беспрецедентной быстротой. Депутации, предлагающие популярные меры, не успевают отвернуться, как начинается процесс удушения. Законопроекты, которые в течение нескольких дней обсуждались в другой палате и в которые были внесены поправки и доведены до совершенства с величайшей тщательностью, не успевают поступить в их августейшее присутствие, как их судьба решена".^[32] Он добавляет: "Из тех, кто выполняет свои обязанности, две трети зависят от правительства в плане заработной платы или пенсий. Не будет суровым сказать, что они становятся добровольными орудиями в руках того, кто их кормит, вместо того чтобы считаться с интересами тех, от кого они косвенно получают поддержку. Такая благодарность может быть очень любезной, но это не является квалификацией для независимого законодателя".^[33] Эти строки были написаны еще в 1837 году, и их автор сообщает нам, что в течение предыдущих восьми лет Совет отклонил не менее трехсот двадцати пяти законопроектов, принятых Ассамблеей, что составляет в среднем более сорока за каждую сессию^[34] — заявление, которое полностью подтверждается ссылкой на официальные журналы соответствующих Палат.

Такой метод процедуры, приводящий к неизбежным конфликтам между двумя палатами, препятствовал общественному бизнесу и крайне неэффективно защищал общественные интересы. Вся административная система провинции была дезорганизована. Борьба была очень неравной, поскольку правительство часто могло получить большинство голосов в Ассамблее. Меньшинство в этом Доме страдало от чувства тирании и несправедливости и чувствовало, что они не имеют никакого веса в политике. Не хватало того чувства собственного достоинства, которое прививается сознанием своего вклада в формирование государственной политики и общественного мнения. Были не только полностью утрачены выгоды, вытекающие из надлежащей организации труда, но и антагонизм между двумя факторами политической

жизни был настолько велик, что они в значительной степени нейтрализовали друг друга. Верхняя палата не имела веса в глазах народа; Нижняя палата не имела веса в глазах короны.

Одним из самых больших недостатков процветания страны был метод предоставления государственных земель. Политика губернатора Симко заключалась в поощрении иммиграции из Соединенных Штатов, а также из Великобритании и континентальной Европы. Он предложил большие стимулы в виде бесплатных наделов диких земель людям, поселяющимся в Верхней Канаде, и его предложение привело к ожидаемым результатам в виде притока иммигрантов. Однако он осуществлял жесткий личный надзор за этими грантами и делал все возможное, чтобы предотвратить злоупотребление своими щедрыми правилами. Его преемники были менее щепетильны и, находясь, как мы видели, под контролем жадных и эгоистичных людей, они позволили использовать общественные земли как средство обогащения и развращения фаворитов Администрации. Департамент предоставления земли был буквально пронизан безработицей и коррупцией. Каждому члену Исполнительного совета было выделено по пять тысяч акров земли, а каждому из их детей - по тысяче двести акров земли. Аналогичные субсидии были предоставлены некоторым избранным членам Законодательного совета и их детям.^[35] Множество других персонажей, которые могли иметь достаточное влияние при дворе, получили гранты в тысячу двести акров каждый. Размер обычного гранта составлял двести акров. С момента создания провинции и вплоть до 1804 года эти пожертвования не обходились получателям грантов ни в какие деньги, кроме незначительных гонораров чиновникам за их хлопоты по прохождению записей в канторских книгах. Привилегией получения земельных владений бесплатно злоупотребляли до такой степени, однако, что вмешалось Министерство внутренних дел, и в прошлом году была введена шкала сборов, пропорциональная размеру субсидии; но лоялисты США, офицеры, солдаты, члены исполнительного совета и их дети были освобождены даже от этого пустякового бремени. В 1818 году выполнение определенных поселенческих обязанностей было возложено на всех лиц, получающих субсидии, без каких-либо исключений, а в последующие годы время от времени вводились несколько других шкал сборов. Государственные земли были переданы на попечение должностного лица, называемого генеральным землемером, и только в 1827 году был назначен уполномоченный по землям короны. В течение первых тридцати пяти лет истории провинции предоставление земли полностью зависело от усмотрения члена Совета губернатора не только в отношении количества и состояния самой земли, но и в отношении того, должен ли заявитель получать какой-либо грант вообще.^[36] При такой системе было неизбежно, что преобладала самая грубая частность, и очень редко кому-либо удавалось получить грант, пока те, кто находится у власти, не убедились, что на него можно положиться в проведении любой политики, которую они сочтут нужным диктовать. Официальные сановники предоставляли земли своим слугам и другим иждивенцам, и, как только были соблюдены определенные необходимые формы, эти земли передавались им самим или их детям. В других случаях люди фактически нанимались на месяц для выкапывания земли и выполнения поселенческих обязанностей, после чего земля передавалась их работодателям. Имея доступ к официальным книгам, эти бакланы ухитрялись тем или иным способом приобретать для себя и своих созданий все лучшие земли в Провинции либо совершенно даром, либо по чисто номинальной цене. "Ключи от служебных помещений, - говорит автор, которого уже цитировали, - находились у них самих или у друзей, и доступ к их секретам был разрешен только посвященным, на чьи благоприятные высказывания за дверью можно было положиться. Никогда со времен вторжения норманнов в Англию не было такого массового раздела

награбленного".[37] Многие лица владели или контролировали, прямо или косвенно, целые поселки.[38] Другим принадлежали тысячи акров, которые они никогда не видели. Поскольку налоги, взимаемые с незаселенных земель, были незначительными, эти огромные участки не представляли заметных затрат для их владельцев, которые могли владеть ими из года в год, пока прогресс заселения не придаст им огромную ценность. Такой прогресс был неизбежен, поскольку хотя эти огромные резервации, как правило, сдерживали развитие страны, поселенцы получали в дар прилегающие земли, и их труд не мог не повысить ценность всей прилегающей территории. Родной округ, включая наиболее ценную часть Верхней Канады, особенно пострадал от этих массовых резерваций, но каждая часть провинции была более или менее искалечена ими.

Правящая фракция и их фавориты, недовольные огромными прямыми и косвенными пожалованиями земель, которые им удавалось тем или иным способом получить, пользовались любой возможностью, чтобы скупить землю, которая была предоставлена лицам, которые потратили все свои скудные средства на свою собственность и, таким образом, обнищали. Среди этих последних было много офицеров на половинном жалованье и других людей хорошего происхождения, но с ограниченными средствами, которые искали себе пристанище в канадской глуши. Немало людей были вынуждены продать свои комиссионные, чтобы получить средства для того, чтобы поселить себя и свои семьи на предоставленных им землях. Оказавшись отрезанными от общества и неприспособленными к лишениям жизни первопроходцев, они впали в уныние и продали свои земли за любую мизерную цену, которую смогли получить. Землевладельцы всегда были начеку и скупали эти участки по несколько шиллингов за акр, не с каким-либо намерением обосноваться на них или улучшить их, а исключительно с целью удержать их за повышенную стоимость. Гранты детям лоялистов США были постоянными предметами торга и продажи и приносили огромное зло Провинции, не принося никакой соответствующей пользы получателям. Очень немногие из предоставленных таким образом участков когда-либо были заняты получателями гранта, большинство из которых были молодыми людьми обоего пола, проживавшими со своими родителями и не имевшими желания устраиваться в глуши. Эти гранты часто продавались по смехотворно низким ценам. Обычной ценой за участок в двести акров было от двух до пяти фунтов. Мистер Джон Раденхерст, который много лет был главным клерком в управлении Генерального инспектора, имеет право авторитетно высказываться по этому вопросу. В своих показаниях, данных комиссару лорда Дарема в 1838 году, он утверждает, что общая цена, уплаченная спекулянтами за участки площадью в двести акров, предоставленные сыновьям и дочерям лоялистов США, составляла "от галлона рома до, возможно, шести фунтов". Отвечая на другой вопрос, он заявляет, что, хотя миллионы акров были предоставлены таким образом, заселение провинции не продвинулось вперед, и преимущество получателя гранта не было обеспечено способом, который, как можно предположить, был предусмотрен правительством. Он упоминает почтенного Роберта Гамильтона, члена Законодательного совета, и двух главных судей, Элмсли и Пауэлла, как крупнейших покупателей этих земель. Приобретения мистера Гамильтона составили около ста тысяч акров.[39] Элмсли и Пауэлл, в дополнение к пяти тысячам акров, которые каждый из них получил даром в качестве членов Исполнительного совета, сумели приобрести такое количество земли, что, если бы их собрать в одном месте, получился бы городок среднего размера. Таким образом, монополия сохранялась и увеличивалась из года в год, и таким образом большие участки территории провинции поддерживались в состоянии первобытной дикой природы.

Сообщения о гигантских злоупотреблениях, существующих в системе предоставления земли в Верхней Канаде, не раз пересылались через Атлантику министру по делам колоний, который поручал вице-губернатору ввести определенные правила с целью предотвращения постоянного повторения несправедливости. Однако Министерство по делам колоний находилось более чем в трех тысячах миль отсюда, и были легко найдены средства обойти любые ограничения, налагаемые на таком расстоянии. Некоторое представление о масштабах, которых достигло зло в 1818 году, можно получить из двух отрывков из того самого прошения принцу-регенту, за которое мистеру Гурли были предъявлены обвинения в Кингстоне и Броквилле, как описано в предыдущей главе. "Земли короны в Верхней Канаде, - говорится далее в петиции, - имеют огромную протяженность, они не только простираются далеко в пустыню, но и разбросаны по всей провинции и перемешаны с уже возделанной частной собственностью. Распоряжение этой землей предоставлено министрам на родине, которые явно не осведомлены о существующих обстоятельствах, и совету людей, проживающих в Провинции, которые, как полагают, давно обратили оказанное им доверие в корыстные цели. Скандальные злоупотребления в этом департаменте несколько лет назад достигли такого чудовищного размаха, что министры внутренних дел мудро ввели ограничения в отношении Земельного совета Верхней Канады. Все это, однако, ни в коей мере не устранило зло; и система покровительства и фаворитизма в распоряжении землями короны все еще существует; она совершенно разрушительна для моральной прямоты и добродетельных чувств в управлении общественными делами. Коррупция, действительно, достигла такого размаха в этой провинции, что считается, что ни в одной другой части Британской империи нет ничего подобного, и тщетно искать улучшения, пока не будут произведены радикальные изменения. Не имеет значения, какие персонажи в настоящее время пользуются общественным доверием — все они опускаются ниже человеческого достоинства, становятся порочными и слабыми, как только попадают в водоворот разрушения. Путаница за путаницей вырастала из этой несчастливой системы; и сами земли короны, раздача которых привела к такому злу и беззаконию, в конечном счете не принесли большой пользы от злоупотреблений. Бедные подданные Его Величества, изгнанные из дома бедствием, которым дарованы участки земли, теперь не могут найти в этом никакой выгоды; и лоялисты Объединенной империи — потомки тех, кто пожертвовал всем в Америке во имя британского правления — люди, чьи имена были занесены в протокол за их добродетельную приверженность вашему Царственному Отцу — потомки этих людей теперь не находят благосклонности в уготованных им наградах; более того, эти награды, когда они были предоставлены, во многих случаях оказались хуже, чем ничего, поскольку законные права на пользование ими были сведены к нулю; их земля была конфискована. становится непригодным для продажи и, в некоторых случаях, служит лишь источником отвлечения внимания и заботы. При такой системе внутреннего управления и ослабленная другими злыми влияниями Верхняя Канада сейчас находится в сравнительном упадке; недовольство и бедность наблюдаются на земле, в высшей степени благословленной дарами природы; страх перед войнами произвола власти здесь направлен против свободного проявления разума и мужественных чувств; законы отменены; законодатели подвергаются насмешкам; и презрение со стороны метрополии, кажется, быстро набирает силу, чтобы разобщить народ Канады с их друзьями дома ". Несмотря на эти длинные, запутанные, неуклюже построенные предложения, нигде нельзя найти более точной картины пагубного управления делами в Управлении государственных земель Йорка в 1818 году. Двадцать лет спустя лорд Дарем обнаружил, что ситуация не сильно улучшилась.[\[40\]](#)

Еще одним монстром с головой гидры, который разъедал самые жизненно важные органы содружества, было обеспечение духовенства, известное как Резервы духовенства. Это было, пожалуй, величайшее из всех проклятий, наложенных Конституционным актом на Верхнюю Канаду, поскольку его пагубные последствия были как прямыми, так и случайными. Это не только имело тенденцию останавливать поступь прогресса, но и создавало определенную степень сектантской вражды и ненависти, мало рассчитанную на то, чтобы внушить уважение к христианству в сердцах светской части общества, и это нарушало общественное спокойствие почти на два поколения.

Тридцать шестым разделом Закона 1791 года было дано право резервировать из всех будущих земельных наделов в Верхней и Нижней Канаде, а также в отношении всех прошлых наделов, выделение средств для поддержки "протестантского духовенства". Было предусмотрено, что этот надел должен быть "равен по стоимости седьмой части предоставленных таким образом земель". Согласно тридцать седьмому разделу, арендная плата, барыши и вознаграждения, получаемые от присвоенных таким образом земель, должны были применяться исключительно для содержания протестантского духовенства. В последующих разделах предусматривалось возведение и наделение вице-губернатором, по указанию короны, домов священников, по одному или нескольким в каждом городке или приходе, в соответствии с учреждением Англиканской церкви, а также представление должностных лиц при условии соблюдения права епископа на учреждение. Разделом сорок вторым было установлено, что ни один провинциальный закон, изменяющий или отменяющий эти положения, не должен получать королевского одобрения в течение тридцати дней после того, как он был внесен на рассмотрение обеих палат парламента Великобритании. Этим знаменитым законодательным актам было суждено вызвать больше разногласий и горя, чем всем остальным положениям Конституционного акта, вместе взятым. Им было суждено вызвать в этой Провинции более сердечную ненависть к Англиканской церкви со стороны лиц, не принадлежащих к ее общине, чем когда-либо в какой-либо другой части мира. Им было суждено натравить одну законодательную фракцию на другую с такой яростью, что государственные дела часто приходилось приостанавливать. Им было суждено разделить население провинции на два враждебных лагеря, каждый из которых был полон зависти, злобы и всяческой безжалостности по отношению к другому. Им было суждено стать ключевой нотой всеобщих выборов и формировать политику сменяющих друг друга администраций. Им было суждено стать главным фактором в возникновении Восстания, которое на какое-то время серьезно встревожило промышленность Провинции; которое наполнило провинциальные тюрьмы страдающими заключенными; которое обрекло ряд людей на преждевременную и позорную смерть; которое принесло горе и разорение многим некогда счастливым семьям; которое оставило ненависть в наследство детям тех, кто принимал в нем участие; и которое серьезно нарушило международную дружбу между Великобританией и Соединенными Штатами.

Можно усомниться в том, что все пагубные последствия этих ассигнований были предвидены их организаторами в первые годы нашей истории. Во всяком случае, прошло некоторое время, прежде чем эти эффекты стали очевидны для людей в целом. При выделении ассигнований была проявлена забота о том, чтобы зарезервированные земли были смешаны с грантами фактическим поселенцам, в результате чего они были распределены на большой территории; явным намерением было увеличить их стоимость за счет близости возделываемым фермам и в то же время создать арендную плату в оседлых городах с целью создания приходов и наделения приходскими домами. Однако в нескольких частях провинции было невозможно следовать

этому плану. Большая часть полуострова Ниагара была передана Батлерс Рейнджерс до принятия Конституционного закона. Аналогичным образом, некоторые поселки вдоль северного берега реки Святого Лаврентия, а также несколько частей Западного округа были предоставлены другим лоялистам Объединенной империи. Ни в одном из этих случаев не было сделано никаких оговорок, и земли уже перешли к получателям гранта. Соответственно, присваиватели выделили большие участки объединенных резерваций в смежных поселках, которые еще не были заселены. Вскоре начали проявляться негативные результаты. Огромные территории заповедников оказались между одним поселенцем и другим, усиливая трудности связи и транспорта и препятствуя или вообще не допуская того сотрудничества труда, которое необходимо для процветания поселений первопроходцев. Жители, вместо того чтобы сплотиться, были изолированы друг от друга, и объединение для муниципальных или других общественных целей стало практически неосуществимым. Их держали вдали от рынка сбыта производимой ими продукции, лишали привилегий общественного богослужения и государственного образования для своих детей; одним словом, лишали благ цивилизации. Поселению были созданы серьезные препятствия, и трудолюбивый иммигрант был в значительной степени парализован своим окружением.

Зло, проистекающее из этих Резервов Духовенства, усугублялось несправедливым и незаконным способом, которым производились ассигнования. Было замечено, что по Закону 1791 года земля, зарезервированная для духовенства, должна была составлять одну седьмую всех грантов, предоставленных короной. Очевидно, что одна седьмая всех грантов будет составлять одну восьмую от общего объема. Однако вместо того, чтобы действовать в соответствии с этим самоочевидным положением, те, на кого была возложена обязанность резервирования, выделяли духовенству седьмую часть *всей* земли, что равнялось шестой части дарованной земли. Излишки, таким образом, несправедливо присвоенные от имени духовенства, в 1838 году достигли в общей сложности трехсот тысяч акров. Превышение было ограничено примерно двумя третями обследованных населенных пунктов, из этого обстоятельства, а также из очевидной конструкции статута следует сделать вывод, что чрезмерные оговорки были сделаны намеренно, а не по простому недосмотру или непреднамеренности.^[41]

По мере увеличения численности населения провинции и роста стоимости земли недовольство становилось все более и более очевидным. Начал слышаться ропот недовольства, и люди начали объединяться против невыносимого зла. Поначалу это было вызвано главным образом чисто светскими причинами, указанными выше. Однако постепенно сектантский элемент получил развитие, и ропот недовольства превратился в рев оппозиции. Господствующая церковь была неприемлема для инакомыслящих^[42], которые составляли основную часть населения; тем не менее, представители власти — все из которых были приверженцами Епископальной церкви — утверждали, что Резервы духовенства были исключительной собственностью Англиканской церкви. Следует признать, что для этого утверждения были некоторые основания и что вопрос не был полностью свободен от сомнений. Закон, разрешающий выделение Резерваций, предназначал их для содержания и поддержки "протестантского духовенства". В те дни слово "духовенство" обычно не применялось к несогласным служителям религии. Он никогда не использовался ни в одном английском статуте для обозначения каких-либо служителей, кроме служителей Римской и Англиканской церквей. Поскольку термин "протестантская" исключал Римскую церковь, утверждалось, что это положение предназначалось исключительно для Англиканской церкви, тем более что создание

и наделение пасторальми и приходскими домами, которые являются учреждениями, характерными для Англиканской Церкви, было прямо предусмотрено тем же Законом. Такова была просьба, выдвинутая от имени Англиканской церкви. Раскольники придерживались другой точки зрения. Они утверждали, что термин "протестантское духовенство" был использован в Законе просто в отличие от духовенства Римской церкви. Они также настаивали на том, что ограниченное толкование, которое англикане пытались придать этому термину, было явно отвергнуто тридцать девятой статьей Закона, в которой прямо использовались слова "действующий член или служитель Англиканской церкви". Было сказано, что такие термины не использовались бы составителями Закона, если бы они рассматривали их как синоним "протестантского духовенства", как это используется в других статьях. "Явным намерением этого Закона, — заявили несогласные, — было обеспечить *протестантское* духовенство - в отличие от *римско-католического*. Положение о создании домов священников - это всего лишь вопрос деталей, которым нельзя позволить перечеркнуть более масштабное намерение, о котором так ясно свидетельствуют другие разделы". Пресвитерианская община занимала более высокие позиции, чем их неангликанские собратья. Шотландская церковь была прямо признана протестантской церковью Актом о союзе Англии и Шотландии в 1707 году. Поэтому утверждалось, что служители этой церкви имели право считаться "протестантским духовенством"; и это утверждение было поддержано английскими судебными приставами короны в 1819 году. Мнение, выраженное этими учеными чиновниками, было учтено, и пресвитериане Верхней Канады выдвинули претензии на долю Резерваций. Их требования были удовлетворены; после чего другие протестантские деноминации последовали их примеру и потребовали, как "протестантское духовенство", участвовать в обеспечении, созданном для них. Частные и общественные распри, возникавшие между лидерами различных сект, держали страну в состоянии хронического беспокойства; в то время как алчность, проявляемая мнимыми служителями религии, служила поразительным практическим комментарием к доктринам, которым учил Основатель всех христианских конфессий. От выдающихся юристов были получены мнения относительно соответствующих прав различных сект и относительно истинного значения Конституционного акта. Разные юристы пришли к самым противоположным выводам, и стало очевидным, что ни один суд не может вынести решения, удовлетворяющего всех истцов. Тем временем Англиканская церковь ухитрилась завладеть большей частью добычи. Согласно возвращению в Палату Собрания земель, выделенных как глебс в Верхней Канаде за сорок шесть лет, с 1787 по 1833 год, оказывается, что 22 345 акров были выделены таким образом для духовенства Англиканской церкви, 1160 акров - для служителей Кирки Шотландии, 400 для римско-католиков и "ни одного для какой-либо другой конфессии христиан".^[43]

Но был более широкий и сильный аргумент, чем любое из этих чисто технических утверждений: аргумент, основанный на опыте и практической полезности. Независимо от того, каковы были намерения первоначальных составителей Конституционного акта, факт, ставший очевидным для всех инакомыслящих и даже для многих либерально настроенных мирян англиканской церкви, что Резервы Духовенства были проклятием для Провинции — жерновом на ее шее, который тащил ее вниз, несмотря на все усилия поднять ее на поверхность. Вскоре после того, как этот факт стал общепризнанным, поднялась агитация за полную отмену государственной помощи религиозным организациям. План, за который выступали реформаторы, заключался в продаже Резервов и использовании вырученных средств на государственное образование и благоустройство муниципалитетов. Агитация продолжалась еще долгое время после периода,

охватываемого этой работой, и цель, к которой она стремилась, не была полностью достигнута до 1854 года. Между тем, однако, это был самый важный вопрос, стоявший перед страной, и он занимал внимание Законодательного органа в течение значительной части почти каждой сессии. Именно здесь конфликт между двумя Домами ощущался с наибольшей пагубностью. Сторонники отмены смертной казни и секуляризации явно поддерживали страну, и Ассамблея принимала законопроект за законопроект для достижения этих целей. Их усилия были полностью сведены на нет Верхней палатой, которая не стала бы прислушиваться ни к каким подобным предложениям и отклонила столько законопроектов, касающихся этого важного вопроса, сколько Ассамблея сочла нужным направить на ее рассмотрение. Таковы были достоинства долгого и яростно оспариваемого вопроса о резервах духовенства.

Еще одним серьезным препятствием на пути к процветанию Верхней части Канады было постоянное вмешательство Министерства по делам колоний в наши внутренние дела. Законопроекты, принимаемые законодательным собранием провинции для регулирования наших собственных внутренних дел, отклонялись с досадной частотой, а иногда, по-видимому, просто по прихоти. Иногда безответственная исполнительная власть, не желая, чтобы ее послушные слуги в Верхней палате навлекли на себя народную ненависть, противодействуя воле Собрания, позволяла законопроектам проходить через обе палаты, а затем с помощью своего инструмента вице-губернатора отклоняла эти идентичные меры. Совет, выполнение которого не могло не нанести ущерба интересам колонии, был также отправлен через Атлантику через вице-губернатора, которому он был отправлен обратной почтой в виде императорских инструкций, по которым следовало действовать. Министр колоний, кем бы он ни был в то время, мало что знал и мало заботился о британских североамериканских колониях и, как правило, не заботился о депешах губернаторам колоний, кроме как подписывал их своим именем. Таким образом, он был бессознательным средством усиления исполнительной тирании и, в некоторой степени, отчуждения лояльности колонистов.

Среди других недостатков, достаточно серьезных как самих по себе, так и по своим скрытым последствиям, но имеющих второстепенное значение по сравнению с уже упомянутыми всеобъемлющими обидами, можно упомянуть расквартирование военнослужащих в колонии в качестве вице-губернаторов; неравное представительство народа в Ассамблее; непомерные зарплаты некоторых государственных должностных лиц; объединение судебных и законодательных функций в одних и тех же лицах; назначение судей, шерифов, магистратов и других должностных лиц по желанию исполнительной власти, а не за примерное поведение.

Мы уже рассмотрели зло, сопутствующее передаче местной администрации колоний в руки военных офицеров, которые были неопытны в конституционном управлении и не годились по образованию для выполнения тех обязанностей, которые от них требовались.^[44] По прибытии в колонию такие лица, естественно, оказывались совершенно не в своей тарелке и обращались к членам Исполнительного совета за советом и инструкциями. То, что они должны следовать полученным инструкциям и что они должны отдаться на суд этих врагов общественного блага, следовало почти как само собой разумеющееся. Таким образом, сила олигархии консолидировалась и увеличивалась, а ее члены становились все более и более независимыми от общественного мнения. Все, на что можно настоять от имени Министерства внутренних дел в качестве оправдания того, что мы доверили руководство нашими делами таким лицам, это то,

что должность вице-губернатора Верхней Канады не была достаточным стимулом для того, чтобы на нее претендовали действительно способные люди. Офис, по крайней мере в одном случае, который будет описан ниже, стал попрошайничать.

Неравное представительство было плодотворным источником недовольства, хотя положение Верхней Канады в этом отношении было не хуже, чем в метрополии до принятия законопроекта о реформе от 1832 года. В течение многих лет, предшествовавших Восстанию, маленькие районные городки Ниагара, Броквилл и Корнуолл пользовались привилегией посылать по представителю в Ассамблею. Все три из них были заведомо прогнившими районами — такими же прогнившими, как Гаттон, Грэмпаунд или Олд—Сарум, — и всегда возвращали членов Тори, готовых выполнить приказ исполнительной власти. Такими средствами было коррумпировано Собрание, а выборное право превратилось в инструмент угнетения. Некоторые зарплаты государственных служащих были совершенно непропорциональны состоянию доходов, а также характеру и объему выполняемых обязанностей. Некоторые высокооплачиваемые должности были простейшими синекурами и были созданы только для того, чтобы обеспечить работоспособные инструменты Администрации. Практика разрешения судьям заседать и голосовать в Законодательном органе не нуждается в комментариях. Каким бы ни было оправдание такому объединению функций на заре становления провинции, когда образованных людей в стране было мало, в те дни, когда председатель Верховного суда Робинсон был спикером Законодательного совета, его, безусловно, не было. Установление зависимости срока пребывания в должности судей и других высокопоставленных лиц от воли исполнительной власти привело к тому, что подобная система была введена во всех странах, где она была в моде. Чиновники были почти полностью отобраны из одной политической партии и всегда следили за одобрением своих начальников, которые имели право назначать или смещать их. Всякий раз, когда в предполагаемых интересах исполнительной власти было желательно, чтобы авторитет судов был ограничен для искажения судебных решений, беспристрастное отправление правосудия было совершенно второстепенным соображением. Случай мистера Гурли, не говоря уже о деле Бартемуса Фергюсона, служит достаточной иллюстрацией того, в какой степени традиции Звездной палаты были возрождены в практике Высших слоев населения Канады, когда считалось желательным сокрушить поборника народной свободы и равных прав.

Таковы были некоторые из тягот, которые жители Верхней Канады были вынуждены нести в ушедшую эпоху, когда тирания безраздельно царила по всей провинции: когда

"задержка закона,

Наглость должности и пренебрежение

Это терпеливое отнимает заслуги у недостойных",

были слишком частой частью таких жителей, которые осмеливались ставить под сомнение праведность существующих постановлений. Была еще одна невыносимая обида, которая была тесно связана со всем остальным и которая, так сказать, выросла из него или поддерживала его: она заключала в себе все зло, поражающее политический организм, и которая оставила следы своего существования, сохранившиеся до настоящего времени. Таков был Семейный договор — фраза, которая у всех на устах, но значение которой, я осмеливаюсь думать, в целом понимается недостаточно. Эта тема заслуживает отдельной главы сама по себе.

СНОСКИ:

[24] Несколько сомневаясь в правдивости этой часто повторяемой истории, я взял на себя труд ознакомиться с записями в Земельном управлении короны, где я нахожу, что мистер Рассел несколько раз предоставлял землю самому себе. Среди других подобных пожалований я могу упомянуть лот номер двадцать два в третьей концессии городка Йорк, которая была сделана 16 июля 1797 года. См. Liber A., лист 382, Провинциальный загс. Он также предоставил различные участки земли своей сестре, мисс Элизабет Рассел, первый из которых датирован 15 декабря 1796 года. См. Liber B., лист 334. Таким образом, президент, по-видимому, начал "творить добро себе" и своей семье еще до того, как пробыл три месяца на посту администратора правительства. Дальнейшее расследование, несомненно, докажет, что он продолжал эту практику до прибытия губернатора Хантера.

[25] Смотрите его речь на закрытии первой сессии Первого парламента Верхней Канады 15 октября 1792 года.

[26] Имущественным цензом для избирателя было в округах владение землями или многоквартирными домами годовой стоимостью сорок шиллингов стерлингов или выше, сверх всей арендной платы и сборов; а в городах или поселках - владение жилым домом и участком годовой стоимостью пять фунтов стерлингов или выше, или проживание в течение двенадцати месяцев и выплата страхового взноса. годовая арендная плата составляет десять фунтов стерлингов или выше. См. двадцатый раздел Конституционного закона.

[27] Последняя часть этого предложения не имеет отношения к Броку, который был сделан из более мужественного материала. Брок, однако, был не вице-губернатором, а всего лишь временным администратором провинции.

[28] *Отчет о делах британской Северной Америки*, английское фолиантное издание, стр. 29.

[29] *Конституционная история Канады*, Сэмюэл Джеймс Уотсон, Том I., стр. 128.

[30] Злоупотребления, указанные в настоящей главе, не ограничивались Верхней Канадой. Они существовали, с определенными локальными вариациями, во всех британских североамериканских колониях и приводили к сходным результатам в каждой из них; а именно, к постоянно повторяющимся конфликтам между исполнительной и популярной ветвями законодательной власти, за которыми следовало более или менее отчуждение лояльности к метрополии со стороны более радикальных элементов общества. В Приморских провинциях отчуждение не было достаточно распространено, чтобы проявиться в настоящем восстании,

хотя конфликт между олигархией и народными трибунами иногда вызывал очень тревожное состояние чувств. В Нижней Канаде, где ко всем другим источникам беспорядков добавился элемент расовой ненависти, конфликт достиг интенсивности, намного превышающей ту, которая была достигнута в любой другой колонии, и оставил после себя следы, которые еще не полностью стерты.

[31] *Статистический отчет*, Том II., стр. 296.

[32] *Канада*, У. Б. Уэллс, стр. 103.

[33] *Ib.*

[34] *Ib.*, стр. 104.

[35] Эти субсидии в размере пяти тысяч акров членам Исполнительного совета были прямым нарушением инструкций, составленных правительством Метрополии по регулированию предоставления земли в Верхней Канаде. Они продолжали производиться вплоть до 1807 года, когда были остановлены безапелляционным приказом на этот счет министра по делам колоний. Известен один случай, когда была подана заявка о резервировании средств от имени ребенка члена Законодательного совета, хотя ребенку не было и трех дней от роду. Смотрите свидетельство Джона Раденхерста, старшего клерка в канцелярии Генерального инспектора, в Приложении В. к *отчету лорда Дарема о делах британской Северной Америки*.

[36] Большинство этих фактов, касающихся предоставления государственных земель, можно получить из архивов Управления земель короны в Торонто, а также из газет и официальных отчетов того периода. Их также можно найти вместе с обширным собранием других важных фактов, относящихся к тому же предмету, в Отчете Чарльза Буллера об общественных землях и эмиграции, составляющем Приложение В. к *Отчету лорда Дарема о делах британской Северной Америки*.

[37] *Канада*, стр. 130.

[38] В 1796 году или около того исполнительная власть предложила предоставить целые поселки лицам, которые возьмутся заселить их определенным количеством колонистов в течение определенного времени. Необходимое количество колонистов было пропорционально размерам территории, подлежащей заселению. Этим предложением воспользовались десять разных людей. Гранты фактически не выдавались, но соответствующие населенные пункты были распределены в официальных книгах между различными заинтересованными лицами. Полагаясь на обещание Исполнительной власти, несколько из десяти правопреемников приступили к выполнению выдвинутых условий. Среди них был мистер Уильям Берчи, который, получив назначение в городок Маркхэм, пошел на большие расходы, чтобы перевезти сюда несколько немецких семей, которых он поселил в соответствии с условиями предполагаемого гранта. После того, как он потратил сумму денег, по разным данным, от двадцати до тридцати тысяч фунтов стерлингов, Исполнительная власть хладнокровно объявила, что они решили отказаться от системы поселков и что они даже не намерены предоставлять субсидии тем, кто выполнил условия. Компенсацией, предложенной за это беспрецедентное нарушение доверия, было предоставление каждому правопреемнику по тысяче двести акров земли. Девять из заинтересованных лиц согласились с этими условиями, но мистер Берчи отказался принять такое неадекватное вознаграждение, и на всю оставшуюся жизнь он остался разоренным

человеком. Он отряхнул пыль Верхней Канады со своих ног и поселился в Монреале, откуда впоследствии перебрался в Нью-Йорк, где и умер в 1813 году.

[39] Смотрите Приложение В. к *отчету* лорда Дарема, издание фолио, стр. 99. Мистер Чарльз Рэнкин, заместитель землемера Западного округа, в своих показаниях Комиссии (*ib.* стр. 120, 121), говорит: "Система предоставления крупных субсидий частным лицам, которые не собирались их выплачивать, имела тенденцию к замедлить процветание колонии, разделив настоящих поселенцев и сделав для них гораздо более трудным, а в некоторых случаях и невозможным строительство необходимых дорог. Это также сделало рынки более отдаленными и более ненадежными. Эти трудности были испытаны в такой степени, что привели к отказу от поселений, которые были сформированы. В качестве примера я могу упомянуть городок Рама, где после трехлетнего судебного разбирательства поселенцы были вынуждены отказаться от своих улучшений. Следует отметить, что поселенцы в данном случае не принадлежали к классу, приспособленному к лишениям дикой природы, поскольку были офицерами на половинном жалованье. В городке Сент-Винсент почти все наиболее ценные поселенцы покинули свои фермы по той же причине, что и города Ноттавасага и Коллингвуд, вся земля на которых была предоставлена, и которые почти полностью не заселены (в Коллингвуде, я полагаю, только один поселенец), что является препятствием между ними и заселенным городом и делает невозможным общение. Были многочисленные случаи, когда, хотя поселение не было полностью заброшено, наиболее ценные поселенцы после нескольких лет безуспешной борьбы с трудностями, которые я описал, покидали свои фермы ". Этот свидетель далее заявляет о своем убеждении, что девять десятых земель в Западном округе все еще находились - в 1838 году — в состоянии дикой природы.

[40] Смотрите его *отчет*, *passim*; также смотрите часть Приложения В., касающуюся Верхней Канады.

[41] Смотрите Специальный доклад г-на Р. Дэвиса Хэнсона, помощника комиссара земель короны и эмиграции, составляющий начало Приложения А. к *Отчету лорда Дарема о делах британской Северной Америки*.

[42] Я использую это слово за неимением лучшего, хотя оно не совсем точно применительно к Верхней Канаде, где не было четко предписанных стандартов религиозной веры, с которыми можно было бы не соглашаться тем, кто не поддерживает епископатство. Слово "нонконформист" вызывает возражения по той же причине.

[43] См. *Отчет Седьмого комитета по рассмотрению жалоб*, стр. 164.

[44] *Ante*, стр. 51.

ГЛАВА III.

СЕМЕЙНЫЙ ДОГОВОР.

Наверх

Какова была природа и происхождение этой могущественной организации — этой неофициально созданной лиги, название которой было знакомо ушам жителей Верхней Канады в течение всего или почти всего нынешнего столетия; которая упоминается почти во всех книгах, посвященных политической и социальной жизни этой провинции до Объединения 1841 года; которая в течение сорока лет регулировала государственную политику колонии и железной рукой управляла свободами жителей?

Сразу после ратификации Парижского мирного договора в 1763 году, по которому Франция передала Канаду Великобритании, британскому правительству стало необходимо назначить значительное число должностных лиц для заполнения государственных должностей в переданной таким образом стране. Политика завоевателей не соответствовала тому, чтобы оставлять большую власть в руках побежденных. Более того, введение английского языка и законов было практической дисквалификацией для большинства коренных жителей колонии, и почти все новые чиновники были присланы из Англии. Некоторые из главных персонажей среди них были людьми честными и умными. Другие, хотя и обладали полной долей мозгов, имели лишь долю младшего брата в другом товаре. Подчиненные, вообще говоря, имели лишь незначительное количество того и другого. По большей части они были назначены по рекомендации различных сторонников тогдашнего правительства, которые, таким образом, смогли обеспечить ряд своих нуждающихся родственников и иждивенцев — в их глазах это было гораздо важнее, чем надлежащее управление делами далекой и недавно приобретенной колонии. Завоевание, таким образом, оказалось благом для многих раболепствующих прихлебателей общественных деятелей Великобритании, и множество беспризорников и приبلудных представителей британской аристократии начали обращать свои взоры к Канаде как возможному ресурсу в последней чрезвычайной ситуации. Говорили, что это холодная и неуютная земля, но она, несомненно, была предпочтительнее тюрьмы Флит или Маршалси с альтернативой голодной смерти или призыва в армию. Многие из этих сутенеров и потворствующих прихотям или страстям высокопоставленных лиц оказались в Квебеке и Монреале и содержались за государственный счет, будучи устроенными в места с большим или меньшим доходом.^[45]

Когда в 1791 году Верхняя Канада была выделена в отдельную провинцию, поле деятельности было значительно расширено. Действительно, к Верхней провинции вскоре стали относиться с особой благосклонностью претенденты на должность, поскольку она была во всех отношениях английской колонией; в то время как Нижняя Канада, несмотря на все попытки англизировать ее, оставалась гораздо более французской, чем английской. Нижняя Канада, действительно, оставалась в некоторых отношениях более французской, чем любая другая часть мира, даже не исключая саму Францию, поскольку в этой стране Великая революция смела многие изжившие себя институты, которые все еще сохранялись во всей их ветхости среди французов Нового

Света. Теперь франко-канадцы, хотя большинство путей к власти и постам были для них закрыты, составляли подавляющее большинство населения. Они невзлюбили британских колонистов и отказались брататься с ними. Последние могли выносить эту изоляцию, поскольку их утешали служебные трофеи, но их жизнь становилась гораздо менее приятной, чем они были бы в колонии, где не было известно о таких тревожащих элементах. Верхняя Канада была именно такой колонией. Ни в одной части Британии не было более британских настроений. Ни в одной части мира англичанин-эмигрант не оказался бы в большей гармонии со своим окружением с чисто патриотической точки зрения. Что же тогда удивительного, что эмигранты из Англии, ищущие новые места, смотрели на Верхнюю Канаду с тоской? Что удивительного, что назначение на государственную должность в Верхней Канаде рассматривалось такими людьми как вещь, заслуживающая особого внимания? Губернатор Симко относился к таким претендентам без особой благосклонности. Его главной целью было успешно продвигать Провинцию по карьерной лестнице и заложить основы хорошего управления. Он привел с собой своих собственных сотрудников, отобранных им самим с единственной оглядкой на их пригодность для тех должностей, которые они, соответственно, должны были занимать. В его время фаворитизм при государственных назначениях был небольшим или вообще отсутствовал, и почти не к чему было придираться в поведении администрации, если вообще к чему-либо можно было придираться. За его уходом с поста почти сразу последовало ослабление дисциплины и ослабление контроля над государственными делами. Шли годы, и провинция стала прибежищем многочисленных соискателей должностей из—за моря - офицеров на половинном жалованье и отпрысков хороших английских, шотландских и ирландских семей, которые стремились улучшить свое положение за счет эмиграции. Поскольку они были, вообще говоря, людьми с некоторым образованием и манерами более утонченными, чем обычно можно было встретить среди колонистов, они естественным образом ассимилировались и их тянуло друг к другу. Они также в какой-то степени объединились с несколькими семьями лоялистов Объединенной Империи с исключительными претензиями, в жилах которых, как предполагалось, текла исключительно лазурная кровь. Были также допущены несколько человек, быстро разбогатевших на торговле и спекуляциях и таким образом приобретших влияние в обществе. За невообразимо короткий промежуток времени за этим союзом нескольких влиятельных клик последовали важные результаты. Они приобрели силу и влияние, которые в тогдашнем примитивном состоянии колонии превзошли все ожидания. Они втиснулись во все наиболее важные должности, руководили Советами представителей Государя и, одним словом, стали властью, стоящей за троном. В первые годы своего господства они организовали свои силы с большим тактом и рассудительностью и не разрабатывали своих планов до тех пор, пока они не были тщательно продуманы. Можно сказать, что они практически поглотили Исполнительный и Законодательный советы, поскольку эти органы были полностью составлены из лиц, либо отобранных из их числа, либо полностью подвластных их влиянию. Ни один человек, каковы бы ни были его способности, не мог надеяться преуспеть в какой-либо профессии или призвании в Верхней Канаде, если бы он осмелился заявить о себе в оппозиции к ним. Некоторые предприняли такую попытку, но потерпели сокрушительную неудачу.

Таков был Семейный договор. "В течение длительного времени", - говорит лорд Дарем,^[46] написанный в 1838 году, "эта группа людей, иногда пополнявшаяся своими членами, занимала почти все высшие государственные должности, благодаря которым и своему влиянию в Исполнительном совете она обладала всеми полномочиями правительства; она поддерживала

влияние в Законодательном органе благодаря своему преобладанию в Законодательном совете; и он избавился от большого количества мелких должностей, которые находятся под патронажем правительства по всей провинции. Говорят, что сменявшие друг друга губернаторы по мере того, как они приходили в свою очередь, либо спокойно подчинялись ее влиянию, либо, после короткой и безрезультатной борьбы, уступали этой хорошо организованной партии управление делами. Скамьи подсудимых, магистратура, высшие должности Епископальной церкви и значительная часть юристов заняты приверженцами этой партии: путем грантов или покупок они приобрели почти все пустынные земли провинции; они всемогущи в зафрахтованных банках и до недавнего времени почти исключительно делили между собой все доверительные управления и прибыль".

Влияние, породившее Семейный договор, не ограничивалось Верхней Канадой. В Нижней провинции, а также в Новой Шотландии и Нью-Брансуике сходные причины привели к сходным результатам, и термин "Семейный договор" в то или иное время был знаком всем британским североамериканским колониям. Но ни в одном из них организация не достигла такой полноты власти, как в этой Провинции, и ни в одном из них она не управляла скипетром власти с таким полным безразличием к принципам добра и зла. Его название является довольно неопределенной, но не неподходящей характеристикой. Лорд Дарем называет термин "Семейный договор" ненамного более подходящим, чем обычно для обозначения партий; "поскольку, - пишет он, - по правде говоря, между объединенными таким образом лицами очень мало семейных связей.^[47]" "Многое" - это оговорка, но если бы его светлость счел нужным детально разобраться в отношениях, существующих между членами этого сообщества, он бы обнаружил, что между ними было довольно много смешанных браков и что денежные интересы, которые связывали их вместе, были скреплены самыми прочными социальными узами.^[48] Однако название "Семейный договор" возникло не из-за какой-либо комбинации североамериканских колонистов, а было заимствовано из дипломатической истории Европы. По договору, подписанному в Париже 15 августа 1761 года представителями Франции и Испании, договаривающиеся стороны согласились гарантировать территории друг друга, оказывать взаимную помощь на море и суше и рассматривать врага любой из них как врага обеих. Этот договор, заключенный между двумя ветвями Дома Бурбонов, известен в истории как Семейный договор, и это название было принято в Канаде, а также в Приморских провинциях, для обозначения объединения, которое пользовалось монополией на власть и место в обществе, и среди членов которого, казалось, существовало полное, хотя и невыраженное, понимание того, что они должны объединять усилия против любых лиц, которые могут попытаться уменьшить или уничтожить их влияние.

Члены Семейного договора, за очень немногими исключениями, были членами Англиканской церкви, которую, в силу вышеупомянутых положений Конституционного акта, они рассматривали как Государственную церковь Верхней Канады, созданную законом и имеющую право на особое почитание жителей. Они считали членами Англиканской церкви всех людей, которые не были фактическими членами какой-либо другой религиозной организации, и при перечислении людей в статистических целях они иногда даже заходили так далеко, что включали младенцев диссидентов в число епископалов. Они пытались защитить предполагаемое создание Государственной церкви в Канаде аргументами, до использования которых удивительно, что образованные и интеллигентные люди когда-либо опускались. "В каждой христианской стране должна быть установленная религия, - сказал доктор Стрейкен в своем выступлении перед Специальным комитетом по рассмотрению жалоб в 1835 году, - в

противном случае это не христианская, а неверующая страна".[49] Согласно их теории, одной из основных целей правительства Верхней Канады было распространение религиозной истины, изложенной в доктринах Англиканской церкви. Правда, тогда аргументы по этому вопросу были не так хорошо поняты, как сейчас. Небольшая книга м-ра Гладстона "Государство в его отношениях с церковью" и ответ Маколея на нее в "*Эдинбургском обозрении*" тогда еще не были опубликованы. Но некоторые из наиболее убедительных аргументов, приведенных Маколеем, были стары как мир; и даже мистер Гладстон, при всем своем юношеском энтузиазме, не отважился занять столь нелепую позицию, какую заняли сторонники Государственной церкви в этой Провинции. Их фанатизм и нетерпимость совершенно не соответствовали тому времени, в которое они жили, и больше подходили для времен архиепископа Лауда или сэра Роберта Филмера. О том рожденном небесами милосердии, которое долго страдает и доброе; которое не превозносит себя и не кичится; которое не ищет своего и которое нелегко спровоцировать; которое не мыслит зла; которое радуется не беззаконию, но сорадуется истине; которое все переносит, всему верит, все переносит - о духе, который приводит к такому состоянию ума, мы находим мало следов в жизнеописаниях сторонников государственной церкви в Верхней Канаде в те дни. . Напротив, мы находим много недоброжелательности, много самохвальства, много эгоистичного тщеславия, много стремления не только к своему собственному, но и к тому, что по праву принадлежало их соседям. Поборников церковной монополии легко было вызвать к гневу, а также к тому, что они думали и говорили всяческое зло о тех, кто расходился с ними в том, что касалось распределения Резервов Духовенства. К римскому католицизму они относились с определенной терпимостью, поскольку римско-католическая иерархия оказывала правительству непоколебимую поддержку в обмен на свободу и привилегии, которыми они пользовались. Но их веротерпимость не была достаточно широкой, чтобы охватить какую-либо другую форму религиозных верований. На инакомыслие во всех его многообразных проявлениях они смотрели со смешанным чувством отвращения и презрения — как на то, чего следует избегать и на что наложено табу всеми здравомыслящими людьми. Несогласные служители религии считались "низшими людьми", которых не считалось грехом преследовать и, по возможности, изгнать из страны. Сравнительно немногим из последних было разрешено вступать в брак в течение первых сорока лет истории провинции. Согласно статуту 38 Георга III, глава 4, принятому в 1798 году, привилегия делать это была предоставлена служителям "Шотландской церкви, или лютеранам, или кальвинистам"; но это было огорожено громоздкими ограничениями, которые, должно быть, воспринимались как унижительные и ненужные. Согласно этому Закону, ни одно лицо не должно было рассматриваться в качестве министра до тех пор, пока оно не предстанет перед мировыми судьями на квартальных сессиях и не представит удовлетворительные документы, подтверждающие его рукоположение. Он также был вынужден принести присягу на верность. Даже после соблюдения всех формальностей его функции ограничивались случаями, когда одна или обе стороны, подлежащие объединению, принадлежали к его собственному религиозному обществу. Служители других конфессий, в том числе методистской организации, которая была самой многочисленной религиозной общиной в провинции, не имели привилегии совершать брачные обряды до 1831 года. Позорная дисквалификация была отменена статутом 11 Георга IV, глава 36, который был принят в 1830 году, но не получил королевского одобрения до следующего года. Аналогичная мера неоднократно принималась Ассамблеей на предыдущих сессиях, но столь же часто отклонялась Верхней палатой. Прежде чем закон был окончательно и справедливо урегулирован, как упоминалось выше, несколько священнослужителей были преданы суду и изгнаны из провинции за то, что осмелились заключить брак без законного разрешения.

Говорят, что в одном случае, когда священник предстал перед судом по обвинению подобного рода, обвиняемый опротестовал свой приговор, утверждая, что председательствовавший на процессе Верховный судья сам санкционировал проведение церемонии. Главный судья, которого призвали спуститься с судейского места и дать показания относительно этого факта, отказался это сделать; но впоследствии он добился помилования заключенного.^[50]

Соглашение всегда содержало в своих рядах несколько человек с более чем средними способностями. Некоторые из них, несомненно, верили, что курс, проводимый их организацией, был на благо колонии, хотя, рассуждая в свете современных знаний, трудно понять, как люди даже с умеренной проницательностью и рассудительностью могли прийти к такому выводу. Однако было неизбежно, что люди с такими узкими и ограниченными взглядами — люди, для которых "я" и "шкура" были главными движущими силами жизни, — должны были вырождаться, как умственно, так и морально. Люди, составляющие второе поколение, были, за очень немногими исключениями, яркими иллюстрациями доктрины происхождения человека. Их предками были люди энергичные и с сильным характером. Сами они были — если позаимствовать фразу из действующей драмы — простыми гулящими джентльменами колонии. Сайры разработали смелую и решительную политику и от начала до конца проводили ее с неизменной энергией. У сыновей не было ни мозгов, чтобы зачать, ни благоразумия, чтобы воплотить в жизнь чужие замыслы. Родителями были люди, которых простолюдины могли уважать. Сыновья были людьми, которых невозможно было не презирать. Несомненно, что более в высшей степени заурядную и презренную расу людей редко можно было увидеть на земле, чем четыре пятых второго поколения этой незаконнорожденной аристократии Верхней Канады. Она не имела никакого сходства ни с какой другой аристократией, о которой история сохранила какие-либо сведения. Старая римская общественность, хотя и стонала под железной пятой тирании, все как один сознавали тайную гордость за своих имперских угнетателей. Ибо римская аристократия была аристократией от природы. Римские патриции заставляли иностранных правителей приседать и трепетать при одном имени Рима. Их триумфы были триумфами нации. Гай Кориольский, Фурий Камилл, Тит Капитолин — это были имена, одно произнесение которых будоражило римскую кровь подобно звуку трубы. В течение многих долгих лет после того, как один надменный диктатор уснул своим последним сном под стенами Пренесте, а другой совершил свое последнее погружение под желтый Тибр или с Тарпейской скалы, их подвиги служили сюжетами для рассказов и песен у римских походных костров. Эти могущественные представители господствующего класса не проявляли особой симпатии к плебейам, на которых они смотрели свысока с большой высоты и по отношению к которым они всегда вели себя надменно и презрительно. Но римляне всех степеней терпели их гордыню, ибо они снискали много славы римскому имени. По словам того, кто с редким совершенством интерпретировал настроения тех времен, Рим мог гордиться тем, кем гордилась она сама. Старофранцузская знать, опять же, не была лишена положительных качеств. Их тяжкое иго не несло бы от правления к правлению и столетие за столетием даже те, кто казался примиренцем, составлявшим основную часть французского населения в дореволюционный период, если бы все они были подобны злой святой Эвремонде из трагической истории мистера Диккенса. Как класс, они обладали утонченным французским изяществом, которое делало их самые тяжкие требования менее тяжелыми, чем требования их восточных соседей. В них безошибочно угадывалось *высокое благородство*, всегда отточенное и исполненное достоинства. Некоторым из них, таким как Филипп Эгалите, хватило хитрости, когда пришло время суда, поддаться народному порыву и даже проявить рвение к гражданству. Сравнительно немногие

из них были одновременно *пресыщенными* и безмозглыми. Можно усомниться, сочетал ли кто—нибудь из них - как это делали многие рядовые представители второго поколения Семейного договора Верхней Канады — притязания аристократа с чувствами грубияна и интеллектуальным развитием ребенка. И еще. Чувство почтения, с которым английская общественность на протяжении веков относилась к Палате лордов, достаточно легко понять. Это чувство, кажется, быстро проходит, если, конечно, оно еще не прошло. Но она не просуществовала бы со времен Плантагенетов до времен королевы Виктории, если бы у нее не было какого-то существенного основания, на которое можно было бы опереться. В Палате лордов всегда было много людей высокой порядочности и способностей. Поверьте всем и каждому, это, вероятно, самое справедливое и интеллектуальное аристократическое собрание, которое когда-либо видел мир. Возможно, это не очень высокая похвала, но, по крайней мере, ее можно принять такой, какой она есть. Отдельные его члены редко оказываются достаточно близко к низшим слоям общества, чтобы дать последним возможность обнаружить их слабости. Их богатство, престиж и социальное положение дают им огромное влияние, в то время как в то же время их законодательная власть контролируется прямыми представителями народа. Большинство из этих условий были прямо изменены в Верхней Канаде, где члены доминирующей фракции были поставлены в самые тесные отношения с народом в целом, настолько, что их многочисленные недостатки невозможно было скрыть. Слишком часто было известно, что такое богатство, каким они обладали, они приобрели за счет остальной части общества. Нижняя палата не смогла эффективно сдерживать их, поскольку им либо удалось вернуть достаточное количество своих инструментов для контроля за голосованием в этом органе, либо они сделали бесполезной работу Ассамблеи, используя свое влияние в Законодательном совете. У них не было ни капли изящной обходительности сеньоров Нижней Канады. Они также не могли похвастаться превосходством, полученным в результате гуманитарного образования. Многие из них — даже включая некоторых из тех, кто занимал высокие государственные посты, — были настолько неграмотны, что не могли написать простое деловое письмо, не допустив орфографических ошибок, за которые любой, кроме Артемуса Уорда или Джимса де ла Плюша, вполне мог бы устыдиться.

Почти все ведущие умы этой странно подобранной олигархии были либо богаты, либо находились на прямом пути к богатству. Будучи с комфортом обеспечены за государственный счет в виде богатых офисов или диких земель, или того и другого вместе, они приобрели разбухающий порт и подражали, насколько это было им известно, манерам и обычаям высших классов Великобритании. Они строили свои жилища в подражание старомодным английским усадьбам, с разнообразными крыльями и фронтонами, а также с широкими вестибюлями, которые в случае необходимости могли бы послужить приемными покоями. Они ужинали долго и допоздна, с большой старомодной помпой и церемониалами. Они выезжали в каретах, украшенных геральдическими эмблемами, в сопровождении широкоплечих лакеев в фамильных ливреях. Определенные социальные обычаи ранней георгианской эпохи, давно изжившие себя в Англии, процветали в общественной жизни Литтл-Йорка вплоть до периода, который памятен многим людям, которые все еще живы. Аристократическая клика, сохранявшая эти обычаи, была в высшей степени жесткой и эксклюзивной. Ни один посторонний не допускался в заколдованный круг, если у него не было соответствующего билета и аккредитации. Попытка перенести обычаи старого и развитого общества на примитивные улицы и переулки таких мест, как Йорк, Кингстон и Вудсток, на какое-то время оказалась более успешной, чем можно было предположить. Те из семей, которые

придерживались манеры борна, соблюдали эти обряды с большим изяществом. Они привезли свои традиции с собой через Атлантику, и хотя такие традиции не очень подходили для гения молодой и малонаселенной колонии, они, по крайней мере, поддерживались с некоторым уважением к источникам, из которых были почерпнуты. Что касается претендентов, составлявших часть клики и принятых в нее по особым политическим причинам, то попытка копировать привычки своих социальных начальников была, вообще говоря, менее удовлетворительной. По правде говоря, существовал внутренний социальный круг, в который этих последних никогда не приглашали присоединиться. Они, однако, пользовались всеми политическими и финансовыми преимуществами, вытекающими из их связей, и посторонним было нелегко отличить их от самого руководителя организации.

Что касается богатых членов правящей фракции. Но среди них было немало не только небогатых, но и совершенно неимущих. По большей части это были члены старых деревенских семей, которые отправили их в Канаду с единственной целью избавиться от них. Другие были офицерами на половинном жалованье, которые потратили все свое состояние на то, чтобы обосноваться на земле, после чего обнаружили, что не в состоянии зарабатывать на жизнь, и затем продали свою собственность за столько — или как можно меньше — сколько им удалось получить. Эти последние, распорядившись своими землями, обычно отправлялись в города, и большинство из них рано или поздно добиралось до столицы провинции. Там они стали послушными рабами тех, кто стоял у власти, и добывали себе ненадежные средства к существованию, делая себя полезными различными способами. Исполнительная власть всегда могла найти определенный объем работы для таких людей, хотя, по правде говоря, предложение часто превышало спрос. Кодекс социальной этики, вошедший в моду среди этого класса, был таким, какого можно было ожидать от людей, воспитанных в убеждении считать себя объектами особого расположения судьбы. Они считали ручной труд унизительным. Любой человек, независимо от его способностей, зарабатывающий на жизнь в поте лица или даже честным ремеслом, считался неподходящей компанией для вывода паразитов, которые цеплялись за соблюдение Договора и, тем не менее, без колебаний выполняли работу, от которой средний уличный торговец содрогнулся бы с отвращением. Их работодатели иногда допускали их к своим столам и даже к некоторой степени социальной близости. Чаще всего они дарили им старую одежду, новые платья для их жен на Рождество или — когда дела шли на спад — центнер муки или полбочки свиного фарша. И все же получатели этих милостей гордились своим знатным происхождением и высокими связями и почувствовали бы себя оскорбленными, если бы кто-нибудь осмелился намекнуть, что им следует на равных обратиться к бакалейщику или мяснику на соседней улице.

Теперь читатель имеет перед собой достаточный набор фактов, позволяющих ему составить довольно точное представление о состоянии социальной жизни в Верхней Канаде во времена, предшествовавшие восстанию. Само собой разумеется, что такая монополия на власть, которой обладала и пользовалась правящая фракция, должна была вызывать зависть и противодействие со стороны тех, кто не наслаждался ее улыбками и не участвовал в ее нагребленном. Начал раздаваться громкий ропот против задержек и пристрастности в департаменте по предоставлению земель, а также против коррумпированного подхода, которым в целом велись государственные дела провинции. Перед окончанием *режима* губернатора Хантера эти слухи стали достаточно громкими, чтобы вызвать немалое беспокойство у некоторых чиновников, у которых было больше всего причин опасаться дознания. В одних подразделениях службы злоупотреблений было больше, чем в других, но

казнокрадство преобладало в большей или меньшей степени почти везде. Министерство по делам Индии было печально известно коррумпированностью своих чиновников. Имперское правительство ежегодно выделяло сумму в шестьдесят тысяч фунтов стерлингов для распределения между различными племенами, а также для оплаты агентов и переводчиков. Распределение среди индейцев осуществлялось главным образом в форме товаров, которые особенно привлекали умы благородных дикарей, — таких товаров, например, как мушкеты, порох, пули, ножи, томагавки, топоры, одеяла, блески, карманные зеркальца и — последнее, но отнюдь не последнее по значимости — огненная вода. Возможности, которые предоставлял этот грант для наживы, были слишком заманчивы, чтобы им можно было сопротивляться. Агенты и их подчиненные, от высших до низших, были обязаны своим положением своему раболепию и полезности для тех, кто стоял у власти. До тех пор, пока они оказывались полезными и послушными своим хозяевам, не было большой вероятности того, что их привлекут к серьезной ответственности за любые беззакония, которые они могли совершить по отношению к Ирокезу или Сенеке, Онейде или Миссиссоге. В результате индейцы были ограблены, а правительство ограблено; и грабители, чувствуя себя под надежной защитой своих начальников, безнаказанно занимались своим гнусным ремеслом.^[51] В других подразделениях службы имели место не менее тяжкие, но менее печально известные злоупотребления властью. Вероятно, не каждое десятое из них когда-либо всплывало, но время от времени происходили неловкие разоблачения, которые невозможно было скрыть. Все это в совокупности породило широко распространенное недоверие к официальной клике. Недостаток доверия, не без веских на то оснований, распространялся даже на блюстителей закона. Судьи, как уже упоминалось, занимали свои должности по воле исполнительной власти и, по крайней мере в некоторых случаях, были бесстыдно рабепными и коррумпированными. Это привело к тому, что их решение было проигнорировано строгими присяжными, которые меньше заботились о букве закона, чем о его духе. Мистер Джон Миллс Джексон в своем "Взгляде на политическую ситуацию в провинции Верхняя Канада", опубликованном в 1809 году, рассказывает о случае, когда люди взбунтовались и разбили общественные запасы в присутствии Главного судьи.^[52] Общественное недоверие к блюстителям закона, похоже, распространялось не только на судей Высших судов. Это распространялось и на сельских судей, некоторые из которых превратили свои должности в товар таким образом, который вызвал бы восхищение самого Фальстафа. "Владельцы магазинов, — пишет мистер Джексон, — являются мировыми судьями. У них есть средства вымогательства и власть принуждать к уплате платежей. Сначала они преступники, затем судьи; и апелляционный суд, похоже, устроен так, чтобы препятствовать вступлению в силу честного приговора. Практика суда несправедлива, деспотична и подвержена влиянию. Любимых адвокатов назначили заместителями мировых клерков, чтобы можно было начать процесс и получить судебные приказы в большинстве случаев. Коронному адвокату полагается почти семь фунтов стерлингов за каждое уголовное преследование! стимул выслушивать пустяковые жалобы и предпочитать легкомысленные обвинения, когда, если власть была удовлетворена, а независимость ущемлена, это было достаточным оправданием для раздутого условного счета ". Автор этой язвительной филиппики против мелкого угнетения переходит к рассказу о случае, когда был возбужден иск против магистрата, который использовал свою власть незаконным и деспотичным образом. Против него был вынесен приговор в размере ста фунтов стерлингов. В Суд Королевской скамьи было подано ходатайство об отмене приговора, которое было отклонено; после чего королевский юрист приказал секретарю суда, в котором было получено решение, не приводить его в исполнение. Клерк знал, что лучше не нарушать приказ из такого источника, и, соответственно,

истец ничего не взял по своему вердикту. Неправедный магистрат избежал наказания за свои проступки и создал своего рода постоянный прецедент для беззакония судей. Другие столь же вопиющие нарушения правосудия зарегистрированы тем же органом. Незаконный и неоправданный судебный иск, вынесенный по иску короны против одного из гражданских должностных лиц. Это длилось годами, и все же офицер не осмелился сопротивляться притеснениям, обратившись за правосудием. "Когда [размер] был столь же властно снят, сколь и произвольно наложен, - пишет г-н Джексон, - шериф не осмелился требовать плату, затраченную на удержание владения в соответствии с судебным приказом, или типограф подал в суд на деньги, выделенные ему Палатой Собрания за печатание их журналов. Геодезисты не смогли получить деньги, которые они фактически потратили на государственной службе, а люди не смогли возместить вымогаемые гонорары. Поэтому, когда не было ни сущности, ни тени закона или справедливости, но воля власти была правилом принятия решений, общественное сознание было крайне взволновано, и Провинция погрузилась во всеобщий мрак".

Недовольство, вызванное официальной тиранией, было, однако, почти бессильно против беззаконников, которые так прочно закрепились на своих местах, что, казалось, ничто не могло их поколебать. Многие из них, сознавая свое неправомерное поведение, несомненно, испытывали тайные опасения всякий раз, когда происходил какой-либо особенно значительный всплеск народного недовольства. Но в течение многих лет они были способны выступать единым и наглым фронтом и сокрушать любого, кто осмеливался хотя бы пальцем помахать против них. На одной из бывших страниц было намекнуто, что Роберт Гурли был не первой жертвой тирании исполнительной власти. Первой заметной жертвой, о которой сохранились какие-либо записи, был мистер Роберт Торп, английский барристер с большим образованием и проницательностью, который в 1805 году был назначен влиятельным судьей Суда королевской скамьи Верхней Канады. До своего прибытия в эту страну мистер Торп никогда не отличался какими-либо особенно либеральными взглядами, но он был человеком просвещенного ума и руководствовался честным желанием исполнить свой долг. Вскоре он понял, что отправление правосудия в этой провинции было немногим лучше пустой насмешки. Он решил сделать все, что в его силах, чтобы восстановить доверие общества к судебной коллегии, и его суд вскоре стал популярным форумом для честных тяжущихся сторон, поскольку всем было очевидно, что он держал весы правосудия ровной рукой, и его нельзя было ни уговаривать, ни принуждать к извращению закона. Не успел он пробыть в стране и года, как был широко известен как честный судья и своего рода поборник народных прав. Большое жюри доверилось ему и изложило перед ним свои жалобы. Они были предъявлены им властям в Йорке по возвращении с обхода; этого было вполне достаточно, чтобы обрушить на его голову противодействие фракции, которая процветала именно из-за этих обид. Все влияние Семейного Договора объединилось против него в смертельной вражде. Фрэнсис Гор прибыл в качестве вице-губернатора летом 1806 года. Члены его совета сообщили ему, что судья Торп был опасной и революционной личностью. Несомненно, прошедший год ознаменовался решительной склонностью со стороны народа отстаивать свои права против невыносимых притеснений своих угнетателей, и что дух сопротивления нарастал по всей стране. Губернатор Гор и его советники отменили индуктивный процесс и приписали народное недовольство влиянию нового судьи. Эта кажущаяся убежденность с их стороны была усилена некоторыми замечаниями самого судьи Торпа, сделанными в ответ на выступление Большого жюри Лондонского округа. "Искусство управления, - сказал он, - трудная наука. Знание не дается инстинктивно, и дни вдохновения прошли. Поэтому, когда в Администрации не было ни таланта,

ни образования, ни информации, ни даже хороших манер, мало чего можно было ожидать, и ничего не производилось ". Здесь явно имеется в виду *режим* губернатора Хантера и commodора Гранта; и намек на то, что при недавно прибывшем губернаторе можно надеяться на лучшее. "Но, - продолжал судья, - существует конечная точка как депрессии, так и экзальтации, начиная с которой все человеческие дела естественным образом развиваются или отступают. Следовательно, пропорционально вашей депрессии, мы можем ожидать, что ваш прогресс в процветании будет продвигаться ускоренными темпами ". Он также в ходе своего обращения выступил с критикой Закона об иностранцах 1804 года. Добравшись до Йорка в конце объезда, он изложил новому вице-губернатору различные жалобы, которые были ему поручены. Они были приняты мистером Гором и его советниками с очень недоброжелательностью. Жалобы из Лондонского округа были изложены с большой энергией и ясностью, и поскольку они попали в печать, их нельзя было замалчивать или полностью игнорировать. Была предпринята попытка показать, что глава с жалобами была представлена присяжными не потому, что действительно было на что жаловаться, а потому, что судья Торп сам подтолкнул их к такому поведению. Поскольку это обвинение было открыто выдвинуто, мистер Торп в качестве судьи Королевской скамьи добился возбуждения дела по типу *scandalum magnatum*. Однако его братья-судьи, некоторые из которых были членами Исполнительного совета, и все они находились под сильным влиянием с этой стороны, постановили, что судебное разбирательство не может быть продолжено, и, соответственно, оно провалилось. Также была предпринята попытка сначала запугать, а затем подкупить Большое жюри. Из канцелярии вице-губернатора им было направлено письмо с просьбой более конкретно изложить основания их жалоб. Получатели ответили тем, что подготовили и направили более веское обоснование, чем раньше. Затем умелой рукой было составлено заявление об отказе от присяжных и вручено каждому члену Жюри в отдельности, при этом в качестве стимула подписать его было предложено вознаграждение. Присяжные, однако, не были готовы отказаться от своих свобод таким образом, и попытка полностью провалилась. Пока исполнительная власть размышляла о том, как наиболее эффективно нанести удар судье Торпу, в представительстве одного из избирательных округов в Родном округе образовалась вакансия. В те времена, как уже было видно, должность судьи не была препятствием для политической жизни, и к мистеру Торпу явилась депутация с многочисленным обращением, в котором он просил его стать их представителем. Он ответил, что не станет партизаном, но что, если его вернут в парламент, он без колебаний выполнит свой долг. Как только стало известно, что "Радикальный судья", как его называли, был кандидатом в Ассамблею, ведущие сторонники Соглашения поднялись, чтобы победить его. Это было достаточно естественно. То, что они применили против него все средства, которые только могла изобрести их изобретательность, — среди прочего, подкуп, очернение и преднамеренную клевету, — это также было естественно, если учесть время и людей. "Каждый механизм, находящийся в пределах досягаемости власти, - пишет г-н Джексон, - был использован с целью подавления желаний людей в этом случае. Все интересы должны были уступить в пользу кандидата, который с наибольшей вероятностью добьется успеха в отличие от мистера Торпа. Любое лицо, работавшее по найму, ожидавшее или имевшее право на землю, получало удовлетворение, обещания или угрозы; магистраты назначались и снимались с должности в соответствии с тем, что наилучшим образом соответствовало целям предвыборной агитации; выдавались гранты; лица, обладающие высокой властью, освобождались от гонораров или обещали их выплату. Даже слуги были подкуплены местами, землей и деньгами, чтобы путем прямой лжи очернить и обвинить самых честных, услужливых и уважаемых людей в провинции ". На этот раз общественное мнение оказалось слишком

сильным, чтобы повлиять на Семейный договор. Судья Торп был возвращен, и от его карьеры в парламенте ждали многого. Но триумф свободы был недолгим. Соглашение было слишком сильным, чтобы толпа могла безнаказанно противостоять ему. Вице-губернатор Гор подчинился его желаниям, и, кроме того, к этому времени он сам возненавидел популярного судью и был твердо намерен добиться от министра по делам колоний отзыва судьи Торпа. В одном из его частных писем, написанном из Кингстона во время поездки из Йорка в Монреаль, через несколько месяцев после избрания Судьи в Ассамблею, эта резолюция излагается в недвусмысленных выражениях. "Цель выступлений мистера Т. [Торпа], - пишет он, - по-видимому, состоит в том, чтобы убедить народ выгнать каждого джентльмена из Палаты собрания. Однако, умоляю вас, держите себя в руках по отношению к этим негодям. Я буду представлять все в Сент-Джеймсе ". Он сдержал свое слово, и в октябре 1807 года в *Газетт* было опубликовано объявление о том, что вице-губернатору было поручено отстранить мистера Торпа от должности судьи, что, мы можем быть совершенно уверены, было сделано без ненужной потери времени.

Таким образом, Майк продолжал торжествовать над правом. Не было ни малейшего обвинения в чем-либо против личности судьи. Его профессиональные достижения были высокими; его личный характер незапятнанным. Его дальнейшее присутствие в Канаде было бы благословением для всех, кроме расы тиранов, которые попирали народную свободу. Тем не менее, его отстранили, потому что он слишком уважал себя и свою должность, чтобы исказить суждения, и потому что он призвал справедливых покончить с господством коррупции. По его возвращении в Англию Министерство по делам колоний ничего против него не выдвигало, а просто предположило, в качестве оправдания его отзыва, что его пребывание в Верхней Канаде привело бы к постоянному нарушению общественного спокойствия. Он возбудил дело в одном из английских судов против мистера Гора, который был осужден за клевету, но отделался гораздо легче, чем заслуживал, незначительным штрафом. В качестве компенсации за свой отзыв из Верхней Канады судья Торп был назначен верховным судьей Сьерра-Леоне. Там он оставался в течение двух лет, к тому времени климат настолько подорвал его здоровье, что он был вынужден вернуться домой. По просьбе ряда местных жителей он привез с собой в Англию петицию, в которой жаловался на определенные злоупотребления тамошней властью. За это тогдашнее министерство отстранило его от должности. Его назначение на пост Главного судьи было отменено, и вместо него в Западную Африку был направлен другой судья. Остаток его жизни прошел в неизвестности и заброшенности, и когда он умер, его семья осталась без каких-либо средств к существованию. Такова была печальная судьба благородного и возвышенного человека, единственная вина которого заключалась в том, что он был слишком чист для того времени, в которое жил, и для людей, среди которых выпала его судьба.

Еще одной ранней жертвой, жизненный опыт которой, кажется, противоречит пословице о том, что честность - лучшая политика, был генерал-инспектор Уайатт. Нет необходимости подробно вдаваться в подробности его дела. Он был повсеместно признан компетентным и честным чиновником, настолько, что в настоящее время о нем говорят, что он был слишком хорош для хозяев, которым служил. Но он рискнул вмешаться от имени одного из подчиненных в своем офисе, которому было отказано в стипендии, на которую, по мнению мистера Уайатта, он имел право. Затем он осмелился выступить против Совета в связи с незаконной покупкой большого участка земли у индейцев Миссиссоги. Наконец, он зашел так далеко, что выразил глубокое уважение к мужественному и независимому поведению судьи Торпа. Тайный конклав быстро

вынес приговор. Никто не осмеливался обвинять его в чем-либо, однако вице-губернатор лишил его должности, и в его кабинете был установлен гибкий инструмент.

У Джозефа Уиллокса был еще более горький опыт. Он был ирландцем с гуманитарным образованием и большим энергичным характером, чье влияние в официальных кругах было достаточно велико, чтобы добиться для него поста шерифа Родного округа. В течение нескольких лет между ним и его начальством не возникало никаких разногласий. Он был известен как компетентный офицер, который выполнял свои обязанности с большим вниманием к нуждающимся и неудачникам. Но его частые официальные поездки по Родному Округу позволили ему собственными глазами увидеть катастрофические последствия Резервирования духовенства, системы предоставления земли и господства Семейного договора в целом; и в нескольких случаях у него хватало смелости высказать свое мнение по этому поводу. Предпринимались попытки заставить его замолчать, сначала увещеваниями, а затем угрозами, но все безрезультатно. Когда судья Торп начал выступать в качестве своего рода народного трибуна, Уиллоккс заявил, что он тоже на стороне народа. Когда судья стал кандидатом в депутаты парламента, шериф, имевший право голоса в избирательном округе, проголосовал в его пользу. За это он разделил судьбу генерал-топографа и был немедленно отстранен от должности вице-губернатором. Но он происходил из боевого рода, и его нельзя было подавить простым обстоятельством лишения официального дохода. Он основал газету под названием *The Upper Canada Guardian*, или *Журнал Фримена*. В этом листке, который редактировал сам мистер Уиллоккс, пропагандировались различные желательные меры по реформированию, а доминирующая фракция время от времени упоминалась в оскорбительных, но, конечно, не лживых или незаслуженных выражениях. Газета разошлась значительным тиражом и вскоре сделала своего редактора объектом лютой ненависти со стороны властей. На него обрушились самые гнусные оскорбления, и он подвергся преследованиям, почти таким же тяжким, какие впоследствии выпали на долю Роберта Гурлея. Сам губернатор Гор в дошедшем до нас письме, написанном в 1807 году, называет его "этим отвратительным чудовищем, которое заливает провинцию кровью". Влияние отвратительного монстра, однако, продолжало расти, и после ухода судьи Торпа на пенсию из Верхней Канады он был возвращен в Ассамблею вместо него в Западный райдинг графства Йорк, Первый Райдинг графства Линкольн и графство Холдиманд. Поскольку он был готовым и сильным оратором, а также энергичным писателем, чувствовалось, что вскоре он станет невыносимым, если его карьера не будет эффективно пресечена. Соответственно, он предстал перед Ассамблеей по надуманному обвинению в том, что в частной беседе, состоявшейся в доме некоего мистера Гленнана в Йорке, неуважительно отозвался о некоторых членах Ассамблеи. Это судебное разбирательство было самой настоящей пародией на формы правосудия. Обвиняемый был признан виновным и помещен в общую тюрьму Родного округа, где должен оставаться во время заседания парламента.^[53] Это унижение он был вынужден терпеть, находясь много недель взаперти в маленькой тесной камере, которую ему не разрешалось покидать ни на минуту. Кроме того, на него подействовали обвинения в клевете, а также тайные расследования его личных дел. После расширения он продолжал публиковать свою газету, но его так замучили непрекращающиеся преследования, которым он подвергался, что он практически ничего не мог добиться на пути реформ. Из некоторых его голосов в Ассамблее следует, что он делал молчаливые попытки к примирению со своими врагами,^[54] но он оскорбил слишком глубоко, чтобы его можно было простить, и их злобу было не унять. В конце концов он был вынужден отказаться от публикации *Guardian* из-за нехватки средств для ее продолжения. Несмотря на все, что ему пришлось пережить, его

верность оставалась непоколебимой, и когда началась война 1812 года[55] он откликнулся на призыв добровольцев, взвалив на плечо свой мушкет и совершив богослужение как мужчина в битве при Куинстон-Хайтс. Но даже это не принесло ему ни уступчивости, ни иммунитета от злоупотреблений. Он обнаружил, что разорился, что ему противостоят и ненавидят власть имущие, что перед ним нет никакой перспективы, кроме голодной смерти. Нет ничего необычного в том, что человек, оказавшийся в таких условиях, впал в уныние. В момент раздражения он дезертировал из рядов, где его считали столь незначительным. В сопровождении небольшого отряда канадских добровольцев он отправился в лагерь врага, где предложил свои услуги и получил чин полковника. Он служил под командованием генерал-майора Брауна при осаде форта Эри, где был убит при постановке караула.

Таковы три наиболее заметных примера министерской тирании в сравнительно ранние времена. Как упоминалось ранее, они привлекли менее широкое внимание, чем дело мистера Гурли несколько лет спустя, потому что, хотя они и были показательными примерами злоупотребления властью, они не были отмечены такой утонченной жестокостью, и потому что они вызвали политические симпатии сравнительно немногих. Во времена судьи Торпа, Уайатта и Уиллокса господствующий класс не только обладал монополией на власть, но и они сами и их приверженцы были численно на подъеме. Во времена преследований Гурлея население было разделено гораздо более равномерно. Олигархия по-прежнему контролировала все пути к власти, но в обществе существовал многочисленный и неуклонно растущий класс, который признавал тот факт, что необходимы многие изменения, прежде чем Верхняя Канада сможет стать процветающей и хорошо управляемой колонией и удовлетворительным местом жительства для среднего британского иммигранта.

Завершая этот поспешный обзор природы и последствий господства Семейных договоров в Верхней Канаде, я не хотел бы, чтобы меня поняли как высказывающего огульное осуждение всем отдельным членам этого органа. Джон Беверли Робинсон, например, хотя и был причастен ко многим своевольным актам угнетения, был человеком несомненных способностей и характера, внушавшего уважение. Его потомки сегодня являются одними из самых уважаемых и влиятельных членов общества в столице нашей провинции. Несколько других были людьми с высоким личным характером и способностями выше среднего. Они действовали в соответствии со временем и обстоятельствами, и следует предположить, что делали это добросовестно. Но такие люди, как эти, составляли лишь очень незначительную долю от всего состава Соглашения. У рядовых был совершенно другой цвет лица. На характеристики наиболее бедных среди них уже были сделаны намеки; но, независимо от них, было много состоятельных людей, которые высоко держали голову, которые, тем не менее, были очень плохо подготовлены для того, чтобы завоевать восхищение касты, к которой они принадлежали. По правде говоря, большинство из них были самыми обычными заурядными личностями, респектабельными, бесплодными, лишенными идеалов — теми, кого доктор Джонсон охарактеризовал бы как чрезвычайно бесплодных негодяев. Некоторые из них имели неясное происхождение, и было бы трудно проследить их родословную, если бы потребовалось проследить ее дальше одного поколения. Из этих последних, как уже было видно, лишь немногие сколотили состояние торговлей или спекуляцией и благодаря удачному стечению обстоятельств попали в круг избранных.

Таким образом, среди Компакта число лиц хорошего происхождения, обладающих достаточной квалификацией, чтобы оправдать свои аристократические пристрастия, и достаточными

способностями, позволяющими им руководить колониальной политикой, было невелико. И ни в коем случае не следует предполагать, что вся благородная кровь в Провинции ограничивалась этим Договором. Среди пионеров Верхней Канады было много людей с мягким воспитанием, которые, тем не менее, презирали изображать из себя аристократов в стране, где подобные предположения были совершенно неуместны, и которые мужественно приспосабливались к своему примитивному окружению. Как хорошо заметил мистер Макмаллен,^[56] "Хотя они научились владеть топором и качать люльку с энергией и мастерством самого грубого жителя лесной глуши, они сохранили свои утонченные манеры, свои литературные вкусы, свою любовь ко всему прекрасному и элегантному; и таким образом оказали самое благотворное влияние на своих деревенских соседей. В отсутствие школ, церквей, большинства облагораживающих влияний цивилизованного общества этот класс первых поселенцев Верхней Канады был наиболее полезен. Их превосходное образование, их благовоспитанные манеры, их более утонченные привычки подняли их в глазах сельского населения, которое вскоре молчаливо признало превосходство, которое никогда бы не было признано, [если бы оно было] заявлено более прямо". Большинство, хотя и не все, из этих джентльменов были тори и, почти без исключения, сохраняли свою лояльность при любых обстоятельствах и переменах. Во время войны 1812-15 годов и снова во время волнений, вызванных Восстанием, они оказались верны своим инстинктам тори и с готовностью встали на сторону правительства. Их социальные наклонности были в равной степени далеки как от грубой невоспитанности обычных поселенцев, так и от притворства и церемониала клики самозванных аристократов. Как правило, они сохраняли толику участия государства в регулировании своих домашних дел, хотя и держались в стороне от Договора и его практики и посвятили себя различным отраслям промышленности — среди прочего, образованию молодежи; освоению изученных профессий; открытию и развитию новых торговых путей; и превращению непроходимых лесов в пахотные поля.

Еще один факт, который важно иметь в виду при оценке последствий *режима* Соглашения. Захватывая все официальные и другие трофеи, находящиеся в пределах их досягаемости, и попирая свободы народа, магнаты Верхней Канады просто шли по стопам Мелких ракушек Великобритании. Этот период был переходным во всем цивилизованном мире. Права народа были поняты лишь несовершенно, и идея о том, что хорошему правительству лучше всего служит распространение справедливости и равных прав на все классы, только начала зарождаться в умах общественных деятелей, даже в старых и давно укоренившихся сообществах. То, что Канада не шла в ногу со временем, не вызывает удивления; но испытание, через которое она была вынуждена пройти на пути к полной и гарантированной свободе, формирует эпоху, которую крайне необходимо понимать и часто вспоминать всем, кто ценит блага, которые являются неотъемлемым правом каждого канадца наших дней. Знание принципов и практики Семейного договора в старые времена является наиболее эффективной гарантией того, что такие времена никогда не вернутся и что ни наши дети, ни дети наших детей никогда не будут вынуждены снова сражаться в битве, которую так долго и терпеливо вели их предки.

СНОСКИ:

[45] Возможно, некоторым читателям покажется, что заключительные предложения этого абзаца выдержаны в слишком высокой тональности. Те, кто придерживается такого мнения, получают свет на этот предмет при внимательном прочтении различных официальных отчетов, опубликованных непосредственно перед принятием Закона о Квебеке в 1774 году, и особенно *Возгласа из Квебека*, опубликованного в Монреале в 1809 году.

[46] *Отчет о делах британской Северной Америки*, английское фолиантное издание, стр. 53.

[47] *Ib.*

[48] Насколько лорд Дарем был прав, говоря, что между членами Соглашения было "мало семейных связей", станет ясно из следующего "любопытного, но точного заявления", подготовленного мистером У. Л. Маккензи для его *Очерков Канады и Соединенных Штатов*, опубликованных в Англии в 1833 году. Это можно найти на стр. 405-409 этой работы. "Когда я покинул Верхнюю Канаду в прошлом году, - пишет мистер Маккензи, - некоторые должности, синекуры и пенсии правительства были распределены следующим образом: № 1. Д'Арси Боултон-старший, пенсионер на пенсии, 500 фунтов стерлингов. 2. Генри, сын № 1, генеральный прокурор и банковский поверенный, 2400 фунтов стерлингов. 3. Д'Арси, сын № 1, генеральный аудитор, магистр канцелярии, полицейского правосудия и т.д. Доход неизвестен. 4. Уильям, сын № 1, церковный миссионер, профессор Королевского колледжа и т.д., 650 фунтов стерлингов. 5. Джордж, сын № 1, регистратор Нортумберленда, член Ассамблеи от Дарема и т.д. Доход неизвестен. 6. Джон Беверли Робинсон, шурином № 3, Главный судья Верхней Канады, пожизненный член Законодательного совета, спикер ditto, 2000 фунтов стерлингов. 7. Питер, брат № 6, член Исполнительного совета, пожизненный член Законодательного совета, земельный комиссар короны, генеральный инспектор лесов, комиссар заповедника духовенства и т.д. 1300 фунтов стерлингов. 8. Уильям, брат № 6 и 7, почтмейстер Ньюмаркета, член Ассамблеи Симко, государственный подрядчик, полковник милиции, мировой судья и т.д. Доход неизвестен. 9. Джонас Джонс, шурином № 2, судья окружного суда в трех округах, включающих восемь округов, и занимающий ряд других должностей. Доход около 1000 фунтов стерлингов. 10. Чарльз, брат № 9, пожизненный член Законодательного совета, мировой судья в двадцати семи округах и т.д. 11. Алфеус, брат № 9 и 10, таможенный инспектор, Прескотт, почтмейстер в ditto, агент государственного банка в ditto и т.д. Доход 900 фунтов стерлингов. 12. Левиус П. Шервуд, шурином № 9, 10, 11, один из судей Суда королевской скамьи. Доход 1000 фунтов стерлингов. 13. Генри, сын № 12, секретарь суда присяжных и т.д. 14. Джон Элмсли, зять № 12, пожизненный член Законодательного совета, директор банка, мировой судья и т.д. 15. Чарльз Хьюард, племянник № 6, секретарь окружного суда и др. Доход 100 фунтов стерлингов. 16. Джеймс Б. Маколей, шурином № 17 и 19, один из судей Суда королевской скамьи. Доход 1000 фунтов стерлингов. 17. Кристофер Александр Хагерман, шурином № 16, генеральный солиситор. 800 фунтов стерлингов. 18. Джон Макгилл, родственник № 16 и 17, пожизненный член законодательного совета. Пенсионер, 500 фунтов стерлингов. 19 и 20. У. Аллан и Джордж Крукшенкс, состоящие в браке 16 и 17 лет, пожизненные члены законодательного совета, последний президент Банка. £500. 21. Генри Джонс, двоюродный брат № 9, 10 и др., почтмейстер Броквилла, мировой судья, член Собрания от Броквилла, Доход неизвестен. 22. Уильям Даммер Пауэлл, отец дома № 24, пожизненный член законодательного совета, мировой судья, пенсионер. Пенсия - 1000 фунтов стерлингов. 23. Сэмюэл Питерс Джарвис, зять № 22,

клерк королевской канцелярии, заместитель секретаря провинции, директор банка и т.д. Доход неизвестен. 24. Грант, сын № 22, секретарь Законодательного совета, судья полиции, судья Хоум-окружного суда, официальный руководитель Суда по делам о наследстве, комиссар таможи и т.д. Доход 675 фунтов стерлингов. 25. Уильям М., брат 23-летнего старшего шерифа округа Гор. Доход от 500 до 800 фунтов стерлингов. 26. Уильям Б., двоюродный брат № 23 и 25, верховный шериф родного округа, член Ассамблеи. Доход 900 фунтов стерлингов. 27. Адизель Шервуд, двоюродная сестра № 12, верховный шериф Джонстауна и казначей этого округа. Доход от 500 до 800 фунтов стерлингов. 28. Джордж Шервуд, сын № 12, секретарь суда присяжных. 29. Джон Стрейкен, их семейный наставник и политический наставник школы, архидьякон и ректор Йорка, член исполнительного и законодательного советов, президент Университета, президент Совета по образованию и в двадцати других ситуациях. Доход в среднем за несколько лет превышает 1800 фунтов стерлингов. 30. Томас Мерсер Джонс, зять № 29, связанный с № 19 в качестве агентов и менеджеров Канадской компании в Канаде. Эта семейная связь правит Верхней Канадой по собственному усмотрению и не имеет эффективного контроля со стороны этой страны, чтобы защитить народ от ее актов тирании и угнетения. В него входят все судьи высшего гражданского и уголовного трибунала (№ 6, 12 и 16) — активные политики-тори. Судья Маколей не так давно работал клерком в офисе № 2. В него входит половина Исполнительного совета или кабинета министров провинции. В него входят спикер и другие восемь членов Законодательного совета. В нее входят лица, контролирующие монополию Канадской земельной компании. В нее входят президент и юрисконсульт Банка, а также около половины директоров Банка; вместе с акционерами, владеющими, насколько я помню, примерно 1800 акциями. И в него входили юристы короны до марта прошлого года, когда они довели свое несогласие с мерами виконта Годериха по реформированию до такой степени, что нанесли личное оскорбление правительству и заявили о своем убеждении, что у него нет королевских полномочий для своих депеш. Затем они были удалены; но, за этим исключением, цепочка остается неразрывной. Этот семейный союз окружает вице-губернатора и лепит его, как воск, по своей воле; они заполняют все должности своими родственниками, иждивенцами и приверженцами; они назначают и смещают мировых судей и офицеров милиции; они увеличили численность Законодательного совета, порекомендовав через губернатора полдюжины ничтожеств и нескольких должностных лиц, пенсионеров и лиц с хорошо известными узкими и фанатичными принципами; все доходы Верхней Канады фактически находятся в их власти; они казначеи, Приемщики, аудиторы, король, лорды и многие другие. и Общее достояние!"

[49] Смотрите его показания в приложении к докладу Комитета, стр. 86.

[50] Гурли, комментируя этот эпизод, замечает: "Кто простил всех бедных грешников, которые годами заводили бастардов, и кто узаконил их, не было определено, когда я прощался с Верхней Канадой". — *Статистический отчет*, Том 2, стр. 348.

[51] тех, кто желает глубже познакомиться с некоторыми из самых мерзких особенностей этого движения может обратиться *когни и положения*, брошюра, опубликованная в Буффало в 1818 году; также *Gourlayбыл*, объем. 2, с. 486, 487; вместе с брошюрой Джексона упоминаются в тексте.

[52] Должно быть, это был главный судья Томас Скотт, в честь которого была названа Скотт-стрит в Торонто. Он был верховным судьей с августа 1806 года по Михайловский день 1816 года.

Доктор Скэддинг в "*Торонто о старых временах*", стр. 51, называет его "человеком высокой культуры, о котором с любовью отзывались те, кто его знал". Его фотография в период упадка сил представлена на стр. 130 той же работы.

[53] Для получения полного отчета об этих печально известных разбирательствах читателя отсылают к газете *Upper Canada Guardian* от 6 февраля и 18 марта 1808 г., цитируемой Гурлеем в его *Статистическом отчете*, Т. 2, стр. 655-662.

[54] Смотрите выдержку из протокола заседания Ассамблеи от 10 марта 1810 г., цитируемую Гурлеем, Том 2, стр. 328, 329. См. также замечания Гурлея по этому поводу, том 2, стр. 334, 335.

[55] Есть основания полагать, что недовольство, вызванное злоупотреблением властью в Канаде, было одним из стимулов к этой попытке со стороны Соединенных Штатов, правительство которых было вынуждено поверить, что канадцы в целом приветствовали бы любое освобождение от ярма, которое Соглашение возложило на их шеи.

[56] *История Канады*, стр. 243.

ГЛАВА IV.

ОТЦЫ РЕФОРМЫ.

Наверх

История Верхней Канады, начиная со времени изгнания мистера Гурли в 1819 году и вплоть до фактической вспышки восстания, в значительной степени состоит из череды злоупотреблений со стороны исполнительной власти и более или менее пассивного терпения со стороны большей части народа. Как уже упоминалось, судебные преследования Гурлея и сопутствующие им обстоятельства вызвали большое народное возмущение и привели к формированию организованной оппозиции. Во время сессии 1820 года "Законопроект о кляпе во рту", как его называли, который был внесен и проведен через Ассамблею под эгидой г-на Джонаса Джонса [57] двумя годами ранее, был отменен, [58] и проведение съездов больше не было запрещено законом. Заслуживает упоминания тот факт, что генеральный прокурор Робинсон был единственным членом парламента, который зарегистрировал свой голос против отмены статута, тогда как на момент принятия первоначального репрессивного закона в 1818 году против него был подан только один голос. Такое изменение мнения членов Ассамблеи за

столь короткий промежуток времени само по себе является значительным показателем распространения либеральных взглядов среди населения в целом.

Голосование по этому отменяющему закон закону стало для властей некоторой неожиданностью. Было очевидно, что настроения реформаторов росли и что многие люди, которых никогда не причисляли к реформаторам, устали от долгого правления тирании. Однако в политику Соглашения не входило уступать чему-либо народным требованиям, и они придерживались своего курса с упрямой настойчивостью, как будто движимые твердой решимостью не допустить, чтобы общественное негодование, вызванное судебными преследованиями Гурли, утихло. Вскоре появилась новая возможность применения винта с накатанной головкой, и ею воспользовались в максимально возможной степени. Во время перерыва, последовавшего за закрытием первой сессии парламента восьмой провинции, которая была перенесена на 14 апреля 1821 года, образовалась вакансия в представительстве избирательного округа Соединенных графств Леннокс и Аддингтон. Местные реформаторы воспользовались предоставленной таким образом возможностью выдвинуть кандидата, который оказал большую услугу либеральным принципам в Верхней Канаде и который был в высшей степени пригоден для придания силы оппозиции в Ассамблее. Его звали Барнабас Бидвелл, и он был известен повсюду как один из самых острых умов и как один из лучших публичных ораторов в стране. Его прошлое было печальным, и поскольку вскоре оно должно было стать предметом строгого парламентского расследования, несколько важных фактов, связанных с ним, также могут быть изложены здесь.

Он был уроженцем Массачусетса, где родился в старые колониальные времена, еще до революции. Он происходил из семьи вигов, которые с энтузиазмом поддерживали колониальное дело, но сам он был слишком молод, чтобы принимать какое-либо участие в великой борьбе, породившей Соединенные Штаты. Завершив свое образование в Йельском колледже, он изучал юриспруденцию и в раннем возрасте достиг высокого положения в коллегии адвокатов Массачусетса. Он стал генеральным прокурором штата, и, хотя его соперниками были одни из самых способных людей, известных в американской истории, соотечественники считали его человеком, чье будущее было в его собственных руках. Его манеры были учтивыми и утонченными, а схоластические познания широкими и разнообразными. Вскоре он попал в Конгресс, где благодаря своему блестящему красноречию его слушали со вниманием и уважением.

До этого времени его карьера была неизменно успешной. Но, достигнув своего политического возвышения, он, к несчастью, нажил себе немало злейших врагов. Его политический курс, по-видимому, был несколько произвольным и бескомпромиссным, вплоть до того, что его оппоненты относились к нему с большей злобой, чем это обычно бывает среди общественных деятелей, у которых нет личных оснований для вражды. Существовали ли такие личные мотивы в случае с Барнабасом Бидвеллом, в настоящее время установить нелегко. Однако несомненно, что множество умных и беспринципных людей относились к нему с ожесточением, почти доходящим до свирепости. Похоже, он не делал никаких попыток примирить своих врагов, но относился к ним с каким-то надменным презрением. В 1810 году тяжесть их гнева обрушилась на него подобно лавине. Он был тогда, как и в течение нескольких лет до этого, казначеем графства Беркшир, штат Массачусетс. Против него было выдвинуто обвинение очень серьезного характера. Ему было предъявлено обвинение в использовании государственных средств в личных целях и в фальсификации записей в своих бухгалтерских книгах, чтобы скрыть

свои злоупотребления. Трудно установить точную истину в этом вопросе. Внимание мистера Бидвелла к общественным делам заставило его пренебречь своим частным и профессиональным бизнесом, который, следовательно, не процветал. Он был далеко не богат, и не исключено, что иногда испытывал финансовые затруднения. Сейчас невозможно с уверенностью сказать, поддался ли он искушению и запустил ли руки в казну без разрешения. Его собственная версия происходящего заключалась в том, что он был полностью свободен от вины, но что его враги намеренно сплели вокруг него тонкую паутину, из которой он не смог выпутаться, поскольку при существующем положении вещей для него было бы невозможно добиться справедливости. Во всяком случае, он, похоже, чувствовал, что не в состоянии справиться с ситуацией. Узнав, что предъявлено обвинение и выдан ордер на его задержание, он бежал из своей родной страны и нашел убежище в Верхней Канаде.

В сопровождении своей семьи, состоящей из сына и дочери, он поселился в деревне Бат в графстве Аддингтон, на берегу залива Квинте. Вскоре он получил работу школьного учителя и без труда добывал средства к существованию, хотя скромная роль, которую он был вынужден играть, плохо сочеталась с его прошлым опытом и нынешними амбициями. Нет никаких сомнений в том, что он был поклонником республиканских институтов и что он оставался таким до конца своей жизни, хотя его восхищение было отвергнуто в этой стране, и для него было невозможно вернуться в свою собственную. Он был полезным человеком в маленькой общине, где жил, а его образование и интеллект заставляли людей всех классов смотреть на него с уважением. Он не вторгался в свои политические взгляды дальше, чем провозглашал себя сторонником либеральных идей, и после начала войны 1812 года принес присягу на верность Его Величеству. Его обычных занятий было совершенно недостаточно для его восторженной натуры, и по прошествии нескольких лет он переехал в Кингстон и поселился там. Он находил выход своей неиссякаемой энергии посредством частых публикаций в прессе. Среди наиболее известных его работ - серия писем о практическом сельском хозяйстве и политической экономии, первоначально опубликованных в кингстонской газете, а впоследствии переизданных в виде брошюры под названием "Суфлер". Серия исторических и топографических очерков, составляющих первую половину первого тома "Статистического отчета Верхней Канады" Гурли, также принадлежит перу мистера Бидвелла, и в целом они представляют собой наиболее ценную часть всего труда. Он с большим рвением поддерживал дело мистера Гурли и своими письменными и устными словами многое сделал для того, чтобы вызвать сочувствие общественности к этому несчастному человеку, а также пробудить отвращение к жестокости и эгоизму его преследователей. С этого времени он начал принимать более заметное участие в политике, чем привык принимать с момента своего приезда в Канаду. Выступая на митингах и в других местах, он громыхал против Компактного господства с красноречием, которое приводило в трепет его аудиторию. Вскоре он дал о себе знать как сила в стране и как человек, с которым у правящей фракции были все основания опасаться более серьезного антагонизма, чем тот, с которым им когда-либо приходилось сталкиваться.

Таков был человек, выбранный реформистскими элементами Леннокса и Аддингтона летом 1821 года для представления их интересов в Провинциальном собрании. Последующая кампания была захватывающей, но по ее завершении Барнабас Бидвелл, несомненно, был выбран подавляющим большинством избирателей. Это стало тяжелым ударом по исполнительной партии. Теперь у реформаторов в Палате представителей будет представитель, которого невозможно будет уговорить или запугать. Его красноречие, агрессивность, ум и проницательность не могли не произвести решающего впечатления на Дом и на страну. Разве

не было бы хорошо, если бы от него можно было избавиться, как до него избавились от Торпа и Гурли?

В ходе предвыборной кампании некоторые основные факты, связанные с миграцией мистера Бидвелла из Массачусетса в Верхнюю Канаду, стали известны его оппонентам. Предлог, предоставленный этими разоблачениями, был слишком хорош, чтобы им пренебрегать. Эмиссар был направлен в округ Беркшир, где не составило труда установить, что он был казначеем муниципалитета; что ему было предъявлено обвинение в нецелевом использовании государственных средств; что после этого был выдан ордер на его задержание; и что затем он скрылся за пределами юрисдикции. Заверенные копии обвинительного заключения и нескольких других важных документов, имеющих отношение к этому делу, были получены агентом и им доставлены в Верхнюю Канаду. На основании полученной таким образом информации и документов была подана петиция против избрания г-на Бидвелла на том основании, что он был иностранцем и скрывался от правосудия, который, кроме того, принес присягу на верность правительству Соединенных Штатов. Несмотря на это, обвиняемый занял свое место в Ассамблее при открытии сессии, и когда вопрос о петиции был вынесен на обсуждение, он защищался перед Палатой с красноречием и пафосом, которые тронули сердца каждого. Он заявил словами и тоном, которые не оставляли сомнений в его искренности, что он невиновен в растрате, в которой его обвиняли, и что обвинение было выдвинуто исключительно из-за махинаций могущественной клики врагов. Далее он настаивал на том, что, какими бы ни были факты относительно предъявленного обвинения, он никогда не был судим и осужден, и что Ассамблея не имеет права предполагать его вину в отсутствие положительных доказательств. Он признал, что принес присягу на верность правительству Соединенных Штатов, но настаивал на том, что такая присяга требуется от каждого человека, занимающего государственную должность во всех цивилизованных странах; что она применима только к периоду его фактического проживания и не является законным препятствием для его продвижения по службе в другой стране. С момента своего прибытия в Канаду он принес присягу на верность королю Великобритании. То, что его лояльность не вызвала подозрений, было достаточно очевидно из самого факта его возвращения в парламент от избирательного округа, жители которого в основном состояли из лоялистов Объединенной империи и их непосредственных потомков. Таков был ход его аргументации, которая от начала до конца была исключительно ясной. Но все было бесполезно. Правительственная партия обрушилась на него с критикой в таких выражениях, какие редко встретишь в анналах парламентских дебатов в этой стране. Мистер генеральный прокурор Робинсон вышел за рамки всех прежних усилий своей жизни на пути брани и переступил границы самой обычной порядочности. Он провозгласил себя сыном лоялиста Объединенной империи, который сражался и проливал кровь за свою страну, и поэтому не является подходящей компанией для беглых уголовников и карманников. Его сочувствие самому себе было так велико, что слезы текли одна за другой по его щекам, пока он говорил. Вся дружелюбность, которая обычно отличала его общение с ближними, казалось, полностью покинула его, и он возвышался над своим креслом в совершенном вихре ярости и пламенного негодования. Спокойный и сдержанный ответ мистера Бидвелла разительным контрастировал с метавшимися в него стрелами левина и произвел заметное впечатление на его слушателей. Но Соглашение получило большинство в Ассамблее,^[59] которая поддержала ходатайство о его исключении. И поскольку было хорошо известно, что выборщики Леннокса и Аддингтона снова вернут его обратно, и что он не мог быть исключен навсегда никакими обычными средствами, было решено дисквалифицировать его специальным

законодательством. Соответственно, был принят Закон под названием "Закон, лишаящий права на место в Палате общин Собрания этой провинции определенных лиц, упомянутых в нем".[60] Среди лиц, объявленных неподходящими, были те, кто занимал какие-либо из основных государственных должностей в другой стране, что, конечно, было фактической дисквалификацией Барнабаса Бидвелла, который, как уже упоминалось, был генеральным прокурором Массачусетса. Это был настоящий Акт Исключения, направленный против конкретного человека, и он достиг своей цели, навсегда исключив несносного индивидуума из общественной жизни.[61]

Вследствие исключения мистера Бидвелла потребовались новые выборы для Леннокса и Аддингтона. Судебный приказ был издан, и, к огорчению и отвращению сторонников правительства, на местах появился новый поборник народных прав в лице Маршалла Спринга Бидвелла, единственного сына недавно исключенного члена. Новым кандидатом был молодой человек двадцати трех лет. Он был уроженцем Массачусетса и сопровождал своих родителей в Канаду во время их миграции в 1810 году. В раннем возрасте он доказал, что обладает блестящими способностями. Его отец, который чрезвычайно гордился способным мальчиком, максимально развивал его способности, и к тому времени, когда Маршалл Спринг Бидвелл достиг совершеннолетия, все, кто его знал, считали, что его ждет блестящее будущее. За год до выдвижения своей кандидатуры он был вызван в провинциальную коллегию адвокатов. Теперь он предстал перед выборщиками Леннокса и Аддингтона в противовес кандидату от Тори, джентльмену по имени Кларк. Сочетание скромности и уверенности, проявленных молодым Бидвеллом на протяжении всего конкурса, приобрело ему много теплых друзей, и в то же время его серьезность и плавное красноречие доказали, что он был истинным сыном своего отца. Он провел кампанию со знанием дела и заложил фундамент прочной репутации в избирательном округе. По окончании голосования ответственный за возвращение выборов объявил мистера Кларка законно избранным, но, поскольку было печально известно, что были применены коррупционные методы, друзья кандидата-реформатора подали протест, который сам лично появился в баре Палаты представителей, чтобы провести спор. Результатом расследования стало то, что возвращение было отменено и назначены новые выборы. Молодой Бидвелл настолько отличился своими аргументами перед Палатой представителей, что официальная партия сочла, что он, вероятно, будет не менее грозным оппонентом, чем был бы его отец. Когда были проведены новые выборы, он снова представил себя в качестве кандидата, но обнаружил, что вернувшийся офицер получил инструкции не принимать голосов за него на том основании, что он был иностранцем. Кандидат от Тори, мистер Хэм, был соответственно возвращен; но был подан еще один протест с аналогичным результатом. Выборы снова были отложены, и Леннокс и Аддингтон по-прежнему остались без представителя в парламенте. К этому времени стало печально известно, что вся власть исполнительной власти была направлена на то, чтобы не допустить Бидуэллов в общественную жизнь, и убежденность в том, что так оно и было, вызвала противодействие со стороны жертв. "Друзья реформ" стремились к такой цели, что во время сессии 1823-24 годов был принят Закон[62], отменяющий меру, принятую двумя годами ранее, и смягчающий условия, при которых лица, проживавшие в иностранном государстве или принесшие присягу на верность иностранному государству, должны иметь право на избрание в провинциальный парламент. Было предусмотрено, что проживание в провинции в течение семи лет, следующих за выборами, должно давать таким лицам право на членство в Ассамблее. Этот пункт снимал все существующие дисквалификации с юного мистера Бидвелла; но его отец по-прежнему оставался дисквалифицированным, поскольку было четко установлено, что ни одно

лицо, которое было членом Сената или Палаты представителей Соединенных Штатов или которое занимало должность в любом из исполнительных департаментов "Соединенных Штатов Америки или любого другого из указанных Соединенных Штатов", не может быть избрано в Ассамблею. В соответствии с этим пунктом Бидвелл-старший был дисквалифицирован вдвойне, поскольку он не только был генеральным прокурором Массачусетса, но и заседал в Конгрессе. Однако во многом благодаря тому, что сын получил право. Летом 1824 года состоялись всеобщие выборы, на которых он был возвращен в избирательный округ, за который затем боролся в третий раз. Он продолжал заседать в парламенте одиннадцать лет подряд. Его по праву считают одним из основателей партии реформ в Верхней Канаде, и благодаря своему красноречию, такту и осмотрительности, а также высокому уважению, которым пользовался его персонаж, он многое сделал для продвижения принципов Реформ.

Всеобщие выборы 1824 года привели к возвращению ряда выдающихся реформаторов, которые теперь впервые выступили для участия в государственных делах. Было очевидно, что пробудился дух Реформ и что с этого времени каждый важный общественный вопрос, вероятно, будет иметь две стороны.

Наиболее заметным из всех новых членов был мистер Джон Ролф, который был возвращен в качестве одного из представителей от графства Мидлсекс. Поскольку он сыграл важную роль в событии, составляющем тему этой работы, и поскольку он был одним из самых способных людей, когда-либо принимавших участие в общественных делах в этой стране, желательно дать о нем более полный отчет, чем можно найти в различных книгах, относящихся к месту и времени, в которое он жил.

Джон Ролф, несомненно, был одной из самых выдающихся личностей, которые когда-либо фигурировали в анналах Верхней Канады. Он обладал талантами, которые при благоприятных обстоятельствах сделали бы его заметным человеком в профессиональной или общественной жизни в любой стране. Главными из его качеств можно назвать всесторонний, тонкий интеллект, высокие академические и профессиональные достижения, стиль красноречия, который был одновременно витиеватым и логичным, благородное и красивое лицо, серебристо-сладкий голос с огромной силой модуляции, а также речь, одновременно впечатляющую, исполненную достоинства и вкрадчивости. Его острота восприятия и способность находить слабое место в аргументации были почти ненормальными, в то время как в красноречии и тонкости изложения у него не было соперников среди канадских общественных деятелей того времени. Его знаменитая речь, о которой далее пойдет речь более подробно, произнесенная в Ассамблее в 1836 году по вопросу о резервах духовенства, была одним из самых сильных обвинительных актов, когда-либо звучавших в стенах канадского парламента. Предъявление сэром Фрэнсисом Бондом Хедом обвинения тому же органу в начале следующего года было едва ли менее впечатляющим. Он обладал крепким телосложением, даже в сравнительной молодости, и хотя был скорее ниже, чем выше среднего роста, в его облике было достоинство и даже величественность, которые придавали миру уверенность сильного человека, в то же время эффективно отталкивая неприличную фамильярность. Пара глубоких ясных голубых глаз, обрамленных довольно густыми бровями, смотрели из-под его гладкого и широкого лба. У него были светло-каштановые волосы, хорошо очерченный подбородок, твердо посаженный нос и несколько крупный и подвижный рот, способный придавать лицу большое разнообразие выражений. Таков, по всеобщему свидетельству тех, кто его знал, и согласно портретам,

написанным с натуры и сохранившимся в его семье, был Джон Ролф пятьдесят-шестьдесят лет назад.

Несомненно, это было *per contra*. Хотя у него было много друзей и он доверял многим знакомым, вероятно, не было ни одного человека — даже его закадычной жены, — который когда-либо пользовался бы таким полным доверием, как Джон Ролф. В нем не было такого понятия, как самоотреченность. Это было не потому, что он был лишен естественных страстей или привязанностей, или даже теплой дружбы, потому что он был добрым, если не сказать нежным мужем и отцом, и было много людей, которых он очень высоко ценил и ради которых с радостью шел на большие жертвы. Но качество осторожности, по-видимому, было сверхъестественно развито в его груди. Ни один мужчина никогда не был менее открыт для обвинений в том, что он скрывал свое сердце. У него был очень уравновешенный темперамент, и, несомненно, он чувствовал гораздо глубже, чем предполагали даже те, кто постоянно находился рядом с ним. По отношению к внешнему миру он всегда сохранял самообладание, спокойствие и достоинство, обладал приятными и дружелюбными манерами и не испытывал недостатка в общении, но редко или никогда не предавался резвости или веселью. В его улыбке была обаятельная мягкость, но для него было действительно очень редким случаем позволить себе что-то похожее на искренний смех. Его самообладание было изумительным. Он никогда не был удивлен или поражен, никогда не приходил в смятение от неожиданной информации, никогда не терял бдительности. Тем не менее, он обладал большим драматическим талантом и в своих обращениях к присяжным и публичной аудитории мог успешно имитировать самые противоречивые чувства и эмоции. Тот, кто судил о нем просто по таким проявлениям, вполне мог бы принять его за эмоционального и порывистого человека, склонного поддаваться мимолетным страстям и слабостям момента. И все же никто, придя к такому выводу, не имел бы ни малейшего представления о его реальном характере и особенностях. Он, конечно, никогда не действовал без мотива, но иногда его мотивы были темными и непостижимыми для всех, кроме него самого. Ни один из его современников не смог оценить его моральные и интеллектуальные качества с какой-либо приблизительной полнотой; и на протяжении всей длины и широты канадской биографии нет человека столь же выдающегося положения, о подлинной индивидуальности которого известно так мало.

Странности мистера Рольфа, вероятно, были врожденными, поскольку факты его ранней жизни, насколько известно, не дают ключа к разгадке этой загадки. Он был вторым сыном в семье, состоявшей из восемнадцати детей, и родился в Гровсенде, в торговом городке Торнбери, Глостершир, Англия, 4 марта 1793 года. Его отец, Томас Ролф, был врачом с некоторой местной репутацией, который, по-видимому, был вынужден эмигрировать из-за невозможности обеспечить в Англии какое-либо подходящее пропитание для столь многочисленного потомства. Установленные факты, относящиеся к ранней жизни Джона Ролфа в Англии, на редкость скудны. Он сопровождал своих родителей в Канаду незадолго до войны 1812 года, поскольку служил добровольцем на ранней стадии этого конфликта и в течение нескольких месяцев был казначеем ополчения. Во время войны он попал в плен к врагу и некоторое время содержался под стражей в Батавии, штат Нью-Йорк. После того как был произведен обмен пленными, он был отпущен на свободу. После освобождения он вернулся в Англию, где поступил в один из колледжей Кембриджского университета; и, хотя он, по-видимому, уехал оттуда, не получив ученой степени, его признали молодым человеком с очень замечательными и не по годам развитыми интеллектуальными способностями, которые, вероятно, станут заметными в дальнейшей жизни. Он впитывал знания с удивительной легкостью и никогда не

забывал ничего из того, чему научился. После окончания колледжа он отправился в Лондон, где поступил на юридический факультет и в свое время был вызван в коллегия адвокатов Иннер Темпл. Как и Бэкон, он, по-видимому, считал все знания своей областью, поскольку, не удовлетворившись приобретением того, что у столь молодого человека считалось обширными познаниями в юриспруденции, он некоторое время учился у сэра Эстли Купера и был зачислен членом Королевского колледжа хирургов. Вскоре после этого он вернулся в Канаду и поселился на участке земли в городке Шарлотвилл, примерно на полпути между деревнями Терки Пойнт и Виттория, на территории нынешнего графства Норфолк, но которое тогда и долгое время после этого было частью округа Талбот. В Михайловский семестр 1821 года он был вызван в коллегия адвокатов Верхней Канады, и в течение нескольких последующих лет он, по-видимому, практиковал две профессии - юриспруденцию и медицину одновременно. Его большие познания и приятные манеры сделали его любимцем всех слоев населения и позволили считать его настоящим приобретением для района, в котором он проживал. Он стал профессиональным советником и близким другом полковника Томаса Тэлбота, основателя поселения Тэлбот, и был одним из инициаторов празднования годовщины Тэлбота, учрежденного в 1817 году и продолжавшегося более двадцати лет после этого в честь дня прибытия полковника в Порт-Тэлбот — 21 мая 1803 года. Полковник не был, в строгом смысле этого слова, политиком, но он был членом Законодательного совета и, естественно, поддерживал официальную партию; в то время как Рольф, хотя и был человеком уравновешенного ума и ни в коем случае не был конституционно склонен к радикализму, имел гораздо больше возможностей для общения с людьми, чем полковник Тэлбот, и его острый глаз выявил ему множество должностных злоупотреблений, которые не соответствовали его чувству справедливости. Вполне вероятно, что расхождения во мнениях по общественным вопросам привели к их окончательному отчуждению. Как бы то ни было, Рольф встал на сторону народа и объявил себя врагом политики Семейного договора, и с тех пор близость между ним и полковником Тальботом, похоже, становилась все меньше и меньше. Судебные преследования Гурли вызвали горячее негодование Рольфа, которое он, не колеблясь, выражал с большой свободой, куда бы ни пошел. Будучи блестящим и красноречивым оратором, твердым в своем мнении и логичным в аргументации, он обратил в свою веру многих, число которых не уменьшилось из-за обращения, принятого по отношению к Бидуэллам. По-видимому, примерно в это же время он поселился в Дандасе, где впоследствии прожил много лет. Когда состоялись всеобщие выборы 1824 года, реформаторы Миддлсекса выдвинули Джона Ролфа и капитана Джона Мэтьюза, оба из которых были возвращены во главе голосования.

Рольф дал о себе знать в Ассамблее с того момента, как занял там свое место. Ему был тогда тридцать один год, и у него была плотная, хорошо сложенная фигура, склонная к полноте. Его лицо было одновременно красивым и интеллектуальным, а от его присутствия веяло несомненной властью. Он сравнительно редко выступал на первых парламентских сессиях, но когда все-таки выступал, это всегда производило впечатление. Его дикция была необычайно яркой и выразительной и привлекла бы внимание на любом общественном собрании в мире. В его голосе слышался чистый металлический звон, который в полной мере соответствовал используемому языку, и когда стало известно, что говорить будет Рольф, в Зале было мало свободных скамеек.

Его коллега из Мидлсекса, хотя и убежденный реформатор, был человеком совсем другого склада. Капитан Мэтьюз был отставным офицером королевской артиллерии, прослужившим двадцать семь лет. В самый ранний период своего пребывания в Верхней Канаде он

почувствовал отвращение к правлению Семейного договора и высказывал свое мнение по этому поводу с большой свободой. Будучи жителем графства Мидлсекс и пользуясь там большим уважением среди приверженцев либеральных принципов, он был вынужден предложить себя вместе с доктором Рольфом на всеобщих выборах 1824 года в качестве одного из кандидатов от округа. Его кандидатура была успешной, и он стал очень популярен в Палате представителей, хотя склад его ума был несколько легким и воздушным, и он не был хорошо приспособлен ни по натуре, ни по образованию для решения таких серьезных конституционных вопросов, которые постоянно привлекали внимание общественности.

Другим выдающимся реформатором, впервые занявшим свое место в парламенте, был Питер Перри, который был возвращен в качестве коллеги молодого Маршалла Бидвелла в представительстве Леннокса и Аддингтона. Хотя со дня его смерти прошло тридцать четыре года, мистера Перри до сих пор хорошо помнят старшее поколение наших политиков. В течение двенадцати лет, последовавших за его вступлением в общественную жизнь, он был одним из самых выдающихся реформаторов в Провинции. Хотя он не обладал гуманитарным образованием и хотя его поведение и обращение были омрачены какой-то безудержной грубостью, он был мастером грубого, энергичного красноречия, которое при определенных условиях было гораздо эффективнее, чем могло бы быть самое отточенное ораторское искусство. Он, безусловно, был самым талантливым оратором своего времени в этой стране, и в рядах Реформаторов не было человека, который мог бы так эффективно провести сложную предвыборную кампанию. Ни один человек не внушал большего страха своим противникам, особенно тем, кому приходилось сталкиваться с ним во время предстоящего состязания. Здесь можно добавить, что он продолжал принимать активное участие в политике незадолго до своей смерти в 1851 году и что он оказал большие услуги делу Реформ, но в годы, последовавшие за Объединением провинций, его затмил Роберт Болдуин, чье социальное положение, безупречная репутация и бескорыстие поставили его на пьедестал, недоступный обычным политикам. Однако Питер Перри, оказывая верную поддержку мистеру Болдуину, до конца своей жизни продолжал вести политические баталии по-своему. Искренность его убеждений не подлежала никакому сомнению, а его проницательность, опыт и твердый здравый смысл заставляли относиться к его мнению с уважением даже таких людей, как Рольф, Болдуин и Бидуэллы.

Мистер Перри был уроженцем Верхней Канады, родившись в Эрнестауне в 1793 году, в начале правления губернатора Симко. Он был сыном лоялиста США и вырос на ферме в то время, когда государственных школ в сельских округах было мало. Он дорос до зрелости, не получив особого образования, но быстрота его действий и здравость суждений во многом компенсировали отсутствие у него регулярной школьной подготовки. Он начал проявлять активный интерес к общественным делам в раннем возрасте, и еще до того, как ему исполнилось тридцать, он приобрел широкую известность как ярко выраженный реформатор. Живя в той же части страны, что и Бидуэллы, он проявил горячий интерес к их кандидатуре. Поскольку его политические идеи совпадали с их, и поскольку его грубое красноречие уже сделало его хорошо известным во всем избирательном округе, он поддерживал их сторону в последовательных предвыборных гонках, а на всеобщих выборах 1824 года сам был возвращен в Ассамблею в качестве коллеги блестящего молодого юриста.

Помимо Джона Ролфа, Маршалла Спринга Бидвелла, капитана Джона Мэтьюза и Питера Перри, ряд других сторонников принципов Реформ были возвращены на всеобщих выборах 1824 года.

Впервые в истории Верхней Канады стало очевидным не только то, что реформаторы имели численное большинство в Ассамблее, но и то, что у них был решительный перевес способностей. Ни один приверженец официальной партии — даже генеральный прокурор Джон Беверли Робинсон — не мог сравниться с Рольфом или Бидвеллом, не говоря уже о Перри, чье ораторское искусство было совершенно иного оттенка, хотя и едва ли менее эффективным. На заседании Палат численный состав соответствующих партий был справедливо проверен голосованием по выборам спикера. Реформаторы выдвинули своим кандидатом Джона Уилсона, одного из членов от Вентворта. Мистер Уилсон был непритязательным фермером, с твердыми политическими убеждениями, но здравомыслящим и хладнокровным суждением, который вступил в союз с реформаторами и на которого можно было смело положиться в выполнении обязанностей Спикера с судебной беспристрастностью. Голоса разделились на двадцать один против девятнадцати, причем большинство из двух было отдано в пользу мистера Уилсона. Реформаторы чувствовали, что добились триумфа, и соответственно ликовали; но вскоре они обнаружили, что простой контроль над Собранием мало что значит при отсутствии исполнительной ответственности. Законодательный совет наложил свой мертвый груз и накладывал вето на один законопроект за другим, вносимые Ассамблеей.

Однако перевес реформаторов в Ассамблее и объединение ведущих сторонников либеральных принципов привели к созданию организованного органа реформаторов, который с того времени давал о себе знать во всех избирательных округах и представлял собой препятствие для дальнейшего правления Соглашения. Заметными среди Отцов Реформы, помимо Джона Ролфа, Питера Перри, капитана Мэтьюза и двух Бидуэллов, были доктор Уильям Уоррен Болдуин, его сын Роберт и Уильям Лайон Маккензи. Ни один из трех названных джентльменов не был в то время в парламенте, но, тем не менее, все они смогли оказать очень ценные услуги принципам Реформы - первые двое из—за своего богатства и высокого социального положения, а третий из-за того факта, что он был издателем газеты и что он был человеком твердых мнений и неиссякаемой энергии в их выражении.

Старший Болдуин был джентльменом с высоким характером и общественным положением, проживавшим в Йорке. Он эмигрировал из Ирландии в Канаду в конце прошлого века и, как и мистер Рольф, в течение некоторого времени занимался юридической практикой и медициной одновременно. Он добился значительного успеха, как в финансовом, так и в других отношениях, и, несмотря на его политические принципы, которые носили явно передовой характер, он пользовался уважением всего сообщества маленькой провинциальной столицы. Семья, к которой он принадлежал, была хорошо известна в Ирландии своей приверженностью передовым политическим доктринам, и сам он оставался верен семейным традициям. В то время, когда требовалось немалое мужество, чтобы встать на сторону либералов в Йорке, доктора Болдуина всегда можно было найти в рядах Реформаторов. Он был богат, поскольку в дополнение к имуществу, которое он накопил лично, он унаследовал по завещанию большую часть крупных владений почтенного Питера Рассела, чей метод приносить пользу самому себе уже был рассмотрен, и незамужней сестры этого джентльмена Элизабет. Мисс Рассел жила в семье доктора Болдуина последние несколько лет своей жизни и дожила до 1822 года. Расселлы и Болдуины были отдаленно связаны узами родства, и поскольку ни Администратор, ни его сестра никогда не были замужем, в том, как они распорядились своим имуществом, не было ничего странного.

Однако, как бы высоко ни стоял доктор Болдуин в рядах Реформаторов, ему было суждено затмить своего более выдающегося сына. Можно с уверенностью сказать, что ни один общественный деятель в Канаде никогда не завоевывал такой завидной репутации, какая связана с именем Роберта Болдуина. Как было сказано двумя или тремя страницами ранее, он стоял на высоком пьедестале и *сам по себе* был настоящим мужчиной. И этого высокого положения он достиг не благодаря блестящему ораторскому искусству, остроте восприятия или тонкой комплексности суждений. Никто никогда не претендовал на какое-либо особое интеллектуальное величие любого рода. Он был простым человеком, со способностями ненамного выше среднего, обладавшим твердыми убеждениями и чьими высокими принципами, безупречной честностью и бескорыстием были безупречны цели. Если бы он был членом британской палаты общин во времена правления сэра Роберта Уолпола, вошедшее в поговорку изречение этого верховного жреца коррупции никогда бы не было произнесено, поскольку, конечно, ни одному человеку никогда бы не пришло в голову предложить взятку Роберту Болдуину. Он пролежал в могиле более четверти века; тридцать четыре года прошло с момента его ухода из общественной жизни; однако приверженцы обеих политических партий Канады до сих пор называют его государственным деятелем безупречной честности, чей характер был безупречен и в чьей груди не было лукавства. Он не раз занимал видное положение в глазах общественности. На протяжении большей части его карьеры на него падал яростный свет, но он не раскрыл ничего такого, за что у самого величественного персонажа в истории был бы повод испытывать стыд. Как я уже говорил в другом месте: "Мы все еще можем указать на него с восхищением, подобающим человеку, который во времена величайшей политической коррупции принимал первостепенное участие в наших общественных делах и при этом сохранил свою незапятнанную честность. Мы можем указать на него как на человека, который, если и не был фактическим автором Ответственного правительства в Канаде, все же потратил лучшие годы своей жизни на борьбу за это, и который внес больший вклад, чем кто-либо другой, в превращение этого проекта в свершившийся факт. Мы можем указать на него как на человека, который, хотя и был политиком по пристрастиям и профессии, никогда не опускался до сомнительных действий ни для того, чтобы завоевать голоса избирателей, ни для того, чтобы удержаться на своем посту. Роберт Болдуин был человеком, который был не только неспособен на ложь или подлость для достижения своих целей, но и до последней степени нетерпим к подобной практике со стороны своих самых горячих сторонников. Если о нем нельзя сказать ничего умственного, то нравственное величие было бесспорным. Каждое действие в его жизни было отмечено искренностью и добросовестностью, как по отношению к друзьям, так и к врагам. Он был верен не только другим, но и от начала до конца был верен самому себе.... Роберт Болдуин не был ни ханжой, ни фанатиком, но он был христианином в самом лучшем и истинном смысле этого слова. Он был строг в соблюдении религиозных обязанностей и воспитывал своих детей в стремлении к тому, что ведет к праведности, а не к вещам этого мира. Его благочестие постоянно влияло на его жизнь и практически проявлялось в его ежедневных прогулках и беседах. Размышляя о пятидесяти четырех годах, составлявших меру его земного существования, мы не можем не быть впечатлены его единообразной последовательностью, его безукоризненной добросовестностью, его преданностью высоким и благородным целям. Приобрести знаменитое имя - это великое дело, но гораздо более велико жить чистой и благородной жизнью; и, оценивая характер Роберта Болдуина, следует помнить, что он был не просто государственным деятелем и юристом, но, помимо всего прочего, человеком и христианином".[63]

Следует понимать, что вышеизложенное относится к более позднему периоду. На момент всеобщих выборов 1824 года Роберт Болдуин был еще молодым человеком, чья репутация, профессиональная и политическая, еще не сформировалась. Его даже не вызвали в коллегия адвокатов, и он все еще был студентом в кабинете своего отца. Однако, несмотря на свою молодость — ему было всего двадцать один год, — он немного задумался о политических вопросах того времени и даже начал с нетерпением ожидать возможности сделать окончательную политическую карьеру. Его отец, от которого он получил много политических уроков, недавно стал очень богатым после смерти мисс Рассел, как уже упоминалось. Большая часть его состояния состояла из земельной собственности. Роберт был первенцем у своих родителей, и, поскольку в то время в Верхней Канаде действовал закон о первородстве,^[64] следовало ожидать, что он унаследует большое имущество и будет независим от какого-либо дохода, получаемого от его собственных усилий. Он носил почетное имя, и было вполне очевидно, что при таком стечении обстоятельств он рано или поздно попадет в парламент. Он уже усвоил то, что в те дни считалось передовыми либеральными взглядами, и был в полном согласии со своим отцом, который в значительной степени сформировал его взгляды. Он присутствовал на собраниях членов-реформаторов, состоявшихся во время первой сессии после выборов 1824 года, с целью организации. Именно тогда в этой провинции, можно сказать, сформировалась отдельная Партия реформ с общими целями и определенной политикой. Реформаторы из Верхней Канады существовали с самого основания провинции, но строго можно сказать, что ни одна партия реформ не существовала до конца 1824 года.

Ни один человек не внес более заметного вклада в основание Партии реформ, чем Уильям Лайон Маккензи, личность которого еще предстоит изучить. В какой-то мере благодаря силе обстоятельств, но главным образом благодаря его собственной энергии, импульсивности и любви к дурной славе, имя и достижения мистера Маккензи стали более широко известны, чем у многих более способных и мудрых людей. Он был единственным ребенком в семье скромных родителей и родился в Спрингфилде, пригороде Данди, в графстве Форфаршир, Шотландия, 12 марта 1795 года. Когда ему было четыре недели от роду, его отец умер, оставив его и его мать совершенно без средств к существованию, настолько, что они зависели от щедрости родственников. Выражаясь его собственным языком, бедность и невзгоды были его няньками, а нужда и несчастье — его близкими друзьями. "Это одно из самых ранних моих воспоминаний, — писал он в 1824 году, — о том, как однажды утром я лежал в постели во время жестокого голода в Британии в 1800-1821 годах, в то время как моя бедная мать взяла из нашей большой сумки красивый шотландский плед нашего клана, который в молодости она сплела собственными руками, пошла и продала его за бесценок, чтобы добыть для нас немного ячменной муки грубого помола, из которой можно было приготовить наш скудный завтрак; и о другом случае во время того же голода, когда она оставила меня дома плачущей от голода, и на (я не знаю, что это было) подумайте) за восемь шиллингов я продал красивый и до сих пор бережно хранившийся серый сюртук священника моего отца, чтобы добыть нам немного еды". Его мать, от которой он унаследовал свои наиболее характерные особенности, была женщиной с ярко выраженным характером. От природы она была наделена вспыльчивым характером и склонностью действовать импульсивно, а не разумно. К этим качествам добавились огромная энергия и сила воли. Она воспитала своего сына в самых строгих богословских убеждениях, что наложило на него определенный постоянный ментальный отпечаток, хотя в течение последней четверти века своей жизни он далеко отошел от религиозных учений своего детства. Похоже, он родился с искренней любовью к знаниям, поскольку, несмотря на неблагоприятное окружение

своей юности, он ухитрился получить лучшее образование, чем обычно получали парни его положения в Шотландии в те времена. Полученное таким образом образование почти до конца его дней дополнялось чтением и учебой. Как только он стал достаточно взрослым, чтобы поступить на работу, он стал помощником в магазине тканей, после чего выполнял различные временные задания, которые ни к чему не привели. Когда ему было всего девятнадцать, он на собственные средства открыл небольшой магазинчик в Алите, деревне примерно в двадцати милях от Данди. Этим он занимался около трех лет, к тому времени стало очевидно, что бизнес не может быть успешно продолжен, поэтому он бросил его и переехал в Англию. Там он провел более двух лет, в течение некоторой части из которых работал клерком в угольной компании. Весной 1820 года он отплыл в Канаду, где ему было суждено снискать большую известность и стать важным фактором в формировании общественного мнения.

В такой новой стране, как Канада, молодой человек с энергией Маккензи вскоре смог заявить о себе. Проработав короткое время на обследовании Лачинского канала, он открыл магазин в Йорке, откуда переехал в Дандас и занялся более обширным торговым бизнесом в партнерстве с мистером Джоном Лессли, фирменным стилем которого была фирма "Маккензи и Лессли". Его коммерческое предприятие в Дандасе было довольно успешным. Во время своего пребывания там он женился на мисс Изабель Бакстер, уроженке Данди, после непродолжительного трехнедельного ухаживания. Весной 1823 года фирма Mackenzie & Lesslie была распущена, и в течение нескольких месяцев после этого старший партнер вел бизнес самостоятельно. Осенью того же года он переехал в Квинстон, где занялся бизнесом, открыв универсальный магазин. Магазин проработал всего несколько месяцев, прежде чем его владелец отказался от коммерческой деятельности и посвятил себя жизни журналиста. Это изменение, по-видимому, было результатом некоторого обдумывания, и следует признать, что мистер Маккензи обладал значительными способностями к новой сфере деятельности, которую он выбрал. Его почерк, хотя и очень неравномерный, а иногда чрезвычайно многословный и дилетантский по стилю, почти всегда был прямым и легким для понимания. У него была острая наблюдательность, и он проявлял горячий интерес к политике с тех пор, как приехал в страну. Хотя многие из его взглядов были такими, которые сейчас считались бы устаревшими, тогда Сомпаст и их приверженцы классифицировали их как ультрарадикальные и революционные. Он познакомился с Ролфом, Перри, Бидуэллами и другими выдающимися реформаторами, искренность его политических убеждений не подлежала сомнению. Первый номер его газеты, получившей название *The Colonial Advocate*, вышел 18 мая 1824 года. Он состоял из тридцати двух страниц, и, хотя его владелец не получил и не искал ни одного подписчика, он выпустил его тиражом в тысячу двести экземпляров. Начал ли он газетную жизнь именно в это время с целью повлиять на голоса избирателей во время предстоящих всеобщих выборов, сейчас не может быть известно с уверенностью. Вполне вероятно, что это могло быть одним из его мотивов, которые, несомненно, носили смешанный характер. Справедливости ради следует признать, что он был искренен в своей защите Реформ, хотя при рассмотрении и оценке его действий всегда следует учитывать его стремление к дурной славе. Эта склонность его ума легко привела бы его к выбору журналистики в качестве своего призвания в жизни, тем более что он обнаружил, что его мнения считаются имеющими определенную ценность. По сравнению с его жизнью в Великобритании, его карьера в Канаде была, несомненно, успешной. Он приобрел некоторую собственность и был в неплохих финансовых обстоятельствах. Сидя за своим прилавком, он имел привычку рассуждать со своими покупателями о политических и других злободневных вопросах и обнаружил, что большинство неграмотных йоменов Вентворта

приняли его аргументы как неопровержимые. На него смотрели как на человека, имеющего вес и влияние в обществе, и сознание этого, естественно, доставляло удовольствие бывшему продавцу из Дамфриса. Он почувствовал побуждение обратиться к более широкой аудитории, чем любая другая, которая до сих пор слушала его. Время казалось благоприятным для создания реформистской газеты. Наблюдалось общее пробуждение в направлении Реформ, охватившее большую часть провинции. Не могло быть никаких сомнений в том, что общественное мнение находилось в переходном состоянии: что многие люди начали с нетерпением ждать того времени, когда будет признано ответственное правительство и когда господства Договора больше не будет. Когда наступит эта долгожданная эпоха, те, кто был средством ее наступления или ускорил ее приход, будут занимать высокое положение среди реформаторов Верхней Канады. Кто мог бы стоять выше умного и честлюбивого человека, который был одновременно редактором и владельцем ведущего органа либерального общественного мнения в Провинции? Такой персонаж может приказать предоставить все, что в силах его партии. То, что он вскоре сможет проложить себе дорогу в парламент, было предreshено; и место в парламенте казалось очень почетным отличием в глазах человека, чье прошлое окружение было так далеко от подобной сферы.

То, что это или что-то подобное этому было среди главных мотивов, которыми руководствовался мистер Маккензи при создании *организации "Защитник колоний"*, кажется вполне очевидным. В таком стремлении нет ничего необычного или предосудительного. Рабочий достоин своей платы, и ни один работник не имеет большего права на полное вознаграждение, чем человек, который на протяжении долгих и изнурительных лет борется за достижение успеха во имя подавленного и праведного дела. То, что он не был лишен духа искреннего патриотизма, очевидно как из его слов, так и из его поступков. Он скопил несколько сотен фунтов и не боялся бедности, будучи сангвиником и самоуверенным до необычайной степени. Он страстно желал увидеть эту прекрасную колонию спасенной от рабства, под которым она стонала. В письме^[65], написанном много лет спустя, когда он был вне закона и изгнанником, он излагает свою версию мотивов, побудивших его вступить в то, что он называет "бурным морем политики". "Я уже давно, - пишет он, - видел страну в руках нескольких пронизательных, коварных, алчных людей, под управлением которых один из самых прекрасных и желанных районов Америки оставался сравнительной пустыней. Наиболее очевидные общественные улучшения были остановлены; между классами возникло раздор; граждане были изгнаны и заключены в тюрьму вопреки всем законам; людям долгое время запрещалось, под страхом суровых мук и наказаний, собираться где бы то ни было, чтобы ходатайствовать о правосудии; крупные поместья были отобраны у их владельцев с полным презрением даже к формам суда; Англиканская церковь, приверженцев которой было немного, монополизировала столько земель в колонии, сколько контролировали все религиозные дома и сановники Римско-католической церкви в Шотландии в эпоху Реформации; другие секты были уничтожены. к ним относились с презрением и едва терпели; грязная шайка землевладельцев считала землю своим достоянием, а с несколькими ведущими чиновниками, которые делили между собой государственные доходы, заключили Семейный договор и были откровенными врагами обычных школ, гражданских и религиозных свобод, любых законодательных или иных ограничений по своей собственной воле. Другие люди выступали против и были обращены ими. В двадцать девять лет я мог бы присоединиться к ним, но предпочел присоединиться к угнетенным, и я никогда не сожалел об этом выборе и не отступал от цели моего раннего стремления".

Человек, придерживающийся подобных взглядов, особенно человек энергичный и интеллигентный, с газетой за спиной, не мог не быть приемлемым для небольшой группы политиков, которые составляли ядро Партии реформ Верхней Канады. Мистер Маккензи был сердечно принят в свои ряды и вскоре был признан самым полезным и ценным приобретением в них. Он не мог претендовать ни на разностороннюю образованность, ни на прекрасную осанку, тонкий интеллект или отточенное красноречие Рольфа, ни даже на высокие, но менее заметные качества Бидуэллов, но приближалось время, когда ему предстояло доказать, что он обладает способностью трогать аудиторию как голосом, так и пером. При личной встрече случайный прохожий назвал бы его довольно незначительным человеком, поскольку он был чрезвычайно мал ростом и не очень пропорционален своей фигуре, которая была хрупкой, жилистой и — из-за беспокойной привычки и сильно напряженной нервной системы — редко пребывала в покое. И все же никому, кто внимательно вглядывался бы в его черты, и в голову не пришло бы назвать его заурядным человеком. О его интеллектуальной силе и решительности свидетельствовали большая голова, массивный лоб, пронизательные светло-голубые глаза и твердо сжатый рот. Его физическая энергия также не вызывала сомнений благодаря вышеупомянутой нервной деятельности. До тех пор, пока он не достиг расцвета своей мужественности, он никогда не оставался неподвижным много мгновений подряд в часы бодрствования. Когда он испытывал какое-либо необычное возбуждение, его тело, казалось, держалось на стальных пружинах. Поскольку он легко всплывал, не было ничего необычного в том, чтобы увидеть его в одной из таких фаз возбуждения. Но хотя он таким образом быстро впадал в гнев, нельзя было с полной справедливостью сказать, что характер у него был скверный, ибо он был далек от того, чтобы быть неумолимым, он был легко умиротворен и всегда быстро забывал и прощал. В целом, у него была активная, но плохо сбалансированная организация. Его симпатии были слишком быстрыми и сильными для его суждений, и он часто действовал импульсивно и горячо. От колыбели до могилы он так и не смог пройти в одиночку и без руководства ни в одной серьезной чрезвычайной ситуации.

Нет двух более непохожих человеческих существ, чем Уильям Лайон Маккензи и Джон Ролф. Они были вынуждены работать вместе над общим делом в течение многих лет, но эти две организации были насквозь антагонистичны, и между ними никогда не было особой личной симпатии. Строение их тел отличалось не больше, чем строение их разума. Один из них, худощавый, жилистый и постоянно находящийся в движении, казалось, мог быть снесен туда-сюда любым сильным течением. Другой, плотный почти до дородности, наводил на мысль о постоянстве - о самостоятельности и невосприимчивости к внешним влияниям. Первое наводило на мысль о том, что он в значительной степени является творением обстоятельств; второе — о том, что он сам себе закон - тот, кто с большей вероятностью будет влиять на обстоятельства, чем подвергаться их влиянию. Натура Маккензи, хотя ее и нельзя было назвать поверхностной, во всяком случае, лежала у поверхности, и ее характеры было нетрудно разгадать даже при кратком знакомстве. В натуре Рольфа были глубины, которые никогда не были постигнуты его самыми близкими и дорогими людьми — возможно, даже им самим. Маккензи, похоже, долгое время относился к Рольфу с каким-то отстраненным благоговением — как к Сфинксу, близкому, оракульному, непостижимому. Ролф, очевидно, правильно оценил Маккензи как человека, чья политика основывалась на глубоко укоренившихся убеждениях, а не на простых мнениях, хотя ему, вероятно, было бы трудно подвергнуть эти мнения строгому анализу; как человека, энергию и журналистские ресурсы которого можно было бы использовать с пользой для дела Реформ, но на чью осмотрительность не всегда можно было

положиться. Эта оценка, действительно, была достаточно очевидна для любого, кто поддерживал частые или дружеские отношения с Маккензи, и с ней соглашались большинство, если не все, его друзья. Однако его серьезность и добросовестность были очевидны для всех, кто его знал, и этого было достаточно, чтобы скрыть гораздо более преступные слабости, чем все, что он проявлял до сих пор.

Теперь, познакомившись с некоторыми из Отцов реформы, желательно бросить беглый взгляд на материал, который использовался для составления Партии реформ в целом. Этот материал был самого разнородного характера, какой только можно себе представить. В нее входили несколько лоялистов передовых взглядов из США и их потомки; но кости и сухожилия были составлены более поздними иммигрантами из Великобритании и Соединенных Штатов. Организация партии, какой бы она ни была, была создана слишком недавно в то время, чтобы допустить какое-либо абсолютное единодушие во мнениях по всем вопросам государственной политики, к которому пришли столь многочисленные организации. Однако в одном кардинальном пункте все были согласны: в высшей степени желательно, чтобы конституция Канады была более близка к конституции метрополии и чтобы Исполнительный совет был подотчетен народной ветви законодательной власти. Правда, был небольшой элемент, почти полностью состоящий из иммигрантов из—за границы, которые придерживались республиканских теорий, но ни один класс общества не требовал ответственного управления так громко, как сторонники республиканизма, очень немногие из которых считали, что их мнение относится к сфере практической политики в Верхней Канаде. В вопросе о резервах духовенства было меньше единства мнений. Многие искренние реформаторы не одобряли принцип добровольности и верили в государственное обеспечение духовенства,^[66] хотя очень немногие из них зашли так далеко в этом направлении, чтобы защищать исключительные притязания Англиканской церкви. Однако с тех пор разнообразие мнений по этому и другим важным общественным вопросам становилось все меньше и меньше из года в год. С точки зрения численности приверженцы реформаторских принципов составляли большинство жителей провинции.

"Адвокату" было всего шесть месяцев, когда его владелец переехал в Йорк. Если он хотел оказать какую-либо хорошую услугу Реформе с помощью своих средств, было ясно, что центром его деятельности должна быть столица провинции. Смещение произошло в ноябре 1824 года, а в январе следующего года новое заседание парламента состоялось впервые. Большую часть этого промежутка реформаторы потратили на подготовку к организации. Во всех этих разбирательствах мистер Маккензи принимал активное и заметное участие. Он также взял на себя, в большей степени, чем делал это ранее, роль общественного цензора и в колонках своей газеты обрушил горячий огонь на официальную партию и их мирмидонов. Его творчество было "личной журналистикой" с удвоенной силой, поскольку он обычно выражался в первом лице единственного числа и направлял свои враждебные высказывания против любого, кто на данный момент случайно привлек его внимание. Он писал очень беспорядочно и под влиянием момента; в одном номере восхвалял какого-то конкретного персонажа в экстравагантных выражениях, а в последующих номерах нападал на того же человека в выражениях, которые, безусловно, не ставили автора в заслугу. Иногда он даже распространял свои нападки на друзей и родственников тех, кто стал ему неприятен. Во всем этом он просто следовал примеру своих противников, от которых можно было ожидать лучшего, но он определенно ослабил свое влияние, даже среди своих друзей и сослуживцев, своими нападками на отдельных людей. Однако не может быть никаких сомнений в том, что он достиг своей цели - выставил некоторых

из своих оппонентов на публичное посмешище, и что по крайней мере в одном или двух случаях он таким образом влиял на голоса в Ассамблее. В какой степени, если вообще способствовали, его усилия в этом направлении избранию г-на Уилсона, кандидата от Реформаторов на пост спикера Ассамблеи, о котором уже упоминалось, сказать нелегко. То, что его освобождение могло оказать влияние на одного или двух колеблющихся и тем самым привело к желаемому результату — голосование, как следует помнить, было близким, двадцать один голос против девятнадцати^[67] — вполне возможно. Во всяком случае, несомненно, что совместные действия Партии реформ в парламенте и вне его привели к ранним и конкретным последствиям. По ряду вопросов правительство столкнулось с враждебным большинством, значительно большим, чем они сталкивались в Аппарате спикеров. Но эти кажущиеся победы не принесли оппозиции непосредственной пользы. Пусть в Ассамблее было очень велико большинство против правительства, официальная политика оставалась прежней. Верхняя палата отклоняла законопроект за законопроектом, которые принимались Нижней, а Исполнительная власть с невозмутимым спокойствием оставалась на своих местах.

СНОСКИ:

[57] *Ante*, стр. 44.

[58] Отменяющий статут - 1 Гео. IV. глава 4. Отмененный статут - 59 Гео. III., сессия. 1, глава 2.

[59] Однако это было абсолютное большинство, 17 голосов против 16.

[60] См. Статистику. 2 Гео. IV. глава 4, принята 17 января 1822 года.

[61] Шесть лет спустя Фрэнсис Коллинз, редактор *The Canadian Freeman*, сидел в йоркской тюрьме за то, что обвинил генерального прокурора Робинсона в "врожденной злокачественности". Во время своего заключения он направил несколько открытых писем своему прокурору, в одном из которых можно найти следующие комментарии к эпизоду, упомянутому в тексте:—

Далее, наиболее уважаемая часть колонии вернула почтенного мистера Бидвелла, сенатора, в парламент, и в этом случае, я думаю, вы проявили больше "врожденной злобности", чем я когда-либо видел в политическом плане в колонии. Наемный сутенер был отправлен в Бостон для расследования клеветы, вызванной тамошними политическими распрями. Мистер Бидвелл предстал перед судом коррумпированного Суда, и когда таким образом вы увидели, что ваша невинная жертва в пределах вашей досягаемости, тогда это вы открыли шлюзы своего верноподданнического гнева и позволили вашей мести обрушиться на его преданную голову. Тогда-то от избытка твоей "врожденной злобности" по твоим бледным щекам потекли слезы преданности. Затем случилось так, что ваше природное легкомыслие быстро породило самые грубые, неквалифицированные и неоправданные оскорбления, которые я когда-либо слышал в адрес не только члена парламента, но даже самого обычного члена общества. "Неужели я, - сказали вы, - сын лоялиста США, который сражался и проливал кровь за свою страну, чтобы сидеть в этих стенах с нелояльными беглыми преступниками, карманниками и убийцами из Соединенных Штатов?" — (льются слезы верноподданного.) Да, сэр, вы уговаривали, вы угрожали, вы спорили, вы плакали, пока не убедили коррумпированную и пресмыкающуюся Палату представителей, как я уже отмечал ранее, отстранить мистера Бидвелла от его

должности неконституционно, незаконно и несправедливо; и на следующий день вы были вынуждены обратиться к одному из своих инструментов, чтобы внести законопроект, регулирующий это незаконное разбирательство, и предотвратить его переизбрание, тем самым навсегда лишив страну ценных услуг человека, более квалифицированного в качестве законодателя с точки зрения образованности, таланта и опыта, чем вы или любой другой человек, возможно, в Верхней Канаде. Итак, сэр, если вы считаете позором сидеть в одной палате с отцом, хотя и во всех отношениях превосходящим вас, как вам подойдет преклонять свою возмутительно верную шею перед его сыном в кресле спикера, который, по моему мнению, является наиболее подходящим кандидатом в новой Палате представителей, и который, я не сомневаюсь, будет избран?"

Письмо, из которого взята приведенная выше выдержка, датировано 25 декабря и опубликовано в *Freeman* с этой датой. Предсказание, содержащееся в заключительном предложении, подтвердилось. Мистер М. С. Бидвелл был избран спикером на открытии сессии в январе 1829 года.

[62] См. 4 Гео. IV., сессия 2, глава 3, принят 19 января 1824 г.

[63] *Канадская портретная галерея*, Том I., стр. 17, 46.

[64] Именно усилиям самого Роберта Болдуина мы обязаны отменой доктрины первородства применительно к недвижимости в Верхней Канаде. Именно он, будучи генеральным прокурором Западной провинции, ввел и провел в жизнь меру 1851 года.

[65] Цитируется мистером Линдси в его книге *"Жизнь и времена Уильяма Лайона Маккензи"*, Том I., стр. 40, 41.

[66] Среди тех, кто одобрил такое положение, никто не был более откровенен, чем сам мистер Маккензи. В самом первом номере *"Advocate"* он четко изложил свою платформу по этому вопросу. "Ни в одной части конституции Канады, - пишет он, - мудрость британского законодательного органа не проявляется так явно, как в том, что он выделил часть страны, хотя она и оставалась дикой, для поддержки религии". Он высказался в пользу закона, согласно которому служители всех организаций, исповедующих христианство, будучи британскими подданными, должны получать равные льготы из Резервов. Однако по этому, как и по многим другим вопросам, редактор *Advocate* впоследствии счел нужным изменить свое мнение. Неустойчивость его мнений, действительно, была одной из его самых опасных черт, и уже одно это делало его непригодным для того, чтобы доверять руководство другим.

[67] *Ante*, стр. 110.

ГЛАВА V.

"СВОБОДНАЯ И РАСКРЕПОЩЕННАЯ" ПРЕССА.

Наверх

Газета мистера Маккензи много места уделяла пропаганде Ответственного правительства, которое на протяжении многих лет составляло основную основу либеральной платформы. Он указал на несправедливость и абсурдность существующего положения вещей, когда народ был обманут насмешкой над представительством в парламенте, не имея никакого права голоса при выдвижении лиц, составляющих правительство того времени. Со стороны официального органа не было никаких попыток исказить реальные факты по делу. Они прямо заявили о своей независимости от общественного мнения и насмеялись над аргументами, основанными на доктрине ответственности министров. Они провозгласили свой иммунитет от любого внешнего влияния, каким бы оно ни было, и приятно улыбались, когда в зале Собрания раздавались насмешки по поводу неоднократных нарушений конституции. Ролф, Бидвелл и другие члены Палаты представителей от Реформаторов были в достаточной степени хозяевами положения, чтобы обсуждать этот и другие вопросы на чисто общественных началах и без грубых нарушений законов парламентской дисциплины. Однако порывистый темперамент мистера Маккензи помешал ему это сделать, и, поскольку его не было Дома, он чувствовал себя вправе дать полную волю своей порывистости. Он превращал каждый важный вопрос в личное дело между собой и каждым сторонником правительства, который ему противоречил. В колонках своей газеты он изливал много горьких оскорблений. То, что он говорил, было по большей части неоспоримой правдой, но у него была такая оскорбительная манера выражаться, что удобства журналистики постоянно нарушались. Этим он навлек на свою голову злобную ненависть тех, кого сделал объектами нападок.

Чувства, которые питали к нему члены правительства и партия Тори в целом, были в значительной степени личными и независимыми от политики. Можно сказать, что конфликт между ними начался еще до переезда из Квинстона в Йорк, и фактически почти до того, как высохли чернила на первом номере "Адвоката". В этом числе сэра Перегрин Мейтленда, вице-губернатора, обвинили в лени и в том, что он был причиной того, что Верхняя Канада была менее прогрессивной, чем ее предприимчивый сосед-республиканец. О нем говорили как о человеке, который, проведя свои первые дни в шуме войны и суматохе лагерей, приобрел достаточную известность в Европе, чтобы, подобно стране, которой он управлял, наслаждаться бездельем; чьи миграции совершались водным путем из Йорка в Квинстон и из Квинстона в Йорк, подобно викарию Уэйкфилда, из коричневой постели в голубую и из голубой постели в коричневую. Вряд ли можно было ожидать, что подобные сравнения понравятся сэру Перегрину, тем более что они, как известно, содержали больше, чем *сулчик* правды. Фракция, естественно, сочувствовала вице-губернатору и только ждала подходящего случая, чтобы адекватно выразить свое отвращение к Маккензи и его доктринам. Что касается сэра Перегрин, то он был готов сотрудничать со своими сторонниками в любом деле, направленном на подавление этого свободомыслящего и крайне неприятного маленького радикала, который осмелился трепать своим плебейским языком в адрес зятя герцога. Поводом для первого открытого акта

враждебности послужили определенные обряды, связанные с установлением памятника на Куинстон-Хайтс в память о генерал-майоре сэре Исааке Броке. После того как было принято решение о строительстве памятника и парламент выделил на эти цели значительные суммы денег, были назначены уполномоченные для наблюдения за работами, которые были должным образом продолжены. Вторые похороны погибшего героя и вынос его останков из Форт-Джорджа были назначены на 18 октября (1824 г.), в двенадцатую годовщину битвы; но тем временем некоторые местные магнаты округа Ниагара решили, что первый камень в фундамент следует заложить с масонскими почестями. Для проведения этой церемонии было назначено 1 июня, и в этот день значительное количество людей собралось на Высотах, чтобы засвидетельствовать это. Мистер МакКензи, который, как следует помнить, тогда проживал в Квинстоне, похоже, принял активное участие в церемонии, и это с полного согласия и одобрения комитета по управлению. Стекланный сосуд, герметично запечатанный и заключающий в себе несколько монет и экземпляр "*Вестника Верхней Канады*", а также недавно вышедший первый номер *The Colonial Advocate*, был изготовлен с целью помещения в углубление под закладным камнем. Сосуд и его содержимое, завернутые в шкуру выдры, были помещены мистером Маккензи в полость, на что зрители смотрели с тихим одобрением. Затем к камню прикасались шпателем, отложения замывали, и ритуал завершался. Отчет о происходящем попал в газеты, и сэр Перегрин Мейтленд, к своему крайнему отвращению, узнал об участии Маккензи в церемонии. Он послал за полковником Томасом Кларком, одним из уполномоченных, назначенных парламентом для наблюдения за строительством колонны, и голосом, полным нескрываемой страсти, отдал этому джентльмену приказ немедленно извлечь стекланный сосуд и изъять из него копию "*Адвоката*". Этот мандат, конечно же, был выполнен. Поскольку колонна к этому времени достигла значительной высоты, раскопки были непростой задачей. Сам мистер Маккензи, который лично присутствовал при том, что он назвал "преждевременным воскрешением", потребовал и получил во владение номер газеты, которая вызвала столько ненужного труда и раздражения.

С этого времени между мистером Маккензи и официальной партией шла почти непрерывная война: война, иногда подавляемая, иногда и вовсе замалчиваемая на короткое время, но всегда готовая вспыхнуть по малейшему поводу — иногда, на самом деле, вообще без всякого видимого повода.

Вскоре после *переезда* адвоката в Йорк и незадолго до открытия Законодательного собрания достопочтенный Д'Арси Боултон, один из влиятельных судей, подвергся нападкам самым предосудительным образом. В рассматривавшемся на его рассмотрении деле, в котором его сын, генеральный солиситор, выступал от имени короны, судья проявил такую вопиющую пристрастность, что невозможно читать отчет о разбирательстве, даже в том виде, в каком его ведет один из правительственных органов, без смешанного чувства удивления и отвращения. В наши дни такое поведение со стороны члена судебной коллегии обрушило бы на его голову враждебные высказывания прессы всей страны. Шестьдесят лет назад это прошло без редакционных замечаний ни в одном из журналов того времени, за единственным исключением *Advocate*, который, безусловно, использовал несколько очень простых слов для характеристики поведения судьи. Он обратился к Законодательному собранию с просьбой обратиться к губернатору по этому вопросу с просьбой отстранить от должности всю расу Боултонов, от корня до ветви. "Если правительство, пришедшее из Англии, - писал мистер Маккензи, - может лелеять такую продажную команду, такую Звездную Палату, тогда для нас возвращаются времена печально известных Скроггса и Джеффриса; и мы можем сокрушаться

за себя, за наших жен и за наших детей, что британская конституция в Канаде является призраком, который вводит в заблуждение до разрушения, вместо того чтобы быть дневной звездой наших самых дорогих свобод".

Подобный язык, являвшийся мягким образцом резкого стиля писателя, в целом не был слишком сильным для данного случая. В других случаях он приходил в еще большую ярость по меньшим поводам и использовал фразы, неподобающие колонкам любой газеты, претендующей на роль общественного наставника. Но он был не одинок в своей грубости. Некоторые из лиц, подвергшихся нападкам в "*Адвокате*", ответили редактору через официальную прессу на языке, гораздо менее оправданном, чем его собственный. Его осудили как выскочку и демагога, чье низкое происхождение ставило его далеко ниже внимания джентльменов. Этот язык, как следует понимать, использовался по крайней мере одним богатым и влиятельным человеком, чье происхождение было таково, что происхождение мистера Маккензи по сравнению с ним можно было бы назвать аристократическим. На все подобные выпады мистер Маккензи ответил в "*Адвокате*" тем же. В его распоряжении был обширный словарный запас биллингсгейтского языка, и когда его характер окончательно разгорелся, он доказал, что может полностью постоять за себя в такого рода словесной войне. Он последовал примеру своих противников, вторгся в святость частной жизни и опустился до эпатажных личностей. Люди, таким образом, выставленные к журналистскому позорному столбу, были просто отплачены их собственной монетой, но они никогда не привыкли уступать другим привилегии, на которые претендовали сами, и не могли понять, как "этот парень" осмелился ответить на брошенную в его адрес гадость. Тем временем его газета пользовалась изрядным тиражом, и его враги периодически выставляли себя перед жителями Провинции в свете, хорошо рассчитанном на то, чтобы навлечь на них общественное осуждение. Они вздрагивали и ненавидели своего агрессора ненавистью, не знающей границ.

Перед закрытием первой сессии парламента Девятого созыва в 1825 году борьба между двумя политическими партиями приняла отчетливые формы. Оппозиция боролась за ответственную исполнительную власть; правительство отвергло это утверждение с саркастическим презрением. Были и другие поводы для споров, но этот важный вопрос затмевал и практически включал в себя все. На самом деле нельзя сказать, что в ходе сессии был достигнут заметный прогресс в реформировании; более того, существенный прогресс был невозможен до тех пор, пока правительство контролировало Законодательный совет, а члены Исполнительного совета оставались на своих постах, несмотря на враждебные голоса Ассамблеи. Однако дебаты проложили путь к реформе. Никогда прежде правительство Верхней Канады не подвергалось непрерывной критике со стороны бдительной и энергичной фаланги цензоров в стенах парламента. Они были недостаточно мудры, чтобы прочесть знамения времени, и ни в чем не уступали требованиям своих противников. Они все еще верили в эффективность репрессий, и следующие несколько лет были отмечены серией деспотичных преследований, которые ускорили ход реформ больше, чем все красноречие Рольфа и Бидвелла могло бы сделать за полвека.

Что касается Маккензи, то с ним, несомненно, поступили бы так же, как с Гурлеем, если бы по отношению к нему можно было безопасно применить такой подход. Без сомнения, нашлось бы множество Исааков Суэйзи, которые могли бы поклясться, что этот неприятный персонаж не проживал в Провинции в течение предыдущих шести месяцев. Несомненно, также, ключевыми словами были использованы в *адвоката*, который, выделенных из контекста, возможно,

пытали в что-то вроде мятежа. Но партия власти не была настолько тупой, чтобы не понимать, что *этот* эксперимент не должен повторяться. Либеральный школьный учитель активно работал в течение последних нескольких лет, и любая попытка воспроизвести это вопиющее беззаконие была бы, мягко говоря, сопряжена с серьезным риском для действующих лиц. Наиболее приемлемый способ избавиться от шумного маленького смутьяна представился в виде последовательных обвинений в клевете, которым его наверняка подвергла бы агрессивная и неосторожная манера письма. Конечно, невозможно получить прямые доказательства явного заговора со стороны правительства с целью уничтожить его такими средствами. Сговор такого рода вряд ли примет форму письменного договора, который может быть составлен против договаривающихся сторон в будущем. Кроме того, участники такого заговора вряд ли оставили бы за собой какие-либо письменные следы. Тем не менее, любой, у кого есть возможность и склонность детально разобраться в этом вопросе, будет непреодолимо вынужден прийти к выводу, что среди руководителей официальной партии существовало своего рода соглашение о том, что публикация "*Адвоката*" должна была быть прекращена, а ее редактора следовало либо изгнать из страны, либо заставить замолчать.

Тем временем самому мистеру Маккензи приходилось сталкиваться с серьезными трудностями. "*Адвокат*", несмотря на значительный тираж, не приносил сколько-нибудь заметного дохода. Подписчики задерживали платежи, а затраты на создание коллекций сводили прибыль практически к нулю. Почтовые расходы подписчикам из разных стран должны были оплачиваться издателем заранее, что само по себе было значительной тратой его ресурсов. Кроме того, выпуск газеты неизбежно сопровождался значительными расходами. Он выходил нерегулярно, и интервалы между последовательными номерами иногда были значительной продолжительности. Эта нерегулярность была серьезным препятствием для процветания заведения и источником большого недовольства его посетителей. Такое сочетание разочарований могло бы привести только к одному результату. К началу июня 1826 года мистер Маккензи столкнулся с серьезными денежными затруднениями и временно отказался от юрисдикции суда, ожидая соглашения со своими кредиторами. В высшей степени маловероятно, что когда-либо был бы выпущен еще один номер газеты. Он умирал, если уже не умер. Но когда дело дошло до этого, жестокость врагов Маккензи вынудила их совершить акт незаконного хулиганства, который *дал Адвокату* новую жизнь. Более того, этот акт вызвал большое народное возмущение против преступников и соответствующую степень сочувствия к их жертве, которой он придал дополнительную значимость и в то же время существенно улучшил ее финансовое положение.

Весной 1826 года критические замечания *Адвоката* в адрес некоторых членов олигархической фракции отличались исключительной резкостью. Лица, подвергшиеся нападкам, однако, тщетно искали в плотно набитых колонках какой-либо материал, на котором могло бы быть основано уголовное преследование, поскольку мистер Маккензи, то ли благодаря благоразумию, то ли по счастливой случайности, ухитрялся в течение нескольких недель говорить очень едкие вещи, не подвергая себя обвинительному заключению. Среди людей, которым пришлось пройти через огонь его критики, был почтенный Джеймс Бьюкенен Маколей, джентльмен, который в последующие годы удостоился рыцарского звания и стал главным судьей Суда общей юрисдикции Верхней Канады. В рассматриваемый период он был членом Исполнительного совета и занимал высокую должность в местной коллегии адвокатов. Язык, использованный *Адвокатом* по отношению к нему, был сравнительно мягким и даже не упоминал его по имени. Более того, замечания редактора, по-видимому, полностью

соответствовали фактам. В любом случае их было совершенно недостаточно, чтобы объяснить состояние свирепости, до которого мистер Маколей позволил довести себя. Он подготовил и опубликовал брошюру, в которой дал волю такой непристойности, что кажется невероятным, чтобы какой-либо образованный человек или даже с приличным социальным воспитанием вообще мог снизойти до того, чтобы ее написать. Воистину, ни один человек не записывается так эффективно, как тогда, когда он сам держит перо. Те читатели, которые желают лучше познакомиться с глубинами, до которых может опуститься разгневанный человек, и у которых нет доступа к брошюре мистера Маколея, могут получить некоторое представление об истине, обратившись к книге мистера Линдси "Жизнь и времена Уильяма Лайона Маккензи". [68] Как очень справедливо замечает мистер Линдси: "Причина ссоры была совершенно презренной, и мистер Маколей показал себя в ней в крайне невыгодном свете". Представляется достаточно вероятным, что одной из главных целей публикации брошюры было спровоцировать мистера Маккензи на реплику, которая сделала бы его подпадающим под действие закона о клевете. В каком—то смысле этот план — если таковой вообще существовал - удался. Адвокат выступил с длинным ответом, в котором содержалось множество скандальных материалов, большая часть которых, как должно было быть хорошо известно автору, не имела ни тени основания для истины. Этот вопрос касался не только лиц, занимающих общественное положение, но и лиц, совершенно не связанных с общественной жизнью, включая респектабельных замужних женщин и лиц, которые давно умерли. Но большинство заявлений и инсинуаций, даже те, которые не были подкреплены ни малейшими доказательствами — более того, даже те, которые были заведомо беспочвенны, — касались обстоятельств, которые, как хорошо знали вовлеченные лица, не выдерживали обсуждения, и были переплетены с ними. Никогда не следует допускать, чтобы подобные вопросы становились предметом судебного расследования. Любые действия в форме расследования неизбежно приведут к раскрытию информации, серьезно затрагивающей честь более чем одного участника Соглашения. Таким образом, об обвинительном заключении не могло быть и речи.

Часто утверждалось, что олигархия должна быть привлечена к ответственности за демонстрацию хулиганского насилия, последовавшую за репликой Маккензи на брошюру Маколея. В каком-то смысле это верно, поскольку именно в результате их длительного злоупотребления превосходством, которым они пользовались, зародились чувства ненависти и вражды между одним слоем общества и другим; и именно эта ненависть привела к насильственным мерам. Но если подразумевается, что олигархия как организация задумала этот план или что он был осуществлен под их эгидой, то такой вывод слишком абсурден, чтобы нуждаться в серьезном опровержении. Чтобы не продолжать спор дальше, группа была слишком многочисленна, чтобы допустить какое-либо общее тайное сотрудничество между ними для достижения такой цели. На самом деле все знания о предполагаемом насилии были сосредоточены в груди тех, кто принимал в нем участие. Однако никто, знакомый с обстоятельствами, не может усомниться в том, что это встретило полное одобрение правящей фракции после того, как было осуществлено, и что, насколько это было возможно, правонарушители были защищены ими от последствий произвола. По этому обвинению они волей-неволей должны признать себя виновными; но есть степени вины, и одобрение или даже одобрение поступка после того, как он был совершен, отличается от первоначального замысла и его осуществления. Соответствующий вес вины в рассматриваемом случае - это вопрос, который читателю вполне может быть предоставлено оценить по своему усмотрению.

А теперь перейдем к самому возмущению.

1826.

Офис *адвоката* располагался на северо-западном углу улиц Фредерик и Фронт[69], в здании, где родился Роберт Болдуин, и в котором Котрас впоследствии вели крупный и очень успешный коммерческий бизнес.[70] Читателям, знакомым с окрестностями, не нужно сообщать, что это место находится в непосредственной близости от залива. Мистер Маккензи со своей престарелой матерью, которая задолго до этого последовала за ним в Канаду, и остальными членами своей семьи проживал в этом здании, которое, следовательно, было его домом, а также местом его работы. Примерно в половине седьмого вечера в четверг, 8 июня 1826 года, среди бела дня, когда владелец отсутствовал в Соединенных Штатах,[71] в типографию был совершен налет, который в течение нескольких минут привел к замешательству и хаосу. Дверь была выломана, пресс частично снесен, внушительный камень опрокинут, а некоторое количество шрифтов помято и выброшено в соседний отсек. Содержимое некоторых ящиков было "пестрым" и разбросано по полу. Рамки, погоны, камбузы, наборные палочки и офисная мебель были свалены в одну беспорядочную кучу. Одним словом, весь офис был перевернут вверх дном. Мать мистера Маккензи, которой тогда было семьдесят восемь лет, стояла и наблюдала за происходящим в состоянии сильного страха и возбуждения из угла кабинета.[72]

Самой примечательной особенностью всей этой экстраординарной сделки было то, что, по-видимому, не было никаких попыток что-либо скрыть. Это осуществлялось так, как если бы это было самое законное и обычное деловое предприятие, против которого никто не мог разумно выдвинуть никаких возражений. Налетчики не считали необходимым дожидаться темноты и не прибегали к какой-либо маскировке. Если они и не стремились к огласке, то, по крайней мере, не заботились о том, чтобы избежать ее. Они выбрали время суток, когда подмастерья, связанные с заведением, почти наверняка отсутствовали и когда некому было воспрепятствовать их приходу; хотя, согласно напечатанному признанию главного зачинщика этого дела, они были готовы, если необходимо, противопоставить силу силе, чтобы добиться своей цели. Поскольку в кабинете никого не было, любая подобная демонстрация силы, к счастью, была неуместна. Пробравшись внутрь, они приступили к разрушительной работе хладнокровно и невозмутимо, как будто не было необходимости в чрезвычайной спешке. Полностью проявив свою волю, они удалились так же тихо, как и пришли.

Фактических исполнителей этого уникального акта хулиганства было девять. Ни один из них не был хулиганом по профессии, и их обычно не считали мерзавцами. Они не могли даже сослаться на то, что находились под воздействием крепкого алкоголя. Большинство из них были молодыми людьми, и почти все они были тесно связаны, либо по интересам, либо в силу близких отношений, с видными представителями олигархии. Короче говоря, за немногими исключениями, они были цветком аристократии маленькой столицы. Главным среди них был Сэмюэл Питерс Джарвис, адвокат, убийца бедного молодого Джона Ридута, упомянутый на предыдущей странице.[73] Он, по крайней мере, не мог сослаться в оправдание своей доли в сделке на то, что его увлек неконтролируемый порыв молодости, поскольку в то время ему было недалеко до тридцати четырех лет[74]. Его оправдание по более серьезному обвинению почти девять лет назад вполне могло натолкнуть его на мысль, что он может безнаказанно нарушать закон. Его принадлежность к правящей фракции легко проследить, поскольку он был сыном мистера Уильяма Джарвиса, который много лет был секретарем провинции; более того, он был

зятем бывшего верховного судьи Пауэлла.[75] Сам он в то время занимал должность при правительстве — был клерком королевской канцелярии - и пользовался большим расположением сэра Перегрин Мейтленда, по отношению к которому иногда выступал в качестве личного секретаря. Он был главным преступником, ибо именно им было спланировано это безобразие, и он был руководящим духом на протяжении всего процесса, а также самым шумным и наглым его апологетом впоследствии. Другим активным участником рейда был капитан Джон Лайонс, конфиденциальный клерк в канцелярии вице-губернатора. Третьим был Генри Шервуд, студент юридического факультета в офисе генерального прокурора Робинсона и секретарь суда присяжных. Он был сыном distinguished Левиуса Питере Шервуда, одного из главных судей, а также был связан с другими ведущими членами правящей фракции. Именно благодаря ему можно сказать, что в конце концов он перерос безумства своей юности и стал способным юристом, видным политиком и полезным членом общества. Он единственный из всех участников этого позорного дела достиг чего-либо похожего на почетное отличие. Четвертым членом банды взломщиков в лайковых перчатках был Чарльз Хьюард, сын полковника Стивена Хьюарда, который, помимо того, что был активным сторонником Соглашения, был мировым судьей, мировым клерком в Родном округе и от его имени, а также генеральным аудитором земельных патентов. Другими были Чарльз Ричардсон, студент офиса генерального прокурора Робинсона; Джеймс Кинг, студент офиса генерального солиситора Боултона; Питер Макдугалл, известный в те времена лавочник в Йорке; и двое сыновей distinguished Джеймса Бэби, генерального инспектора и члена Исполнительного совета. Все они были активными участниками беспорядков. Пока они происходили, на сцене появилось несколько других лиц, но они принимали в этом участие только в качестве зрителей.

Конечно, не следует предполагать, что это вторжение было приписано, прямо или косвенно, Правительству как органу, или что оно стало предметом обсуждения на заседании Совета. Обвинение в том, что это было приписано всей олигархии, уже снято.[76] Но, по крайней мере, справедливо предположить, что после того, как дело было сделано, правительство считало себя обязанным перед введенными в заблуждение лицами, замешанными в нем. Некоторые из последних получили назначения на должности, пользующиеся общественным доверием и приносящие доход, подобные тем, которые обычно предоставляются правительствами достойным сторонникам. Джарвис последовательно назначался на различные должности, самой важной из которых была должность комиссара по делам индейцев, в этом качестве он стал неплательщиком перед правительством и столкнулся с серьезными денежными и другими трудностями. Мстительный призрак Джона Ридута преследовал его, и его последующая карьера не была из тех, на которые можно смотреть с восхищением. Ричардсон, опять же, был назначен мировым судьей округа Ниагара. Сэр Перегрин Мейтленд не мог притворяться, что не замечает халатности своего доверенного секретаря, капитана Лайонса, который, соответственно, был уволен с этой должности. Но это был не конец истории. Многие читатели, несомненно, знакомы с замечанием Галифакса, сделанным, когда Лоуренс Хайд, граф Рочестер, был смещен с поста первого лорда казначейства и назначен на пост лорда-президента. "Я видел, как людей пинками спускали с лестницы, - заметил великий Триммер, - но милорд Рочестер - первый человек, которого я когда-либо видел пинками вверх".[77] Аналогичным образом вскоре после этого клерк вице-губернатора был повышен в должности, получив назначение регистратором округа Ниагара.

Действительно казалось, что это бессмысленное и наиболее предосудительное вторжение в права частной жизни было расценено властью имущими как высокий и достойный поступок.

Несомненно, именно так расценивалось "лучшее общество" Йорка того времени. Молодые люди, которые должны были подвергнуться социальному ostracism, были обласканы как герои, оказавшие некую великую услугу государству; и, как сейчас будет видно, им даже не было позволено понести какой-либо значительный материальный ущерб по причине нарушения ими закона. Обнаружив, что их поведение привело к тому, что они стали объектами своего рода поклонения героям, неудивительно, что вскоре они стали возмущаться тем, что сделали, и, будучи далеки от чувства какого-либо стыда или сожаления, открыто добивались огласки своих действий. Джарвис был особенно виноват в этом отношении и не постеснялся написать письма в газеты на эту тему, в одном из которых он признал себя автором и инициатором возмущения. Он признался, что руководил своей бандой полуофициальных головорезов, преисполненных решимости "выстоять, если будет оказано сопротивление". Что касается морали или аморальности этого поступка, он заявил, что у него "легко с головой". Подобные высказывания, исходящие от человека, который пролил кровь ближнего по самому незначительному поводу; которого судили за убийство и оправдали, потому что преступление было санкционировано обычаями общества; и который, более того, по мнению многих людей, вполне заслуживал петли палача, — такие высказывания при данных обстоятельствах были не просто неблагоразумными и бесчувственными, но и положительно отвратительными. Единственное мыслимое оправдание, которое можно привести этому, проистекает из того факта, что Джарвис в то время был раздражен чередой нападок в газетах, в которых его поведение, каким бы плохим оно ни было, выставлялось в еще более одиозном свете, чем оно того заслуживало. Оправдание может быть принято таким, какого оно на самом деле стоит. По крайней мере, несомненно, что, если бы преступник был наделен чувствами обычной деликатности, он не позволил бы себе использовать такие выражения, которые можно найти в его "Изложении фактов", опубликованном в Йорке почти через два года после беспорядков типа.[78] Его бессердечие всколыхнуло горячую кровь Фрэнсиса Коллинза из *The Canadian Freeman*, заставив его высказать свое мнение по этому поводу в редакционной статье: "Мы рассматриваем это, - писал он, - как величайшее несчастье, которое может случиться с любым человеком в этой жизни, когда он пачкает свои руки в крови ближнего. Но поскольку эта варварская практика за долгое время стала привычной для сознания цивилизованного общества, мы думаем, что это несчастье, которое может случиться с добродетельным и благожелательно настроенным человеком, и поэтому оно не должно (за исключением случаев, когда приотягчающих обстоятельствах) быть упреком ни ему самому, ни его детям; при условии, что в течение оставшейся части своей жизни он будет проявлять ту осторожность, которая соответствует его деликатному положению, и своей последующей доброжелательностью докажет, что сожалеет о своем несчастье. Но если, однажды обагрив свои руки человеческой кровью, он будет вести себя как отчаянный преступник и станет лидером в таких безобразиях, которые могут закончиться повторением его прежнего поступка, — тогда, мы говорим, он достоин порицания и должен рассматриваться как общий враг человечества".[79]

Новости об агрессии вскоре дошли до мистера Маккензи в Льюистоне.[80] Он немедленно вернулся в Йорк и, не теряя времени, возбудил дело против восьми агрессоров, которые за его счет создали комитет бдительности. Он подал гражданский иск о возмещении ущерба, и вскоре эти зарождающиеся "Регулирующие органы Верхней Канады" начали понимать, что действовали с некоторой поспешностью и безрассудством. Казалось вероятным, что им будет причинен крупный ущерб; и даже это не стало бы препятствием для уголовного преследования. Вышеупомянутый Джеймс Бьюкенен Маколей был назначен вести их защиту. Адвокатом истца

был Джеймс Эдвард Смолл, подающий надежды молодой юрист, впоследствии ставший заметной фигурой в политической жизни и принадлежавший к хорошо известной семье в Йорке. От имени налетчиков были сделаны попытки найти компромисс, которые предложили сначала двести фунтов, а затем триста в качестве полной компенсации. Меньшая сумма была бы достаточной компенсацией за фактический ущерб,^[81] но Маккензи чувствовал, что общественное сочувствие на его стороне, и он хотел, чтобы факты были переданы присяжным. Предложение ответчиков было отклонено, и в октябре следующего года дело было передано на рассмотрение главного судьи Кэмпбелла и специального жюри присяжных. С Главным судьей были связаны уважаемый Уильям Аллан и мистер Александр Макдоннелл в качестве мировых судей. Адвокатами истца были Маршалл Спринг Бидвелл, Дж. Э. Смолл и Александр Стюарт из Ниагары. Ответчиков представляли Дж. Б. Маколей и Кристофер Александр Хагерман. Эти имена являются достаточным доказательством того, что в деле с обеих сторон было восстановлено полное правосудие. Хагерман был адвокатом с замечательными способностями, и он боролся очень упорно. Его доводы были шедевром умных, благовидных рассуждений, хорошо рассчитанных на то, чтобы произвести впечатление на необразованных или полуобразованных присяжных. Он занял просвещенную позицию, признав преимущество свободной и ничем не ограниченной прессы для общества. Затем он продолжил оспаривать все последствия признания, утверждая, что карьера *адвоката* была карьерой вседозволенности, а не простой свободы. Но доказательства этого безобразия были ясными и неопровержимыми, и защита не рискнула вызвать каких-либо свидетелей. От имени истца было доказано, что три члена правящей фракции, двое из которых были мировыми судьями, находились в непосредственной близости от места налета в то время, когда он имел место; и, по-видимому, почти нет сомнений в том, что все трое были очевидцами этого безобразия. Одним из них был уважаемый Уильям Аллан, который в тот самый момент, когда были даны эти показания, сидел на скамье справа от Главного судьи в качестве помощника судьи на процессе. Полковник Хьюард, чей сын Чарльз был одним из преступников, был другим судьей, скомпрометированным доказательствами. Третьим лицом, которое, как утверждается, было свидетелем сделки, был мистер Маколей, ведущий адвокат защиты. Полная несообразность и неприличность всего этого дела от начала до конца кажется непостижимой в наши дни. По-видимому, отсутствовало всякое представление о целесообразности происходящего.

Нарушение границ было вопиющим и дерзким, и единственным вопросом, который присяжным предстояло рассмотреть, была сумма ущерба. Среди присяжных заседателей были противоречивые элементы, которые долго не могли прийти к решению. После долгих раздумий они вынесли вердикт в размере 625 фунтов стерлингов, и эта сумма вместе с судебными издержками вскоре была выплачена адвокату истца.^[82] Но сами участники беспорядков не пострадали, чтобы понести эти потери. Видные приверженцы официальной партии без колебаний заявили, что нападением на прессу и шрифт мистера Маккензи и последующей остановкой публикации его статьи,^[83] виновники возмущения оказали обществу важную услугу, устранив невыносимую помеху. При таких обстоятельствах было бы только справедливо, если бы общество не причинило вреда тем, кто бросился в брешь и отстаивал ее права. Было решено, что с этим похвальным объектом следует начать подписку.

Среди немногих высокопоставленных тори, проживавших в те дни в Йорке, на характеры которых сторонники современных идей могут смотреть с сочувствием и даже со значительной долей восхищения, был полковник Джеймс Фитц Гиббон. Полковник был доблестным ветераном, участвовавшим в битвах за свою страну на двух континентах: при Копенгагене и

Хелдере, при форте Эри и Биверных плотинах. Его военная карьера еще не совсем завершилась, поскольку ему было суждено сыграть важную роль в подавлении восстания в Верхней Канаде; обстоятельство, которое дает достаточное основание для несколько более пространного упоминания о нем в этом месте, чем это было бы необходимо из-за его простой связи с беспорядками в прессе. Он был ирландцем скромного происхождения, который поступил на службу рядовым в возрасте семнадцати лет и который исключительно благодаря силе энергии, храбрости и способностям к своей профессии проложил себе путь к воинскому званию и почестям. Повидав немало службы на континенте и пережив столько же приключений, сколько странствующий рыцарь в старину, он был переведен в Британскую Северную Америку. Его доблестные заслуги в этой стране неполно отражены в различных отчетах о войне 1812 года и в книге Таппера "Жизнь Брока". Каждый канадец знаком или должен быть знаком с обстоятельствами, сопровождавшими захват им отряда в 450 человек пехоты, пятидесяти кавалеристов и двух орудий, сам он в то время командовал всего сорока восемью людьми. После окончания войны он был переведен на половинное жалованье и поселился в Йорке. Он присоединился к провинциальному ополчению, откуда получил звание полковника. Он также получил должность в канцелярии генерал-адъютанта, а впоследствии стал заместителем генерал-адъютанта, и эту должность он занимал в период, к которому относится повествование. Он также входил в состав комиссии мира и часто заседал на квартальных сессиях. О его участии в подавлении восстания 1837 года будет рассказано в надлежащем месте. В остальном можно добавить, что он всегда был безденежен, ибо, помимо того факта, что он не был финансистом и никогда не знал, как обращаться с деньгами, когда они у него были, расходы на его снаряжение, когда он был произведен в чин адъютанта в 1806 году, составили ядро долга, который мешал ему с юности до старости. Нужда часто ставила его в затруднительное положение, которое, должно быть, было трудно выносить; но он был жизнерадостного нрава, и бедность, хотя и могла временно омрачить его счастье, не могла сломить его неукротимый дух. Во время своего длительного проживания в Канаде он был настойчивым соискателем должности, потому что почти всегда испытывал финансовые затруднения; но он полностью отработал все вознаграждения, которые когда-либо получал от правительства, и если бы его доход был в пять раз больше, чем когда-либо, он, вероятно, не был бы ни более обеспеченным, ни менее безденежным. Казалось, никакой жизненный опыт не мог заставить его задуматься о завтрашнем дне. Его главными чертами характера были такие, которые не редкость среди его соотечественников. Он был щедр и открыт до безобразия, всегда готовый отдать свой последний шиллинг любому, кто в нем нуждался, или кто хотя бы благовидно притворялся, что нуждается в нем. Он был опрометчив, порывист и нескромен, но в рядах британской армии не было более храброго и преданного сердца, чем у него. В его простой и нежной душе не было места зависти или коварству. Похоже, он действительно был во многих отношениях своего рода ирландским отражением полковника Ньюкома; и параллель простиралась даже на внешние обстоятельства, сопутствовавшие завершению их жизни. Полковник Ньюком, когда все его мирское имущество покинуло его, удалился в Грей Фрайарз — Чартерхаус - убежище для "бедных и пришедших в упадок братьев", когда мир, казалось, не мог предоставить другого убежища. Там он провел остаток своих дней, и там он сказал "Адсум", когда его имя было названо в последний раз в этом мире. Подобным же образом полковник Фиц Гиббон, когда все остальные ресурсы покинули его, смог, благодаря доброте лорда Ситона, получить место в лечебнице примерно такого же характера. В Королевском Виндзоре есть учреждение, которое обеспечивает уединение от забот и жизненных бурь для ограниченного числа истощенных старых офицеров. Члены клуба носят титул военных рыцарей Виндзора, а

предоставленные для них жилища расположены "на территории". Сюда, в 1850 году, когда ему исполнилось семьдесят лет, потрепанный старый герой многих сражений удалился, чтобы спокойно провести вечер активной жизни. Он прожил более десяти лет, за это время ему удалось добиться для себя и своих братьев-рыцарей определенных важных привилегий, которых они до этого были лишены.

Хотя он не был политиком в собственном смысле этого слова, как его интересы, так и чрезмерная лояльность побудили его встать на сторону власть имущих. Никто в провинции не испытывал меньшего уважения к радикалам типа Маккензи. Ему было достаточно осознать, что официальная партия отражает мощь и величие короны Великобритании. Вся его натура, воспитанная военной подготовкой, возмущалась при мысли о противостоянии тем, кто стоит у власти. Более того, он зависел от правительства в том, что касалось его должности в канцелярии генерал-адъютанта, и, естественно, встал бы на сторону своих покровителей. У Соглашения не было более преданного сторонника, и никто не питал к "низким радикалам" более глубокого отвращения. Он был взбудоражен судебным процессом над бунтовщиками из прессы, которые, по его мнению, действовали в самом патриотическом и достойном похвалы духе. Когда был вынесен вердикт и когда стало очевидно, что подсудимые должны понести наказание за свои деяния, полковник счел их мучениками. Он немедленно вызвался провести опрос по городу с целью получения взносов в фонд для погашения обязательств и таким образом спасти "мальчиков", как он их называл, от потерь. Он сдержал свое слово, и требуемая сумма вскоре была получена. Кто вносил взносы в этот фонд, так и не было полностью раскрыто, и секрет, вероятно, будет тщательно сохранен, поскольку список был сожжен полковником Фитцем Гиббоном сразу после того, как он выполнил свою задачу, и, вероятно, сейчас нет человека, который мог бы пролить свет на этот предмет. Г-н Линдси отмечает^[84], что "считается, что официальные лица того времени не отставали в оказании помощи этому фонду". возместить ущерб подсудимым по делу *type—riot* за неблагоприятный вердикт беспристрастных присяжных" - убеждение, которое при данных обстоятельствах, безусловно, не является экстравагантным. Ходили слухи, что несколько руководителей департаментов внесли в фонд по двадцать фунтов каждый, и Фрэнсис Коллинз подтвердил эти слухи в колонках своей газеты. Спор, который это вызвало, был косвенным способом предоставления почти единственного доступного в настоящее время доказательства наличия подписей в подписном листе. Коллинз утверждал, что имя самого сэра Перегрин Мейтленда, как считалось, стояло во главе списка, напротив большого вклада. Полковник Фитц Гиббон был настолько нескромен, что написал ответ, в котором он четко заявил, что утверждение последнего совершенно не соответствует действительности, *поскольку это касается вице-губернатора*. Из этого письма, которое было должным образом доведено до сведения общественности в *Freeman*, небезосновательно следовало сделать вывод, что утверждение, поскольку оно относилось к руководителям департаментов, не могло быть правдиво опровергнуто. Тот факт, что, по крайней мере, некоторые члены официального органа вносили взносы в фонд, в то время был широко известен в Йорке, и, насколько мне известно, никогда не отрицался. Достопочтенный Джеймс Бэби, действительно, который тогда или вскоре после этого был старшим членом Исполнительного совета и который, как уже упоминалось ранее, был отцом двух молодых людей, участвовавших в рейде, внес свою долю с большой неохотой. В то время он был преклонен перед жизнью — ему шел шестьдесят пятый год - и перестал иметь большой вес в Большом совете провинции, поскольку его в значительной степени вытеснили более молодые и энергичные люди. К его мнению больше не прислушивались, как это было раньше, и в одном или двух случаях

некоторые из его младших коллег, по его мнению, относились к нему с недостаточным уважением. Он остро ощущал свое положение, и есть основания полагать, что он подал бы в отставку с поста генерального инспектора и со своего места в Совете директоров, если бы не многочисленные требования к его кошельку и то, что содержание семьи в значительной степени зависело от его официальной зарплаты. На следующей странице будет приведен примечательный пример унижения, которому бедность вынудила его подвергнуться от рук вице-губернатора. Однако при сложившихся обстоятельствах он не мог отказаться внести свой вклад в список полковника Фитца Гиббона; и записано, что, когда один из его сыновей попросил у него сумму, на которую он подписался, он вручил эту сумму с вполне оправданным раздражением, сказав: "Ну вот, иди и снова выставь себя большим дураком".^[85] Те из участников беспорядков, которые располагали средствами, внесли свой вклад в фонд в соответствии со своими соответствующими возможностями, но остальным не разрешили понести более очень небольшой доли убытков.

Единственное другое документальное свидетельство, имеющееся по поводу подписчиков фонда, можно найти в "Изложении фактов" самого Сэмюэля Питерса Джарвиса. "Я должен, со своей стороны, заверить общественность, - пишет он, - что это бремя не только не было возмещено взносами, которые по разным мотивам были сделаны для нашей помощи, но и тяжелым грузом легло на тех из нас, у кого были средства что-либо выплатить; и я утверждаю, что доля судебного приговора, которую мне самому пришлось взять на себя из не очень обильных средств, была такова, что, если бы мистер Маккензи получал такую же явную прибыль от своего издательства в течение всего времени, пока он использовал его в работе по очернению, он не считал бы необходимым покидать концерн и оставлять его своему отцу". кредиторы." К этому заявлению можно добавить, что джентльмен, ныне живущий в Торонто, отчетливо помнит, как мистер Джарвис говорил, что его собственный взнос в фонд составил ровно 109 фунтов стерлингов; что взнос Питера Макдугалла был примерно таким же; и что никто из остальных участников беспорядков ничего не платил, кроме как через своих родителей или родственников.

Когда гражданская ответственность была снята, общественность с нетерпением ожидала уголовного преследования, поскольку казалось возмутительным, что виновные в таком преступлении против общества могут избежать более сурового наказания, чем то, которое до сих пор было от них взыскано. Сам мистер Маккензи, по-видимому, стремился дойти до крайности, хотя сумма, которую он взыскал, была намного больше, чем компенсация за любой понесенный им ущерб, прямой или случайный. Но мозги его профессиональных советников были холоднее, чем его собственные, и спасли его от последствий отсутствия здравого смысла. Мистер Бидвелл отговорил его от каких-либо шагов, которые могли бы показаться продиктованными чувством мести. Ему было представлено, что рейд принес ему решительную выгоду не только в кармане, но и в популярности. Симпатии общественности были на его стороне с начала и до конца. Политика войны ножом с его стороны, несомненно, охладила бы, а в некоторых случаях и вовсе оттолкнула бы это сочувствие. Либеральный вердикт присяжных обеспечил его "средствами", и, таким образом, он смог возобновить публикацию "*Адвоката*" при благоприятных обстоятельствах. Эта сделка значительно повысила его престиж в сельских кругах, и он мог обоснованно надеяться стать успешным кандидатом в парламент, когда появится подходящая вакансия. При таком положении дел ему настоятельно посоветовали оставить Уэлла в покое. Вопреки своему обыкновению, он оказался послушным совету и воздержался от уголовного преследования.

Этот выпуск полностью оправдал рекомендации советников мистера Маккензи. Несколько провинциальных газет высоко оценили его выдержку и сравнили его поведение с поведением его врагов. Но, был задан вопрос, при чем здесь генеральный прокурор? Как получилось, что он, который никогда не упускал случая максимально расширить свою власть, когда Реформатор подчинялся закону, — как получилось, что он позволил такому безобразию, как это, пройти незамеченным? Несомненно, это был его долг - официально возбудить дело против виновных. Но генеральный прокурор был глух ко всем подобным увещаниям и не заботился об этом деле дальше, чем поддерживал самые сердечные отношения с замешанными в нем лицами. Насколько его поведение в этом отношении было последовательным, станет ясно позже. Полковник Фитц Гиббон был вознагражден за свое рвение в дурном деле назначением секретарем Законодательного собрания, и дополнительный доход, который он таким образом получил, не сделал его ни лучше, ни хуже, чем раньше.

Таким образом, участники, возможно, самого грубого правонарушения, когда-либо совершенного в столице провинции, избежали на время полагающегося наказания за свой проступок. Действительно, можно почти сказать, что они вообще сбежали, ибо, хотя, как будет показано ниже, семеро из них в конце концов предстали перед судом и были осуждены по ходатайству другого лица, они не понесли надлежащего наказания и, таким образом, могли похвастаться, что джентльмены их положения в Йорке были выше закона.

Необдуманные поступки часто приводят к непредвиденным последствиям. Так было и в рассматриваемом деле. Попытка подавить "*Advocate*" была направлена на восстановление его деятельности на довольно удовлетворительной финансовой основе и продление срока его службы примерно на семь лет. Унижение, которому подверглась типография, и судебный процесс, последовавший за этим, обеспечили наилучшую рекламу, какую только можно было пожелать. С помощью части суммы, полученной из рук грабителей, мистер Маккензи смог удовлетворить самых настойчивых из своих кредиторов. На эти деньги он обеспечил себя новыми печатными материалами, и "*Advocate*" вскоре появился под более благоприятной эгидой, чем когда-либо. Он по-прежнему отличался теми же характеристиками, что и в первую эпоху своего существования. Он не проводился более осмотрительно, и в его колонках было столько же грубых личностей. Однако она внесла большой вклад в распространение реформаторских доктрин и на протяжении большей части своей жизни оказывала несомненные услуги партии, которой оказывала свою поддержку. Если бы суждения редактора были соизмеримы с его энергией, его журнал, несомненно, стал бы великой силой добра. Даже в том виде, в каком он был, он, вероятно, в какой-то степени сдерживал агрессию руководства и, таким образом, служил благотворной цели, несмотря на свои многочисленные слабости и недостатки.

Что касается мистера Маккензи, то его преследования ни в коем случае не прекратились. Фактически они только начались. О многих других позорных унижениях, которым он подвергался, — унижениях, которые в конце концов подтолкнули его к бунту и привели к сокрушительной катастрофе, — в дальнейшем повествовании будет полностью учтено. В настоящее время желательно привести ряд других убедительных примеров злоупотребления властью, к которым мистер Маккензи не имел особого отношения.

СНОСКИ:

[68] Том I., стр. 89, и последующие.

[69] Эта часть Фронт-стрит тогда и много лет спустя была известна как Пэлас-стрит. Он был назван так в первые годы истории Йорка из-за того, что вел к зданию парламента в восточной части города, а также потому, что считалось, что там будет построена официальная резиденция или "дворец" вице-губернатора.

[70] Эта историческая достопримечательность была сожжена дотла зимой 1854-5 годов.

[71] Он, как ранее упоминалось в тексте, покинул провинцию с целью урегулирования со своими кредиторами. Он был в Льюистоне, в штате Нью-Йорк. В начале второй части своего памфлета, опубликованного в Йорке в 1826 году, рассказывая об этом деле, он утверждает, что находился в Квинстоне, когда получил известие о набеге.

[72] Утверждение, которое можно найти в различных книгах — среди прочих в "*Канадиане*" Уэллса, стр. 164, и "*Подъем Канады от варварства к цивилизации*" Роджера, том I., стр. 405, — что мать мистера Маккензи подвергалась грубому обращению со стороны мятежников, совершенно безосновательно. По совести говоря, это дело было достаточно позорным и не нуждается в вымышленных приукрашиваниях.

[73] *Ante*. стр. 13.

[74] Согласно современной брошюре, в которой рассказывается о дуэли, состоявшейся в 1817 году, ему тогда было двадцать пять лет. Следовательно, на момент бунта прессы в 1826 году ему было по меньшей мере тридцать четыре года. Ссылаясь на список адвокатов, я нахожу, что его вызвали в коллегия адвокатов в Тринити-Терм, 55 по Гео. III., 1815, в то время ему должен был быть по меньшей мере двадцать один год, так что утверждение в тексте не может быть далеко от факта. Именно от него Джарвис-стрит в Торонто получила свое название.

[75] Достопочтенный У. Д. Пауэлл перестал быть верховным судьей в течение предыдущего года (1825), когда его сменил мистер (впоследствии сэр Уильям) Кэмпбелл.

[76] *Ante*, стр. 129.

[77] Маколей в "*истории Англии*", Изд. II., Глава 2.

[78] Изложение фактов, касающихся незаконного проникновения на печатный станок, находившийся во владении мистера Уильяма Лайона Маккензи, в июне 1826 года. Адресовано общественности в целом и, в частности, подписчикам и сторонникам *the Colonial Advocate*. Йорк, 1828.

[79] Смотрите *Freeman* за четверг, 21 февраля 1828 г.

[80] См. примечание к стр. 130 ранее.

[81] Мистер Маккензи, когда предстал перед Большим жюри для дачи показаний в поддержку уголовного преследования участников беспорядков *type*, признал, что его фактический ущерб, в отличие от его случайных потерь в результате беспорядков, не превысил 12 10фунтовстерлингов.

[82] Политикой официальной партии было подавлять, насколько это было практически возможно, все упоминания в государственных газетах о проступках их самих и их приверженцев. Это было вполне естественно. Никому не нравится видеть, как его проступки сохраняются до будущих веков во всей безжалостной холодности прообраза, который может восстать против его потомков еще долго после того, как он сам будет забыт. Ниже приводится полная расшифровка современного отчета о судебном процессе над этими бунтовщиками, опубликованного в *The U.E. Loyalist*, листке, выпущенном в качестве своего рода приложения или дополнения к официальному изданию *Gazette*. Это появилось в "*Лоялисте*" за 21 октября 1826 года:

-Суд королевской скамьи.—По иску Маккензи *против* Джарвиса, Макдугалла и других за незаконное проникновение присяжные после двадцатичетырехчасового совещания вынесли вердикт в пользу истца в размере 625 фунтов стерлингов".

Это абсолютно единственная информация, которую можно получить из современного номера официального органа по теме, которая была *по преимуществу* актуальной в то время. Можно добавить, что орган не содержал никаких упоминаний о типичном бунте до тех пор, пока не прошло много недель после его возникновения.

[83] Очевидно, тогда они не знали, что публикация фактически прекратилась до начала беспорядков.

[84] *Жизнь Маккензи*, Том I., стр. 99.

[85] См. Книгу доктора Скэддинга "*Старый Торонто*", стр. 38. Идиома мистера Бэби возникла из-за его французского происхождения и обучения.

ГЛАВА VI.

ДЕЛО КАПИТАНА МЭТЬЮЗА.

Наверх

Капитан Мэтьюз, который, как следует помнить, был возвращен в Ассамблею от графства Мидлсекс, нанес большое оскорбление официальной партии, объединившись с оппозицией. Говорили, что его происхождение и общественное положение не подходили ему для такого общения. Сам капитан, по-видимому, не осознавал несоответствия и направил всю свою

энергию на продвижение дела Реформ. По его первому приезду в страну нельзя было сказать, что у него вообще были какие-либо политические убеждения. Он был воспитан как тори, и его военная карьера была такой, что, естественно, могла побудить его искать своих союзников в рядах тех, кто стоял у власти. Но его собственный опыт злоупотреблений в Земельном ведомстве побудил его рассмотреть политическую ситуацию в Верхней Канаде в целом, и результатом его размышлений стал его союз с новым движением в направлении Реформ. Будучи человеком, пользующимся большим влиянием на местном уровне, его пример привлек на свою сторону ряд фермеров Миддлсекса, особенно в городке Лобо, в котором он проживал. Во время своей первой сессии в парламенте он привлек к себе значительное внимание, поскольку выступал часто и хорошо и, как правило, с юмористическим красноречием, которое сделало его любимцем тех, кто не был непримиримым сторонником другой стороны.

Следовало ожидать, что отход капитана Мэтью от политической веры его предков сделает его особенно ненавистным для Высших тори Верхней Канады. Они считали постыдным, что офицер, получающий доход от правительства Его Величества, должен придерживаться таких мерзких демократических взглядов, не говоря уже о том, чтобы высказывать их, которые постоянно звучали из его уст. Капитан был нескромен и становился все более откровенным по мере того, как его чаще обвиняли в радикализме; но ни разу он не произнес ничего, что отдавало бы нелояльностью, по той вполне достаточной причине, что в его сердце не было нелояльности. Участникам Соглашения было очевидно, что его влияние было для них самым пагубным, и все же никакого осуществимого плана избавления от него не представлялось. Разве нельзя было бы, приложив немного дополнительных усилий, лишить его пенсии? Если бы эта похвальная цель была достигнута, несносного капитана, обладавшего порывистым темпераментом, вероятно, подтолкнули бы к тому, чтобы сказать или сделать что-то действительно преступное - что-то, что дало бы в руки его врагов оружие, с помощью которого его можно было бы заставить замолчать. План, во всяком случае, стоил того, чтобы попробовать. Соответственно, по отношению к нему была применена система шпионажа.^[86] Во время заседания законодательного органа мирмидоны исполнительной власти преследовали его по пятам, куда бы он ни пошел, чтобы получить какие-то основания для враждебного обвинения против него.

Шпионам не пришлось долго ждать, ибо любого пустякового предлога было достаточно, чтобы послужить крючком для обвинения в нелояльности, а сам обреченный человек не подозревал о каких-либо замыслах против него. Предлог, к которому на самом деле прибегли, был настолько презренным, что становится почти стыдно описывать сопутствующие обстоятельства.

Труппа театральных исполнителей из Соединенных Штатов посетила Йорк во время сессии, собравшейся осенью 1825 года. Актеры не встретили особого поощрения и оказались, выражаясь сценическим языком, "на мели". Доведенные до крайности, они решили устроить специальное представление для увеселения членов Законодательного собрания, чьего покровительства они просили по этому случаю. Шестнадцать или восемнадцать участников, среди которых был капитан Мэтьюз, согласились на предложение, и представление состоялось в литтл-Йоркском театре в ночь на 31 декабря. В перерывах между актами оркестр исполнял национальные песни "Боже, храни короля", "Правь Британией" и "Британские гренадеры". Несколько человек в зале — среди них капитан Мэтьюз^[87] — очевидно, из уважения к актерам, все из которых были выходцами из разных стран, выкрикнули "Янки Дудл" и "Да здравствует Колумбия". Требование было выполнено, по крайней мере частично. Оркестр не смог сыграть "Hail Columbia", но публику порадовали живые мелодии "Yankee Doodle". Капитан Мэтьюз

присоединился к последовавшим аплодисментам и снял шляпу, призывая других сделать то же самое. Весомость доказательств, по-видимому, свидетельствует в пользу идеи о том, что он не был первым, кто поднял шляпу или потребовал снять шляпы со своих коллег-членов. Во всяком случае, просьба в целом была удовлетворена. И в этом заключалась суть истории. Участие капитана Мэтьюза в событиях вечера заключалось в том, что он присоединился к требованию исполнить два вызывающих отвращение образа, к аплодисментам, последовавшим при исполнении одного из них, и к просьбе обнажить головы. Эти ужасные преступления обрекли на гибель доблестного офицера, который служил своему королю более четверти века и чье молчаливое согласие с призывом к национальному величию республики, вероятно, было вызвано, по крайней мере частично, бурным чувством, вызванным хорошим обедом.

Трудно проследить шаг за шагом ход мер, принятых в отношении него. Искаженные и преувеличенные отчеты появились в *Kingston Chronicle* и *Quebec Mercury*. Но маловероятно, что об этом деле было бы принято какое-либо *официальное* уведомление, если бы сообщения в газетах не были подкреплены конкретным обвинением. Капитан Мэтьюз, по-видимому, был тайно обвинен военными властями. Вскоре после этого он получил письмо от военного министра графу Далхаузи, командующему вооруженными силами в Нижней Канаде, в котором говорилось, что внимание этого высокопоставленного лица привлекло сообщение в общедоступных печатных изданиях о представлении, которое капитан Мэтьюз провел в буйной и возмутительной манере в театре Йорка, призывая к исполнению национальных песен и мелодий Соединенных Штатов, "призывая собравшихся там зрителей снять шляпы, как это принято в британских доминионах в честь "Боже, храни короля"". Далее в письме говорилось, что "нахождение заявления подтверждается По результатам расследования" командующий Вооруженными силами призвал капитана Мэтьюза объяснить поведение, которое было признано "крайне нелояльным и позорным". Но даже это было еще не все. Последующим письмом, полученным из Артиллерийского управления, капитану было предписано немедленно отправиться в Квебек и оставаться там до тех пор, пока он не сможет с первым же судом весной отправиться в Англию, чтобы там дать отчет о своем поведении. Было заявлено, что этот приказ был отдан на основании сообщения властей Канады лорду Батерсту, министру по делам колоний, и им передан Генеральному магистру и Управлению боеприпасов.

Мистер Маккензи утверждает, что целью властей было выдворить капитана из провинции и таким образом лишить Оппозицию права голоса, "чтобы дать местному правительству перевес в законодательном органе против прав людей".^[88] Это, однако, вряд ли можно принять за полное или правдивое объяснение, поскольку отсутствие Капитана в то время не дало бы правительству такого перевеса при любом контрольном голосовании. Ослабление Оппозиции могло быть, а могло и не быть одной из целей, которых добивались обвинители Капитана. Если так, то это явно провалилось. Капитан Мэтьюз, да будет вам известно, получал не половинное жалованье, а пенсию. Он прослужил двадцать семь лет и, когда его корпус был полностью расформирован, с одобрения правительства поселился в Верхней Канаде. Поскольку с тех пор он был избран членом Провинциального собрания, его первым долгом было служить этому органу, и было необходимо, чтобы он получил его разрешение, прежде чем приступить к исполнению приказа генерального магистра. Соответственно, в четверг, 28 декабря 1826 года, он встал со своего места и внес ходатайство о предоставлении отпуска. Он объяснил обстоятельства и в ходе последовавших дебатов прямо заявил, что попросил отпуск не с каким-либо желанием, чтобы он был предоставлен, а просто для того, чтобы Палата могла выполнить свой долг. Оппозиция преданно поддержала его в этой чрезвычайной ситуации. Палата представителей сочла, что

затронута честь одного из ее членов. Суд отклонил ходатайство об отпуске и по ходатайству мистера Ролфа начал расследование обстоятельств от своего имени.

Расследование было тщательным и тщательным, и свидетели не допрашивались в присутствии друг друга. Большая часть показаний была чрезмерно нелепой и абсурдной. Сцена в театре описывалась одним свидетелем за другим в бесконечном разнообразии. Достоинства "Янки Дудл" и "Да здравствует Колумбия" с филологической и эстетической точек зрения стали предметом самого серьезного исследования. Оказалось, что, за исключением мистера Джона Бейки, секретаря Исполнительного совета, и очень немногих горожан, аудитория полностью состояла из членов Законодательного органа. Дам среди присутствующих не было, и, поскольку это был канун Нового года, публика в целом чувствовала значительную свободу от ограничений. Многие из участников добровольно пригубили "чашу ура" — конечно, не ту чашу, на которую указал Каупер, — и пребывали в блаженном состоянии Тэма О'Шантера по некоему памяtnому случаю, о котором нет необходимости упоминать более конкретно. Проще говоря, некоторые из них были настолько пьяны, что не могли вспомнить ничего из того, что произошло. Все были полны веселья, и разыгравшаяся сцена имела самое возмутительное описание. Три серьезных законодателя "танцевали под "Янки Дудл"". Несколько других достигли драчливой стадии опьянения и, выражаясь языком одного из свидетелей, "показывали драку". Мистер Филип Ванкоунет, один из членов Stormont, был вынужден признать, что он снял с себя пальто и угрожал сбить кого-то с ног. Капитан Мэтьюз, среди прочих, призывал к "Да здравствует Колумбия" и "Янки Дудл", но, по общему мнению более трезвых участников вечеринки, он сделал это "в насмешку". Это был суровый век, и трезвость была скорее исключением, чем правилом. Все это было немногим лучше оргии в баре, и ни в каком другом свете его нельзя было рассматривать должным образом.

Когда в начале 1827 года был опубликован отчет Ассамблеи, капитан Мэтьюз был полностью освобожден, насколько это касалось этого органа, от всего, что отдавало нелояльностью. "Обстоятельства сделки, — так гласил отчет, — поскольку они изложены без противоречий со стороны ни одного свидетеля, неопровержимо свидетельствуют об отсутствии той нелояльности, с помощью которой была предпринята низменная попытка запятнать репутацию самого благородного человека". Более того, в отчете был преподан суровый урок сторонникам выдвинутых против него обвинений. В нем говорилось, что "Если в этих Провинциях каждый всплеск чувств по любому веселому или невинному поводу будет преувеличен до преступления показаниями тайных осведомителей — если больше не может существовать политическая инквизиция, которая будет проверять мотивы каждого верного слуги общества — если власти Канады смиряют независимость Законодательного собрания, шокировав его членов и отправив их в Квебек, а оттуда в Англию, чтобы подвергнуть их участи, которая, при таком подтверждении, какое получил лорд Далхаузи, может покрыть их позором или привлечь их, какими бы невинными они ни были". , на плаху — или если члены нашего сообщества будут склонены к политическому раболепию из-за страха перед угнетением или соблазняются порочной надеждой на участие в преступных милостях, тогда, действительно, перед нами четверь откроется перспектива, и эта прекрасная провинция станет отдаленным придатком могущественной империи, управляемой горсткой честолюбивых людей с бичом власти ".[89]

Комитет заявил о своей неспособности выяснить, кем были сделаны пагубные заявления в газеты или властям Канады, или из какого источника лорд Далхаузи получил свое "подтверждение". Они выразили свою убежденность в том, что нет никаких оснований для

предъявления капитану Мэтьюзу обвинения, злобность и лживость которого, по их мнению, возникли из политической враждебности по отношению к нему.

Пресса Соединенных Штатов громко выражала свое презрение. "Посмотрите, какое важное дело разжигает маленький огонек", — сказал *New York Enquirer*. - "Поистине, есть что-то очень недостойное в столь возмутительных действиях властей" — имея в виду, конечно, попытку перетащить капитана Мэтьюза через Атлантику по обвинению, основанному на таких смехотворных доказательствах. Было обращено внимание на тот факт, что национальные песни Великобритании "Боже, храни королеву" и "Правь Британией" часто звучат в театрах и в других местах республики без каких-либо столь важных последствий и не вызываются ни смехом, ни танцами, ни презрением. "Доказательства, - продолжал *Enquirer*, - не слишком убедительно говорят в пользу удобства и благопристойности членов парламента Верхней Канады. Если призыв к исполнению одного из наших национальных гимнов во время глубокого мира, в нескольких милях от границ, рассматривается британским правительством как непростительное преступление, кто будет удивляться или жаловаться, что британский народ полон предубеждений против нас ". Либеральная пресса Приморских провинций подыгрывала той же мелодии. "На самом деле, - заметил *"Галифакс Рекордер"*, - мы думаем, что люди должны иметь здравый смысл сейчас, если подобные вещи можно истолковать как недовольство".

Но хотя законодательный орган оправдал капитана Мэтьюза, ему все еще предстояло пройти испытание военной инквизицией. Они не могли заставить его присутствовать при существовании существовавшего тогда парламента, но у них было эффективное средство привести его к окончательному подчинению. Они воспользовались этой властью. Его пенсия была прекращена — очень серьезное дело для человека с большой семьей и множеством обязанностей. Он продолжал вести борьбу за Реформы с упорным мужеством и упорством до тех пор, пока позволяли его средства, но вскоре он оказался в тяжелом финансовом положении и был вынужден уступить. С разбитым сердцем и измученный, он сложил с себя полномочия члена Ассамблеи и вернулся в Англию, где после серьезных задержек ему удалось восстановить свою пенсию. Он так и не вернулся в Канаду и пережил восстановление своей пенсии лишь на короткое время. Таким образом, из-за злонамеренности эгоистичной и тайной клики Верхняя Канада была лишена услуг ревностного и полезного гражданина и законодателя, чье пребывание среди нас, если бы оно продолжалось, не могло не способствовать продвижению дела свободы и справедливости.

СНОСКИ:

[86] То, что сэр Перегрин Мейтленд и его Совет нанимали шпионов и что некоторых правительственных чиновников поощряли действовать в этом качестве, являются фактами, которые никто не станет отрицать, если ознакомится с местной законодательной, официальной и газетной литературой того времени. Очевидно, хорошо информированный автор для *журнала Блэквуда* за сентябрь 1829 года в статье, озаглавленной "Колониальное недовольство", комментирует эту ретроградную систему в следующих выражениях: "Система шпионажа предполагает, что есть что-то, за чем следует наблюдать и что следует предотвращать; и поскольку существование такой системы, вероятно, действительно существовало в Верхней Канаде во время правления сэра Перегрин Мейтленда, можно сказать, что до сих пор его правительство действовало на основе ложных принципов.... Мы не предполагаем, что существовало что-либо похожее на организованную систему, а только то, что к рассказам в

ущерб личным интересам антимиистерской партии слишком охотно прислушивались. Без сомнения, члены этой партии были столь же легковверны, прислушиваясь к рассказам о предубеждении сторонников правительства, но тогда они не имели возможности, подобно им, наносить наказания. Нет необходимости объяснять, каким образом система шпионажа порождает ожоги сердца. Для обществнности это то же самое, что сплетни и злобные сплетни для частного общества, с той существенной разницей, однако, что рассказ клеветника со временем забывается или опровергается, в то время как донесение шпиона принимается тайно, помещается в конфиденциальные архивы канцелярии и упоминается как свидетельство о характере, в котором такой набор свидетельств может быть эффективно применен, когда представится случай ".

[87] Мистер Маккензи в своих *Очерках Канады и Соединенных Штатов*, стр. 419, отрицает, что капитан Мэтьюз призывал к таким выступлениям, как указано в тексте. Но любой, кто внимательно изучит провинциальные события тех времен, не заставит себя долго ждать, придя к выводу, что неподтвержденные показания мистера Маккензи, особенно в том, что касается вопросов, так или иначе относящихся к сфере политики, имеют очень мало ценности. Доказательства того, что капитан звонил в "Янки Дудл", неопровержимы. То, что его поступок представлял собой серьезное преступление, - это другой вопрос, относительно которого в настоящее время расхождений во мнениях будет очень мало.

[88] *Зарисовки Канады* др., стр. 419.

[89] Смотрите Журнал собрания за 1826-7 гг., Приложение Р. Смотрите также Журнал за 1828 г., стр. 122.

ГЛАВА VII.

ВОЗМУЩЕНИЕ НИАГАРСКИМ ВОДОПАДОМ.

[Наверх](#)

Дело Уильяма Форсайта— широко известное в хрониках того времени как "Взрыв на Ниагарском водопаде—, существенно отличалось от дела капитана Мэтьюза не только по характеру, но и по степени. В последнем случае не было грубого нарушения жизненных приличий или внешних форм закона. Вред был нанесен с помощью шпионов и секретной информации, и нанесенный ущерб был скорее случайным, чем прямым. Дело Форсайта, напротив, было больше похоже на типичные беспорядки. Это было жестокое и совершенно неоправданное применение грубой силы. Но в одном важном отношении это было хуже, чем type riot. Это проявление хулиганства

было совершено без открытого одобрения властей. Взрыв на Ниагарском водопаде был совершен не только с полного согласия, но и по прямому приказу самого вице-губернатора. Нельзя было найти даже жалкого оправдания тому, что это было сделано в момент гнева или раздражения. Это было сделано намеренно, хладнокровно, и так же намеренно повторялось. Это был простой случай борьбы Сильного *против* Правого.

В качестве пролога необходимо сказать несколько слов пояснения.

В 1786 году, до выделения Верхней Канады в отдельную провинцию и сразу после начала заселения полуострова Ниагара рейнджерами Батлера, территория, прилегающая к западному берегу реки Ниагара, была обследована и разделена на участки Огастесом Джонсом, геодезистом, чье имя знакомо всем изучающим раннюю историю этой провинции. В соответствии с инструкциями, полученными от правительства, мистер Джонс при разбивке этих участков зарезервировал цепочку шириной шестьдесят шесть футов вдоль верхней части берега.

Оговорка была сделана частично с целью военной обороны провинции, а частично с целью сохранения удобного сообщения.^[90] Это было прямо указано в патентах Короны, выданных владельцам прилегающих земель, и воплощено во всех последующих документах при последовательной передаче. Таким образом, можно признать, что право короны на зарезервированную землю было неоспоримым.

В 1827 году и некоторое время ранее главной гостиницей на канадском берегу реки у Ниагарского водопада владел некто Уильям Форсайт. Этот человек и его заведение были хорошо известны путешественникам, а "Форсайтз" имел высокую репутацию одного из самых комфортабельных заведений общественного питания в стране. В летнюю жару многие жители Йорка более или менее часто посещали Водопад, не столько для того, чтобы насладиться сменой воздуха и величественными пейзажами, сколько для того, чтобы воспользоваться гостеприимством "хозяина шахты" Форсайта. Гостиница находилась в непосредственной близости от большого водопада и была известна как Павильон Ниагарского водопада. Он был построен на земле, которая граничила с правительственной резервацией и доходила до нее, которая единственная находилась между ним и вершиной берега.

1827.

Мистер Форсайт вел процветающий бизнес, но, как и некоторые из его преемников на том же месте, его жадность росла по мере увеличения прибыли, и он не был доволен постепенным обогащением. Он решил увеличить свой доход за счет возведения высокого забора из столбов и перил, установленного таким образом, чтобы посетители не могли приближаться к Водопаду, и чтобы им было необходимо проходить через его дом, прежде чем откроется желаемый вид. Следует упомянуть, что мистеру Форсайту, помимо Павильона и прилегающей к нему территории, принадлежали прилегающие земли на значительном расстоянии, включая все точки, с которых можно было наблюдать великолепное зрелище. Таким образом, возведением забора посетители были бы лишены доступа ко всему, что стоило увидеть в окрестностях, пока они не пройдут через его гостиницу; и, конечно, предполагалось, что большинство из тех, кто таким образом проезжал, потратят больше или меньше денег на помещение. Было, однако, одно довольно серьезное возражение против предполагаемого изменения. Оно предполагало бы включение оговорки правительства, процедура, которая вряд ли будет допускаться

постоянно. Вероятно, Форсайт поступил опрометчиво со своим адвокатом в этом вопросе, поскольку он, похоже, действительно придерживался мнения, что право собственности правительства на землю, по крайней мере, может быть поставлено под сомнение, и ему было разрешено занимать ее часть без каких-либо возражений в течение примерно шести лет. Где-то ранней весной вышеупомянутого года — как раз к ожидаемому притоку летних посетителей — он осуществил свой проект и построил вольер. Таким образом, его дом был превращен в оживленную улицу, что неизбежно привело к значительному увеличению числа посетителей и значительным дополнительным расходам в его стенах. Но вскоре в общественном спокойствии начали проявляться признаки беспокойства. Был еще соперничающий трактирщик по имени Браун, который вскоре обнаружил, что его собственные убытки пропорциональны прибылям Форсайта. Он изо всех сил взялся за это дело, и вскоре ему удалось вызвать бурю негодования в умах посетителей. Никому не разрешалось ни входить, ни проходить мимо его двери без того, чтобы его не заставили подписать петицию к правительству, молясь о снятии нежелательного забора. Другие люди, проживающие по соседству, были возмущены нововведением и также обратились по этому поводу к правительству. Таким образом, было получено несколько петиций с многочисленными подписями, которые были направлены в штаб-квартиру.

Подобные процедуры сами по себе были достаточно разумными и надлежащими. Форсайт действовал эгоистично и неоправданно, и это было бы не более чем то, чего он имел право ожидать, если бы правительство немедленно возбудило против него иск. Было бы несправедливо по отношению к публике, если бы ему позволили беспрепятственно пользоваться своей монополией. Но ни сам нарушитель, ни кто-либо из тех, кто протестовал против его поведения, не были готовы к таким своевольным мерам, к которым фактически прибегли; мерам, которые эффективно доказали непригодность сэра Перегрин Мейтленда для его высокого поста; которые привели к тому, что его искренне возненавидели по всей длине и ширине Верхней Канады; и которые, несомненно, имели какое-то отношение к его перемещению в другую сферу деятельности.

Однажды примерно в середине мая, когда ограждение было возведено около шести недель назад и когда регулярный поток туристов в сезон практически прекратился, владельцу Павильона позвонил капитан Джордж Филпоттс из королевских инженерных войск, который тогда командовал округом. Последний поинтересовался, почему Форсайт осмелился заниматься фехтованием - в правительственном заповеднике. Форсайт ответил, отрицая, что заповедник принадлежит правительству, и заявляя о своем собственном праве собственности на него, после чего ему сообщили, что, если ограждение не будет убрано без промедления, он, капитан Филпоттс, сам займется его удалением. Форсайт заявил, что твердо отстаивает свои права, и пригрозил привлечь к ответственности капитана или любого другого, кто может посягнуть на его собственность. На этом интервью закончилось. Несколько дней спустя — 18-го - хозяина гостиницы вызвали к его двери с сообщением, что его желает видеть какой-то джентльмен. Джентльменом оказался капитан Филпоттс, которого сопровождали сержант и еще четверо солдат в камуфляжных куртках без оружия. Присутствовали также майор Ричард Леонард, шериф округа Ниагара, и Огастес Джонс, который сорок один год назад произвел первоначальное обследование участка. Шериф, который просто сопровождал группу по просьбе капитана, не принимал участия в последующих действиях, а довольствовался тем, что спокойно наблюдал. Мистер Джонс был доставлен с определенной целью, и по просьбе капитана Филпоттса он тут же произвел поспешный повторный осмотр заповедника, границы которого он обозначил пикетами. По завершении этой задачи капитан потребовал, чтобы

Форсайт немедленно убрал ограждающий забор, и после его отказа сделать это солдаты, по приказу своего капитана, намеренно срезали и снесли забор, обнажив сады, луга и около шестидесяти акров растущих сельскохозяйственных культур. Кузница, построенная на территории заповедника, была снесена, а строительные материалы выброшены на берег. Капитан признал, что действовал по прямому приказу вице-губернатора, что подтвердилось фактом.

Достигнув своей цели, капитан Филпоттс и его солдаты отбыли в сопровождении шерифа и землемера. Едва они убрались с дороги, как Форсайт и его слуги принялись за ремонт повреждений, и еще до наступления темноты ограда была отстроена заново; помещения, за исключением кузницы, были приведены в то состояние, в котором они находились до нападения на них. Но известие о реставрации было быстро передано сэру Перегрину Мейтленду, который снова отправил того же эmissара, и драма разрушения разыгралась заново. Затем владелец Павильона отказался от конкурса, поскольку речь шла о каких-либо попытках реконструкции, и приступил к получению возмещения ущерба в установленном законом порядке.

Теперь, пожалуй, можно признать, что Форсайту воздали по заслугам или, во всяком случае, что он почти не заслуживал сочувствия. Его огораживание королевского заповедника не имело какой-либо строгой правовой окраски и было вызвано чистой жадностью и эгоизмом. Но его кузница была построена на этой земле еще в 1821 году, когда он купил соседний участок у Уильяма Диксона, и никто никогда не ставил под сомнение его право содержать ее там. Похоже, он думал, что у него такие же права на собственность, как и у кого бы то ни было. Вопреки действительности, ему сообщили, что государственный заповедник простирается только до нижнего берега и не охватывает земли на вершине. Он мог бы легко обнаружить, что его информация вводит в заблуждение, но он не стал брать на себя столько хлопот и заслужил юридические последствия своего пренебрежения. Несомненно, он мог бы быть лишен собственности посредством иска об изгнании, расходы по которому были бы справедливо возложены на него. Но он имел право ожидать, что после того, как ему было позволено столько лет оставаться в неприкосновенности, он должен быть лишен собственности только в гражданском процессе. Это был не тот случай, когда произвольное удаление было оправданным, как это может быть законно сделано, когда становится необходимым устранить неприятность. Но прежде всего было невыносимо, что для такой цели были задействованы военные. Сэр Перегрин Мейтленд, отправляя капитана Филпоттса в экспедицию, действовал не в качестве вице-губернатора, а в качестве генерал-майора, командующего войсками в Верхней Канаде. Именно это взволновало общественность до такой степени. Именно это создало опасный антагонизм между народом и солдатами и привело к частым ссорам и пререканиям между ними. Комитет, впоследствии назначенный Ассамблеей для расследования этого вопроса, поддержал общественное мнение, сообщив, что "лицо, долгое время владеющее землей, подобное заявителю, должно было быть изгнано по закону страны, которого при беспристрастном применении достаточно для обеспечения прав собственности, но вмешательство вооруженных сил посредством таких актов насилия для поддержания предполагаемых или оспариваемых прав справедливо рассматривается с завистью во всех свободных странах, и к нему следует относиться серьезно в колонии, где самые беспрецедентные бесчинства совершались без судебного преследования и даже сопровождались уголовным преследованием". [\[91\]](#) Присутствие гражданской власти в этом случае в лице шерифа было

даже отягчающим обстоятельством преступления, поскольку шериф, таким образом, был вынужден оказать поддержку процессу. Что касается действий вице-губернатора в этом вопросе, то виноват был исключительно он сам, поскольку его намерения не были доведены до сведения Исполнительного совета или, насколько представляется, кого-либо из членов этого органа. Это было просто и исключительно неприкрытое и самое наглое злоупотребление властью, ответственность за которое лежит не на чьих-либо плечах, кроме его собственных.

Обращения Форсайта к закону не увенчались успехом. Он подал два иска о незаконном проникновении на территорию, один из которых был направлен против шерифа Леонарда и капитана Филпоттса совместно за демонтаж забора и кузницы; а другой - против капитана Филпоттса в одиночку за демонтаж забора во второй раз. Сэр Перегрин поручил генеральному прокурору Робинсону защитить оба этих иска и отстоять право короны на зарезервированную землю.^[92] Чтобы добиться последней цели самым формальным и решительным образом, генеральный прокурор подал иск о вмешательстве против Форсайта, на основании которого был вынесен вердикт в пользу короны. Истец полностью потерпел неудачу в своем иске против Филпоттса и шерифа, и решение по этому делу сделало для него бесполезным возбуждать иск против Филпоттса в одиночку.^[93]

1828.

Пока рассматривались эти судебные процессы, Форсайт, обнаружив, что общественное мнение если и не в его пользу, то, по крайней мере, враждебно настроено по отношению к вице-губернатору, направил в Ассамблею петицию с изложением обстоятельств и мольбой о возмещении ущерба. Это было во время сессии 1828 года. Ассамблея рассмотрела петицию и назначила Комиссию по расследованию. Комитет приступил к соответствующему расследованию. Пока их расследование продолжалось, они решили допросить двух правительственных чиновников, которые, как имелись основания полагать, могли пролить свет на причины такого произвольного поведения сэра Перегрин, в котором он был виновен. Должностными лицами, чьи показания было сочтено желательным получить, были полковники Коффин и Гивинс, оба они были руководителями департаментов. Первый занимал должность генерал-адъютанта милиции Верхней Канады; второй был суперинтендантом по делам индейцев. Оба этих джентльмена были вызваны для участия в Комитете в указанное время. В этом не было ничего странного или необычного. Это было частым явлением для должностных лиц правительства, высоких и низших, вызываться в парламентские комитеты во время сессии Законодательного органа; и не было никаких сомнений в праве таких комитетов требовать такого присутствия. Однако в данном случае вызванным лицам не было разрешено подчиниться указаниям Комитета, и в сопутствующих обстоятельствах имелись довольно явные признаки мошенничества и сговора между должностными лицами Короны и сэром Перегрином Мейтлендом. Каждый из двух соответствующих офицеров, сразу же после получения повестки, сообщил об этом факте вице-губернатору, и каждый написал письмо председателю Комитета. Позже в тот же день вице-губернатор категорически отказался разрешить присутствие вызванных лиц, сославшись в качестве причины на то, что он не был ознакомлен с фактами, относительно которых было желательно их допросить. Теперь, когда рассматриваешь все факты и обстоятельства дела, приходишь к выводу, что полковники Коффин и Гивинс располагали определенной информацией, которую Исполнительная власть или, во всяком случае, вице-губернатор были сильно заинтересованы в сохранении тайны. Почему еще им было запрещено присутствовать? Указанная причина, безусловно, не была достаточной. Во-первых, она не была

основана на фактах. То, что Комитет был назначен с конкретной целью расследования обстоятельств, связанных с взрывом на Ниагарском водопаде, было общеизвестно. Когда два правительственных чиновника были вызваны для дачи показаний перед этим Комитетом, не могло быть никаких сомнений в том, что намерение состояло в том, чтобы допросить их на предмет их осведомленности в рассматриваемом вопросе.^[94] За несколько лет до этого, когда Соглашение было всемогущим как в Ассамблее, так и в Верхней палате, был введен обычай уведомлять вице-губернатора всякий раз, когда предлагалось допросить кого-либо из правительственных чиновников в качестве свидетелей перед парламентским комитетом. Обычно в адресе уведомления указывался предмет, по которому предполагалось получить доказательства. Это, однако, было простым вопросом вежливости и условностей, на которых никто не имел права настаивать; и практика не была единообразной или последовательной, имели место различные случаи, когда королевские чиновники вызывались и допрашивались в качестве свидетелей без какого-либо уведомления. Однако именно под таким надуманным предлогом сэр Перегрин Мейтленд обосновал свой отказ допустить двух свидетелей для допроса по делу Форсайта.

Председатель Комитета должным образом доложил Ассамблее о неявке свидетелей, и этот орган постановил, что его авторитет не должен таким образом безнаказанно попираться и сводиться на нет. Главный преступник, вице-губернатор — или командующий Вооруженными силами, если его рассматривать как действующего в этом качестве, — был, конечно, недосыгаем, но против непокорных свидетелей было немедленно возбуждено судебное разбирательство. Спикер выдал на них ордера, чтобы они предстали перед Палатой представителей под стражей у сержанта по вооружению и ответили за свое неуважение к суду. Действуя по рекомендации юриста, они отказались подчиняться такой власти, если только их не вынудят сделать это силой; и они смело пригрозили, что в случае применения силы они привлекут Спикера к ответственности. Следует предположить, что ордера в любом случае были бы исполнены, но эта наглая угроза не оставила Ассамблее выбора. Если бы правительственным чиновникам, которым платят из государственного бюджета, было позволено бросать вызов той ветви законодательной власти, которая единственная представляет голос народа, — если бы им было позволено относиться к ее мандатам с презрением и угрожать ее представителю последующими последствиями в случае исполнения этих мандатов, — тогда, действительно, свобода и равные права в Верхней Канаде были бы в упадке. Ордера были незамедлительно исполнены, и с этой целью в дом, в котором укрылись два чиновника, проникли силой. Будучи доставлены в коллегия адвокатов Палаты представителей и обвиненные в неуважении к суду, они попытались оправдать себя, сославшись на действия вице-губернатора, отказавшегося санкционировать их присутствие. Затем Палата представителей приняла резолюцию, в соответствии с которой они были переданы под опеку шерифа и помещены в общую тюрьму Родного округа. Они официально уведомили вице-губернатора через его личного секретаря о бедствии, постигшем их из-за повиновения его приказам, и просили, чтобы им были предоставлены советы и помощь должностных лиц Короны, то есть генерального прокурора и солиситора. Однако они оставались в заключении всего три дня, поскольку вице-губернатор, в соответствии с ранее сделанным сообщением, приостановил работу Законодательного органа 25 марта — они были арестованы 22 марта — и полномочия Собрания на принятие решений не выходили за рамки времени, когда оно фактически заседало.

Полковники Коффин и Гивинс выполнили свою угрозу и подали в суд на Спикера о возмещении ущерба за незаконное лишение свободы. Однако право Собрания привлекать к ответственности за неуважение к суду было слишком хорошо устоявшимся вопросом и было подтверждено Судом Королевской скамьи по другому делу, находившемуся на рассмотрении в то время. Таким образом, генерал-адъютант милиции и суперинтендант по делам индейцев, в дополнение к их соответствующим счетам расходов, были приговорены к трехдневному тюремному заключению в качестве награды за их верность сэру Перегрину Мейтленду и за их нелояльность к канадскому народу.

Сэр Перегрин, по-видимому, испытывал некоторые сомнения относительно того, как его действия будут восприняты в Министерстве внутренних дел. Было совершенно очевидно, что министр по делам колоний узнает об этом деле, но одобрение этого высокопоставленного лица оставалось под вопросом. В любом случае было бы хорошо, если бы официальное мнение получило свое первое впечатление по этому вопросу от самого сэра Перегрин, который, соответственно, не теряя времени, прислал свою собственную версию сделки. Его депеша, содержащая внутренние доказательства того, что она была написана или исправлена генеральным прокурором Робинсоном, датирована 29 марта — четвертым днем после отсрочки. Под предлогом просьбы о совете относительно того, как ему следует действовать в будущем в случае, если кого-либо из должностных лиц вызовут в парламентские комитеты без какого-либо уведомления, он рассказывает историю о взрыве на Ниагарском водопаде. Нет нужды говорить, что его повествование от начала до конца искажено и односторонне. Форсайт упоминается в нем как "человек, заведомо безразличный по характеру", а Ассамблея и ее комитеты оклеветаны в выражениях, в высшей степени неподобающих для использования в конфиденциальном сообщении вице-губернатора колонии своему начальству на родине.^[95] Министр по делам колоний, однако, был достаточно проницателен, чтобы проникнуть за завесу искажения фактов, которой была окутана депеша, и прийти к довольно справедливой оценке существа дела. Он официально выразил свое мнение о том, что у Ассамблеи были достаточные основания для проведения расследования. "Я не могу не признать, - писал он, - что сэр Перегрин Мейтленд проявил бы большую осмотрительность, если бы позволил офицерам предстать перед Собранием; и я сожалею, что он не достиг цели, которую имел в виду, предотвратив посягательства Форсайта с помощью гражданской власти, которая, как говорят, была под рукой, вместо того, чтобы призвать военную помощь". Это послание, однако, было адресовано не самому сэру Перегрину Мейтленду, а его преемнику, сэру Джону Колборну. Дело Форсайта, начавшееся вслед за другими опрометчивыми разбирательствами со стороны сэра Перегрин, побудило правительство Метрополии отозвать его из Верхней Канады, где было совершенно очевидно, что его полезность — если она у него когда-либо была - исчезла. Его перевели в Новую Шотландию, куда нет необходимости, чтобы это повествование сопровождало его.

Что касается Форсайта, то он может добавить, что, будучи не в состоянии получить какую-либо компенсацию за вторжение Филпоттса и преследуемый затяжным судебным разбирательством, он продал свою собственность на Ниагарском водопаде по цене, значительно ниже ее стоимости, и уехал с этого места. Нельзя сказать, что он заслуживал большого сочувствия, поскольку сам навлек на себя свои потери из-за собственного эгоизма. Он воспользовался ситуацией, чтобы изобразить из себя мученика исполнительной тирании, и ему удалось обмануть многих своих современников, заставив их поверить, что он был сильно травмированным человеком. Исторический интерес, однако, сосредоточен не в нем, а в

последствиях, возникающих в результате найма солдат для выполнения работы шерифа в мирное время и без какого-либо иницирующего гражданского процесса. Народное волнение, вызванное этим возмущением, побудило Форсайта обратиться с петицией в Ассамблею. Петиция привела к назначению Комиссии по расследованию, что, в свою очередь, привело к вызову свидетелей и конфликту между Собранием и вице-губернатором. Конфликт привел к удалению последнего, и с этой точки зрения его не следует рассматривать в свете несмешанного зла.

СНОСКИ:

[90] Смотрите письмо Главного судьи Робинсона подполковнику Роуэну, секретарю и т.д. и т.п., датированное в Йорке 31 декабря 1832 г. и приложенное к отчету Комитета Палаты Собрания по петиции Уильяма Форсайта, датированное 1 апреля 1835 г. В одной из частей этого письма Главный судья говорит, что распределение участков происходило "некоторое время между 1785 и 1790 годами, и в то время, когда генерал Холдиманд управлял правительством Канады". Генерал Холдиманд не управлял правительством Канады в течение какой-либо части указанного таким образом времени — факт, о котором главному судье Робинсону следовало знать. В последующей части того же письма он правильно указывает дату - 1786 год.

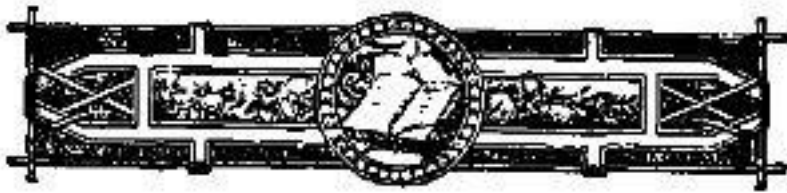
[91] Смотрите отчет, стр. iv., прилагаемый к *Седьмому отчету Комитета по рассмотрению жалоб*.

[92] Защита по этим двум искам, по-видимому, была средством значительного увеличения и без того значительного дохода Генерального прокурора. Из некоторых счетов, присланных Ассамблее, следует, что в течение 1834 года ему была выплачена сумма в 127 6,6-¾ д. фунтов стерлингов за "расходы, понесенные им при защите двух исков, включая расходы, связанные с военным резервом близ Ниагарского водопада".

[93] В то время во всем округе Ниагара существовало очень распространенное мнение, что майор Леонард, который был послушным слугой исполнительной власти, манипулировал списками, из которых отбирались присяжные по этим делам. Истинность или ложность этой веры сейчас не может быть установлена, обстоятельства, на которых она была основана, преданы забвению.

[94] "Он [сэр Перегрин Мейтленд], должно быть, пришел к выводу, что Комитет предложил проверить этих офицеров на предмет использования вооруженных сил для изгнания Форсайта с земли". — См. Депешу министра по делам колоний сэра Джорджа Мюррея генерал-майору сэру Джону Колборну, датированную 20 октября 1828 г., приложенную к отчету о смерти Форсайта. петиция.

[95] Смотрите сообщение, приложенное к отчету по делу Форсайта, в конце отчета Комитета по рассмотрению жалоб. Депеша министра по делам колоний, цитируемая в тексте, будет найдена в приложении к тому же докладу.

ГЛАВА VIII.

"АМОВАЛЬ" МИСТЕРА СУДЬИ УИЛЛИСА.

Наверх

Конфликт с Форсайтом продолжался в течение длительного периода, и время от времени в течение нескольких лет он продолжал, с более или менее длительными интервалами, привлекать к себе общественное внимание. Между тем это был не единственный случай злоупотребления властью со стороны исполнительной власти, которому жители Верхней Канады были вынуждены подчиниться. Несколько других заметных примеров того времени совпали с незавидной работой по расширению разрыва между правительством и народом и по разрушению доверия населения к беспристрастному отправлению правосудия. Довольно странным фактом является то, что из всех многочисленных своевольных мер, к которым прибегали за время существования парламента Девятого созыва, та, которая вызвала наибольшее возмущение, была, пожалуй, наименее достойной порицания из всех. У писателей, которые имели дело с этим периодом нашей истории, вошло в моду представлять убийство судьи Уиллиса как в целом самое вопиющее беззаконие того времени. Эта точка зрения не подтверждается фактами. В деле Уиллиса сэр Перегрин Мейтленд прибегнул к системе шпионажа и, безусловно, дошел до предела своих полномочий, но нельзя сказать, что он яростно бросал вызов прецеденту и здравому смыслу, как это было сделано, например, в деле Форсайта. Нельзя также сказать, что он действовал с деспотической опрометчивостью. Десятилетие его правления в Верхней Канаде характеризовалось множеством жестоких, тиранических и позорных деяний: деяний, которые со зловещей отчетливостью взирают со страниц прошлого. Ему есть за что ответить на суде истории, и совершенно нет необходимости нагружать грозное обвинение против него излишками или сомнительными материалами. Тщательное и беспристрастное изучение всех обстоятельств дела Уиллиса должно убедить следователя в том, что не все ошибки были на одной стороне, и что сам судья обязан, по крайней мере, разделить с сэром Перегрином ответственность за горечь, вызванную "амовалом".

Джон Уолпол Уиллис, чьему имени было суждено завоевать значительную известность в судебных анналах этой провинции, был юристом с хорошей репутацией в коллегии адвокатов английской канцелярии. Он происходил из уважаемой семьи графства, но не имел никаких надежд на наследство и с самой ранней юности посвятил себя учебе с рвением, порожденным убеждением, что ему придется полагаться на собственные усилия в поисках средств к существованию. Он с усердием посвятил себя изучению литературы, относящейся к отрасли права, касающейся справедливости. К тому времени, когда он достиг зрелого возраста,

он приобрел значительную эрудицию, и ему было предсказано, что он оставит след в своей профессии. Он сделал все возможное, чтобы оправдать это предсказание, поскольку не успел предстать перед судом, как предстал перед миром как автор. Его первой публикацией была работа, посвященная закону доказательств. В 1820 году он опубликовал работу о защите справедливости, а в 1827 году появился его трактат "Об обязанностях доверительных управляющих". Эти работы получили изрядную долю признания и, несомненно, способствовали его профессиональному успеху. Он пользовался репутацией трудолюбивого и кропотливого юриста, а также блестящего и образованного члена общества.

В 1823 году, когда ему исполнился тридцать один год, граф Стратмор обратился к нему за профессиональным советом. Этому событию было суждено иметь важные последствия. Этот совет привел к получению важной профессиональной работы, растянувшейся на несколько месяцев, в течение которых умный юрист был частым гостем в доме графа и поддерживал тесные социальные связи с семьей. В несчастный для своего будущего душевного спокойствия час он привязался к леди Мэри Изабелле Боуз Лайон Уиллис, одной из дочерей его светлости. Молодая леди, обладавшая большой личной привлекательностью, отвечала взаимностью на его привязанность и, несомненно, могла бы рассчитывать на более честолюбивую партию; но ее благородный отец мало что мог предложить в виде приданого и не противился ее желаниям. Бракосочетание состоялось в Мэрилебонской церкви в августе 1824 года. Жениху было тогда тридцать два года, а невесте только что исполнился двадцать второй год. Этого несоответствия было недостаточно, чтобы вызвать какие-либо замечания, поскольку леди Мэри была зрелой для своего возраста, а жених едва распрощался со своей молодостью. Около трех лет после свадьбы пара жила у матери мистера Уиллиса в Гендоне, приятном пригороде, расположенном к северо-западу от Лондона; он тем временем продолжал заниматься своей профессией в городе. Все эти обстоятельства существенно повлияли на формирование будущей карьеры молодого адвоката.

1827.

Мистер Уиллис наслаждался социальными преимуществами, которые, несомненно, давал ему союз с дочерью аристократа. Эти преимущества были оценены в полной мере, но они влекли за собой определенные неизбежные последствия, главным из которых было существенное увеличение внутренних расходов. Поскольку ни леди Мэри, ни ее муж не обладали большим имуществом и поскольку доход последнего почти полностью зависел от его профессии, он решил попытаться получить какое-нибудь общественное назначение, которое могло бы улучшить его материальное положение. В начале 1827 года проект создания Суда справедливости в Верхней Канаде в течение короткого времени находился на каком-то рассмотрении в Министерстве по делам колоний. Благодаря влиянию своего тестя мистер Уиллис был назван наиболее подходящим человеком для выполнения этой важной обязанности. Его сердце откликнулось на эту идею. Он чувствовал, что вполне подходит для такой ответственности и что таким образом перед ним откроется благоприятная сфера применения. Его тщеславию также, похоже, льстила перспектива попасть на скамью подсудимых — даже на колониальную скамью подсудимых — в столь раннем возрасте. Видения социального и интеллектуального превосходства магнатов Верхней Канады, несомненно, предстали перед его мысленным взором в заманчивых формах. Ему не составило труда заручиться обещанием, что в случае намечаемого назначения оно будет предложено ему. Проект, однако, все еще находился в зачаточном состоянии и, как показало это событие, был

полностью реализован только десять лет спустя. Между тем было желательно, чтобы без промедления был назначен влиятельный судья Королевской скамьи Верхней Канады, и эта должность была предложена мистеру Уиллису. В то же время ему было заявлено, что его согласие никоим образом не помешает плану учреждения Канцлерского суда, и что, тем не менее, он был бы пригоден для осуществления такого плана, поскольку он некоторое время проживал в Провинции и в некоторой степени ознакомился с местными законами и институтами..... По зрелом размышлении он принял предложение и ближе к концу лета отправился в Канаду в сопровождении жены, матери, сестры и маленького сына.

Его брак оказался не во всех отношениях счастливым. Леди Мэри была проникнута патрицианскими идеями и относилась к семье своего мужа с заметным высокомерием. Она была очень требовательна к соблюдению определенных правил, на которые, по ее мнению, имела право. Несомненно, были недостатки с обеих сторон. Миссис и мисс Уиллис обиделись на покровительственный вид леди Мэри, которая, в свою очередь, пожаловалась, что ее сделали секретаршей в ее собственном доме. Были также мелкие эпизоды ревности со стороны леди Мэри, которые приводили к спорам между ней и ее мужем. В целом домашнее хозяйство в Гендоне нельзя было назвать гармоничным, но средств семьи было недостаточно, чтобы содержать два отдельных хозяйства. Истинное средство от такого положения вещей заключалось в проявлении духа взаимной снисходительности — упражнении, к которому леди Мэри, по крайней мере, похоже, была мало привычна. Под таким зловещим покровительством семейство Уиллисов было переведено из Гендона в Верхнюю Канаду.

Уиллисы прибыли в Верхнюю провинцию 17 сентября, а на следующий день новый судья проследовал в Стэмфорд-коттедж, летнюю резиденцию вице-губернатора в округе Ниагара. Предъявив королевский ордер на его назначение вместе с некоторыми другими документами, он был сердечно принят сэром Перегрином. Он пообедал и провел вечер в коттедже. В ходе беседы он упомянул о проекте создания Суда справедливости, который к тому времени уже ни для кого не был секретом, и был удивлен, обнаружив, что эта тема неприятна его хозяину, который тоном, который нельзя было неправильно понять, заметил: "Сэр, у вас еще нет своего Суда справедливости". "Эти слова, - написал мистер Уиллис,^[96] "произвели некоторое впечатление в то время, и последующие события, как правило, проливали дополнительный свет на их значение".

По прибытии в Йорк 20-го числа мистер Уиллис был встречен с очевидной сердечностью судебной властью, коллегией адвокатов и обществом в целом. Лидеры местной моды соперничали друг с другом в проявлении внимания к дамам семейства, особенно к леди Мэри, которая была почти переполнена любезностями. Новый судья был приведен к присяге 11 октября. Он с жадностью приступил к выполнению своих служебных обязанностей, а также привлек к себе внимание в обществе, где на него с самого начала смотрели как на удачное приобретение. Он с большим энтузиазмом включился в планы по организации вечеринок и развлечений и, очевидно, получал искреннее удовольствие от получения вежливого гостеприимства. Он присутствовал на нескольких публичных собраниях, созванных с благотворительными и другими целями, и на всех выступал с тем, что считалось несколько излишним красноречием. Одним словом, он не только получил звание, на которое имел право в силу занимаемой должности, но и сразу же занял положение лидера общества и общественных движений. Его имя было у всех на устах. Люди, подобные борну, которые привыкли занимать первые места в глазах общественности, на какое-то время оказались почти вытесненными и

игнорируемыми. Судья Уиллис должным образом оценил оказанное ему почтение и предстал перед обществом в самых ярких и дружелюбных красках. Однако нескольким выдающимся личностям показалось, что новоприбывший вел себя с поразительным *хладнокровием* и слишком самодовольно размышлял о себе и своем положении. Им казалось, что он расценивал все горячее восхищение, которое ему расточали, как не что иное, как его выдающиеся качества, дающие ему право надеяться на помощь маленького йоркского мирка. Казалось, думали они, он принимает все это как должное. И это предположение не было необоснованным с их стороны, поскольку судья, похоже, был в какой-то мере сбит с толку вниманием, оказываемым ему со всех сторон. Его позиция требовала проявлять хладнокровие и осмотрительность. Неудивительно, что ведущие члены суда и коллегии адвокатов, которые долгое время с усердием и признанием служили правительству, испытывали некоторую ревность при назначении постороннего человека на почетное и высокооплачиваемое место. Генеральный прокурор Робинсон, например, много лет занимал свой ответственный пост, и у короны, конечно, не было причин жаловаться на то, что он выступал за свободу в ущерб прерогативам. Хагерман и Боултон тоже в течение многих лет служили целям Исполнительной власти. Не было ничего необычного в том, что эти люди чувствовали себя так, словно их собственные притязания на привилегированное положение были проигнорированы в пользу судьи Уиллиса, незнакомого с Канадой, ее институтами и ее государством. И не было ничего удивительного в том, что это чувство невольно повлияло на их поведение по отношению к незнакомцу. Судья Вилли вскоре обнаружил, что в воздухе витают какие-то настроения подобного рода, но, по-видимому, он не придавал этому должного значения и проявил склонность к тому, чтобы брать дело в свои руки. Он был невысокого мнения о профессиональных достижениях Генерального прокурора и недостаточно скрывал это мнение. Сначала он был высокого мнения о способностях судьи Шервуда, но вскоре пришел к выводу, что сильно переоценил их,^[97] и своим поведением ясно показал, что он придает мало значения решениям своего брата судьи. Этот курс был полной противоположностью тому, который был бы принят сдержанным и действительно способным человеком. Такой человек сделал бы должную скидку на ревность, которая при данных обстоятельствах была почти неизбежна. Такой человек взял бы на вооружение политику дружеского примирения. Такой человек воздержался бы от того, чтобы привлекать к себе особое внимание, по крайней мере, до тех пор, пока он не освоится на новом поприще и не привыкнет к новой атмосфере. Поведение судьи Уиллиса было прямо противоположным всему этому. В общении со своими братьями—судьями - один из которых, следует помнить, был верховным судьей — он использовал тон превосходства и даже, в какой-то степени, диктатуры. Его, конечно, нельзя было винить за несогласие с их мнениями — что он делал очень часто, — при условии, что он был честен в своем несогласии; но в таких случаях он действовал очень бесцеремонно и, вынося свои собственные суждения, редко считал необходимым ссылаться на решения своих собратьев по скамье подсудимых. Для последних было невозможно игнорировать тот факт, что он презирал или делал вид, что презирает их законные достижения; и их признание этого неизбежно вызывало раздражение и злость с их стороны. Они сочли его поведение еще более неуважительным по отношению к ним из-за его признанного незнания Общего права, поскольку его собственное чтение и практика были почти исключительно ограничены сферой права справедливости.

В самом первом суждении, когда-либо вынесенном им, он высказал чувства, которые, мягко говоря, были очень неуместны. Дело было возбуждено Джорджем Ролфом из Дандаса против Т. Г. Саймонса и других за грубое оскорбление, нанесенное истцу, который был братом крупного

политического соперника Генерального прокурора. Возмущение возникло из-за личных осложнений, и в ходе судебного процесса никаких политических вопросов не возникало. Завершая свое решение, г-н Уиллис воспользовался случаем, чтобы отметить, что он сформировал свое мнение о деле исходя из его внутренних обстоятельств, непредвзятых никакими политическими соображениями. Он добавил, что полностью лишен партийных чувств и что самым искренним его желанием всегда будет беспристрастное правосудие по отношению ко всем. Само собой разумеется, что это очень уместные чувства со стороны члена судебной коллегии. Такие принципы были особенно востребованы в Верхней Канаде, где долгое время существовала большая судебная пристрастность и частые судебные ошибки по причине политических разногласий. Но судья должен, по крайней мере, исходить из того, что его честность считается само собой разумеющейся, и должен считать ниже своего достоинства пытаться как-либо отстоять свою правоту, находясь на скамье подсудимых. Более того, не было никаких обстоятельств, позволяющих использовать такие выражения, которые были использованы судьей Уиллисом. Против него никогда не было слышно ни малейшего намека на какую-либо пристрастность. У него не было возможности проявить пристрастие, поскольку тогда он впервые занял свое место на скамье подсудимых. Как гласит пословица: "Тот, кто находит ненужные оправдания, обвиняет самого себя". В данном случае Судья, безусловно, пошел на совершенно ненужное самооправдание. И были причины, по которым любое такое самооправдание с его стороны было особенно неделикатным. Радикальные газеты возвестили о его прибытии как о начале новой эры, когда в стране прекратится судебная коррупция. Совершенно очевидно, что ему польстила хвалебная речь, и теперь он изо всех сил старался сделать скрытый выговор своим коллегам по скамье подсудимых. Его замечания были несомненно восприняты именно в этом смысле и вызвали молчаливое возмущение. Возможно, они были тем более готовы воспринять замечания как относящиеся к ним самим, что сознавали свои прошлые недостатки; но не от брата по скамье подсудимых — к тому же пробывшего в стране всего несколько недель — они должны были выслушивать упреки.

Однако на чувства своих коллег мистер Уиллис обращал мало внимания. Его сердце было особенно сосредоточено на создании суда справедливой юрисдикции, и с этой целью он направил большую часть своей энергии. Он привлек к этому вопросу внимание генерального прокурора, который, как он обнаружил, отличался от него в отношении некоторых важных деталей. Он также подготовил и представил схему вице-губернатору. Ему было очень трудно склонить кого-либо из членов правительства обсудить с ним этот вопрос. Ему сообщили, что акт законодательного собрания провинции был сочтен необходимым для создания такого суда, как тот, который он рассматривал. С этим мнением он не совпадал, но, стремясь ускорить дело, он приложил максимум усилий для принятия необходимого законодательства. После того, как Законопроект, первоначально подготовленный им собственноручно, был внесен в Ассамблею, он присутствовал на дебатах и побратался с Рольфом, Бидвеллом и другими членами Оппозиции — обстоятельство, на которое впоследствии очень настойчиво ссылались в Министерстве по делам колоний. Законопроект прошел не совсем гладко, и из него были изъяты некоторые положения, которые он считал необходимыми для успешного осуществления схемы. Он тщетно пытался склонить генерального прокурора к своему взгляду на этот вопрос. Мистер Робинсон слишком долго был верховным судьей во всех юридических делах, чтобы подчиняться какой-либо диктатуре, особенно со стороны человека, к которому он не питал доброй воли. Судья Уиллис сталкивался с противодействием на каждом шагу; и вскоре он обнаружил, что правительство было против этого плана, хотя это неприятие прямо не

признавалось. Затем он вспомнил замечание вице-губернатора по этому поводу, сделанное ему несколько месяцев назад в Стэмфорд-коттедже. Некоторые сомнительные выражения, которые время от времени срывались с уст генерального прокурора, Генерального солиситора, судей и других видных должностных лиц, также приходили ему на ум. Что касается генерального прокурора Робинсона, "в конце концов я обнаружил, - писал судья Уиллис, - что любое предложение, исходящее не от него, как правило, не сопровождалось его одобрением".[98]

Примерно в это же время была обнародована депеша министра по делам колоний вице-губернатору, из которой явствовало, что проект создания Суда справедливой юрисдикции был отложен или от него на время отказались. Судья Уиллис был сильно разочарован таким отказом, который в разговоре он открыто приписал влиянию сэра Джеймса Скарлетта, генерального прокурора Англии, с которым у него однажды были неприятности во время поездки. Но примерно в то же время стало известно, что главный судья Кэмпбелл собирается уйти в отставку и, соответственно, его должность вскоре освободится. Судья Уиллис, не теряя времени, подал заявление на эту должность. Не сделал этого и генеральный прокурор Робинсон, чье заявление было поддержано всем влиянием высшего канадского руководства. Здесь возникла новая почва для соперничества, в результате чего неприятные отношения между этими двумя чиновниками обострились. Вскоре для нового судьи и Генерального прокурора стало невозможным вступать в контакт без чувств и выражений, свидетельствующих о личной неприязни. Пустая дружба, которая, поначалу казалось, существовала между ними, была развеяна по ветру, и всякому общественному общению между ними был положен конец. Любое предложение, исходившее от судьи Уиллиса, систематически встречало противодействие со стороны генерального прокурора. Судья, в свою очередь, воспользовался несколькими возможностями, чтобы показать, как мало значения он придает мнению генерального прокурора. Что еще хуже, он навлек на себя длительное негодование вице-губернатора. Возможно, правильнее было бы сказать, что это бедствие навлекла на него его жена, поскольку причиной неприятностей стал горячий спор между леди Мэри Уиллис и леди Сарой Мейтленд по вопросу о ранге и старшинстве. В этой ссоре совершенно ясно, что леди Мэри была неправа, но все это дело было совершенно отвратительным с обеих сторон. Дамы втянули в спор своих сеньоров, и каждая из последних приняла сторону своей подруги. Сэр Перегрин неизбежно одержал верх над своим противником, которого он так и не простил. Невозможно сказать, насколько эта неприличная женская перепалка способствовала унижению, которое впоследствии пришлось вынести судье Уиллису, но совершенно ясно, что с того времени сэр Перегрин был настроен добиться смещения своего противника с занимаемой должности. К несчастью, судья из-за недостатка благоразумия сравнительно легко выполнил это решение. Он представлял собой своего рода общего цензора судебных и официальных недостатков и со своего места на скамье подсудимых высказывал раздражительные и неподобающие критические замечания по различным сделкам, которыми ему не нужно было заниматься.

1828.

На судебных заседаниях в Йорке, состоявшихся в апреле 1828 года, судья Уиллис вступил в такое серьезное публичное столкновение с генеральным прокурором, что дело получило огласку за границей и наделало значительный шум по всей провинции. В четверг, 10 числа этого месяца, Фрэнсису Коллинзу, редактору *Freeman*, было предъявлено определенное обвинение в клевете, выдвинутое против него генеральным прокурором Робинсоном, при обстоятельствах, которые будут подробно описаны в следующей главе. Скамью подсудимых

занимал судья Шервуд. Секретарь как раз собирался приступить к предъявлению обвинения обвиняемому, когда от имени последнего была запрошена отсрочка. Ходатайство было удовлетворено, и на этом дело на сегодня закончилось. На следующее утро — в пятницу, 11—го — скамью подсудимых занял судья Уиллис, который тогда впервые в своей жизни председательствовал на заседании присяжных. Не успел он занять свое место, как из-за стойки поднялся Коллинз. "С позволения вашей светлости, - сказал он, - у меня есть пара ходатайств в суде, если я, не будучи юристом, могу это сделать".

"Конечно, - ответил судья, - выступите вперед, чтобы Суд мог вас услышать".

Затем вперед выступил Коллинз и обратился к Суду с речью, которая, очевидно, была подготовлена специально для этого случая.^[99] "Милорд, - сказал он, - я скромный представитель общественной прессы в этом городе. Я выхожу вперед, чтобы обвинить генерального прокурора Его Величества в мстительности и отвратительной пристрастности при исполнении им своих обязанностей в качестве обвинителя Короны. Он подослал своих племянников и подмастерьев в качестве шпионов в мой кабинет, чтобы отслеживать воображаемых преступников. Он предпочел обвинительный акт против меня по подозрению в клевете, и я был отстранен от своего дела обычным констеблем и вынужден внести залог в этом суде, в то время как он, генеральный прокурор, позволил рассматривать самые гнусные преступления перед ним, не обращая на них никакого внимания ". И так далее, и многое другое в том же духе.

Оратора прервал генеральный прокурор, который совещался с членом коллегии адвокатов в соседней комнате, но был специально вызван в суд своим секретарем Генри Шервудом, который сообщил ему, что Коллинз произносит длинную речь перед судьей. Отметив, что судья не выказал намерения прекратить разбирательство, мистер Робинсон попросил сообщить, какова была цель обращения ответчика в Суд и подавал ли он какое-либо ходатайство. "Если мистеру Коллинзу будет позволено продолжить, — ответил судья Уиллис, - я осмелюсь сказать, что его цель будет изложена". Коллинз соответственно продолжил: -

"Милорд, хотя генеральный прокурор Его Величества вызвал меня в этот Суд по простому подозрению в клевете, я держу в руках напечатанное признание генерального солиситора Его Величества Генри Джона Боултона Эсквайра в преступлении, которое по английским законам называется убийством, совершенном десять или одиннадцать лет назад.^[100] Пока против него не выдвинуто никакого обвинения, и это признание засвидетельствовано Джеймсом Фитц Гиббоном эсквайром, мировым судьей этого округа, и шерифом этого суда. Я также держу в руках напечатанную историю о преступлении самого грубого характера, когда несколько молодых чиновных джентльменов в этом городе собрались вместе и совершили полуденную кражу со взломом, ворвавшись в частный дом Уильяма Лайона Маккензи и уничтожив его имущество. Это чудовищное преступление, прошу прощения, ваша светлость, было доказано в зале Суда в присутствии генерального прокурора Его Величества. Преступники были установлены и приведены к присяге, однако против них так и не было выдвинуто никакого обвинения, в то время как генеральный прокурор занят тем, что засылает шпионов и информаторов в мою типографию, чтобы привлечь меня к ответственности за мнимые преступления ".

Вряд ли можно было ожидать, что генеральный прокурор будет спокойно выслушивать подобные обвинения, выдвинутые в открытом судебном заседании и выслушанные судьей без

какого-либо выражения неодобрения. Он встал в некотором возбуждении и заметил, что надеется, что Суд не допустит, чтобы публичное заседание было таким образом прервано. "Подсудимый, - сказал он, - не предстал перед судом, и ему никогда не предъявлялось обвинение. Похоже, он просто позволяет себе нападки на меня как на генерального прокурора — нападки, которые не могли бы иметь никакого отношения к его собственному делу, даже если бы оно сейчас рассматривалось присяжными; но которые в настоящее время являются не чем иным, как самым неподобающим вмешательством в работу Суда посредством разглагольствования, направленного на то, чтобы повлиять на общественное мнение до того, как он предстанет перед судом. Что касается вопросов, о которых он говорил, я не должен привлекаться к ответственности ни им, ни каким-либо другим ответчиком за выполнение моих официальных обязанностей по отношению к другим сторонам, которые сейчас не предстают перед Судом. Я в любое время готов отчитаться за свои действия в качестве генерального прокурора перед правительством, от имени которого я действую и перед которым я несу ответственность; но я верю, что Суд не допустит к ответственности человека, которого я знаю только как ответчика по счетам за клевету самого позорного рода, и предъявление обвинения по этим обвинениям было отложено в качестве снисхождения по его собственной просьбе - я верю, что такому человеку не будет разрешено выступать в Суде таким незаконным образом, просто с целью оклеветать меня, чья обязанность — вести против него судебное преследование".

За этими словами последовало короткое молчание, после чего Коллинз продолжил, и ему было позволено продолжать без дальнейших прерываний.

Итак, цель моего нынешнего ходатайства, милорд, состоит в том, чтобы заставить генерального прокурора выполнить тот долг, которым он так долго пренебрегал, когда дело касалось его собственных друзей; и поскольку я считаю, что его нынешнее разбирательство против меня является пристрастным и несправедливым, я буду настаивать на уголовном преследовании его друзей, Генри Джона Боултона, эсквайра, за убийство, и Сэмюэля П. Джарвиса и других за беспорядки. В последнем случае, пожалуйста, ваша светлость, на бунтовщиков был подан гражданский иск, и с них был взыскан значительный ущерб; тем не менее, я считаю своим долгом настаивать на уголовном преследовании, потому что Джеймс Фитц Гиббон Эсквайр, мировой судья этого округа, от двери к двери выпрашивал сумму штрафа в этом городе, и бунтовщики до сих пор оставались совершенно безнаказанными. Все, о чем я прошу, пожалуйста, ваша светлость, - это справедливости и беспристрастности, и, судя по характеру вашей светлости, я не сомневаюсь, что получу их из ваших рук.

После минутного размышления, во время которого в зале суда царила абсолютная тишина, судья Уиллис заметил: "Если генеральный прокурор действовал так, как вы говорите, он очень сильно пренебрег своим долгом. Предстаньте перед Большим жюри присяжных, и если вы столкнетесь с какими-либо препятствиями или трудностями, я позабочусь, чтобы Генеральный прокурор предоставил вам все возможности".

Это, без сомнения, было очень неподобающим выражением для судьи при таких обстоятельствах. Следует понимать, что судья Уиллис не располагал должным образом никакими фактами, на которых основывалось бы его мнение о том, что генеральный прокурор пренебрег своим долгом. То, что этому чиновнику пришлось за многое ответить; что его практика была односторонней и непоследовательной; что большая часть его жизни была

потрачена на попытки подавить общественное мнение и сохранить верховенство эгоистичной и коррумпированной касты — это необходимо признать на суде истории. Но судье Уиллису такие обвинения в официальной форме не предъявлялись, и он не имел права выдвигать какие-либо обвинения против Генерального прокурора в отсутствие самых неопровержимых доказательств. Вместо доказательств он просто услышал *ex parte* заявления предполагаемого клеветника. Таков был юридический аспект дела, и невозможно избежать вывода о том, что судья позволил повлиять на себя из-за своей личной неприязни к генеральному прокурору Робинсону.

Генеральный прокурор на мгновение застыл как громом пораженный. Он так давно привык поступать по-своему в Судах и видеть, что судьи прислушиваются к его мнению, что едва ли мог поверить в то, что происходило у него на глазах. В то, что Судья осмелился осудить его таким неподобающим образом, перед коллегией адвокатов и публикой, было почти невозможно поверить. В рассказе современника говорится, что он приобрел "насыщенный кремовый цвет".^[101] Во всяком случае, он был подавлен гневом, когда намеренно поднялся, чтобы обратиться к Суду. Он отрицал, что пренебрег своим долгом, не вынося обвинительных заключений против лиц по делам, по которым не было подано официальной жалобы, и он полностью отверг идею о том, что его должность возлагает на него роль ловца воров. "Это не мое дело, - сказал он, - играть роль детектива или рыскать по стране в поисках улик в поддержку добровольного судебного преследования. Сейчас я исполняю обязанности офицера Короны почти тринадцать лет, и это первый случай, когда мне вменяют невыполнение моих обязанностей. Я всегда считал своим долгом принимать официальное решение о преступлениях против государства. Что касается других дел, я привык действовать только на основании информации и жалоб, переданных мне в руки мировыми судьями, и на основании представлений Большого жюри присяжных. В случаях нанесения ущерба отдельным лицам и их имуществу, таких как нападения и массовые беспорядки, когда двойное средство правовой защиты предоставляется действием и обвинительным заключением, я не привык приводить закон в действие по своей инициативе".

"Это, - прервал судья Уиллис, - просто доказывает, что ваша практика была абсолютно неправильной, и я позволю себе заметить, что вы пренебрегли своим долгом. Почему вас поместили сюда в качестве сотрудника прокуратуры? Чтобы предотвратить нарушение общественного порядка или, когда он был нарушен, наказать нарушителей, кем бы они ни были, или каковы бы ни были ваши личные чувства по отношению к ним. В тот момент, когда вам было доказано нарушение общественного порядка, как в случае, упомянутом мистером Коллинзом, вашим долгом было возбудить дело против нарушителей. Разве вы не считаете, что генеральный солиситор и вы сами обладаете исключительным правом вести все уголовные дела; или вы допускаете, что они открыты для коллегии адвокатов в целом, как в Англии?"

Чувства генерального прокурора к этому времени были доведены до невероятного возбуждения. Подумать только, что Судья — младший судья, пробывший в стране всего несколько месяцев, — осмеливается читать ему нотации в такой манере и инструктировать его относительно его обязанностей, как если бы он был мелким присяжным заседателем! "Милорд, - взорвался он тоном горячего гнева, - я знаю свой долг так же хорошо, как любой Судья на скамье подсудимых. Я всегда действовал указанным мною способом, в этом отношении я следовал практике всех моих предшественников в этой провинции; и я буду продолжать действовать таким же образом, пока я являюсь королевским прокурором".

"В таком случае, сэр, — возразил судья Уиллис, — если вы знаете свой долг, вы умышленно пренебрегли им; и поскольку вы говорите, что будете продолжать действовать так, как действовали до сих пор, я буду считать своим долгом - поскольку я выполняю поручение Его Величества на этом суде - представить правительству Его Величества представление о вашем поведении".

Эта далеко не поучительная сцена не имела прецедента в анналах высших канадских судов и в течение нескольких дней была предметом разговоров в городе, особенно среди представителей юридической профессии. Коллегия адвокатов в целом встала на сторону генерального прокурора и громко критиковала судью Уиллиса. Однако некоторые из ведущих членов совета, среди которых были Ролф, Бидвелл и двое Болдуинов, придерживались иной точки зрения, по крайней мере, в том, что касалось юридического аспекта спора. Что касается общественного мнения в целом, то оно в значительной степени было в пользу судьи Уиллиса. В понедельник, 14-го, еще до того, как общественный пульс успел остыть, произошел едва ли менее заметный обмен резкостями между теми же персонажами. Генеральный прокурор в рамках уголовного дела, в котором он был официально замешан, воспользовался случаем, чтобы, по сути, подтвердить взгляды, которые он высказал в предыдущий четверг относительно обязанностей королевского прокурора. Закончив свое выступление, судья Уиллис высказался в том же духе, что и раньше. "Практика в этой стране, - сказал судья, - как указано генеральным прокурором, не согласуется с моими представлениями относительно обязанностей этого должностного лица, и я представил изложение вопроса правительству Его Величества здесь с целью передачи его в Англию, где будет решено, насколько генеральный прокурор прав, выражая свои чувства так, как он это сделал". Мистер Робинсон в этой связи заметил, что он был генеральным прокурором Его Величества, а не судья Уиллиса, и что он будет действовать так, как считает правильным, даже если у него будут иные мнения. от его светлости.

Судья Уиллис. — Господин генеральный прокурор, я один из судей Его Величества в этой провинции. Таким образом, мое дело разъяснить офицерам короны, в чем заключаются их обязанности, и они должны выполнять эти обязанности в соответствии с указаниями. Если бы не были затронуты интересы короны, я бы не допустил никакого обсуждения этого вопроса. Но я уверен, что правительство Его Величества защитит меня от оскорблений при исполнении моих судебных функций и при изложении любому государственному должностному лицу того, что я считаю его обязанностями.

Генеральный прокурор Робинсон. — А также будет защищать офицеров Его Величества при исполнении ими своих обязанностей.

Судья Уиллис. — Господин генеральный прокурор, я прошу вас не отвечать коллегии таким образом.

Неприличность подобного обсуждения в открытом судебном заседании того, насколько Генеральный прокурор доказал свою эффективность в качестве государственного служащего, должна быть очевидна всем. И следует признать, что дискуссия была спровоцирована судьей Уиллисом, который предпринял нечто очень похожее на атаку на генерального прокурора - атаку, основанную на неподтвержденных заявлениях обвиняемого клеветника. Более того, он позволил Коллинзу зайти крайне недопустимо далеко в своем нападении на королевского

прокурора, тем более что никаких письменных показаний под присягой в поддержку ходатайства представлено не было. Непрофессионалу, который предстает перед судом *in opore consilii*, предоставляется большая свобода действий в ведении своего дела, чем обычно предоставляется адвокату, профессиональной обязанностью которого является выступать в коллегии адвокатов; но свобода действий, разрешенная в рассматриваемом деле, выходила за все законные рамки. Неприязнь судьи к генеральному прокурору, похоже, заставила его поверить, что все утверждения Коллинза были правдой. На самом деле это было преувеличенное изложение печально известных фактов. О том, что они в значительной степени основывались на фактах, судья Уиллис, вероятно, знал понаслышке. Но, сидя на скамье подсудимых, он не имел ничего общего с распространенными слухами. Тем более, он не был оправдан, исходя из простого предположения о гипотетическом случае, [102] в увещании Генерального прокурора в присутствии его обвинителя и в унижении его в присутствии коллегии адвокатов, законным главой которой он был. Английский судья считался бы выходящим далеко за рамки своих обязанностей, если бы он таким образом открыто выдвинул обвинение в поведении генерального прокурора, особенно в вопросе, который явно лежит, как в рассматриваемом деле, на усмотрении этого должностного лица. Английские судьи, напротив, гораздо более склонны вступаться от имени должностных лиц короны и препятствовать тому, чтобы их действия и мотивы были подвергнуты сомнению в открытом судебном заседании лицами, против которых ими было возбуждено дело. Судья Уиллис, похоже, ошибся в своем законе, в своей этикете, в своем характере и в построении судебных удобств.

Отныне "амоваль" судьи был лишь вопросом времени, поскольку все влияние Исполнительной власти, прямое и косвенное, было направлено против него. От вице-губернатора до самого незначительного клерка в департаментах поднялся вой негодования против человека, который осмелился противопоставить свою жену леди Саре Мейтленд; который выразил несогласие с решениями главного судьи Кэмпбелла и мистера Шервуда и насмехался над их юридической проницательностью; который заодно с ведущими представителями оппозиции; который даже дошел до немыслимо долгих упреков генеральному прокурору Робинсону за пренебрежение своим долгом. Такого человека нельзя было терпеть. Он, несомненно, был радикалом, которого отправили в эту колонию для того, чтобы он мог вызвать недовольство среди людей. Перечислять все бесконечные перебранки, которые происходили между судьей Уиллисом, с одной стороны, и различными судебными и официальными сановниками - с другой, было бы одинаково утомительно и бесполезно. Судья Уиллис использовал любую представившуюся возможность для официального и публичного осуждения поведения тех, кто был настроен против него. Он довершил свои грандиозные планы, объявив через газеты, что готовит к публикации работу по юриспруденции Верхней Канады, и оказалось, что на титульном листе должен быть уничижительный девиз *Мелиора сперанс*. [103] *Meliora sperans*, действительно! Что за личность был этот чужак, который возложил на себя ответственность за смягчение строгости высших канадских законов? [104] Вскоре появилось заявление оппозиции, являющееся точной копией предыдущего, за исключением того, что девизом было *Ухудшение времени*. Авторство последнего, справедливо или ошибочно, в большинстве случаев приписывалось генеральному прокурору Робинсону. Заявление судьи Уиллиса сильно оскорбило официальных блюстителей закона, от высшего до низшего звена. Считалось, что этот девиз, который на самом деле был принят им до его приезда в Канаду, был придуман специально для этого случая и был расценен как скрытая насмешка над существующими институтами в Провинции. Как следствие, это было воспринято как дополнительное доказательство неуважения. Из-за "амовальности" судьи

предполагаемый трактат так и не был опубликован, хотя несколько глав из него действительно были написаны. Небольшая часть этого была включена в работу, опубликованную автором в Англии двадцать два года спустя.^[105]

В тщательно составленном послании министру по делам колоний, датированном 6 июня 1828 года, сэр Перегрин Мейтленд привлек внимание этого должностного лица к объявлению судьи Уиллиса и сопровождающему его девизу, который, по его мнению, не был ни сдержанным, ни деликатным, поскольку исходил от судьи, который пробыл в Провинции всего несколько месяцев. Законы Верхней Канады, по оценке сэра Перегрин, были в высшей степени удовлетворительными и ни в чем так не нуждались, как в том, чтобы их оставили в покое. "Я десять лет нахожусь в этом правительстве, - писал он, - и поскольку я никогда не получал никаких возражений против законов или способа их исполнения, я должен заключить, что народ доволен и тем, и другим". Доволен законами, которые предписывали смертную казнь за убийство коровы! Довольствоваться законами, которые были придуманы в железном веке и при состоянии общества, которое сейчас благополучно уходит в прошлое! Довольствоваться законами! Когда большинство населения через своих представителей в Ассамблее в течение многих лет прилагало все усилия, чтобы добиться отмены Закона о подстрекательстве к мятежу 1804 года! Когда Специальный комитет британской палаты общин обратил внимание правительства на этот средневековый статут и недвусмысленно рекомендовал его отменить! Довольствоваться тем, как применялись законы, когда судебный процесс над Робертом Гурлеем был еще свеж в общественной памяти! Когда десятки почти столь же мерзких, но менее бросающихся в глаза извращений правосудия были делом вчерашнего дня! Когда ни один малоизвестный истец не мог подать в суд на члена Семейного договора с какой-либо гарантией получения его прав! Когда реформаторские газеты годами были до отказа заполнены жалобами на несовершенное отправление правосудия! Когда всего несколько недель назад судье Уиллису, когда он впервые занял свое место в Суде присяжных, была подана очень резко сформулированная жалоба на халатность при отправлении правосудия в открытом судебном заседании! Когда значительная часть населения перестала испытывать какое-либо доверие к неподкупности судебной власти! Когда это недоверие разделяли несколько руководителей провинциальной коллегии адвокатов, у которых, несомненно, были исключительные возможности для формирования правильного мнения по этому вопросу! Не за горами было то время, когда один из самых выдающихся и успешных юристов страны должен был оставить свою профессию именно из-за недостатка уверенности. Поистине, замечательное проявление удовлетворенности законами и способом их исполнения. Сэр Перегрин думал и действовал так, как другие противники реформ действовали с незапамятных времен. Он отказывался верить в существование недовольства, которого не разделял. Он отказывался верить, что сам не был объектом обожания огромной массы народа, потому что официальные лизоблюды, которыми он был окружен, соперничали друг с другом в потакании его слабоумному тщеславию. Если бы его предоставили самому себе, он был бы подобен обреченному королю, который отказывался верить, что его народ голодает, пока тридцать тысяч голодающих *санкюлотов* не постучались в ворота его дворца.

Вскоре по всей стране стало известно, что между судьей Уиллисом и всеми столичными чиновниками существовали натянутые отношения. Было известно, что новый судья выразил желание провести реформу закона; и обычно предполагалось, что именно своим либеральным идеям он был обязан той враждебностью, с которой к нему относилась правящая фракция. Партия реформ горячо поддерживала его дело, и их органы уделяли много места восхвалению

его мудрости, умеренности и других высоких качеств. Обращения к нему были распространены по некоторым сельским округам, и было явное стремление заручиться его благосклонностью и покровительством. Если бы он был наделен благоразумием и здравым смыслом, он мог бы, не отступая от своего судебного долга или честности, оказать неоценимую услугу делу свободы и благого правления. Несомненно, оказание такой услуги рано или поздно привело бы к осложнениям с официальной партией, но если бы он не растерялся, сомнительно, что они смогли бы переубедить его. К сожалению, он оказался слишком слаб для своего положения и позволил полностью перехитрить себя. Он погубил себя, ничего не добившись для дела, которому хотел служить. Быстро приближалось время, когда посредством судебного решения он должен был навсегда закрыть дверь для любой перспективы своего продвижения в этой стране, и когда он должен был стать предметом официальных сообщений, приводящих к его постоянному выдворению оттуда.

Как уже упоминалось, между г-ном Уиллисом и его коллегами часто возникали разногласия почти с самого начала вступления первого в должность судьи. Исполняющих обязанности судей Суда королевской скамьи в то время было трое, и в их состав входили достопочтенный. Уильям Кэмпбелл, главный судья, достопочтенный. Левиус Питерс Шервуд, старший судья полиции, и сам мистер судья Уиллис. В течение первого срока, последовавшего после прибытия мистера Уиллиса в эту страну, — а это был срок на Михайлов День в 1827 году, — он занимал скамью подсудимых вместе с двумя другими судьями. Во время президентского срока Хилари в 1828 году Суд возглавляли те же три судьи, за исключением того, что главный судья Кэмпбелл время от времени отсутствовал на своем месте из-за слабого здоровья. Сразу же после окончания последнего названного срока Председатель Верховного суда, получив от вице-губернатора шестимесячный отпуск, отбыл в Англию, откуда вернулся только после длительного отпуска. Таким образом, в Суде Королевской скамьи остались только два главных судьи, которые, соответственно, председательствовали самостоятельно в течение следующего Пасхального семестра. К этому времени они прониклись друг к другу самой искренней неприязнью, настолько, что им требовалось все возможное, чтобы относиться друг к другу с подобающим уважением. Иногда усилие было им не по силам, и они огрызались и рычали друг на друга, сидя на скамейке, как две ворчливые старухи. Теперь они расходились во мнениях почти по каждому делу, которое попадало к ним на рассмотрение, и невозможно сомневаться, что их разногласия были в значительной степени вызваны их личной враждебностью. Это был серьезный вопрос, поскольку, поскольку под рукой не было третьего судьи, который мог бы передать перевес полномочий ни одной из сторон, большая часть работы Суда практически зашла в тупик. Истцы были подвергнуты серьезной задержке, неудобствам и, как следствие, расходам. Адвокаты были глубоко возмущены и, конечно, встали на сторону "за" и "против". Судья Уиллис настолько осознавал плачевные последствия такого положения вещей, что, как только срок полномочий истек, он приступил к тщательному и тщательному исследованию конституции и полномочий Суда Королевской скамьи, учрежденного в Верхней Канаде.^[106] Он желал найти какой-нибудь выход из затруднения или, по крайней мере, точно знать, на какой почве он стоит. Но вскоре перед его мысленным взором начало вырисовываться еще более серьезное зло, поскольку результатом его расследования стало убеждение в том, что Суд по закону не может заседать в течение срока полномочий, если не присутствует полный состав суда — *то есть*, Главный судья и два главных судьи.

Этот обвинительный приговор был судьбоносным, поскольку, если бы он был поддержан, он свел бы на нет многое из того, что было сделано Судом с момента его учреждения в 1794 году.

Частой практикой было, когда два судьи, а иногда даже только один, заседали в течение семестра; и, как было видно, сам судья Уиллис до такой степени соглашался с этой практикой, что заседал в течение части предыдущего семестра Хилари и в течение всего Пасхального семестра с судьей Шервудом в качестве своего единственного коллеги. Однако он исходил из того, что преобладающая практика была оправдана уставом Суда, и не рассматривал этот вопрос самостоятельно до тех пор, пока не был вынужден сделать это по уже указанным причинам. Теперь он обнаружил, как и полагал, что эта практика была совершенно необоснованной и что все, что было сделано в соответствии с ней, могло быть нарушено. Первый раздел Устава провинции, в соответствии с которым был создан Суд,^[107] постановил, что председательствовать в нем должен "Главный судья Его Величества вместе с двумя другими судьями". Все последующие разделы, за исключением тех, которые касаются апелляций, были отменены более поздним провинциальным законом,^[108] и хотя старшему судье было предоставлено право в отсутствие Главного судьи *проверять* процесс и *любому* из судей заседать в *Nisi Prius*, не было полномочий заседать в *Banco*, если только Суд не был переполнен. Придя к заключению по этому вопросу, судья Уиллис немедленно сообщил об этом министру по делам колоний, причем сообщение было сделано письмом, пересланным через вице-губернатора и намеренно оставленным незапечатанным, чтобы этот высокопоставленный человек мог сам ознакомиться с содержанием, на которое его внимание было специально обращено отдельной запиской. Сэр Перегрин не мог отказаться передать послание судьи, но он позаботился о том, чтобы очернить его в сопроводительном письме. "С болью, - писал он, - я вынужден заметить, что, будучи судьей в течение первых двух сроков после своего прихода, не находя больше поводов, чем все респектабельные судьи, которые были до него, подчинить отправлению правосудия народному ажиотажу, мистер Уиллис в течение последних нескольких месяцев был либо неспособен, либо не желал делать свое разбирательство, будь то в Гражданском или Уголовном суде, главной темой политических дискуссий и предлогом нападок из *самых гнусных кругов*, причем самого грубого рода, на тех, кто был связан с ним в гражданской войне". отправлению правосудия, и о которых я буду говорить только справедливо, когда скажу, что мера уважения, с которой их публичное поведение когда-либо соблюдалось и соблюдается сейчас их правительством и всеми лицами, за исключением мистера Уиллиса и партии, с которой, как я сожалею, он себя связывает, *и которые не очень респектабельны ни в каком смысле*, не может быть достигнута иначе, как длительным периодом правильной и почетной службы ". Выделенные курсивом слова принадлежат не сэру Перегрину, но они заслуживают всего того внимания, которое может им придать *distincting type*, как пример того, как представитель его Величества в те дни не стыдился тайно очернять лиц, выступавших против его политики: лиц, которые, рассматриваемые с моральной или интеллектуальной точки зрения, были настолько выше его, что между ними невозможно провести какое-либо сравнение. Будут ли верить, что джентльменами, которые были "не очень респектабельными в любом смысле", были Джон Ролф, Маршалл Спринг Бидвелл, доктор Уильям Уоррен Болдуин и Роберт Болдуин? Разве это не честь - иметь дурную репутацию в такой компании? По крайней мере, некоторые из них были людьми, которых никакое давление внешних обстоятельств не могло заставить нанести удар своему злейшему врагу в темноте, как это часто делал этот в высшей степени респектабельный вице-королевский убийца в своих депешах, и как он сделал, когда написал лживые слова, процитированные выше. Судья Уиллис, несомненно, общался с этими людьми, потому что они пришлись ему больше по вкусу, чем кто-либо другой, с кем он познакомился в Йорке. И его поступку придавалось гораздо больше значения, чем того требовали факты. Его знакомство с названными лицами не носило такого характера, чтобы его можно было назвать

близким. В своем "Повествовании", которое уже цитировалось, он записал, что, насколько он помнит, он дюжину раз за свою жизнь не разговаривал с доктором Болдуином, мистером Ролфом, мистером Бидвеллом "или любым другим лицом, политически настроенным против мистера Робинсона"; и в отдельной статье в защиту своего поведения, написанной в Бате в декабре 1828 года, он говорит: "Из того, что я знаю о докторе Болдуине и его семье, я всегда должен искренне сожалеть, что не знал больше".[109]

Придя к такому решению относительно состава Суда и уведомив об этом секретаря по делам колоний, он воспользовался первой же представившейся возможностью, чтобы сообщить об этом коллегии адвокатов провинции. В десять часов утра в день открытия семестра в Тринити — это был понедельник, 16 июня, — он отправился в здание суда в Йорке. Когда он переодевался в кабинете судьи, к нему присоединился его коллега, судья Шервуд, и через несколько минут они оба проследовали в зал суда в обычном сопровождении шерифа. После официального открытия суда судья Уиллис встал и обратился к присутствующим, все это время стоя, в манере адвоката в коллегии адвокатов. В ходе своего выступления, которое заняло почти час, он в очень положительных выражениях высказался о составе Суда. Он заявил, что его твердое мнение состоит в том, что Суд не может быть законно проведен без присутствия Главного судьи и двух главных судей; что все, что до этого делалось в Суде только двумя судьями, является недействительным; что вице-губернатор не имел полномочий предоставлять отпуск судье без прямого одобрения Исполнительного совета; что он (судья Уиллис) навел справки в офисе Исполнительного совета и установил, что отпуск всегда предоставлялся только вице-губернатором, в соответствии с которым главный судья Кэмпбелл сейчас отсутствовал. из Провинции. Порядок, в соответствии с которым вице-губернатор предоставил отпуск Главному судье, а также многим другим лицам, занимающим должности в правительстве провинции, был признан, по мнению судьи Уиллиса, не только незаконным, но и лишил должностных лиц ряда занимаемых ими должностей. В течение предыдущего срока судьей Шервудом и им самим было вынесено постановление Суда. Теперь он отменил этот приказ в той мере, в какой это касалось его полномочий, и выразил сожаление по поводу того, что приступил к исполнению своих судебных функций, предварительно не ознакомившись с состоянием закона. Он добавил, что счел своим непреложным долгом заявить о своем мнении относительно неспособности Суда законным образом продолжить рассматриваемое им дело; и что, придерживаясь этого мнения, он решил отказаться от дальнейшего участия в работе суда, хотя и останется под рукой для выполнения любых функций, которые он может выполнять на законных основаниях.

Можно предположить, что это необычное обращение не стало полной неожиданностью для судьи Шервуда, поскольку судья Уиллис ранее уведомил вице-губернатора о своем намерении изложить свои взгляды в начале срока полномочий, и сэр Перегрин наверняка обсудит этот вопрос с генеральным прокурором, благодаря чему факты с достаточной степенью уверенности попадут к судье Шервуду. Последний, казалось, отнесся к этому вопросу очень хладнокровно. Он сообщил коллегии адвокатов, что не будет брать на себя вынесение заключения по вопросу о составе Суда, поскольку перед ним не было ничего, что делало бы это необходимым для него. Он добавил, что будет придерживаться практики, которая неизменно преобладала, и что он без колебаний продолжит обычную работу Суда, откладывая ее изо дня в день по мере необходимости. Судья Уиллис, все еще стоя, затем сказал: "Вы не можете отложить заседание Суда, которого не существует. Суд не создан юридически. Его функции не могут быть выполнены, и любые действия, которые вы можете предпринять, будут недействительными ". "Я знаю, - ответил мистер Шервуд, - что таково ваше мнение; но я имею право на свое, и я буду

следовать указанному мной курсу. Если этот курс, несмотря на преобладавшую до сих пор практику, окажется неправильным, я буду крайне сожалеть об этом; но я считаю, что это вопрос слишком большой важности для бизнеса страны, чтобы брать на себя смелость отступить от него без вмешательства вышестоящей власти ". Затем судья Уиллис кратко повторил свой протест и удалился со скамьи подсудимых. Его коллега, завершив какое-то незначительное рутинное дело, объявил перерыв в заседании Суда до следующего дня. На протяжении всего оставшегося срока он был единственным игроком на Скамейке запасных.

Поведение судьи Уиллиса в данном случае не допускает большого расхождения во мнениях. С одной стороны, как впоследствии решил Тайный совет, он был неправ в своем взгляде на закон. Это само по себе важное соображение. Но даже если бы его точка зрения была здоровой, не вызывающей сомнений, он взял на себя очень серьезную ответственность, придав ей силу в такое время и таким образом. Его поведение, несомненно, вызвало большое волнение в общественном сознании. Это, несомненно, привело бы к росту недоверия к давно устоявшимся институтам, к которым общественность должна относиться с доверием и уважением, что крайне важно для благополучия общества. Кроме того, то, что прошлые и нынешние разбирательства Суда стали предметом сомнений и неуверенности, не могло не серьезно сказаться на деловых интересах страны. Если бы практика Суда была неправильной и если бы многие из его разбирательств были недействительными, самым мудрым решением было бы незаметно предпринять шаги по введению корректирующего законодательства, посредством которого все недостатки могли бы быть устранены без серьезного риска возрождения старой вражды и давно урегулированных споров. Но такой курс, который судья Уиллис счел нужным избрать, был совершенно неуместен, ни по одному делу в Суде не было сделано никаких заявлений о юрисдикции. Это было неизбежно приведет к возникновению зла, без какой-либо возможности для добра. Более того, он вложил в руки Исполнительной власти розгу для своей собственной спины — орудие, которым они быстро воспользовались для нанесения тяжкого наказания.

На следующий день, то есть в четверг, 17-го, судья Уиллис официально уведомил вице-губернатора о публичном изложении своего мнения, добавив, что, тем не менее, он больше всего желает выполнять те обязанности, которые он может выполнять на законных основаниях в соответствии со своими взглядами на закон. Судья Шервуд тем временем продолжал сидеть на скамье подсудимых в одиночестве и заниматься теми делами, которые попадали к нему на рассмотрение. Некоторые влиятельные члены коллегии адвокатов оказались в затруднительном положении. После решения судьи Уиллиса у них возникли серьезные сомнения относительно законности Суда и они колебались относительно целесообразности проведения каких-либо дальнейших разбирательств по переданным им делам до тех пор, пока не будет решен спорный вопрос. Судья Шервуд, хотя он и не согласился с точкой зрения своего коллеги, и хотя он ясно засвидетельствовал своим упорством в заседании Суда, что он все еще продолжает выражать несогласие, не вынес никакого официального решения и даже устно не изложил никаких оснований для своего мнения. С целью получения информации для руководства в этой сложной чрезвычайной ситуации доктор Болдуин, его сын Роберт и мистер Саймон Уошберн, другой видный член коллегии адвокатов, направили письменное заявление в Суд в лице судьи Шервуда с просьбой выслушать его мнение по данному вопросу. Ходатайство было подано в четверг, 17-го, и мистер Шервуд ответил на него в письменном виде на следующий день. Формулировка ответа совершенно ясно давала понять, что судья отнюдь не чувствовал себя сильным в своей позиции. "Вы желаете, - писал он, - чтобы я выразил мнение коллегии о нынешнем состоянии этого Суда, но мне кажется, что любое мнение такого рода

было бы внесудебным. Никто, кроме представителя Его Величества, не имеет права запрашивать мнение судьи, если, согласно практике Суда, на его рассмотрении нет никаких оснований или обычного ходатайства ". Было ясно, что заявители не получают большой помощи от судьи Шервуда в разрешении своих сомнений. Как только ответ судьи был сообщен со скамьи подсудимых, оба Болдуина и мистер Ролф тут же сбросили свои мантии и покинули Суд, заявив, что они согласны с мнением судьи Уиллиса и что они не могут продолжать вести дела в Суде, который, по их мнению, был создан незаконно.

Чрезвычайная ситуация, вызванная решением судьи Уиллиса и его последующим уходом со скамьи подсудимых, была той, которую Исполнительная власть сочла необходимой обеспечить без ненужных задержек. Было очевидно, что сохранить *статус-кво* было невозможно. Приближалось время проведения ежегодных кругов. Мистер Шервуд был единственным судьей, оставшимся на скамье подсудимых, а Суд, состоящий из одного Судьи, не является удовлетворительным трибуналом для всех целей правосудия. Совет принял во внимание мнение судебных приставов короны относительно обоснованности взглядов судьи относительно конституционности Суда королевской скамьи. Эти мнения прямо противоречили заключению, к которому пришел судья Уиллис. Выступление генерального прокурора было на редкость исчерпывающим и ясным изложением закона, имеющего отношение к данному вопросу. Она также была свободна от двусмысленности и не оставляла места для сомнений. Эти мнения были подкреплены мнением судьи Шервуда, который по просьбе исполнительной власти также подготовил подробный документ по этому вопросу, в котором он выразил взгляды, в точности совпадающие с теми, которые были изложены Генеральным прокурором. Затем офицерам короны был передан вопрос о том, может ли вице-губернатор законным образом отстранить судью Уиллиса от должности и назначить преемника. Ответ, подготовленный генеральным прокурором и подписанный как им, так и генеральным солиситором Боултоном, пришел с поразительной быстротой. "По представленным нам пунктам, - говорилось в нем, - мы придерживаемся мнения 1-го: право отстранять должностное лицо зависит от срока пребывания на его должности. В этой, как и в других колониях, назначение судьи производится по собственному желанию; и мы исходим из того, что по закону любое лицо, занимающее такую должность, может быть смещено по собственному желанию, то есть по желанию вице-губернатора, действующего от имени и по поручению короля. Причины такого отстранения должны быть доведены до сведения Его Величества вице-губернатором, который несет ответственность за их достаточность 2-е: Мы придерживаемся мнения, что отстранение судьи Суда королевской скамьи обязательно освобождает должность, и что для заполнения вакансии может быть назначено другое лицо, которое будет подтверждено или отклонено Его Величеством ".

Исполнительная власть действовала с большой осмотрительностью. Укрепленные этими резко сформулированными мнениями и уверенные в законности задуманного ими разбирательства, они не позволили себе проявить неосмотрительность. 25-го числа того же месяца они направили письмо судье Уиллису, ссылаясь на его обращение к вице-губернатору 17-го числа, в котором он заявил о готовности выполнять те обязанности, которые он мог выполнять по закону. Его спросили, какие объяснения он может предложить и какие обязанности он готов взять на себя. 26-го числа он ответил, что не чувствует себя вправе выносить внесудебное заключение и что он может определить точный характер своих обязанностей только тогда, когда дело будет передано ему в судебном порядке. Вслед за этим Исполнительная власть вынесла ему приговор, и был издан судебный приказ, согласно

которому он был отстранен от должности до тех пор, пока не будет известно соизволение Его Величества. Вице-губернатор через своего секретаря уведомил его, что Совет счел своим долгом посоветовать этот шаг.^[110] "Амоваль" теперь стал свершившимся фактом. Таким образом, в судейской коллегии образовалась вакансия, которая была заполнена 2 июля назначением Кристофера Александра Хагермана на должность судьи в пуисне.

Новость об "амовале" судьи Уиллиса быстро распространилась по провинции и вызвала всеобщее волнение. То обстоятельство, что его курс вызвал одобрение Рольфа и Болдуинов, привело к тому, что непрофессиональные люди поверили, что он разбирается в юридических вопросах и что его выгнали со скамьи подсудимых, потому что он не опустился до коррупции. Дело судьи Торпа было извлечено из-под двадцатилетнего слоя пыли, и амовация судьи Уиллиса считалась простым воспроизведением того забытого беззакония. Что касается самого судьи Уиллиса, то он решил немедленно отправиться в Англию, чтобы представить свою сторону или свое дело в форме апелляции от Министерства по делам колоний. Перед своим отъездом он получил адреса с соболезнованиями из различных частей провинции. Петиции в его пользу, подписанные многочисленными лицами, были направлены королю и нескольким другим органам законодательной власти Империи и провинций. Ряд влиятельных лиц графства Линкольн долго уговаривали его представлять их избирательный округ в Ассамблее. Люди, которые обычно были здравомыслящими, похоже, на какое-то время потеряли голову в этот волнующий период. В Торонто состоялось большое собрание сторонников судьи, на котором доктор Болдуин и мистер Джон Голт,^[111] со своими женами, были назначены в Комитет для защиты интересов и обеспечения защиты леди Мэри и ее семьи во время отсутствия ее лорда; и Роберт Болдуин был включен в состав Комитета в качестве адвоката ее светлости.

Судья Уиллис отбыл из Йорка 11 июля. Поскольку он ожидал, что очень скоро сможет добиться от Министерства по делам колоний отмены своего "амовала" и что его восстановят в должности судьи, к большому разочарованию вице-губернатора и его спутников, он не считал необходимым, чтобы его семья сопровождала его в Англию. Надлежащее распоряжение членами своей семьи было для него неприятной проблемой. По правде говоря, он оказался в ситуации, несколько аналогичной ситуации человека из знакомой старой истории, который пришел на берег широкого ручья, имея при себе лису, гуся и мешок кукурузы. Подать заявку несложно. Миссис Уиллис и леди Мэри ни в коем случае нельзя было оставить вести домашнее хозяйство вдвоем, если бы рядом не было главы заведения, который поддерживал бы мир между ними. Отношения между леди Мэри и мисс Уиллис, хотя и были далеки от дружеских, были несколько менее натянутыми. Соответственно, мистер Уиллис взял с собой только свою мать, оставив жену, ребенка и сестру; хотя следует предположить, что вышеупомянутый Комитет имел синекуру в том, что касалось какого-либо особого ухода за леди Мэри или ее защиты.

Мистеру Уиллису предшествовала серия язвительных депеш от вице-губернатора через Атлантику. За недели — возможно, за месяцы — до вынесения его неудачного решения система шпионажа была задействована против него в полную силу, и были приняты меры для наблюдения за его личными привычками и времяпрепровождением. Была выражена твердая решимость добиться его разорения,^[112] и сильное подозрение, что так оно и было, во многом привлекло большинство жителей на его сторону. "Мой долг заявить вам в самых решительных выражениях, - писал сэр Перегрин Мейтленд министру по делам колоний 6 июля, - что его [мистера Мейтленда] Возвращение Уиллиса на должность, хотя это было бы воспринято большей частью населения как победа над правительством, которое мистер Уиллис

неблагодарно и бессмысленно оскорбил, было бы самым пагубным для мира в этой колонии и актом самой отягчающей несправедливости по отношению к тем верным слугам короны, против которых он в недостойных целях бесчестно трудился, чтобы возбудить предубеждение и ненависть невежественных и злонамеренных людей ". Стоит отметить, что этот отрывок содержит четкое признание вице-губернатора в том, что к его правительству "большая часть населения относилась с неприязнью": признание, прямо противоречащее многим заявлениям, сделанным им в предыдущих депешах, а также в выступлениях перед парламентом провинции.

По прибытии в Англию мистер Уиллис немедленно связался с Министерством по делам колоний. Он поселился в доме своего брата, преподобного У. Д. Уиллиса, в Бате. Там он подготовил подробное изложение своего дела, которое было должным образом направлено министру по делам колоний. После некоторой задержки ему удалось раздобыть копии нескольких депеш сэра Перегрин Мейтленда, в которых обвинения против него были сформулированы с утомительным повторением. Эти обвинительные акты против него, которые, хотя и были подписаны сэром Перегрином, несомненно, на самом деле были подготовлены заклятым врагом мистера Уиллиса, генеральным прокурором Робинсоном, несомненно, носили самый грозный характер. Они рассмотрели весь ход процедуры, применяемой судьей, с момента его прибытия в Провинцию и до его отъезда оттуда. К серьезным основаниям для жалобы, которые, несомненно, были приведены, добавились многочисленные правонарушения самого мелкого и незначительного характера. Тот факт, что судью Уиллиса видели в платье, "которое мало соответствовало его положению", был заклеен как "величайшее неприличие".^[113] Принимая во внимание затронутые интересы и серьезный характер вопросов, подлежащих разрешению, кажется нелепым, что апелланта должны были вызвать для ответа на обвинение такого рода.^[114] Однако ознакомление с этими депешами сделало необходимым дополнительное заявление и повествование, в котором каждый пункт обвинительного заключения был либо пройден, либо, выражаясь юридическим языком, признан и обойден стороной. Но мистер Уиллис вскоре обнаружил, что ему не так легко одержать победу над своими врагами, как он ранее позволял себе предполагать. Вопрос, который предстояло решить, был чисто техническим, и после того, как этот вопрос некоторое время рассматривался в Министерстве по делам колоний, он был передан для принятия решения в Тайный совет, где он не рассматривался почти год. В конце концов был сделан вывод, что мистер Уиллис ошибался в своем взгляде на спорный вопрос и что Исполнительный совет, отстраняя его от должности, не превысил своих полномочий. При таких обстоятельствах о его возвращении в Верхнюю Канаду, конечно, не могло быть и речи; но поскольку его поведение было приписано ошибочному суждению, а не какому-либо серьезному уклонению от исполнения служебных обязанностей, он получил назначение на должность судьи в южноамериканской колонии Демерара.

Таким образом, из всех обстоятельств ясно, что судья Уиллис, хотя и был в некотором смысле жертвой нетерпимости исполнительной власти в Верхней Канаде, сам был в значительной степени виноват в своем падении, которому он способствовал из-за недостатка осторожности и спокойного здравого смысла. Но многие обстоятельства, подробно описанные в настоящей главе, были неизвестны основной массе канадского народа, который считал его мучеником за свои честные и либеральные принципы. Его арест вызвал больший ажиотаж, чем любое другое событие со времен Гурлея. Это имело тенденцию сильно озлоблять общественное

мнение и, несомненно, было сильным фактором в возникновении недовольства, которое в конечном итоге нашло выражение в открытом восстании. По этой причине было сочтено желательным несколько подробнее остановиться на деталях, которые сами по себе чреваты поучениями и относительно которых народ Канады даже в наши дни весьма неадекватно информирован.

Мистер Уиллис очень остро переживал свое поражение, тем более что он с уверенностью надеялся на успешное прекращение своей апелляции. По его инициативе этот вопрос был доведен до сведения Палаты общин лордом Милтоном во вторник, 11 мая 1830 года.^[115] Объяснение сэра Джорджа Мюррея, которое включало подробное описание обстоятельств, оказалось удовлетворительным для Палаты, и дело было решено прекратить. Но любимому судье было суждено иметь еще больше причин сожалеть о том, что он когда-либо поселился в Канаде, поскольку его пребывание там привело к разрыву его семейных уз и полному крушению его семейного счастья. Следует помнить, что леди Мэри и ее ребенок вместе с мисс Уиллис остались в Йорке. Узнав о решении Тайного совета по его делу, мистер Уиллис написал своей жене и сестре, прося их избавиться от его дома там и вернуться домой как можно скорее. В течение долгого промежутка времени, прошедшего после отъезда бывшего судьи в Англию, обе дамы были предоставлены самим себе, как могли, развлекаться в маленькой столице. Время от времени они появлялись в обществе и пользовались определенным вниманием со стороны той его части, которая была благосклонна к судье Уиллису, а также со стороны некоторых военных офицеров, находившихся там. Среди других, с кем они познакомились, был некий лейтенант Бернارد, офицер 68-го полка легкой пехоты, чей полк в то время находился в Канаде. Время от времени он выезжал верхом с мисс Уиллис, которая была искусной наездницей, но, похоже, не был в особо близких отношениях с леди Мэри.

1829.

16 мая 1829 года леди Мэри отправилась в Англию через Монреаль, мисс Уиллис осталась там на неделю, чтобы окончательно обустроить дом. По прибытии в Кингстон леди Мэри встретил лейтенант Бернارد, который сопровождал ее в Монреаль, откуда пара несколько месяцев спустя вместе бежала в Англию, леди Мэри оставила своего ребенка на попечение одной из своих горничных. Мистер Уиллис подал в суд на Бернарда, который к тому времени получил звание капитана. Дело рассматривалось в Суде общей юрисдикции Вестминстера в четверг, 9 февраля 1832 года, когда истец взыскал 1000 фунтов стерлингов в качестве компенсации ущерба. Отчет о разбирательстве будет опубликован в "*Таймс*" на следующий день.^[116]

1832.

Возможно, канадским читателям будет интересно узнать, что несколько лет спустя мистер Уиллис был назначен членом Коллегии Верховного суда Нового Южного Уэльса. 8 февраля 1841 года он был в соответствии с местным законом назначен судьей-резидентом округа ПортФилип. Исполняя обязанности в этом качестве, он вступил в конфликт с сэром Джорджем Гиппсом, губернатором колонии, и Исполнительным советом, который в очередной раз "сместил" его с должности. Приказ о перемещении, который был издан 17 июня 1843 года, однако был отменен Императорским тайным советом за нарушение правил. Лорды Судебного комитета, перед которыми дело слушалось в июне и июле 1846 года, сообщили, что, по их мнению, губернатор в Совете имел законную власть арестовать мистера Уиллиса и что фактов было достаточно, чтобы оправдать его арест, но что ему следовало предоставить возможность быть заслушанным

ранее. Поскольку необходимое уведомление предоставлено не было, это упущение было сочтено основанием для отмены постановления об увольнении, и решение было вынесено соответствующим образом.[117]

СНОСКИ:

[96] Смотрите его "Рассказ о событиях в Верхней Канаде", написанный из Бата государственному секретарю Министерства колоний, датированный 5 декабря 1828 года и включенный в стр. 273-288 "Синей книги по этому вопросу", выпущенной имперским правительством в 1829 году.

[97] В той части *повествования* судьи Уиллиса, которая относится к этому предмету, есть скрытая ирония. "Я хотел подумать, - пишет он, - и из-за внимания, которое он, казалось, уделял бизнесу, я фактически убедил себя в том, что мистер судья Шервуд был *твердолобым* разумным человеком; но я убедился, что, хотя и прав в первом предположении, но что касается юридических знаний или способностей, я ошибался во второй части своего заключения". Курсив выделен рукой судьи Уиллиса.

[98] Смотрите *Повествование* судьи Уиллиса, *ubi* выше.

[99] Что касается простой дикции, то здесь я в основном следовал собственному отчету Коллинза об этом эпизоде, опубликованному в *Freeman*, но передо мной также отчет генерального прокурора, а также более подробный отчет самого судьи Уиллиса, и в этом отношении они существенно не отличаются.

[100] *Ante*, стр. 13.

[101] *Свободный человек*, 17 апреля 1828г.

[102] Дело, изложенное судьей, было чисто гипотетическим. "Если генеральный прокурор действовал так-то и так-то, он пренебрег своим долгом". См. *ante*, стр. 174.

[103] Объявление гласило следующее: "Готовится к публикации.—Взгляд на нынешнюю систему юриспруденции в Верхней Канаде; автор - английский адвокат, ныне один из судей Его Величества в этой провинции.—*Meliora sperans*."

[104] Пришло время кому-то взять на себя обязанность по улучшению уголовного законодательства Верхней Канады, которое было законом Англии в том виде, в каком оно существовало на 17 сентября 1792 года, за исключением тех случаев, когда оно было изменено последующим законодательством. На суде присяжных от Родного округа, состоявшемся в Йорке осенью 1827 года, через несколько недель после прибытия судьи Уиллиса в провинцию, мальчик был приговорен к высшей мере наказания за убийство коровы.

[105] *О правительстве британских колоний*. Лондон, 1850 год.

[106] Расследование, согласно собственным показаниям судьи Уиллиса, было начато частично в результате предложения, которое он получил по этому поводу. Смотрите текст его письменного заключения, изложенный на стр. 66-74 "Имперской синей книги", изданной в 1829 году, под названием "Документы, касающиеся отстранения достопочтенного Джона Уолпола

Уиллиса от должности одного из судей Его Величества Королевской скамьи Верхней Канады". Представляется вероятным, что предложение исходило от доктора Болдуина.

[107] 34 Гео. III., с. 2. Настоящий статут был составлен достопочтенным. Уильям Осгуд, первый верховный судья Верхней Канады, джентльмен большой образованности, присланный из Англии специально для организации судов провинции.

[108] 2 Гео. IV., с. 1.

[109] Смотрите стр. 249-267 синей книги имперского правительства по этому вопросу, *ubi выше*.

[110] Уведомление было датировано 26 июня, тогда как официальный документ, выпущенный Советом, был подписан только 27 июня. Г-н Уиллис придавал большое значение этому нарушению, которое, однако, имело меньшее значение, чем можно было предположить на первый взгляд. Совет полностью принял решение 26-го числа, и уведомление было отправлено соответствующим образом, хотя фактически приказ об увольнении был готов к подписанию только на следующий день.

[111] Известный автор, который тогда находился в Канаде в качестве представителя Канадской земельной компании.

[112] "Кэбот" в журнале *Блэквуда* за сентябрь 1829 года.

[113] Смотрите депешу с пометкой "Отдельно" от генерал-майора сэра Перегрин Мейтленда мистеру государственному секретарю Хаскиссону, датированную 6 июля 1828 года.

[114] Его ответ удивит степенных и прилично одетых судей наших дней. "Во всех обычных случаях, - писал он, - я обычно надевал *черный бархатный сюртук и жилет*. Когда я впервые увидел Верховного судью, на нем была черная куртка "калиманко" или "камлет", которую я видел на нем даже на скамье подсудимых. Я часто встречал вице-губернатора, прогуливающегося по улицам в оливковом вельветовом пиджаке квадратного покроя и жилете; а за несколько дней до моего отъезда из Йорка я увидел мистера судью Шервуда в травянисто-зеленом суконном пиджаке с белыми металлическими пуговицами. Я просто упоминаю об этих "экстравагантностях", чтобы показать, что мое платье не было ни неподобающим, ни экстраординарным". — См. *Повествование*, *ubi выше*.

[115] См. *Парламентские дебаты* Хансарда, Нью-Йорк, том xxiv., 551-555.

[116] Некоторые дополнительные сведения можно найти в 8 Bingham, 376; также в 5 C. & P., 342.

[117] Смотрите дело Джона Уолпола Уиллиса, апеллянта, *против* сэра Джорджа Гиппса, КНТ., ответчика, 5 Отчетов Мура по делам Тайного совета, 379. Из *некролога* одного из судей по делу следует, что постановление об увольнении со скамьи подсудимых этой провинции было окончательно отменено по техническим причинам из-за того, что заявитель не был заслушан в Канаде. После тщательных поисков я не смог найти никакого сообщения об этом решении ни в официальных отчетах Тайного совета, ни в какой-либо из газет или периодических изданий того времени.

ГЛАВА IX.

СЛУЧАЙ С ФРЭНСИСОМ КОЛЛИНЗОМ.

Наверх

На предыдущих страницах несколько раз упоминался Фрэнсис Коллинз, редактор, владелец и издатель *The Canadian Freeman*, радикальной еженедельной газеты, издаваемой в Йорке. Мистер Коллинз был восторженным молодым ирландским католиком, иммигрировавшим в Канаду незадолго до того, как волнения, вызванные преследованиями Гурли, достигли своего апогея, и когда ему самому едва исполнилось двадцать лет. По профессии он был печатником и некоторое время после приезда работал наборщиком в редакции *The Upper Canada Gazette*, издаваемой в Йорке королевским печатником доктором Робертом Чарльзом Хорном. Обнаружив, что он обладает большим умом и хорошим образованием, его работодатель поручил ему сообщать о дебатах в Ассамблее во время сессий парламента. В 1821 году он сообщил о некоторых судебных разбирательствах, которые правительство вызвало недовольство, увидев в печати, тем более что приведенная версия была не совсем точной. За это правонарушение доктор Хорн был вызван в коллегия адвокатов Палаты представителей, где он пытался уйти от ответственности, ссылаясь на то, что о дебатах сообщил не он, а Фрэнсис Коллинз. Далее Доктор принес смиренные извинения и был рад отделаться резким выговором, сопровождавшимся предупреждением Спикера о том, что после этого он будет нести ответственность за сообщения в *Газетт*.^[118]

Через короткое время после получения этого предупреждения доктор Хорн перестал быть печатником Кинга, в результате чего должность стала вакантной. Поскольку Коллинз был знаком с характером своей работы и, естественно, желал улучшить свое положение, он подал заявление о назначении. Кабинет находился в распоряжении вице-губернатора и занимался исключительно по его усмотрению. Высокопоставленный чиновник резко проверил Коллинза на предмет его самонадеянности, сообщив ему, что эта должность будет предоставлена "никому, кроме джентльмена". Было бы интересно узнать, откуда чиновник, виновный в этом бессмысленном оскорблении, почерпнул свои представления о вежливости и воспитании. Если бы его заявлению поверили, любая заявка с его стороны на должность королевского печатника, скорее всего, была бы подана напрасно. Назначение было дано мистеру Чарльзу Фозергиллу, который принадлежал к хорошей йоркширской семье и поэтому имел полное право называться джентльменом.^[119]

Коллинз был вполне оправданно возмущен грубым оскорблением, которое было брошено в его адрес. Он считал себя, по крайней мере, социальным равным любому члену правительства,

поскольку утверждал, что происходит от старых ирландских королей, и в одном или двух случаях, когда был более чем обычно взволнован, он даже упоминал своего предка Брайана Бору. И все же, несмотря на все это лживое и тщеславное хвастовство, Коллинз был человеком неоспоримых способностей и при полном возбуждении мог написать абзац, хорошо рассчитанный на то, чтобы заставить уши его врагов затрепетать. О его национальности ясно свидетельствовала его внешность, черты его лица были грубо очерчены и безошибочно выдавали кельта; в то время как его рыжие волосы и борода, обычно не очень ухоженные, придавали ему вид неотесанной дикости. До этого времени он не принимал сколько-нибудь заметного участия в политике с момента своего приезда в Канаду; но с тех пор у Исполнительной власти не было более злейшего или бессонного врага. Он продолжал сообщать о работе парламента и постоянно высматривал возможность нанести правительству эффективный удар. В 1825 году ему удалось основать *Freeman*, которая с тех пор была в некоторой степени конкурентом *Advocate* Маккензи. С самого начала она велась с большой энергией, и передовицы, которые часто печатались без привязки к бумаге, демонстрировали исключительную энергичность, но они часто были искажены грубостью и безвкусицей, сравнимыми с чем-либо из продукции Маккензи. Некоторое время лучший класс либералов уклонялся от участия в этом предприятии, но редактор неуклонно добивался всеобщего признания.

"Фримену" было разрешено беспрепятственно следовать своим курсом в течение почти трех лет. В течение этого времени он с неослабевающей бдительностью следил за недостатками исполнительной власти. Для сэра Перегрин Мейтленда и генерального прокурора Робинсона это было настоящей занозой в сердце. Поводов для критики было предостаточно, и Коллинз редко, если вообще когда-либо, прибегал к чистому вымыслу с целью критики бесчисленных злоупотреблений того времени. В его обвинениях всегда было достаточное количество правды, чтобы сделать нецелесообразным судебное преследование его за клевету. Наказание за то, что было ложью, повлекло бы за собой публичное разоблачение того, что было правдой. Официальная партия осознала силу изречения лауреата, но тогда не высказала, что

"Ложь, которая на самом деле ложь, может быть встречена лицом к лицу и с ней можно бороться,

Но с ложью, которая является частью правды, бороться сложнее".

1828.

Они, конечно, не представляли дело в этом аспекте всему миру. Напротив, их органы заявляли о духе великодушия и христианской снисходительности. Но это не могло продолжаться вечно. Коллинз продолжал вливать свою дозу из недели в неделю с неизменным упорством и с кажущейся безнаказанностью со стороны закона. Исполнительная власть в первую очередь попыталась помешать его карьере, нанеся ему финансовый ущерб. В течение нескольких лет ранее Ассамблея назначала ему ежегодную сумму в качестве вознаграждения за освещение их работы. Выплата этой суммы, однако, была делом, полностью находящимся под контролем

вице-губернатора. Поскольку было известно, что Коллинз был беден и что его ресурсы иногда облагались максимальными налогами, чтобы позволить ему выпускать свою газету, была надежда, что, удерживая оплату за его услуги в качестве репортера Ассамблеи, он может быть вынужден приостановить публикацию. Соответственно, когда он обратился за своими деньгами ранней весной 1828 года, ему сообщили, что средства не поступили. Сумма, о которой шла речь, составляла 118 10 шиллингов стерлингов и была для него делом серьезной важности; но он хорошо понимал цель Исполнительной власти и подстегнул себя к новым усилиям. Его статья выходила с самой вызывающей регулярностью, и ее тон был, по возможности, усилен удержанием суммы, причитающейся ее редактору. Он рассказал эту историю общественности, его рассказ был украшен обильными комментариями в самом горьком ключе. Исполнительный директор обнаружил, что они неправильно рассчитали его ресурсы, и что его пресс-служба работала с удвоенной энергией. В конце концов было решено, что против него следует поставить точку и что он должен быть ошеломлен ливнем одновременных обвинений. В четверг, 10 апреля 1828 года, как упоминалось в предыдущей главе,^[120] против него были обнаружены два обвинительных акта в клевете. Одно из них касалось того, что в своей статье он обвинил вице-губернатора в пристрастности, несправедливости и мошенничестве, заключающемся в невыплате денег, за которые проголосовало Собрание. Другой был направлен генеральному солиситору Генри Джону Боултону для дачи показаний о его поведении в связи с дуэлью в 1817 году между Сэмюэлем Питерсом Джарвисом и Джоном Ридут.^[121] На основании этих обвинений Коллинз был немедленно арестован и вынужден явиться в суд и внести требуемый залог. На следующее утро были найдены еще две купюры, за которые он также внес залог. Именно в это время он предпринял свою экстраординарную атаку на генерального прокурора перед судьей Уиллисом, о чем уже подробно рассказывалось.^[122] Следует помнить, что судья проинструктировал его предстать перед Большим жюри присяжных и вынести решение по его жалобе. Этим инструкциям он последовал без малейшего промедления. Он предстал перед Большим жюри присяжных и обвинил Х. Дж. Боултона и Дж. Э. Смолла в соучастии в убийстве молодого Ридута. Затем он предъявил обвинение в массовых беспорядках С. П. Джарвису и шести другим лицам, которые фигурировали в качестве ответчиков по иску, поданному МакомКензи. Большое жюри быстро вынесло вердикт против Боултона и Смолла. Затем оба этих джентльмена явились в суд в мантиях. Они были немедленно арестованы, и так оставались до позднего вечера, когда судья Уиллис по ходатайству мистера Маколея разрешил выпустить их под залог. Поскольку Джарвис был судим за это преступление и оправдан, вскоре после дуэли в 1817 году Большое жюри теперь не предъявило ему "Никакого обвинения". В следующий понедельник Большое жюри присяжных вынесло вердикт против семи человек, обвиняемых в беспорядках. Они были незамедлительно арестованы и отпущены под залог.

Коллинз, не веря в честность генерального прокурора Робинсона, очень не хотел, чтобы судебное преследование по этим делам вел он. Боултон был не только коллегой генерального прокурора в качестве сотрудника правоохранительных органов короны, но и его теплым личным другом, а также родственником по браку. На самом деле Боултон был глубоким поклонником и слабой *тенью* генерального прокурора, в лучах профессионального солнца которого он грелся и у ног которого, в интеллектуальном смысле, можно сказать, пресмыкался. Вряд ли можно было ожидать, что даже самый спартанский из королевских прокуроров сделает все возможное для вынесения обвинительного приговора при таких обстоятельствах; а генеральный прокурор Робинсон не имел ничего от спартамца в том, что касалось интересов его друзей. Соответственно, Коллинз обратился к Роберту Болдуину с просьбой возбудить уголовное дело

по обвинению в убийстве. Но в то время адвокатура не могла рассматривать уголовные дела как нечто само собой разумеющееся и без согласия короны. Мистер Болдуин обратился в Суд за необходимым разрешением, которое было предоставлено с согласия Генерального прокурора. Судебный процесс продолжился перед судьей Уиллисом при открытии суда утром в понедельник, 14-го. Подсудимые после предъявления обвинения заявили, что "невиновны". Разбирательство длилось более двух дней, в течение которых были представлены те же доказательства, которые были представлены на судебном процессе в 1817 году. Все ужасные подробности дуэли были воспроизведены в назидание переполненному залу суда. Многие зрители, а также сам судья были тронуты до слез. Общественный обычай был еще раз успешно использован для оправдания жестокого и подлого убийства. Однако, поскольку главный преступник сам сбежал безнаказанным, наказание соучастников казалось бы ненормальным. Обвинение со скамьи подсудимых было красноречивым и рассудительным, и присяжные отсутствовали в ложе всего десять минут, когда вернулись в зал суда с оправдательным вердиктом.

Следующим требовал рассмотрения судебный процесс над участниками беспорядков типа. Адвокат Коллинза ходатайствовал перед прокурором о разрешении вести это дело также частным адвокатом, но генеральный прокурор решительно отказался дать на это согласие. Утверждалось, что один из обвиняемых приходился ему племянником, а двое других были клерками в его офисе во время беспорядков. Неважно; он был полон решимости противостоять любому дальнейшему вмешательству в судебное преследование со стороны коллегии адвокатов. Он отметил, что неизвестно, чем закончится такое вмешательство. Его и так было слишком много. Он уже собирался приступить к обвинению, когда мистер Ролф встал от имени Коллинза и выразил пожелание, чтобы, поскольку болезненное расследование дела об убийстве завершено, уголовное преследование за клевету было прекращено. Судья Уиллис горячо поддержал это предложение и далее предположил, что судебное преследование участников массовых беспорядков также может быть прекращено. Бунтовщики, однако, были готовы и ждали суда, и через своего адвоката возражали против любого оставления их в покое, поскольку это касалось их самих. С их стороны настаивалось на том, что они никогда не хотели избегать судебного преследования, а скорее добивались его; что они ни в коем случае не пойдут на компромисс в судебном разбирательстве, которое было злонамеренно и возмутительно возбуждено не потерпевшим лицом, а тем, кто, будучи привлечен к суду за клевету, был принят в качестве своего рода государственного обвинителя и получил возможность преследовать их, вмешиваясь в старые сделки, которые давно были расследованы и искуплены. Они настаивали на том, чтобы дело было рассмотрено там, а затем окончательно закрыто, чтобы ни одно злонамеренное лицо, совершенно не связанное с этим делом, больше не могло преследовать их по своему усмотрению.

Затем судебный процесс был продолжен. Обвиняемые, разумеется, были признаны виновными. Судья Уиллис был очень снисходителен и приговорил их к номинальному штрафу в размере пяти шиллингов каждого, прямо указав в качестве причины такого незначительного наказания, что по гражданскому иску уже было получено более чем достаточное возмещение.^[123]

Что касается обвинительных заключений против Коллинза, апелляция судьи к Генеральному прокурору была не совсем безрезультатной, несмотря на вражду между ними. Дело в том, что последний был рад любому предлогу для прекращения двух уголовных дел, возбужденных Боултоном и Джарвисом, будучи вполне уверен, что ни в том, ни в другом случае нет никакой

вероятности добиться обвинительного приговора. Он мог бы отстаивать свои собственные интересы и интересы своих друзей и в то же время делать вид, что прислушивается к предложению судьи. Таким образом, согласие прокуроров было получено, и поэтому на открытом судебном заседании он объявил, что не будет продолжать рассмотрение этих обвинительных актов. Однако он добавил, что против Коллинза были выдвинуты дополнительные обвинения, выдвинутые Большим жури присяжных, и что он не мог с должным уважением к ним сразу отказаться от разбирательства по ним. "Но у меня нет возражений заявить, - сказал генеральный прокурор, - что я воздержусь от каких-либо дальнейших действий во время нынешних судебных слушаний и что, продолжая или не продолжая, я буду в значительной степени руководствоваться чувством, которое подсудимый продемонстрирует в отношении своего долга как руководителя общественной газеты". Залог был соответственно внесен Коллинзом в одном из представлений. Другому было молчаливо позволено уступить; и на этом, на время, дело закончилось.

Редактор "*Фримена*", безусловно, не дал генеральному прокурору никаких оправданий за то, что тот оставил его в покое. В каждом последующем номере своей газеты он обрушивался с критикой на всю расу чиновников, к некоторым из которых применял самые оскорбительные эпитеты. Правительственные органы со своей стороны придерживались аналогичного курса и охарактеризовали Коллинза и его друзей в выражениях, слишком грубых для цитирования. Генеральный прокурор, вероятно, раскаялся в том, что не приступил по крайней мере к одному из обвинительных заключений во время последних судебных слушаний, и решил, что еще одна возможность не должна быть упущена. Осенние судебные заседания начались во вторую неделю октября, когда он попытался выдвинуть одно из старых обвинений против Коллинза. Подсудимый подал апелляцию судье Шервуду, который занимал скамью подсудимых, заявив, что его защитник не присутствовал в суде и что ему никогда не предъявлялось обвинение. Генеральный прокурор ответил, что отсутствие адвоката подсудимого не было виной короны и что ему было предъявлено обвинение на весенних судебных слушаниях. Последнее заявление было опровергнуто ответчиком, и после обращения к Секретарю суда присяжных выяснилось, что никакого обвинения предъявлено не было. На следующий день генеральный прокурор снова попытался форсировать судебное разбирательство, но поскольку было ясно, что обвиняемому не было предъявлено обвинение, последний теперь заявил о праве на пересечение. Поскольку это право было неоспоримым, Суд признал его, в результате чего ответчик получил право на то, чтобы судебное разбирательство было отложено до следующих заседаний, которые состоятся только следующей весной. Генеральный прокурор, однако, был вправе потребовать, чтобы обвиняемый обрел безопасность, и незамедлительно настоял на своем требовании. Коллинз знал, что, если бы он нашел требуемую гарантию, это поставило бы его в неловкое положение при ведении своей статьи, и заявил, что предпочел бы предстать перед судом сразу, а не прибегать к такой альтернативе. Соответственно, он предстал перед судом, и, хотя по приказу Генерального прокурора обвинение было выдвинуто против него со всей энергией, присяжные оправдали его.

Но генеральный прокурор был не из тех, кто позволит своей жертве ускользнуть от него, пока оставался хоть какой-то шанс добиться обвинительного приговора. Против него было выдвинуто новое обвинение в личной клевете на самого генерального прокурора. Коллинз, сообщая о судебном процессе, который только что завершился его оправданием, обвинил генерального прокурора в "открытой, ощутимой лжи" и "врожденной злобности" и назвал судью Хагермана "нашим старым клиентом". Этот отчет был полностью опубликован в "*Freeman*", и на нем было

основано возбужденное в настоящее время уголовное дело. Обвиняемый действовал под тем же принуждением в отношении безопасности, что и раньше, и предпочел предстать перед судом немедленно, чего и добивался генеральный прокурор. Обвинительный акт, который до сих пор можно увидеть среди архивов Осгуд-холла, был поистине грозным документом, в котором преступление излагалось с большой подробностью. Судебный процесс состоялся в субботу, 25-го, перед г-ном судьей Шервудом, который, предъявляя обвинение присяжным, обрушивался на подсудимого почти с такой же яростью, как и королевский прокурор, клеймя его как "оптового распространителя клеветы". Он назвал отчет *Фримена* "грубой и скандальной клеветой".^[124] Было совершенно очевидно, что ум мистера Шервуда не был уравновешенным и что он находился под влиянием соображений, которые не были непосредственно представлены ему. Тот факт, что его сын Генри и его шурином Х. Дж. Боултон, соответственно, были привлечены к ответственности за беспорядки и убийство по подстрекательству Коллинза, слишком четко запомнился, так что каждый пункт обвинения был максимально выдвинут против подсудимого. Судья Шервуд, однако, отсутствовал на скамье подсудимых, когда присяжные вернулись в зал суда со своим вердиктом, его место занял судья Хагерман, который много раз подвергался нападкам сатиры Коллинза и на которого ссылались с оскорбительными подтруниваниями в том самом отчете, который послужил предметом настоящего судебного разбирательства. Присяжные после пятичасового обсуждения вынесли вердикт "Виновен в клевете на Генерального прокурора". Секретарь записал общий вердикт "Виновен", который был зачитан присяжным. Адвокат подсудимого возражал против записи приговора в такой форме, поскольку присяжные признали его клиента виновным только в клевете на Генерального прокурора. Последовал краткий спор по этому поводу, после чего судья обвинил присяжных в том, что такой вердикт, как они установили, не может быть вынесен. Он сообщил им, что, если они признают подсудимого виновным в какой-либо части предполагаемой клеветы, они должны вынести общий вердикт "Виновен"; но что они могут, если сочтут нужным, указать Суду, на какой конкретной части публикации основан их вердикт, и в этом случае Суд ограничит наказание только этой частью. После этого присяжные удалились во второй раз, но вскоре вернулись с общим вердиктом "Виновен". На вопрос судьи, придерживаются ли они своего прежнего мнения относительно клеветнической части публикации, они ответили утвердительно.

Приговор Суда не был вынесен до тех пор, пока не прошло достаточно времени для проведения совещания по этому вопросу между судьями Шервудом и Хагерманом. То, что такая конференция действительно имела место, достаточно ясно из письма самого судьи Шервуда, на которое мы сейчас ссылаемся. Приговор, когда он был вынесен, вызвал большое удивление не только в сердцах человека, которого это касалось непосредственно, но и среди общественности в целом. Суд приговорил подсудимого к уплате штрафа в размере пятидесяти фунтов стерлингов, тюремному заключению сроком на двенадцать календарных месяцев, взысканию залога за его хорошее поведение в течение трех лет после освобождения, выплате ему самому четырехсот фунтов стерлингов и двух поручителей по сто фунтов каждому и оставлению под стражей до тех пор, пока все эти условия не будут выполнены.

Конечно, неудивительно, что маленький мир верхней Канады открыл глаза на такой приговор Звездной Палаты, вынесенный в 1828 году от Рождества Христова. Казалось, вихрь времени вернул времена Бартемуса Фергюсона и *Niagara Spectator*.^[125] Для многих людей, даже среди тех, кто в целом одобрял меры правительства, оставался открытым вопрос о том, следовало ли вообще поддерживать судебное преследование или нет. Обвинение в "врожденной злокачественности" вряд ли могло серьезно повлиять на характер или положение генерального

прокурора Робинсона, который был достаточно готов применить гораздо более сильные эпитеты к своим врагам. Но, как бы то ни было, не могло быть никаких сомнений в том, что назначенное наказание было полностью несоразмерно совершенному преступлению, особенно с учетом обстоятельств дела подсудимого. Если бы приговор был вынесен по-прежнему, он действительно предусматривал бы для последнего бессрочное тюремное заключение, поскольку вряд ли нашлось бы двух состоятельных людей, которые чувствовали бы себя в безопасности, гарантируя хорошее поведение такого буйного духа, как Фрэнсис Коллинз, в течение столь длительного периода, как три года. На протяжении всего этого печально известного преследования Генеральный прокурор демонстрировал очень мало преимуществ. Как упоминалось ранее, он предъявил подсудимому четыре обвинительных акта в течение двух дней. Три из них он отозвал, а после четвертого подсудимый был оправдан. Затем он приложил все усилия, чтобы разгласить личную информацию под очень незначительным предлогом. Бедняга Коллинз был его врагом, и нельзя было позволять характеризовать его поведение как "врожденную злобность", в то время как редакторам газет, находящимся под покровительством и на жалованье правительства, разрешалось безнаказанно проводить преднамеренную систему злонамеренного очернения. Последним было разрешено публично очернять не только отдельных членов Оппозиции, но и распространять грубейшую клевету на саму Палату собрания. Генеральный прокурор не считал нужным вмешиваться в эти правонарушения. Они были совершены его личными и политическими друзьями и, если только распространенные слухи не опровергали его всерьез, нередко совершались по его собственному наущению. Во всяком случае, он поддерживал самые дружеские отношения с клеветниками и не упускал ни одной возможности послужить их материальным интересам. Такая непоследовательность привлекла внимание общественности. Люди, которые до того времени поддерживали официальную партию, начали задаваться вопросом, когда же закончится эта односторонность. Говорилось, что генеральный прокурор не имел права вознаграждать своих друзей за то, что они делали точно то же самое, за что он наказывал и сажал в тюрьму своих врагов. Против него вспомнили, как, споря с судьей Уиллисом о характере своих служебных обязанностей, он с презрением отверг предложение действовать в отсутствие инструкций, даже в отношении отъявленных злодеев. Было отмечено, что он отказался принимать какое-либо официальное решение о столь серьезном преступлении против общественного порядка, как массовые беспорядки, которые были совершены его собственными друзьями и протеже. И все же здесь он из кожи вон лез, чтобы довести до своей гибели беднягу, который, конечно, не без большой провокации, просто обвинил его во лжи и врожденной злобности. Человек, который таким образом приспособливал свое поведение к своим склонностям, возможно, был бы очень любим своими друзьями, но он, конечно, не претендовал на то, чтобы считаться ни хорошим, ни великим. Фракция, начиная с доктора Стрейкена и ниже, в течение многих лет поддерживала Джона Беверли Робинсона, вызывая восхищение жителей Верхней Канады. Многие принимали его по их оценке. Эпизоды с Селкиром и Гурлеем, вместе с десятком других, менее примечательных, были замалчиваемы. Поскольку худший из них произошел несколько лет назад, нынешнее поколение частично забыло о нем. Но безжалостная мстительность и жестокость, проявленные на протяжении всего процесса над Коллинзом, были очевидны всем. Они во многом понизили общественное мнение о генеральном прокуроре и подорвали доверие общественности к честности судей. Они породили тревожное чувство недовольства и, несомненно, внесли свою лепту в возникновение смут 1837-38 годов.

Коллинз попал в тюрьму, где, несмотря на большие усилия с его стороны, был вынужден оставаться в течение многих месяцев. Штраф был выплачен, как и ущерб по делу *type-riot*, путем публичной подписки. Обращения с различных сторон к вице-губернатору от имени заключенного были тщетными. Исполняющим этот пост больше не был сэр Перегрин Мейтленд, чье вялое и бессильное правление подошло к концу несколько недель назад,^[126] когда, как упоминалось ранее, он отбыл в Новую Шотландию. Его преемником на посту вице-губернатора Верхней Канады стал генерал-майор сэр Джон Колборн, выдающийся офицер 52-го полка, который доблестно нес службу на полуострове и сражался при Ватерлоо. Нейпир, историк войны на полуострове, описывает его как развившего в себе "экстраординарный военный гений". После восстановления мира у него был некоторый опыт в дипломатии, поскольку в течение некоторого времени он возглавлял правительство острова Гернси. Его назначение на более обременительный и ответственный пост вице-губернатора Верхней Канады было объявлено предвестником лучших времен. Было объявлено, что он прибыл с поручением обратить вспять бессмысленную политику своего предшественника и руководить администрацией в соответствии с хорошо понятными пожеланиями народа. Представляется вполне вероятным, что некоторые подобные общие указания действительно были даны, но большая свобода действий была неизбежно предоставлена самому сэру Джону; и, как показали последующие события, он был плохо приспособлен для выполнения тех обязанностей, которые были на него возложены. Ему было суждено представить в своем лице достаточный аргумент против абсурдной системы, проводимой правительством метрополии и заключающейся в том, чтобы возложить на колонии военных правителей. То, что сэр Джон был превосходным солдатом, само собой разумеется. Несомненно также, что им в основном двигали честные побуждения. Но он был "военным человеком с юности", и его раннее обучение и долгая военная карьера сделали его суровым и непреклонным. Он не разделял чаяний людей, которые только начинали постигать принципы конституционной свободы и которые видели в политике многое, что громко призывало к реформам.

Жителям Верхней Канады не потребовалось много времени, чтобы оценить характер нового губернатора, поскольку он и двух недель не пробыл в провинции, как практически присоединился к Соглашению. Едва он приступил к исполнению своих служебных обязанностей, как Комитет от имени Коллинза представил ему петицию, подписанную рядом влиятельных жителей Йорка и его окрестностей. Факты были подробно изложены, и его превосходительству было предложено проявить королевское милосердие, освободив заключенного из его печального положения. Ответ сэра Джона был уклончивым, но не совсем обескураживающим. В нем признавались преимущества, вытекающие из свободной и хорошо организованной прессы, но выражалось почтение к суду присяжных и указывалось на опасность вмешательства в вердикты присяжных или мнения судей, если только их незаконность не может быть четко продемонстрирована. Однако оно добавило, что, если его превосходительство после расследования дела придет к выводу, что требуется его вмешательство, соответствующее сообщение будет направлено непосредственно заинтересованному лицу.

Перед лицом этого ответа заключенному и его друзьям пришлось подождать разумное время, прежде чем предпринимать какие-либо дальнейшие шаги. В течение следующих нескольких дней всплыл ряд фактов, которые, безусловно, свидетельствовали о наличии, по крайней мере, веских оснований для нового судебного разбирательства. Оказалось, что Джон Хейден, один из присяжных, не знал истинного значения слова "злокачественность" и обратился в Суд за

словарем Джонсона, чтобы получить истинное определение. Суд отказал в этой снисходительности, и Хейден был вынужден согласиться с определением другого присяжного заседателя, которое заставило его поверить, что рассматриваемое слово имеет гораздо более серьезное значение, чем ему придется на самом деле. Таким образом, его побудили высказаться за осуждение подсудимого. Двое других присяжных,^[127] которые были подневольными инструментами Генерального прокурора, руководствовались неоправданным предубеждением, настолько сильным, что они выразили твердую решимость осудить подсудимого. Далее, поведение мистера Хагермана в качестве судьи по делу, в котором он был лично замешан, — следует помнить, что о нем насмешливо упоминалось в отчете, ставшем предметом обвинительного заключения, — было нарушением приличий, не говоря уже о том, что это было извращением буквы и духа закона. Он также проконсультировался с судьей, которым был вынесен приговор, относительно меры наказания, которая должна быть назначена. Но он не только выступал в суде по своему собственному делу: он отказался зафиксировать заключение присяжных, которых он ввел в заблуждение и вынудил вынести вердикт, противоречащий тому, что они на самом деле намеревались вынести. Поведение судьи Шервуда было немногим лучше. Он предъявил присяжным обвинение, которое практически не оставляло им иного выбора, кроме вынесения обвинительного приговора, если только они полностью не пренебрегли его советами. Джон Кэри, редактор *York Observer*, присутствовавший на этом мероприятии, засвидетельствовал, что обвинение судьи, по его мнению, противоречит закону и здравому смыслу.^[128] Тогда само наказание было настолько несоразмерно преступлению, что потрясло все представления о справедливости и создало постоянную угрозу свободе прессы в Верхней Канаде. Однако судья Шервуд, вынося приговор, прямо заявил, что он должен быть легким, поскольку был вынесен за первый обвинительный приговор. Было бы любопытно узнать, какое наказание он назначил бы, если бы подсудимый ранее был осужден по аналогичному обвинению.

Все эти обстоятельства явно доказывали, что обвиняемый столкнулся со значительно большим или меньшим правосудием. Были и другие факты, которые имели неприглядный вид. Подсудимый, как уже упоминалось, был католиком; тем не менее, из многочисленного и респектабельного населения, исповедующего ту же религию, в коллегии не было ни одного, хотя на четвертных заседаниях, состоявшихся несколькими днями позже, число католиков, вызванных в состав присяжных, было исключительно большим. Шериф, который назначил присяжных, был политическим врагом обвиняемого. Как и каждый отдельный член Большого жюри, который нашел истинный счет против него. Как и подавляющее большинство мелких присяжных, которые судили его. Как и генеральный прокурор, который преследовал его. Как и двое судей, председательствовавших на процессе. Взятые в связи с конкретными фактами, упомянутыми в предыдущем параграфе, эти вопросы породили множество неприятных домыслов, и неудивительно, что общественность выступила против приговора как несправедливого. Неудивительно, что в некоторых сельских округах были проведены общественные собрания в знак протеста против того, что почти повсеместно считалось тираническим злоупотреблением судебным процессом. Неудивительно, что иногда из тихих уголков, когда генеральный прокурор проходил по улицам Йорка, доносились шипение и стоны. И неудивительно, что дело Фрэнсиса Коллинза, следовавшее за другими судебными процессами, отличавшимися от него лишь степенью тяжести, заставило многих до сих пор лояльных подданных спросить себя, требует ли их лояльность, чтобы они вечно продолжали

сгибать свои шеи под ярмо угнетателя. То, что было делом Коллинза сегодня, возможно, завтра будет делом их самих или их сыновей.

26 ноября Коллинз отправил вице-губернатору трогательно сформулированную петицию, в которой в кратких, но трогательных выражениях упоминалось о безысходном положении его молодой и беспомощной семьи. В нем говорилось, что из-за его тюремного заключения бизнес, с помощью которого он содержал свою семью, был практически разрушен, поскольку его успех зависел исключительно от его личных усилий. Наконец, он молился о возвращении ему свободы. К ходатайству прилагались письменные показания под присягой, в которых говорилось о признанном невежестве одного из присяжных и о предварительной решимости двух других вынести обвинительный приговор. Но заключенный напрасно стучался в ворота сердца сэра Джона Колборна. К этому времени вице-губернатор был так же тесно связан с официальной партией, как и его предшественник. доктор Стрейкен и Джон Беверли Робинсон управляли им с большим мастерством и, благодаря кажущемуся почтению, держали его под полным контролем. Сам того не сознавая, он был глиной в руках гончара, который лепил его по своему желанию. С таким же успехом бедняга Коллинз мог бы взывать о милосердии к полуголодному тигру джунглей, как и к этим двум провинциальным представителям закона и евангелия. Его меморандум, датированный "Йоркская тюрьма, 26 ноября 1829 года", не получил ответа до тех пор, пока не прошло более трех недель, и когда ответ пришел, его содержание свидетельствовало о совершенном равнодушии к несчастному состоянию заключенного. Ему коротко сообщили, что вице-губернатор не считает правильным удовлетворять это ходатайство, но что по истечении указанного срока тюремного заключения любое ходатайство, которое он, возможно, пожелает подать, будет принято к рассмотрению.

С этого времени заключенный, похоже, смирился со своей участью, хотя его друзья не ослабляли своих усилий ради него. Ходатайствовать о новом судебном разбирательстве казалось бесполезным, поскольку ходатайство пришлось бы подавать либо Шервуду, либо Хагерману, ни от кого он не мог надеяться добиться справедливости. "Фримен" продолжал выходить, хотя его публикация неизбежно проходила в условиях больших неудобств. Дух редактора ни в коей мере не был сломлен, и он разослал из своего заточения серию редакционных статей, столь же ожесточенных, как и все предыдущие попытки его пера. Он также написал серию открытых писем, адресованных Генеральному прокурору, в которых карьера этого чиновника, начиная с его младенчества, рассматривалась с едкой горечью. [129] Эти письма публиковались в нескольких номерах *Freeman*, и следует предположить, что они были источником большого раздражения джентльмена, которому они были адресованы. Хотя многие из содержащихся в нем утверждений были извращенными и умышленными искажениями фактов, в них содержалась значительная доля правды, и было бы нелегко разоблачить ложь, не признав многого из того, что нельзя было отрицать. Генеральный прокурор рассматривал возможность нового судебного преследования, но передумал — надо полагать, не из-за недостатка мстительности, а потому, что он чувствовал, что у общественного терпения есть предел, и что этот предел почти достигнут.

1829.

В январе 1829 года дело Коллинза было принято к рассмотрению Ассамблеей. Был назначен Комитет, и было проведено тщательное расследование некоторых наиболее интересных

особенностей. Генеральный прокурор Робинсон подвергся довольно длительному допросу. Судьи Шервуд и Хагерман были вызваны в Комитет, но оба они отказались отвечать на какие-либо вопросы. Было выяснено немало важных фактов, на основании которых было направлено Обращение к его превосходительству с изложением обстоятельств и молитвой о смягчении приговора. Ответ был такого же неумолимого характера, как и ранее в ответ на собственное прошение Коллинза. "Я искренне желаю, - был ответ вице-губернатора, - оказать услугу провинции, сотрудничая с Законодательным собранием во всем, что может способствовать ее миру, процветанию и счастью; и я чрезвычайно сожалею, что Палата Собрания обратилась ко мне с заявлением, которое, как мне кажется, запрещает мне выполнять возложенная на меня обязанность поддерживать законы и мой долг перед обществом". К сведению Палаты представителей, его превосходительство направил копию письма, адресованного судьей Шервудом секретарю губернатора, в котором излагаются определенные доводы в пользу решения Суда по данному делу. Следует помнить, что судья отказался назвать какие-либо подобные причины, когда его допрашивал по этому поводу Комитет Палаты собрания. Что касается его права на такой отказ, то вряд ли могут быть большие расхождения во мнениях, но он был бы более последовательным, если бы также отказался, когда к нему обратился вице-губернатор. Признав право публиковать справедливые и откровенные мнения о правительстве и конституции, судья заявил, что если издатель "сойдет с большой дороги порядочности и миролюбивого поведения и изберет курс публичной клеветы и открытых оскорблений в адрес должностных лиц правительства в целом или, в частности, главного судебного чиновника короны при законном исполнении своих обязанностей в королевских судах, как это сделал обвиняемый", то судья убежден, что издатель, допустивший такое оскорбление, должен быть "наказан в той степени, которая, по человеческой вероятности, предотвратила бы повторение преступления". И все же тот же судья, вынося приговор, прямо заявил, что приговор должен быть мягким, поскольку это было первое преступление подсудимого. Заключение письма достаточно ясно показывает, что перед вынесением приговора между судьями Шервудом и Хагерманом состоялось совещание. Это действительно доказывало, что приговор следует рассматривать как совместный приговор двух судей. "Принимая во внимание все обстоятельства дела, - говорилось в нем, - г-н Судья Хагерман и я сочли приговор, который мы вынесли подсудимому, правильным и необходимым для общественного блага и того, чего требовало само дело".

От имени заключенного вице-губернатору были поданы еще две или три апелляции, но все они оказались безрезультатными. Дело действительно находилось в руках самого генерального прокурора, который был неумолим и не удовлетворился бы ничем, кроме самого полного искупления. Тем временем Ассамблея не ослабляла своих усилий добиться смягчения приговора. 12 марта этот орган принял обращение к королю, в котором Его Величество умолял "проявить к Фрэнсису Коллинзу королевское милосердие, сняв с него оставшуюся часть наказания". На это судебное разбирательство возлагалось не так уж много надежд, поскольку чувствовалось, что все влияние Исполнительной власти будет направлено против него. Сам заключенный решил смириться с неизбежным и отбыть, по крайней мере, полный срок назначенного наказания. Он продолжал публиковать редакционные статьи для своей газеты, написанные с напряжением, которое, казалось, свидетельствовало о его превосходстве над обстоятельствами. Но его жизнерадостный дух был в значительной степени укрощен долгим заключением, и было замечено, что он уже никогда не был таким, как прежде. Вопреки его ожиданиям, обращение Собрания, наконец, возымело действие, и ему разрешили выйти из

тюрьмы свободным человеком. Его статья выходила из недели в неделю, но тон ее, очевидно, менялся и приглушался. Что-то от старого духа время от времени вспыхивало, но лишь урывками и мимолетно, как мерцание лампы перед ее потуханием. Было ясно, что редактор не забыл унижения и душевных страданий, которым он подвергся, и на протяжении оставшихся лет своей жизни он всегда жил более или менее в тени холодной одиночной камеры. Судебная практика цивилизованных стран содержит мало современных примеров применения столь сурового наказания за столь незначительное правонарушение.

Повествование больше не имеет отношения к Фрэнсису Коллинзу, за исключением записи о том, что он продолжал редактировать и публиковать "*Фримена*" вплоть до 1834 года, когда он стал жертвой нашествия холеры, от которой в том году пострадала столица провинции. Он умер 2 сентября, и с тех пор *Freeman* прекратил свое существование.

СНОСКИ:

[118] Генеральный прокурор Джон Беверли Робинсон всегда доблестно выступал на стороне сильного. Он пытался убедить Ассамблею обязать доктора Хорна включить в следующий выпуск *Gazette* абзац следующего содержания: "Из-за некомпетентности или небрежности нашего репортера дебаты в Палате собрания, помещенные в последнем номере этой газеты, были настолько несовершенными и освещались так недостоверно, что от их точности нельзя зависеть". Собрание, однако, было удовлетворено унижением, которому подвергся Доктор, и не стало принуждать его к дальнейшему самоуничтожению.

[119] Мистер Фотергилл занимал свой пост всего три года, когда был уволен за голосование с оппозицией в Ассамблее против правительства. Было аномалией позволять королевскому печатнику занимать место в Законодательном собрании, и вряд ли можно было ожидать, что правительство потерпит оппозицию со стороны такого кругалица. Мистер Фотергилл был первым в администрации, кто развил либеральные взгляды. Он был достаточно глубоко посвящен в секреты администрации, что делало его опасным противником, если бы он почувствовал желание вести войну не на жизнь, а на смерть. Администрация, по-видимому, приняла к сведению этот факт как бы косвенно. Он превысил свой счет на 360 фунтов стерлингов, и при расчете с ним эта сумма не была принята во внимание. Другими словами, правительство сделало ему подарок в размере 360 фунтов стерлингов. Его преемником на посту королевского печатника стал мистер Роберт Стэнтон.

[120] *Ante*, стр. 171.

[121] *Ante*, стр. 13.

[122] *Ante*, стр. 171-174.

[123] *Ante*, стр. 136.

[124] Обвинение, о котором сообщает Коллинз, будет найдено в Приложении к *журналам собрания* за 1829 год, стр. 27, 28.

[125] *Ante*, стр. 42 и далее.

[126] 14 августа 1828 года сэр Перегрин был объявлен "вице-губернатором Новой Шотландии и ее зависимостей". В тот же день сэр Джон Колборн был объявлен вице-губернатором Верхней

Канады, но он прибыл в резиденцию своего правительства только поздней осенью, и сэр Перегрин фактически не покидал свой пост до прибытия своего преемника.

[127] Уильям Дэвениш и Эндрю А. Томпсон. Первый заявил, что в случае вызова его в качестве присяжного заседателя он "переложит это на плечи" Коллинза. Смотрите "*Фримена*" за четверг, 25 декабря 1828 года.

[128] Смотрите Приложение к журналам собраний за 1829 год.

[129] *Ante*, стр. 101, 102, примечание.

ГЛАВА X.

Примечание к главе X

ФОНАРИ — СТАРЫЕ И НОВЫЕ.

Наверх

В предыдущих пяти главах была предпринята попытка свести к повествовательной форме огромную массу разнородного материала, имеющего отношение к "Истории", изложить которую и является целью этих томов. Значительная часть этого материала практически недоступна широкой читающей публике, поскольку разбросана тут и там по старым и давно забытым газетам, справочникам, брошюрам и неотредактированным рукописям. И все же некоторое знакомство с ним абсолютно необходимо для ясного понимания плачевного положения вещей, существовавшего в этой провинции во время правления сэра Перегрин Мейтленда и его преемника. Ни один человек, не знающий об этом, не способен высказать разумное мнение относительно достоинств или недостатков Восстания и тех, кто принимал в нем участие. Таким образом, основные факты и обстоятельства, сопутствующие некоторым из наиболее вопиющих проявлений угнетения семейным договором, отмечающих четвертое десятилетие истории Северной Канады, были изложены в последовательном порядке и со значительной детализацией. Представленная таким образом картина провинциального общества и правительства, хотя и полна поучений, ни в коей мере не является привлекательной, и любой человек, впервые созерцающий ее, вполне может быть оправдан за сомнение в ее абсолютной точности. Временами кажется, что рисунок имеет слишком волнистые очертания, а некоторые детали имеют вид окрашенных в цвета, слишком яркие, чтобы быть естественными.

Но тщательное изучение свойств исправит все подобные впечатления. Разные темы требуют разных методов лечения. Есть определенные черты пейзажа, которые не следует изображать с абсолютной четкостью очертаний, и есть предметы, которым нейтральные оттенки совершенно не соответствуют. Такого характера не одна из воспроизведенных здесь сцен. Независимо от простого метода обработки, исторические свидетельства настолько ясны и недвусмысленны, что никто не может подвергнуть их сомнению, если возьмет на себя труд изучить их. Что касается простых фактов, то мнения тех, кто консультируется и сравнивает различные авторитетные источники, упомянутые в примечаниях, практически не расходятся.^[130]

Зарегистрированные до сих пор случаи - лишь немногие из многих, но их достаточно, чтобы рассказать историю жестокости и эгоизма руководителей в указанный период более эффективно, чем это можно было бы рассказать без их помощи. Излагать с такой же полнотой деталей обстоятельства, сопровождавшие преследование Джона Брауна, Роберта Рэндала, Хью Кристофера Томпсона и еще около десятка мелких жертв, значило бы растянуть эту работу до бесконечности. Материалов для работы, написанной по такому плану, предостаточно, поскольку они включают в себя все факты, вытекающие из колоссального беззакония, которое пытались совершить под видом Законопроекта об иностранцах. Подробности, связанные с попыткой навязать эту печально известную меру народу Верхней Канады, не могут быть раскрыты на этих страницах. Достаточно сказать, что это была самая нечестная и не подобающая государству попытка со стороны исполнительной власти избавиться от политических оппонентов путем отказа от хорошо понятных обязательств их предшественников на этом посту: попытка лишить собственности лиц, которые, полагаясь на веру правительства того времени, поселились в стране и заняли земли, на которые они получили титулы и на которых они и их родители во многих случаях проживали еще со времен губернатора Симко. Попытка провалилась из-за бдительности оппозиции и вмешательства имперского правительства, но она доказала, на что была готова пойти официальная партия, чтобы сохранить существующий порядок вещей. Это было частью остальной политики исполнительной власти, которая, казалось, с течением времени становилась все более и более требовательной и односторонней. Многим людям, не связанным с партией реформ, было совершенно ясно, что в стране нет справедливости для Реформатора и что олигархия, которой управляла страна, совершенно не заботилась о ее наилучших интересах. Конституционная свобода систематически попиралась ногами. Часто цитируемое хвастовство Основателя Провинции о том, что конституция Верхней части Канады является "самим изображением и расшифровкой конституции Великобритании"^[131] казалось откровенной насмешкой, если рассматривать ее в свете событий, которые стали частым явлением.

Исполнительный винт применялся не только к большим пальцам политических оппонентов. При случае его с удивительной энергией применяли к большим пальцам рук тех, кто долгое время был послушными рабами Администрации. Ничто так ясно не показывает бесстыдное использование власти со стороны фракции; ничто так ясно не доказывает полного подчинения их инструментов и глубины деградации, до которых могли опуститься общественные деятели, как эпизод, произошедший во время парламентской сессии 1828 года. Главными фигурантами были почтенный Джеймс Бэби, который сам был генеральным инспектором государственных счетов и старшим членом Исполнительного совета, и бывший главный судья Пауэлл. Уже объяснялось, что названный первым персонаж с некоторого времени перестал иметь какой-либо вес в Совете директоров, где его в значительной степени вытеснили его подчиненные.^[132] Его старшинство было просто временным, и его влияние на политику

правительства было настолько незначительным, насколько это возможно, в соответствии с занимаемой им должностью. Он остро ощущал, что его, так сказать, оттеснили на задний план, и в нескольких случаях проявлял склонность самоутвердиться, действуя независимо. Подобное чувство, но более умеренное по степени, оживляло грудь бывшего главного судьи, чье место в качестве главного мирского советника вице-губернатора уже давно занял генеральный прокурор Робинсон. Во время сессии 1823-4 годов он счел нужным выразить протест против принятого Ассамблеей Школьного законопроекта, в соответствии с которым доктор Стрейкен должен был получать и фактически получал синекурную зарплату в размере трехсот фунтов в год. Его протест, по его собственной настоятельной просьбе, был занесен в журнал, где, казалось, он останется вечным напоминанием о его независимости и раболепии его коллег. Но этого ни в коем случае не желали вице-губернатор и генеральный прокурор. На непокорного депутата было оказано давление, под влиянием которого он был вынужден уступить. Он согласился с тем, что протест должен быть удален из журнала, и он был удален соответствующим образом.^[133] Но его, а также distinguished мистера Бэби ожидало еще более отвратительное унижение.

Во время сессии 1828 года в Ассамблею было получено несколько петиций с просьбами о смягчении последствий принятого в 1825 году закона, согласно которому на дикие земли были наложены определенные налоги.^[134] Среди других жалоб, на которые жаловались, был способ принятия закона. В одной из петиций недвусмысленно утверждалось, что эта мера была протолкнута через обе Палаты слишком быстро и что были использованы самые преступные средства для того, чтобы заручиться согласием определенных членов, которым она не понравилась. Ассамблея рассмотрела петиции и назначила Комиссию для расследования этого дела. Был допрошен ряд свидетелей, и были выявлены некоторые поразительные факты. Обвинения в неправомерном влиянии были подтверждены неопровержимыми доказательствами и свидетелями, которые, как правило, привыкли сотрудничать с правительством. Одним из них был наш бывший знакомый, distinguished. Уильям Диксон, который, как было замечено ранее, был владельцем огромного участка земли,^[135] и, следовательно, серьезно пострадал от закона, принятого в 1825 году. Его показания, опубликованные в Приложении к Журналам Ассамблеи,^[136] являются бессрочным обвинительным актом против сэра Перегрин Мейтленда и продажной клики, которой он был окружен. Похоже, что с того момента, как законопроект, касающийся налогообложения диких земель, был впервые внесен в Верхнюю палату, он был непопулярной мерой и против него выступило большинство членов. Большинство последних были крупными землевладельцами в силу своего членства, а некоторые из них приобрели дополнительные участки путем покупки. Против этого отвратительного законопроекта выступали на каждом этапе, и, казалось, не было никакой возможности, чтобы он стал законом. Поскольку его поражение считалось неизбежным, его противники в некоторой степени ослабили свои усилия и поздравили друг друга с очевидным успехом. Однако при третьем чтении г-н Диксон, к своему величайшему удивлению и отвращению, обнаружил, что некоторые из членов, на которых он полагался при голосовании, полностью изменили позицию и выступили в роли сторонников этой меры. Было заметно, что все новообращенные, или извращенцы, занимали должности при правительстве. Distinguished. Джон Генри Данн, генеральный прокурор провинции, избрал другой курс. Он был одним из самых решительных противников Законопроекта и заявлял, что он никогда не будет принят.^[137] После такой позиции у него было слишком много самоуважения, чтобы опровергнуть все свои протесты, проголосовав за эту меру, поэтому он спокойно остался дома

под предлогом болезни.[138] Ссылаясь на тех, кто занял более решительную позицию, проголосовав вопреки своим обещаниям, г-н Диксон говорит: "Я удовлетворен тем, что это изменение стало результатом запугивания со стороны местных властей, которые, казалось, были полны решимости осуществить эту меру любыми средствами. По их лицам и поведению было совершенно очевидно, что перемена произошла не по убеждению, а по принуждению. Работа Законодательного совета была приостановлена на два часа в связи с заседанием Исполнительного совета. И я действительно верю, что на том Совете члены Законодательного совета, занимающие должности, были вынуждены под угрозой своего положения проголосовать за меры, против которых они неделю назад решительно выступали. Когда эти члены вернулись в тот день к своим законодательным обязанностям, голосование изменилось, и один из тех, кто отлучился под предлогом болезни, насколько мне известно, смог присутствовать ". Далее в показаниях мистера Диксона говорится, что примерно за десять минут до проведения голосования уважаемому было доставлено сообщение. Джеймс сообщил, что с ним желает поговорить майор Хильер. Майор Хильер был самым доверенным секретарем вице-губернатора и участвовал в бесчисленных мелких операциях, требовавших хладнокровия и такта. В ответ на это сообщение мистер Бэби покинул свое место в Доме и некоторое время не возвращался. Вернувшись после собеседования на свое обычное место, он, очевидно, был сильно смущен и взволнован. Когда с ним заговорил мистер Диксон, он не смог скрыть своего волнения, но сказал своему собеседнику, к великому удивлению этого джентльмена, что тот должен проголосовать за Законопроект. Когда пришло время, он, соответственно, проголосовал вместе с правительством, и законопроект был поддержан небольшим большинством голосов, а господа Диксон и Кларк решительно протестовали против него. "После принятия Законопроекта, - продолжает мистер Диксон, - уважаемый мистер Бэби, выйдя из Палаты представителей, положил руку на сердце и, ссылаясь на изменение своего поведения в связи с этим мероприятием, сказал кое-что о своих детях, выразив сожаление по поводу необходимости, которая вынудила его отказаться от выбранного курса".

Мистер Пауэлл, который в то время был спикером Законодательного совета, очевидно, подвергался аналогичному влиянию. Как и мистер Бэби, он яростно выступал против Законопроекта и даже зашел так далеко, что резко высказался о некоторых из тех, кто его продвигал. Но ему быстро дали понять свое место и срок, по которому он его занимал. В течение части из двух часов, когда работа Законодательного совета была приостановлена, он проводил секретное совещание с майором Хиллиером и одним или несколькими членами Исполнительного совета.[139] Когда он занял свое место после возобновления дневных дел, было заметно, что он, так же как и Бэби, испытывал неоправданное смущение и возбуждение. Не было никаких разумных сомнений в том, что они подверглись бесстыдному принуждению и были вынуждены выбирать между голосованием по приказу или увольнением со своих соответствующих должностей. Отвечая на вопрос мистера Диксона, Пауэлл признал, что изменил свое мнение, и добавил с кажущейся искренностью, что за последние десять минут он получил новый свет на этот вопрос. Подобная замена старой лампы на новую, несомненно, была делом рук какого-то злобного и чудовищного джинна из Совета директоров.

Следует отметить, что показания Диксона, касающиеся "чрезвычайного и ненадлежащего влияния со стороны местных властей", полностью подтверждаются показаниями уважаемого Дж. Томас Кларк, который также был членом Верхней палаты и присутствовал на вышеописанном процессе.

Не могло быть более убедительного доказательства неконституционности и коррумпированности правления во времена сэра Перегрин Мейтленда, чем только что описанные обстоятельства. Они читаются как глава из политической истории Англии за последнее столетие. Методы, используемые Уолполом, не представляют собой ничего более низкого или отталкивающего, чем эти. Его афоризм о том, что "каждый из них" имеет свою цену, вполне мог бы быть повторен сэром Перегрином, поскольку это касалось Законодательного совета, с добавлением, что цена в Верхней Канаде иногда была смехотворно низкой. Лица, виновные в этих грубых нарушениях конституции, не говоря уже об общепринятых принципах честности, непрестанно разглагольствовали о своей беззаветной преданности короне. И все же достаточно очевидно, что их верность всегда служила тому, что они считали своими личными интересами. В 1837 году это было так же очевидно, как и в 1828 году. Когда несколько лет спустя,^[140] возник кризис, в ходе которого они были вынуждены выбирать между этими интересами и своей преданностью Короне, стало еще более очевидным, что их верность была самой настоящей на словах. Поджог здания парламента в Монреале был таким же прямым актом государственной измены, как и происшествие на ферме Монтгомери.

1829.

В 1828 году состоялись всеобщие выборы, в ходе которых Исполнительная партия приложила огромные усилия, чтобы вернуть себе преобладающее влияние в Ассамблее. Они достаточно ясно понимали, что враждебно настроенное большинство в Нижней палате должно в конце концов оказаться для них фатальным. Они могли бы временно свести это к нулю, благодаря своему контролю над Законодательным советом и отсутствию министерской ответственности, но они не могли надеяться, что такой фарс будет продолжаться вечно. Это знание побудило их использовать все средства, которые только могла изобрести их изобретательность, чтобы обеспечить возвращение кандидатов, на которых можно было положиться в поддержке их политики. Их успех ни в коем случае не был пропорционален их усилиям. При возврате все в нем появилось что оппозиции скорее приобрели, чем потеряли, по конкурсу. Два стойких члена Соглашения потерпели поражение в тех районах, которые до этого считались безопасными для Тори, и большинство генерального прокурора Робинсона в городе Йорк значительно сократилось. Все наиболее выдающиеся реформаторы были возвращены, и при открытии сессии 8 января 1829 года Рольф, Бидвелл, Перри, Мэтьюз и доктор Болдуин заняли свои места на скамьях оппозиции. К их числу теперь добавился Уильям Лайон Маккензи, который был возвращен в графство Йорк. Его избрание стало неожиданностью для Правительственной партии и было объявлено ими вечным позором для интеллигентного и густонаселенного электората, который вернул его обратно. Он отвечал на подобные комплименты другими людьми подобного же характера и возвращал столько, сколько получал, если не с ростовщицеством, то, по крайней мере, с изрядными процентами.

Мистер Бидвелл был избран на пост спикера новой Ассамблеей, и по каждому контрольному вопросу правительство оставалось в безнадежном меньшинстве. Голосование по Ответному Обращению даст некоторый ключ к пониманию политического облика Палаты представителей. В нем говорилось, что советники вице-губернатора глубоко ранили чувства и нанесли ущерб высшим интересам страны; тем не менее, оно было поддержано только одним голосом против — Дж. Х. Самсона, одного из депутатов от Гастингса. Реформа, очевидно, набирала обороты по всей провинции; но, как и при предыдущем составе парламента, усилия большинства в Ассамблее мало что могли сделать для реформы при существующем состоянии конституции.

Вице-губернатор довольно двусмысленно отреагировал на Обращение Ассамблеи и укрепил свой союз с Договором, отказавшись удовлетворить ходатайство об освобождении Коллинза. Правительство терпело одно поражение за другим с упрямой угрюмостью, но с неослабевающим презрением к мысли, что последовательные поражения налагают на него какие-либо обязательства по отставке.

Сессия 1829 года была шумной и склочной. Едва Маккензи занял свое место, как начал ту систему расследований и агитации, которой с тех пор придерживался на протяжении всей своей карьеры члена парламента. Он возбудил расследование в отношении руководства провинциального почтового отделения, навел справки о привилегиях членов Ассамблеи и о поведении некоторых возвращающихся офицеров и вообще занимался важными деталями. Как законодатель он проявлял точно те же качества, что и как руководитель газеты — огромную энергию и бдительность, сопровождаемые критическим настроением и стремлением найти недостатки, а также почти полным отсутствием такта и осмотрительности. Он беспричинно и ненужно оскорблял тех, кто расходился с ним во мнениях, не только по важным политическим вопросам, но даже по сравнительно незначительным вопросам повседневной жизни. Его помощники обнаружили, что, независимо от искренности или неискренности его намерений, его суждениям доверять не следует. Его могло ввести в заблуждение любое *пламя судьбы*, излучавшее яркий свет, и он часто попадал в сербонские трясины, из которых выбирался не без серьезных трудностей. Некоторые мужчины обладают безошибочным инстинктом, который, даже при отсутствии спокойного суждения или зрелого размышления, обычно выводит их на правильный путь. Напротив, первые концепции Маккензи почти неизменно были ошибочными; и у него была порочная привычка часто цепляться за однажды сформированную идею, даже когда опыт и размышления доказывали ее несостоятельность.^[141] В другое время его мнения были столь же переменчивы, как окрас хамелеона. Короче говоря, он был импульсивным существом и слишком часто действовал в соответствии с девизом "Сначала стреляй, а потом расспрашивай". Возможно, это было скорее несчастьем, чем ошибкой, и при обычных обстоятельствах заслуживало бы легкомыслия со стороны историка. Но мистер Маккензи отождествляется с движением, которое занимает заметное и драматическое место в хрониках Верхней Канады, и, справедливости ради, становится крайне необходимым правильно оценить его личность. Это тем более важно, что он сам в разное время давал различные и противоречивые описания эпизода, с которым неразрывно связано его имя, и эти описания до сих пор были единственными источниками информации, на которые опирались так называемые историки. Все упоминания о восстании в Верхней Канаде, которые можно найти в современных исторических источниках, прямо или косвенно восходят к самому Маккензи, и все они построены на ложных гипотезах и извращенных представлениях о событиях. К Маккензи больше, чем к какому-либо другому человеку или ко всем другим людям, вместе взятым, следует отнести все наихудшие последствия, которые повлекло за собой это слабо спланированное и неудачное движение. Все факты указывают на вывод, что, если бы он удовлетворился тем, что играл роль терпеливого и подчиненного, должным образом ему принадлежащую, весь ход его последующей жизни мог бы сложиться гораздо более гладко, и он был бы избавлен от самых серьезных лишений, которым ему пришлось подвергнуться. Многие печали и страдания также были бы избавлены от других. Вред, который может быть нанесен в первобытном сообществе человеком, сочетающим благие намерения и огромную энергию с чрезмерным упрямством, ошибочными амбициями и извращенностью суждений, просто неисчислимы. Последующий ход

повествования полностью подтверждает эти размышления и указывает на мораль даже там, где нет намерения морализировать.

Помимо постоянных трений, которые поддерживались между Исполнительным органом и оппозицией, сессия 1829 года была лишена событий постоянного политического значения. Исполнительная власть была относительно независима от популярной ветви законодательной власти, поскольку сохраняла случайные доходы и территориальные поступления и могла обходиться без ежегодного голосования за поставки. Не менее двадцати одного законопроекта, принятого Ассамблеей, были отклонены Законодательным советом в ходе сессии. "Провинция, - говорит г-н Макмаллен,^[142] "представила неконституционное зрелище правительства, не требующего денег от Ассамблеи, и Законодательного совета, политический облик Которого совершенно отличается от популярной ветви законодательной власти. Теперь исполнительную власть нельзя было ограничить ежегодным голосованием за поставки. Она была полностью независима от народа ". И она самым решительным образом провозгласила свою независимость, включив в одно из посланий вице-губернатора прямой намек на то, что Ассамблее не будет предложено беспокоиться о путях и средствах.

Во время этой сессии произошли определенные эпизоды, которые заслуживают чего-то большего, чем мимолетное упоминание, не только как свидетельство нравов тех времен, но и потому, что они касаются личностей, достижениям которых было суждено занять много места в летописях нашей страны. Вице-губернатор, сэр Джон Колборн, незадолго до вступления в должность был выставлен в виде чучела на улицах Гамильтона. Некоторые тори, которые, как считалось, принимали участие в выставке, открыто утверждали, что ответственность за это несут реформаторы Гамильтона. В то же время утверждалось, что со стороны реформаторов существовал заговор с целью освобождения Фрэнсиса Коллинза из Йоркской тюрьмы силой оружия. Эти две истории исходили из общего источника, и поскольку они не имели под собой никаких оснований на самом деле, лидеры Реформ в Ассамблее сочли уместным провести расследование этого вопроса. По ходатайству мистера Джона Ролфа была назначена Комиссия по расследованию, уполномоченная посылать за людьми и документами. Было известно, что Аллан Нейпир Макнаб, который в то время был бедным молодым юристом в Гамильтоне, мог предоставить определенную важную информацию об этом деле, и его вызвали предстать перед Комитетом на второй неделе февраля. Он подчинился вызову, поскольку это касалось явки, но отказался отвечать на некоторые заданные ему вопросы и вел себя с большой наглостью и отсутствием осмотрительности. Будучи вновь вызван в Комитет для ответа за свое поведение, он зачитал письменную защиту, которая была подготовлена для него и которая скорее усугубила его преступление, чем что-либо другое. Соответственно, по ходатайству доктора Болдуина, поддержанного Джорджем Рольфом, будущий баронет был отправлен в Йоркскую тюрьму по ордеру Спикера на время заседания Палаты представителей. Пробыв под стражей около десяти дней, мистер Макнаб направил в Палату представителей письмо, в котором очень похоже на повторение его прежнего неуважения, но которое Ассамблея, похоже, восприняла очень мягко, поскольку 3 марта было внесено ходатайство о его освобождении, и он был отпущен на свободу.

Этот короткий срок тюремного заключения, который в общей сложности длился менее двух недель, стал поворотным моментом в карьере безрассудного молодого юриста. До этого времени он был никем и не имел видимой перспективы когда-либо достичь какой-либо значимости. Но с этого времени официальная партия рассматривала его как мученика,

пострадавшего за правое дело. Они пировали, превозносили его и делали все возможное, чтобы приумножить его состояние. На выборах, которые состоялись в следующем году, его вернули в качестве одного из представителей графства Вентворт в Ассамблее, где, хотя ему и не хватало достаточного балласта, чтобы проявить что-либо похожее на государственную мудрость, он наделал немало шума, и эрелонг стал заметной личностью. Он был многословен и произносил многословные речи, суть которых никогда не поднималась выше самой банальности, но поскольку они всегда были наполнены подчеркнуто высоким торизмом, официальная партия им аплодировала. В конце концов, как известно каждому канадцу, он добился высоких отличий и выдающегося положения, и у него было множество причин благословлять дисциплину, которую он получил от Парламентского комитета. Если бы не эта дисциплина, он мог бы жить и умереть безвестным сельским юристом. Этой дисциплине он был обязан всеми почестями, которые впоследствии обрушились на него. С его помощью он последовательно стал членом Верхней части канадского парламента, спикером Ассамблеи, главнокомандующим сухопутными войсками Верхней части Канады во время Восстания, рыцарем, советником королевы, членом Объединенного парламента Канады, лидером партии тори в законодательном органе Канады, премьер-министром, президентом Совета и министром сельского хозяйства, баронетом, почетным полковником британской армии, адъютантом королевы, спикером Законодательного совета. Он также стал тестем пэра королевства и умер сэра Аллана Макнаба из Дандерна. Некоторые отрывки из его жизни станут предметом дальнейшего рассмотрения. Между тем будет достаточно отметить, что каждое последующее звено в длинной цепи его триумфов можно отчетливо проследить до его предполагаемой мученической смерти от рук реформистского большинства в Верхней Канадской ассамблее в 1829 году.

Другим упомянутым лицом, представшим перед Комитетом Ассамблеи по тому же расследованию, был достопочтенный Х. Дж. Боултон, генеральный солиситор. Он проявил ту же сдержанность, что и молодой Макнаб, и отказался отвечать на некоторые вопросы, заданные ему Председателем. Вскоре ему объяснили, что высокое положение, которое он занимал, подкрепленное поддержкой партии власти, не могло защитить его от последствий его отказа. По ходатайству доктора Болдуина было принято решение о том, что генеральный солиситор виновен в высоком неуважении к суду и нарушении привилегий Палаты представителей. Его поместили в бар, где он проявил больше чувства приличия, чем его предшественник. У него не было ни малейшего желания носить мученический венец, и он делал все возможное, чтобы очиститься от своего презрения. Он заявил, что у него не было намерений проявить неуважение к Комитету или каким-либо образом нарушить привилегии Ассамблеи, и в заключение сказал, что готов ответить, если того пожелает Палата представителей. Палата действовала великодушно, не желая унижать избитого человека дальше, чем это было необходимо для надлежащего отстаивания его собственного авторитета. Джон Ролф, поддержанный доктором Эмброузом Блэклоком, одним из членов парламента Стормонта, внес предложение о том, чтобы Спикер сделал замечание генеральному солиситору и уволил его с выплатой гонорара сержанту по вооружению. Ходатайство было удовлетворено, и виновному оставалось только подчиниться мягкой дисциплине, к которой он был приговорен.

Но были основания полагать, что эта дисциплина станет тяжелым испытанием для генерального солиситора. Оратор, которому предстояло произнести это предостережение, не был заурядным куском глины, приученным к устоявшейся фразе о должности, каким был предыдущий обитатель. Он был не меньшей личностью, чем Маршалл Спринг Бидвелл, который, возможно,

за единственным исключением Джона Ролфа, был самым красноречивым и влиятельным оратором в Провинции. Охваченный праведным гневом, он был способен обрушить на человека жгучий упрек, и если человек когда-либо был прав, ставя своего противника в невыгодное положение, то в данном случае можно было найти достаточно оснований. У мистера Бидвелла были причины ненавидеть само имя Боултон, и вполне можно было ожидать, что он воспользуется такой возможностью, чтобы вонзить раскаленное железо в душу своего врага. Между Бидуэллами и Боултонами существовала давняя вражда. Бидуэллы понесли серьезную обиду от Боултонов, и Боултоны ненавидели Бидуэллов той ненавистью, которую маленькие натуры всегда испытывают к натурам более высоким, которым они причинили зло. Это был некий Боултон, которого отправили в Массачусетс в 1821 году для сбора доказательств предполагаемого неправомерного поведения старшего Бидвелла.^[143] Это был тот самый Генри Джон Боултон, который вместе со своим другом, генеральным прокурором, оскорблял и очернял старшего Бидвелла во время избирательной кампании 1821 года и впоследствии. Именно он приложил все те небольшие силы, которые были в нем, чтобы помочь своей партии добиться исключения старшего Бидвелла из Собрания.^[144] Он сделал все возможное, и успешно, чтобы побудить членов парламента проголосовать за закон, который навсегда закрыл двери Высшего законодательного органа Канады для бывшего члена Конгресса.^[145] Он выступал против возвращения младшего Бидвелла в Ассамблею, и совсем недавно, хотя он тогда еще не был членом Палаты представителей, он сделал все возможное, чтобы не допустить его к креслу спикера, оказав влияние на членов в пользу Джона Уилсона. Он не упускал возможности нанести личное оскорбление мистеру Бидвеллу, способностям которого он завидовал и чей характер был совершенно неспособен оценить. Таким образом, будет видно, что все сопутствующие обстоятельства в совокупности заставили мистера Бидвелла ненавидеть и презирать своего противника. Если он этого не делал, объяснение следовало искать в его собственном мягком характере, а не в уроках унижения, которые Боултоны пытались преподать ему.

Это была незабываемая сцена, когда 20 февраля генеральный солиситор встал, чтобы выслушать наставление, которое ему было вынесено. Его била дрожь, потому что он сознавал невыгодность своего положения и боялся силы языка Говорившего. Его друзья также испытывали большое беспокойство за него, поскольку знали, как мало внимания он заслуживал со стороны человека, который теперь держал его в своей власти. На несколько мгновений воцарилось торжественное молчание. Затем послышался голос Оратора; сначала низкий, но неуклонно повышающийся до ясных и впечатляющих тонов, заставлявших каждое слово глубоко проникать в сердца слушателей. И сами слова: как они отличались от того, что ожидал увидеть ожидающий персонаж в баре! В них не было ни намека на злобу или месть. Ничего, кроме спокойного достоинства и снисходительности. Ни один простой зритель не смог бы сказать, был ли преступник личным другом или врагом Говорившего. Голос был полон чувства, но совершенно лишен страсти или недоброжелательности. Власть парламента была полностью восстановлена, однако преступник избежал какого-либо ненужного ущемления своей гордости. "Каждый член общества, - продолжал мистер Бидвелл, - должен с готовностью и искренним уважением относиться к Палате собрания, которая представляет народ провинции, которой конституция наделила важные привилегии на благо своих избирателей и которая подчиняется им во всем, что они делают. Но этого в определенной степени можно было ожидать от вас, в чьи обязанности входит добиваться подчинения законам и уважения к институтам страны". Тут мистер Боултон склонил голову, как бы в неом согласии. Затем ему сообщили, что Палата

представителей не может допустить, чтобы это формальное и беспричинное отрицание ее полномочий осталось незамеченным. "Важно, - продолжил Спикер, - чтобы в ходе судебного разбирательства против вас было вынесено предупреждение, прежде чем другие под влиянием ваших чувств и поведения решатся оспорить авторитет, который Палата обязана отстаивать. Необходимо, чтобы дело зашло так далеко; но мне доставляет большое удовлетворение отметить, что его долг не обязывает и его склонность не побуждает его в вашем случае идти дальше, чем требуется для достижения этой цели; и, обнаружив из вашего ответа, что теперь вы склонны относиться к его привилегиям со справедливым и подобающим уважением и оставить свое частное мнение на усмотрение того органа, конституционным правом которого является принятие решений относительно его собственных привилегий, он готов уволить вас без какого-либо иного наказания, кроме этого предостережения от его Спикера. Такая умеренность является доказательством того, что эти привилегии надежно закреплены конституцией в ее руках и что они никогда не будут использоваться бессмысленно или деспотически. По приказу и от имени Палаты Представителей я обращаюсь к вам с таким предупреждением и приказываю, чтобы сержант по вооружению немедленно освободил вас из-под стражи. Соответственно, он был уволен и покинул дом, глубоко тронутый великодушием человека, которому он так тяжело причинил боль. Один из тех, кто, по-видимому, наблюдал за ним, когда он уходил, записал, что гребень Боултона никогда не висел так низко, как в этот час.^[146] Ничто не могло бы более ясно доказать величие души мистера Бидвелла, чем этот эпизод; ничто не могло бы более эффективно проиллюстрировать его способность превзойти все чисто личные соображения, когда ему доверяют выполнение общественного долга. Лондонская *Times* опубликовала полный отчет о его предостережении, назвав его лучшей статьей подобного рода за всю историю.

Следующим летом произошло событие, которое вывело генерального прокурора Робинсона из атмосферы Ассамблеи и стало косвенным способом приобщения Роберта Болдуина к общественной жизни. Это было назначение мистера Робинсона на место верховного судьи Верхней Канады. Должность только что освободилась в связи с уходом на пенсию главного судьи Кэмпбелла, который был удостоен рыцарского звания за время своего отсутствия в Англии. Таким образом, мистер Робинсон получил награду, которой он давно желал и которую заслужила его преданность сменявшим друг друга вице-губернаторам. Были некоторые сомнения относительно строгой законности его перехода непосредственно из должности генерального прокурора в должность Верховного судьи. Чтобы развеять сомнения, он согласился на должность регистратора графства Кент, с которой ушел в отставку, проработав на ней несколько дней. Его назначение на должность Верховного судьи было произведено 13 июля, но из-за задержки, вызванной его принятием низшей должности, оно было подтверждено и перенесено на 3 августа следующего года. Затем он занял свое место на скамье подсудимых, и ему было суждено оставаться там более тридцати трех лет. На посту Верховного судьи он сменил председателя Исполнительного совета, и на открытии сессии в начале 1830 года он был назначен спикером Верхней палаты. Таким образом, его отстранение от Ассамблеи не устранило его с политической арены, и в течение многих лет после этого он продолжал совместно со своим другом и бывшим наставником доктором Стрейкеном направлять политику правительства так же полно, как он делал это несколько лет назад. Его сменил на посту генерального прокурора Генри Джон Боултон. Временная цель, ради которой мистер Хагерман был назначен судьей вместо мистера судьи Уиллиса, была полностью достигнута, теперь этот джентльмен сбросил свою официальную мантию и сменил своего друга Боултона на посту генерального солиситора.

Назначение мистера Робинсона на скамейку запасных оставило вакансию в представительстве города Йорка. Эту вакансию успешно стремился заполнить молодой Роберт Болдуин. На последних всеобщих выборах вместе с Дж. Э. Смоллом он безуспешно боролся за округ Йорк с У. Л. Маккензи и Джесси Кетчумом. Теперь в городе ему противостоял тот же самый человек, который совсем недавно был его помощником в графстве. Мистер Смолл потерпел поражение, но по его просьбе отзыв был признан недействительным, поскольку распоряжение о выборах было непреднамеренно выдано вице-губернатором, а не спикером Собрания, как, строго говоря, и должно было быть. Был выдан новый судебный приказ, и мистер Болдуин снова оспорил это место, теперь его оппонентом был шериф округа Уильям Ботсфорд Джарвис. Шериф, естественно, имел много преимуществ в таком соревновании, но он потерпел поражение значительным большинством голосов, и на открытии сессии в январе следующего года Роберт Болдуин, которому тогда шел двадцать шестой год, впервые занял свое место в парламенте. Однако во время сеанса он не выделялся какой-либо заметной фигурой. Он уже полностью усвоил идею о том, что ответственный руководитель - большая нужда высших государственных органов Канады, и сравнительно мало интересовался второстепенными вопросами того времени. Он не видел никакой благой цели в том, чтобы последовательно фиксировать большинство голосов против правительства, пока члены этого правительства могут сохранять свои должности вместе с поддержкой вице-губернатора, несмотря на любое голосование, которое Ассамблея, возможно, сочтет нужным зафиксировать. Он не произносил никаких примечательных речей и, казалось, был скорее склонен оставаться на заднем плане. Так случилось, что у него снова не было возможности добиться почестей в Законодательном органе в течение многих лет, поскольку в результате смерти короля парламент был распущен до того, как пришло время для проведения очередной сессии, и Роберт Болдуин был одним из многих кандидатов-реформаторов, которые потерпели поражение на последовавших всеобщих выборах.

В связи с сессией 1830 года есть несколько фактов, достойных упоминания. В Тронной речи вице-губернатор смог объявить, что доходы, находящиеся в распоряжении короны, признаны достаточными для удовлетворения требований гражданского реестра и что в казне провинции все еще остается значительный профицит. Ответное обращение Ассамблеи еще раз привлекло внимание его превосходительства к недостатку доверия к советникам, которыми он был окружен. "Мы по-прежнему испытываем неослабевающую озабоченность по поводу отправления общественного правосудия, - говорилось в нем, - и твердо убеждены, что сохранение при вашем превосходительстве тех советников, которые из-за проводимой ими неудачной политики давно заслуженно потеряли доверие страны, крайне нецелесообразно и серьезно рассчитано на то, чтобы ослабить ожидания народа от беспристрастного и бескорыстного правосудия правительства Его Величества". Ответ на это заявление, вероятно, является самым кратким официальным обращением подобного рода за всю историю. Без официального вступления оно содержало ровно шесть коротких слов: "Я благодарю вас за ваше выступление". Количество законопроектов, принятых Ассамблеей и отклоненных Верхней палатой в ходе сессии, составило двадцать семь. В дополнение к ним было несколько законопроектов, которые были разработаны Ассамблеей, но впоследствии были отклонены этой Палатой из-за поправок, внесенных в них Законодательным советом.^[147]

СНОСКИ:

[130] Не считалось желательным загромождать текст сносками, за исключением тех случаев, когда они казались необходимыми в целях пояснения; но по каждому действительно важному вопросу, где читатель со средней информацией и интеллектом, как можно обоснованно предположить, сомневается в источнике повествования, были предприняты меры для указания авторитета.

[131] *Ante*, стр. 48.

[132] *Ante*, стр. 140.

[133] См. *Седьмой отчет Комитета по рассмотрению жалоб*, стр. xxxvii. Упомянутый школьный закон был 4-м Законом Георга IV. глава 8, принятым 19 января 1824 года. Джон Генри Данн, генеральный распорядитель провинции, похоже, также протестовал против этой меры и под давлением согласился на удаление своего протеста. Смотрите свидетельство почтенного. Уильям Диксон и почтенный. Томас Кларк, упомянутый в следующем абзаце текста.

[134] Королевское согласие на этот акт было обнародовано прокламацией, датированной 4 апреля 1825 года.

[135] *Ante*, стр. 14.

[136] Смотрите *Отчет о петициях против закона об оценке диких земель*, в Приложении к *Журналам Собрания* за 1828 год, стр. 107 и далее.

[137] Смотрите *"Раскол в законодательном совете"*, Ф.К. [Фрэнсис Коллинз], стр. 7.

[138] *Ib.*, стр. 8.

[139] *Раскол в Законодательном совете*, *ubi* выше, стр. 10.

[140] В 1849 году.

[141] Таково, насколько я смог узнать, было убеждение всех современников Маккензи, даже наиболее благосклонно настроенных, включая тех, кто состоял с ним в самых близких отношениях и был связан с ним тесными узами. Один из выдающихся из них в разговоре со мной незадолго до этого заметил: "Маккензи обычно желал как можно больше, но он был непрактичен и неуправляем. Я близко знал его с детства и вынужден сказать, что всякий раз, когда он был хоть немного взволнован, он вел себя как избалованный ребенок. Он не претерпел никаких изменений в этом отношении и был таким же в юности, возмужании и старости. Я с трудом могу представить себе более неподходящего человека, которому можно было бы доверить управление каким-либо крупным предприятием или контроль над своими ближними". У меня есть множество письменных свидетельств на тот же счет.

[142] *История Канады*, стр. 370.

[143] *Ante*, стр. 100.

[144] *Ante*, стр. 101.

[145] *Ib.*

[146] *Возмущение Гамильтона*, "Виндекс", стр. 9. Йорк, 1829.

[147] Названия этих мер см. В *Седьмом отчете Комитета по рассмотрению жалоб*, стр. 266, 267.

ГЛАВА XI.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ПРИВИЛЕГИЯ.

Наверх

За несколько лет до этого в политике высших слоев Канады происходили тихие и почти незаметные перемены. На одной стороне были старые Высокопоставленные тори, или партия Семейного согласия, которые упивались служебными трофеями и держали представителя Величества в своих руках. Политика этого органа была неизменной. Партия реформ, хотя и просуществовала не более шести лет, уже начала проявлять симптомы отсутствия сплоченности. Люди умеренных взглядов, такие как Ролфы, Болдуины и Бидуэллы, составляли добрых две трети от общего числа. Ультрарадикалы, состоящие по большей части из неграмотных фермеров и недавно прибывших иммигрантов, начали проявлять признаки желания сплотиться под знаменем Маккензи, который, благодаря объединенному влиянию своей газеты и своему избранию в парламент, в последнее время привлек внимание общественности. Однако за последние несколько лет выросла большая и умная группа избирателей, которые, хотя и исповедовали консервативные принципы, испытывали отвращение к алчному, своекорыстному Соглашению, к практике которого они относились с крайним презрением. К политикам типа Маккензи они относились с еще большим отвращением, к которому добавлялась большая толика презрения. С другой стороны, с умеренными реформаторами у них было много общего. Многие из них одобряли доктрину ответственного правления, и почти все они желали положить конец господству компактов. На последних всеобщих выборах их голоса сильно разделились. Но теперь они были склонны держаться в стороне от реформаторов из-за того, что последние номинально принадлежали к той же партии, что и радикалы Маккензи, которые появились лишь недавно. Считается, что проявление некоторой дипломатичности и взаимной снисходительности в то время могло бы привести к тому союзу между этими двумя классами людей, который фактически был достигнут примерно четверть века спустя. Такой союз сделал бы объединенную партию всемогущей. Это отменило бы Соглашение вместе с давними злоупотреблениями, которые выросли при их правлении, и объединенная партия спокойно взяла бы бразды правления в свои руки с

подавляющим большинством за спиной. Таким образом, не было бы *смысла существования* радикального элемента, который обязательно был бы поглощен или, по крайней мере, перестал бы быть важным фактором политической жизни.

Однако этому не суждено было сбыться. Ни одна из заинтересованных в первую очередь сторон не делала никаких авансов другой, и каждой было предоставлено проводить свою собственную линию политики. Как следствие, умеренные консерваторы отныне голосовали как один человек. Они видели, что радикальный элемент приобретает такое значение, которое, по их мнению, таило в себе гораздо большую опасность для содружества, чем могло возникнуть в результате дальнейшего влияния Договора. Они оказали официальной партии квалифицированную поддержку просто потому, что считали ее меньшим из двух зол, и их голоса на всеобщих выборах 1830 года привели к возвращению значительного большинства кандидатов, пользующихся поддержкой официального органа.

Реформаторы больше не могли надеяться добиться справедливости даже в Ассамблее, где они оказывали преобладающее влияние в течение последних двух парламентов. Пока они контролировали Нижнюю палату, они обладали тенью власти без реальности. Даже тень была лучше, чем ничего; но отныне этой тени они были лишены. Они потерпели не только численное поражение. Некоторые из их наиболее доверенных лидеров потерпели поражение на выборах и больше не могли возвысить свой голос в парламенте. О поражении Роберта Болдуина в Йорке уже упоминалось.^[148] Его отца постигла похожая участь в Норфолке. В Миддлсексе Джона Ролфа и капитана Мэтьюза сменил полковник Махлон Барвелл и еще один сторонник Соглашения. Леннокс и Аддингтон снова вернули Бидвелла и Перри, но из-за изменившегося состава Палаты представителей не было возможности переизбрания первого на пост спикера. Среди других триумфов, одержанных официальной стороной, было возвращение генерального солиситора Кристофера А. Хагермана в Кингстон; генерального прокурора Х. Дж. Боултона в Ниагару; Уильяма Б. Робинсона (брата Главного судьи) в Симко и Аллана Н. Макнаба в Вентворт. Йорк по-прежнему оставался верен Маккензи, и, как мы сейчас увидим, его присутствию в Палате представителей, состоящей в основном из политических противников, было суждено привести к серьезным осложнениям. После собрания Законодательного собрания в начале следующего года Арчибальд

1831.

Маклин, официальный кандидат на пост спикера, был избран большинством в двенадцать голосов. Ни один приверженец официальной партии не мог быть более приемлемым для реформаторов, чем мистер Маклин, который был джентльменом высокого положения в адвокатуре и лично пользовался большой популярностью. Он баллотировался от графства Стормонт, которое представлял много лет, и в течение всего этого периода поддерживал личные дружеские отношения с представителями Оппозиции. Чувствовалась большая уверенность в его личной честности и в его искреннем стремлении к благополучию страны. У него были особые претензии к рассмотрению, поскольку он был канадцем по происхождению и сражался и пролил кровь, защищая свою родину во время войны 1812 года. Тем не менее, он олицетворял политические принципы, с которыми члены-реформаторы были явно вынуждены бороться, и сам факт его избрания на пост спикера большинством в двенадцать голосов в Палате представителей, насчитывавшей менее пятидесяти членов, сам по себе был достаточным свидетельством того, что эти принципы в то время безошибочно преобладали в

Верхней Канаде. Работа Палаты представителей в ходе сессии послужила подходящим и убедительным комментарием к этому факту.

Сессия 1831 года запомнилась главным образом двумя вещами: принятием Закона о бессрочной заработной плате, как его называли те, кто выступал против него; и началом агитации, целью которой было исключение мистера Маккензи из Законодательного собрания.

Счет за зарплату был просто мерой, предоставляющей правительству провинции постоянный Гражданский список в обмен на передачу короной контроля над имперскими обязанностями. Он был введен в соответствии с предложением короля, но провинциальная исполнительная власть скрыла определенные факты, связанные с ним, о которых Оппозиция узнала лишь некоторое время спустя.^[149]

Этим законопроектом было предусмотрено повышение заработной платы вице-губернатора, трех судей Суда королевской скамьи, генерального прокурора, генерального солиситора, пяти членов исполнительного совета и секретаря Исполнительного совета. Реформаторы выступили категорически против этой меры, которую они расценили как еще один удар по конституционным правам Собрания. Это, конечно, привело к тому, что Исполнительная власть стала более независимой от Ассамблеи и более безразличной к ее оппозиции, чем когда-либо. Хагерман и Боултон, которым таким образом было выделено официальное жалованье, выделялись среди всех других лиц в Палате представителей тем, что защищали эту меру и запугивали тех, кто осмеливался поднимать свой голос против нее. Члены "Реформы" сочли, что назначение генерального прокурора Боултона было особенно тяжелым испытанием. Его предшественник, мистер Робинсон, был достаточно несносным кокеткой, но его способности вызвали к нему уважение, и он редко пытался разыгрывать из себя хулигана. В тех случаях, когда на карту не были поставлены важные партийные интересы, он, как правило, прислушивался к доводам разума и не делал ничего такого, чтобы без необходимости обострять чувства тех, кто с ним не соглашался. Теперь воцарился другой порядок вещей. Боултон был просто невыносим. Его способности едва ли позволяли ему выполнять свои официальные функции, и то, чего ему не хватало в способностях, он восполнял бахвальством. У него был отвратительный характер и надменные, властные манеры. Он постоянно совершал грубые ошибки, которые отказывался признавать, и он рычал и выпутывался из одной ситуации за другой таким образом, что вызывал отвращение даже у тех, с кем он действовал. Во время обсуждения законопроекта о зарплате он кричал и бредил до хрипоты, осуждая то, что он называл "фракционной наглостью" оппозиции. О своей собственной фракционной наглости он, кажется, совершенно не подозревал. Законопроект был принят, но ему не суждено было долго пользоваться положением, предусмотренным для генерального прокурора.

Преследование Маккензи было делом более важным, чем счет за зарплату, и ему было суждено привести к результатам, совершенно неожиданным для тех, кто его инициировал. Прошло не так много дней с начала заседания, когда мистер Маккензи снова начал проявлять себя в Оппозиции. Он внес резолюцию, отрицающую полномочия Исполнительной власти предписывать Собранию религиозные обряды и подтверждающую право последнего органа назначать своего собственного капеллана. Он произнес убедительную, но раздражающую речь в поддержку своего предложения, которое при голосовании в Палате представителей не было представлено. Затем он предложил попросить священнослужителей различных конфессий, проживающих в Йорке, произносить молитвы в Палате представителей во время сессии. Это

предложение также не увенчалось успехом. Во время дебатов Ассамблее был представлен характерный образец ораторского искусства генерального прокурора Боултона. Он заклеил предположение о том, что Палата представителей имеет право назначать своего собственного капеллана, как одно целое с предположением наемного убийцы о том, что он имеет право застрелить человека на улице — право на грубую силу. Эту бессмысленную тираду он выкрикнул в качестве предисловия к речи, задуманной как защита права правительства в вопросе о капелланстве. Странно, что Палата представителей выслушала подобную чушь не только с терпением, но даже с видимой покорностью. Генеральный солиситор Хагерман говорил в том же тоне, но с меньшей раздражительностью. Он предупредил Палату представителей, что правительство слишком сильно для них; что вице-губернатор испытывает сильные чувства по этому поводу и что, если они будут упорствовать в противодействии его желаниям, возникнет неразбериха, и их действиям будет положен конец.

Но Маккензи не следовало расстраиваться из-за отсутствия успеха в его усилиях по популяризации религиозного церемониала Собрания. Затем он обратился с просьбой провести расследование состояния представительства. Такоерасследование было срочно необходимо, поскольку Палата была полна почтальонов, регистраторов графств, инспекторов по выдаче лицензий и других должностных лиц, занимавших должности по воле исполнительной власти, и от которых, следовательно, нельзя было ожидать, что они будут честными выразителями общественного мнения в своих соответствующих избирательных округах. Маккензи в ходе энергичной речи представил такой массив фактов, что была назначена комиссия по расследованию. За этим успехом последовало ходатайство о проведении расследования в отношении определенных пенсий, сборов и окладов. Затем он начал крестовый поход против руководства Банка Верхней Канады, солиситором которого был генеральный прокурор Боултон. Каждое из этих ходатайств давало возможность для подстрекательских выступлений, в ходе которых к правительству и его официальным фаворитам относились без особого внимания. Генеральный прокурор несколько раз впадал в состояние почти безумной ярости, а в одном случае, казалось, был готов броситься через зал и лично напасть на мистера Маккензи. "Маленький человечек из Йорка", как его называли, всегда смело отстаивал свои мнения и скорее напрашивался на такую атаку, чем на что-либо другое. Нельзя отрицать, что у него было много серьезных недостатков, но, безусловно, трусость не входила в их число. Нельзя было найти более надежного средства усилить его сопротивление, чем попытка свергнуть его сильной рукой. Он продолжал вносить предложение за предложением и речь за речью, и еще до того, как сессия закончилась наполовину, ему удалось вызвать у правительства такое раздражение, какого оно никогда прежде не знало. И все это время партия, к которой он принадлежал, находилась в незначительном меньшинстве в Собрании. Чего же тогда следовало ожидать, когда случайности и изменения времени снова приведут эту партию к восхождению там?

В прежние времена официальная партия могла избавиться от надоедливого оппонента под любым незначительным предлогом. Почему не сейчас, когда Ассамблея была почти такой же послушной, как Верхняя палата, и когда некоторые из наиболее способных членов партии реформ перестали заниматься государственными делами? Конечно, никогда еще не было времени, когда подавление требовалось более настоятельно, ибо разве этот человек Маккензи не изрекал нечто очень похожее на демократию прямо им в лицо? Разве он не произнес несколько речей в Палате представителей, которые пробудили дух любопытства? Если бы ему

позволили продолжать, разве не было неизбежно, что некоторые из его осиных укусов возымели бы серьезный эффект?

Судебные преследования за клевету стали непопулярными. Дело Фрэнсиса Коллинза вызвало такой шум, что дальнейшие эксперименты в этом направлении сочли неразумными. В апреле 1828 года — примерно в то же время, когда были приняты меры против Коллинза, — против Маккензи фактически было выдвинуто обвинение в клевете за статью, опубликованную в "Адвокате", в которой адвокаты короны и другие сторонники правительства упоминались в оскорбительных выражениях и в которой выражалась надежда, что избирательные округа, вернувшие некоторых членов тори в парламент, очистят Ассамблею от "всего этого зловещего гнезда нечистых птиц".^[150] Но генеральный прокурор, после того, как в течение многих месяцев обвинение висело над головой обвиняемого, счел нужным отказаться от него. "Таймс", по сути, перестала благоприятствовать судебным преследованиям за клевету, и необходимо было найти какой-то другой выход из создавшегося положения. План, который на самом деле был придуман, чтобы избавиться от оппозиции Маккензи в Ассамблее, был достоин умов, замышлявших погубить капитана Мэтьюза, судью Уиллиса и Фрэнсиса Коллинза. Маккензи, у которого был контракт на печатание журналов Палаты представителей и который обычно имел под рукой несколько экземпляров этих журналов, распространил сто шестьдесят восемь из них по некоторым избирательным округам незадолго до последних всеобщих выборов. Это было сделано за его собственный счет и в интересах кандидатов-реформаторов, поскольку он считал, что невозможно разработать более эффективный предвыборный документ, чем правдивый отчет о работе Палаты представителей. Но, строго говоря, согласно парламентскому законодательству, он был виновен в нарушении привилегий, поскольку никто не имел права публиковать отчеты о работе Палат без разрешения. Существование такого правила, возможно, полезно, поскольку существуют возможные случаи, в которых было бы нецелесообразно разрешать такую публикацию. Но, как всем известно, парламент давно привык закрывать глаза на постоянные нарушения этого правила. Газетам всего мира разрешалось и даже поощрялось нарушать его. Некоторые ведущие органы общественногoмнения в разных частях мира заработали свою репутацию главным образом благодаря полноте и точности своих отчетов о парламентских заседаниях. Ничто не может быть более определенным, чем то, что в то время не было бы и речи о введении в действие устаревшего правила, если бы не тот факт, что оно, казалось, давало предлог для наказания человека, которого Правительственная партия хотела уничтожить. Попытка привести его в исполнение не увенчалась успехом. Ходатайство с этой целью было внесено Алланом Макнабом и сводилось к тому, что Маккензи злоупотребил доверием, оказанным ему как печатнику журналов, распространяя их фрагменты в политических целях и среди лиц, не имеющих права на их копии, тем самым нарушая привилегии Палаты представителей. Младший член партии "Вентворт" с огромной горячностью выступил в поддержку его предложения. Судя по его словам, его душа была взволнована до самых глубин этим прискорбным нарушением парламентских привилегий, которое он охарактеризовал как разновидность государственной измены. Хагерман и Боултон последовали его примеру в том же духе, причем последний становился почти патетичным в своих выражениях преданности британской конституции. Но их усилия были безрезультатны. Палату представителей, какой бы услужливой она ни была, не следовало принуждать к поддержке ходатайства, которое, в случае его принятия, почти наверняка было бы превращено в основу нападения на лиц, благосклонных к Администрации. Большинство членов предвидели, что, если Маккензи будет наказан под таким предлогом, его коллеги по Ассамблее не преминут

принять меры против издателей различных газет по всей стране, которые имели постоянную привычку сообщать о работе парламента без разрешения. Только пятнадцать членов проголосовали за предложение Макнаба, в то время как двадцать зарегистрировали свои голоса против него, и среди последних были несколько самых грозных тори в Палате представителей. Организаторы нападения поняли, что совершили ложный шаг, и отвели свои силы для нового штурма в другом квартале.

Возможность для новой атаки представилась только в следующем матче. Тем временем Маккензи занялся тем, что обратил свою дурную славу во внимание и разработал свою политику агитации. Он решил составить серию петиций королю и имперскому парламенту, привлекая внимание к различным жалобам, которыми были обременены жители провинции, и молясь о возмещении ущерба. Летом он реализовал свой проект, организовав серию публичных собраний в некоторых из самых густонаселенных городов провинции, на каждом из которых была принята петиция, которую многие подписали. Говорят, что общее количество полученных подписей превысило 24 500. Успех агитатора побудил его упорствовать в избранном им курсе, и когда парламент вновь собрался в ноябре, он был созрел и готов к драке, которая, несомненно, последует. Нападение на него теперь приняло форму обвинения в грубой, скандальной и злонамеренной клевете, направленной и рассчитанной на то, чтобы вызвать презрение к Палате представителей и правительству провинции и возбудить беспочвенные подозрения и недоверие в умах жителей, тем самым представляя собой нарушение привилегий. Оспариваемый вопрос был отражен в двух статьях, опубликованных в "*Адвокате*" после открытия сессии, и Маккензи признал как публикацию, так и авторство. Одна из статей содержала резкую критику того, как Палата представителей отнеслась к петиции некоторых жителей Вогана. Другая была вполне заслуженной тирадой в адрес местной исполнительной власти, которая резко контрастировала с тирадой в братской провинции. Ни одна из них не была грубо оскорбительной или даже несправедливой. Они действительно были исключительно благоприятными образцами журналистского стиля Маккензи и были несравненно мягче статей, которые постоянно можно увидеть в современных канадских партийных журналах.

Оказавшись призванным к своей защите, Маккензи обратился к Палате представителей с более чем присущей ему способностью. Он разоблачил надуманность выдвинутых против него обвинений и грубую пристрастность судебного разбирательства. Но Палата представителей искала не справедливости, а жертвы, и ни красноречие Демосфена, ни сила рассуждения Паскаля ничего не смогли бы противопоставить этому враждебно настроенному большинству. Генеральный прокурор Боултон в ходе обсуждения разразился шквалом характерных оскорблений в адрес обвиняемого, которого он назвал рептилией. На генерального солиситора Хагермана всегда можно было положиться как на хорошего помощника в подобных чрезвычайных ситуациях, и вслед за этим он назвал мистера Маккензи собакой-спаниелем. Палата представителей, казалось, приняла эти избранные парламентские эпитеты с одобрением. Они поступили из официального источника, а так легко быть сильным перед более сильной стороной. У искалеченного и истекающего кровью *under dog* было мало шансов в борьбе с этой толпой продажных и безжалостных подхалимов, некоторые из которых клеветали на покойную Ассамблею в выражениях, втрое более грубых, чем те, что использовались в рассматриваемых статьях. Аргумент *tu quoque*, как правило, неприемлем в судебных расследованиях, но, несомненно, ему можно было бы придать некоторый вес судьям, которые также были присяжными заседателями, в данном случае. Ни этот, ни какой-либо другой

аргумент, по-видимому, всерьез не рассматривался. Были соблюдены обычные формы, чтобы сохранить некоторую видимость общепринятых приличий, но вердикт о виновности был совершенно определенным и не зависящим от случайностей с момента предъявления обвинения. Двадцатью семью голосами против пятнадцати было решено, что Маккензи виновен в инкриминируемой ему клевете. Двадцатью шестью голосами против четырнадцати было решено, что он виновен в грубом нарушении привилегий Палаты представителей. И двадцатью четырьмя голосами против пятнадцати было решено исключить его оттуда.

Характеризовать эти процессы как серию позорных злоупотреблений властью, безусловно, не означает выходить за рамки умеренности. Лица, ответственные за них, должны навсегда остаться запятнанными на скамье подсудимых истории. Увековечивать горечь прошлого далеко не желательно, но забвение может оказаться слишком милосердным. Хорошо, что те, кто привык говорить о "мятежниках" 1837 года с пренебрежением и негодованием, должны иметь в виду, против кого и чего они восстали. Изгнание Маккензи из Ассамблеи не было величайшим актом тирании, которому жители Верхней Канады были вынуждены подчиниться в те далекие минувшие дни; но характер злоупотреблений был таков, что это вызвало всеобщую тревогу и породило зловещие предчувствия. Это указывало на то, что конституционная оппозиция правительству больше не является безопасной в Ассамблее, как это было во время двух предыдущих парламентов. Это указывало на то, что даже от Высокого суда парламента нельзя было добиться ничего похожего на справедливое судебное разбирательство в отношении политика, который осмелился критиковать официальные методы ведения государственных дел. Со всего графства Йорк, с представителем которого так позорно обошлись, слышались возгласы недовольства. Люди высказывали мнение, что Верхняя Канада больше не является подходящим местом жительства для свободных мужчин и женщин.

Общественное возмущение нашло выражение в нескольких петициях, адресованных вице-губернатору выборщиками Йорка и других мест, в которых его превосходительству предлагалось "распустить Палату представителей, запятнанную худшими пороками судебной пристрастности". Депутация, состоящая более чем из девятисот человек, прибыла в Дом правительства, чтобы представить одно из таких проявлений народных настроений. Его превосходительство не мог отказаться принять петицию, составленную в уважительных выражениях, но его ответ был настолько резким и неудовлетворительным, что приравнялся к откровенной дерзости. "Господа, - сказал он, - я получил петицию жителей". И с этой совершенно ненужной информацией депутация была вынуждена удалиться. Столь полное пренебрежение к выражению мнения значительной части жителей не имело прецедента в анналах провинции. Вряд ли можно было ожидать, что молитва петиции будет удовлетворена или даже что она будет принята к серьезному рассмотрению. Сама ее природа запрещала какие-либо подобные ожидания. Но, учитывая количество приложенных к нему имен, оно, безусловно, заслуживало серьезного отклика, в свете чего фактический ответ не мог рассматриваться. Происходящее свидетельствовало не просто о безразличии, но и о презрении, и с тех пор реформаторы Верхней Канады ненавидели сэра Джона Колборна так же горячо, как когда-либо сэра Перегрин Мейтленда.^[151]

Усилия фракции разорить и унижить Маккензи возымели эффект, который подобное обращение всегда производит в сообществах, где жителям внушены идеи честной игры и равных прав. Это сделало популярным героем того, в ком, по правде говоря, было очень мало героического в его творчестве. Если бы правительство было достаточно мудрым в своих собственных интересах,

чтобы позволить ему высказать свое мнение в Ассамблее, он вскоре нашел бы свой должный уровень и перестал бы иметь там какой-либо вес.^[152] Он, несомненно, вызвал бы сильное временное волнение, обнаружив злоупотребления и оскорбив людей, которые ему не нравились. Но он никогда не смог бы всерьез угрожать верховенству Договора по той вполне достаточной причине, что он не мог вызвать симпатий или уважения у лидеров своей собственной партии. Рольф, Бидуэллы и Болдуины к этому времени пришли к пониманию истинной ценности Маккензи. Они признали его таланты, которых было много и они были значительными. У него была ясная голова в бухгалтерии, и он был полон наводящих на размышления идей по финансовым вопросам. Некоторые из этих идей были непрактичными и даже химерическими, но любой, кто был способен отделить зерна от плевел, мог многому у него научиться и сделать доступными его предложения. Он был отличным подчиненным, полезным в комитетах и активным в управлении деталями. Он также был полезен как руководитель общественной прессы, хотя из-за неустойчивого и неуравновешенного ума ее редактора "Advocate" в некоторых отношениях был скорее источником слабости, чем силы. Его влияние было в значительной степени ограничено фермерами и механиками той части страны, где в основном распространялась его газета; и даже там его влияние никогда не было бы столь велико, каким оно стало на самом деле, если бы не преследование, которому он подвергался. Помимо всего прочего, нельзя было сказать, что у него есть какой-либо отличительный *locus standi* в партии реформ. О государственной мудрости, как ее правильно называть, он не имел ничего, кроме самого туманного представления. Структура его сознания мешала ему видеть вопрос в различных его аспектах, и в суждениях о будущих политических событиях он гораздо чаще ошибался, чем был прав. В том, что он искренне желал продвигать дело, которое отстаивал, казалось, не было веских причин сомневаться, но тем, кто был с ним близко знаком, было очевидно, что пламенное рвение, которое он проявлял, состояло по меньшей мере в такой же степени из ненависти к своим врагам, как и из какого-либо всепоглощающего энтузиазма в отношении Реформ. Другим качеством, которое серьезно мешало его полезности, было его крайнее отсутствие осмотрительности. Казалось, он был совершенно неспособен держать язык за зубами, и тайна, однажды поведанная ему, больше не была тайной. Его опрометчивость и порывистость вошли в поговорку и постоянно вовлекали его в споры не только с врагами, но и с друзьями.

1832.

Несомненно, это была недальновидная политика, которая придавала человеку столь внушительное значение и которая на несколько лет сделала его самой печально известной личностью в Верхней Канаде. Обращение, которому он подвергся, вызвало сочувствие населения к нему, и были предприняты приготовления к тому, чтобы вернуть его обратно в графство Йорк увеличившимся большинством голосов. Когда 2 января следующего года состоялись новые выборы, длинная процессия саней сопровождала его к месту голосования, которым была таверна "Красный лев" на Йонг-стрит. Две тысячи человек собрались, чтобы стать свидетелями триумфа "друга народа". Был выдвинут оппозиционер, но поскольку за полтора часа, прошедших после начала голосования, он получил только один голос, он отказался от участия в конкурсе, и триумф Маккензи был обеспечен. За закрытием опроса последовало вручение золотой медали его избирателями в знак их одобрения. Затем несколько саней выстроились в линию и проследовали по Йонг-стрит, а оттуда мимо Дома правительства к зданию парламента. Первые сани были украшены восторженными девизами, нарисованными на ситце, и приветствия победившему кандидату раздавались в воздухе, когда процессия

проезжала по главным магистралям. Всеобщее преклонение было приятно душе Маккензи. Он был в своей стихии.

Нет необходимости задерживаться на этой части повествования. Парламент все еще заседал, и Ассамблея постановила, что, независимо от того, что выборщики Йорка сочтут нужным сделать, Маккензи не должен заседать в Палате представителей. Новый предлог для его высылки был найден в статье, автором которой он признал себя и которая появилась в "*Адвокате*" от 5 января. Эта статья была правдивым и ни в коем случае не сдержанным изложением некоторых хорошо известных фактов относительно определенных мер, которые были приняты Ассамблеей. Тем не менее, двадцатью семью голосами против девятнадцати это было признано клеветой на Палату представителей и грубым нарушением ее привилегий; и далее было решено, что мистер Маккензи должен быть исключен из Палаты представителей и объявлен негодным и недостойным занимать в ней место в существующем парламенте. Но его избиратели были лояльны ему и снова переизбрали его подавляющим большинством голосов в течение нескольких недель после этого второго исключения. Его популярность достигла более высокой точки, чем когда-либо. По всей провинции были проведены общественные собрания в знак протеста против мер, которые были приняты по отношению к нему, и петиции королю и имперскому парламенту были снова распространены и подписаны большим числом жителей. Эти встречи оказались настолько успешными, что Правящая партия сочла разумным предпринять некоторые шаги аналогичного характера от своего имени, чтобы поставить под сомнение действия реформаторов. Нет ничего проще, чем получить подписи под петициями, которые часто подписываются, не будучи прочитанными. Сторонники правительства проводили митинги оппозиции, на которых пытались оправдать высылку Маккензи и на которых многие тысячи человек подписали встречные петиции королю и парламенту Великобритании. Одна из встреч состоялась в Гамильтоне 19 марта, и Маккензи присутствовал на ней по специальному приглашению. В ту же ночь на него напали некие мирмидонцы из официальной партии, которые жестоко били его ногами. На другом собрании, состоявшемся в Йорке четыре дня спустя, разбирательство стало настолько бурным, что шериф заявил, что не в состоянии сохранить мир. Было совершено нападение на офис *адвоката*, окна которого были разбиты. Город оставался в очень беспокойном состоянии всю последующую ночь, и значительная часть жителей не решалась искать покоя. Маккензи счел благоразумным удалиться за город на несколько недель; и почти сразу после своего возвращения в город он отправился с важной миссией в Англию. Было сочтено, что наиболее эффективным способом донести суть различных петиций о реформе до тех, кому они были адресованы, было бы отправить самого Маккензи через Атлантику, чтобы представить их и привлечь внимание членов британской палаты общин ко многим столь необходимым колониальным реформам. Считалось, что он сможет выполнить различные задачи своей миссии и вернуться вовремя, чтобы занять свое место в Ассамблее при ее открытии ближе к концу года. Он передал редактирование и публикацию "*Адвоката*" в другие руки и отплыл из Нью-Йорка 1 мая. В должное время он добрался до места назначения и установил контакт с Хьюмом, Робаксом, Коббетом, О'Коннеллом и другими видными деятелями либеральных взглядов, включая лорда Годериха, министра по делам колоний.

Вряд ли нужно напоминать читателю, что это был знаменательный период в истории Англии. Это была эпоха реформ, и нация находилась в состоянии брожения. За то короткое время, пока Маккензи пересекал Атлантику, произошли великие события. Министерство эрла Грея ушло в отставку; сэр Роберт Пил отказался присоединиться к герцогу Веллингтону в попытке сформировать правительство; и Эрл Грей вернулся к исполнению своих обязанностей,

вооруженный письменным разрешением короля лорду Броэму и ему самому создать столько пэров, сколько могло потребоваться для обеспечения принятия законопроекта о реформе. В осуществлении этих полномочий не возникло необходимости. Титулованная аристократия склонилась перед непобедимой волей великого и глубоко взбудораженного народа, и Маккензи прибыл в Лондон как раз вовремя, чтобы услышать третье чтение Великого законопроекта в Палате лордов. Вскоре после этого он был принят в Министерстве по делам колоний не как представитель какого-либо определенного класса канадских политиков, а как человек, заинтересованный в канадских делах и способный предоставить много ценной информации, касающейся их.^[153] Затем он обнаружил, что усилия официальной партии в Верхней Канаде по прекращению его миссии не были бесплодными. В Министерство по делам колоний были получены петиции, в которых выражалось полное удовлетворение существующими законами и институтами провинции; и количество подписей под ними несколько превышало количество подписей, приложенных к петициям, предъявителем которых был он сам. Однако он с присущей ему энергией посвятил себя изложению своего дела и подготовил мемуары, в которых были подробно изложены все самые серьезные жалобы высшего канадского населения. В этом документе автор использовал дискурсивный и риторический стиль, который, как справедливо заметил министр по делам колоний, был "на редкость плохо приспособлен для того, чтобы подвести вопросы такой сложности и важности к определенному вопросу". Факты, тем не менее, были изложены довольно полно и, как правило, имели такой характер, что рассказывали свою собственную историю. Прочтение мемуаров, по-видимому, произвело впечатление на министра по делам колоний. Он написал длинное и обстоятельное послание сэру Джону Колборну, в котором слабые места аргументов Маккензи были разоблачены с предельной суровостью и в котором было очевидно, что большинству его заявлений придавалось очень мало значения; но в то же время были ясно намекнуты на определенные уступки общественному мнению. Когда это сообщение было представлено Законодательному совету и Ассамблее Верхней Канады на последующей сессии, к нему отнеслись без особого уважения. Верхняя палата официально заявила, что не считает его заслуживающим серьезного внимания, и вернула его вице-губернатору. Ассамблея обсудила целесообразность отправки его обратно, но в конце концов решила этого не делать. Оба офицера королевской полиции произнесли горячие речи на эту тему и отозвались о министре по делам колоний в самых презрительных выражениях.

Тем временем Маккензи, который все еще оставался в Англии, в его отсутствие был исключен из Ассамблеи в третий раз. В этом случае не было никаких предварительных попыток обвинить его в какой-либо новой клевете или нарушении привилегий. Судебные приставы Короны упростили процедуру, заявив, что Палата представителей имеет право определять правомочность членов, и соответствующее постановление было внесено и приведено в исполнение. Затем было решено, что человеком, вернувшимся в Йорк, был тот самый Уильям Лайон Маккензи, которого дважды исключали из Палаты представителей и объявляли непригодным занимать в ней место; и что по этой причине указанный Маккензи не мог заседать или голосовать в Палате представителей в качестве ее члена. Затем он был исключен в третий раз, и для графства Йорк был выдан новый судебный приказ. Жители этого избирательного округа чувствовали себя настолько обиженными и так громко выражали свое недовольство, что ни один кандидат, враждебно настроенный к Маккензи, не осмелился выступить на последующих выборах, и выбор народа был поддержан одобрительными возгласами.

Участие сотрудников правоохранительных органов короны в этих неоднократных высылках было неприемлемо для Министерства по делам колоний. Не было и той презрительной манеры, в которой они сочли уместным отозваться о депеше госсекретаря, написанной после прочтения мемуаров Маккензи. Официальное письмо по первому вопросу было отправлено сэру Джону Колборну за несколько месяцев до начала сессии 1832-3 года, содержание которого, по-видимому, было незамедлительно доведено до сведения господ Боултона и Хагермана.^[154] Несмотря на это сообщение, эти джентльмены сочли нужным вскоре после открытия сессии принять ведущее участие в другой высылке и сделать презрительные ссылки на поведение самого министра по делам колоний. Генеральный прокурор выразил мнение, что секретарь мог бы найти занятие получше, чем сесть и ответить на "вздорную чушь Маккензи". Генеральный солиситор Хагерман отметил, что секретарь поставил себя в тупик, обратив внимание на заявления, которые опирались не на что иное, как на человека, которого дважды исключали из Ассамблеи и который был признан непригодным для участия в ней из-за того, что он "сфабриковал и повторил клевету самого грубого содержания". Лорд Годерих самым решительным образом выразил свое неодобрение такому поведению, отстранив двух яростных критиков от должности. Их увольнение было произведено депешей сэру Джону Колборну, датированной 6 марта 1833 года. "Из недавно полученных мною отчетов о работе Законодательного собрания Верхней Канады, - писал его светлость, - я узнал, что прокурор и генеральный солиситор этой провинции на своих местах в Ассамблее заняли позицию, прямо противоположную общепризнанной политике правительства Его Величества. Как члены провинциального парламента, мистер Боултон и мистер Хагерман, конечно, обязаны действовать в соответствии со своим собственным мнением о том, что в наибольшей степени отвечает интересам их избирателей и колонии в целом. Но если по вопросам, имеющим большое политическое значение, их мнение, к сожалению, расходится с мнением правительства Его Величества, очевидно, что они не могут продолжать сохранять конфиденциальность на службе Его Величества, не нарушая при этом свой долг членов Законодательного органа или не ставя под сомнение искренность правительства своим противодействием политике, которую Его Величеству было рекомендовано проводить". Было намекнуто, что служителям закона короны не может быть позволено препятствовать политике правительства, и что для того, чтобы эти джентльмены могли иметь полную свободу следовать своим собственным суждениям, они должны быть освобождены от занимаемых должностей.^[155]

Когда это послание достигло Йорка ближе к концу апреля, его содержание было доведено до сведения генерального прокурора Боултона. Мистер Хагерман незадолго до этого отправился в Англию с миссией, связанной с резервами духовенства, и, как было сказано,^[156] чтобы получить постоянное назначение на должность судьи. Он узнал о своем увольнении сразу по прибытии в Лондон и, не теряя времени, связался с министром колоний. Недавно в Министерстве по делам колоний произошли важные перемены. Лорд Годерих освободил должность секретаря и стал лордом-хранителем печати, одновременно получив титул графа Рипона. Его сменил на посту министра по делам колоний мистер Стэнли, впоследствии граф Дерби, который был секретарем по делам Ирландии, но вызвал такую враждебность к себе среди последователей О'Коннелла своей позицией по ирландскому вопросу^[157], что было сочтено благоразумным подыскать для него другое портфолио. Теперь он допустил мистера Хагермана к аудиенции и был настолько покорен благовидными заявлениями этого джентльмена, что восстановил его в должности управляющего. Соответственно, хотя мистер

Хагерман добился лишь умеренных успехов в достижении конкретных целей своей миссии, он вернулся в Верхнюю Канаду с триумфом; и по прибытии он был встречен шквалом одобрительных отзывов со стороны прессы Тори.

Мистер Боултон, получив от секретаря вице-губернатора сообщение о своем увольнении, поднял вопль негодования против лорда Годериха и имперского правительства в целом. Было печально известно, что он контролировал колонки *The Upper Canada Courier*, газеты, издаваемой в Йорке в интересах официальной партии и редактируемой мистером Джорджем Гернеттом. В следующем номере этой газеты была опубликована статья, более грубая и оскорбительная, чем любая из этих статей в "Адвокате", под предлогом которой Маккензи был исключен из Ассамблеи. От начала и до конца здесь пахло непристойностью и предательством. В нем утверждалось, что наиболее пострадавшие люди в стране были более чем наполовину отчуждены от правительства своей страны и что они начали мысленно искать какое-то новое состояние политического существования. В том же смысле было нечто большее. Какое-то новое состояние политического существования! Это был довольно сильный намек на восстание! И это исходило из органа фракции, в устах которой всегда присутствовало слово "лояльность"; чья "лояльность" годами превозносилась на каждом шагу и которая, пока течение было в их пользу, проповедовала доктрины, достойные средневековья, о подчинении высшим силам. Насколько изменился тон теперь, когда, казалось, появилась некоторая перспектива того, что их поставят на одну доску и будут судить по тем же стандартам, что и их соседей. Если бы они делали эти вещи на зеленом дереве, что бы они делали на сухом? Чего можно было бы ожидать от них, если бы они подверглись такой несправедливости и позору, как партия, которой они противостояли? Здесь была фракция, открыто готовая отказаться от своей лояльности, потому что двое из их числа были лишены должностей, которые они, как известно, протитуировали и опозорили.^[158] Здесь были "благожелательно настроенные" люди, которые "мысленным взором" искали новое состояние политического существования, потому что двум самым коррумпированным, наглым и дерзким чиновникам в колонии больше нельзя было позволять извращать законодательство под маской имперского лица. И столь же мало они были расположены мириться с вмешательством Министерства по делам колоний в их финансовые интересы. В начале следующего года они заявили о государственной измене в связи с угрозой отмены имперским правительством некоторых актов о банковской деятельности, принятых парламентом провинции.^[159] Жемчужина, как говорится, некрасива в рыле свиньи; и поистине, слово "верность" никогда не было более нелепо неуместным, чем когда оно произносилось такими устами.

Бывший генеральный прокурор последовал за бывшим генеральным солиситором в Англию, где представил его дело новому министру колоний. Уделив этому вопросу большое внимание, мистер Стэнли выразил удовлетворение представленными объяснениями. Объяснения, по-видимому, в основном состояли из торжественных заявлений мистера Боултона о том, что он был недостаточно информирован о взглядах правительства Метрополии и что у него не было никакого желания противопоставлять свою волю этим взглядам.^[160] Он, несомненно, заявлял о своей готовности пойти на любое подхалимство, которое может потребоваться от него в будущем. Однако восстановить его в должности генерального прокурора было невозможно, поскольку преемник на эту должность был назначен в лице мистера Роберта Симпсона Джеймсона,^[161] английский адвокат, который фактически отплыл из Ливерпуля в Канаду и уже находится на пути туда. Мистеру Боултону сообщили, что он получит первое хорошее назначение в распоряжение секретаря. Его успех был даже больше, чем у его недавнего

коллеги, поскольку 17 июня он был уведомлен, что король был милостиво рад принять его дальнейшие услуги и что министр по делам колоний получил приказ Его Величества предложить ему назначение на должность главного судьи Ньюфаундленда, должность которого недавно освободилась.^[162] Это назначение было полностью одобрено графом Рипоном, по совету которого он был уволен из генеральной прокуратуры Верхней Канады,^[163] но которого заставили изменить свои взгляды выслушав объяснения мистера Боултона.

Однако за триумфом мистера Боултона должно было последовать падение более унижительное, чем то, которого он так чудом избежал. Осенью он отправился на Ньюфаундленд и приступил к исполнению своих обязанностей. Не успел он долго пробыть на своем новом посту, как вызвал чувство отвращения и тревоги у значительной части общественности и представителей профессии. Он начал с того, что стал деспотичным и несправедливым. Он шел от плохого к худшему, пока не оказалось невозможным позволить ему сохранить свое положение.^[164] Нет необходимости следить за судебным разбирательством, возбужденным против него. От него окончательно избавились только в 1838 году, когда он вернулся в Верхнюю Канаду и снова вступил в политическую жизнь в качестве члена партии "Ниагара". Правительство Метрополии оставляло без внимания его постоянные заявления о приеме на работу и больше не хотело иметь с ним ничего общего. Через несколько лет после Объединения провинций, обнаружив, что ему не на что надеяться от Консервативной партии, которая отказалась назначить его судьей, он оставил их и некоторое время действовал вместе с мистером Болдуином. Кажется почти жестоким фиксировать тот факт, что он поддерживал Ответственное правительство и законопроект о потерях от восстания.

СНОСКИ:

^[148] *Ante*, стр. 229.

^[149] "Когда в 1831 году Его Величеству было милостиво угодно предложить дополнительное положение для Гражданского списка, которое Министерство колоний требовало составить либо на семь лет, либо на всю жизнь Его Величества, условия предложения не были откровенно представлены Ассамблее, и, несмотря на напряженные усилия тех, кто желал не вносить никаких положений, противоречащих законодательству". следуя духу нашей конституции, исполнительной власти в Ассамблее удалось провести в жизнь меру по постоянному и экстравагантному снабжению, в народе называемую "Бессрочным законопроектом о заработной плате", в то время как либеральные и милосердные условия, предложенные Его Величеством по этому вопросу, были скрыты и известны только тем, кто, чувствуя себя выше ответственности, осуществил меру, которая посеяла всеобщее недовольство и недоверие. Если это неуместное и невежливое сокрытие практиковалось из какого—либо мнимого опасения, что верная Палата общин не предоставит правительству Его Величества справедливых условий, то в стране нет ничего, что могло бы это оправдать, и поскольку это посягало на привилегии Законодательной власти, нет слишком резких формулировок порицания в его адрес ". -*Седьмой отчет Комитета по рассмотрению жалоб*, стр. xlii.

^[150] См. *The Colonial Advocate* от 3 апреля 1828 г.

[151] Я не могу найти подтверждения заявлению, сделанному Маккензи и повторенному последующими авторами, о чрезмерных опасениях правительства на данном этапе и о предпринятых им приготовлениях к сопротивлению народному восстанию. Не было никаких оснований ни для подобных опасений, ни для каких-либо ожиданий восстания. Народ был многострадальным и никоим образом не созрел для восстания.

[152] Если и требовались какие-либо доказательства этой очевидной истины, то их дает карьера Маккензи в канадском парламенте после его возвращения из ссылки. Там он познакомился с политиками следующего поколения, большинство из которых знали его только по традиции. Его несчастья и многочисленные страдания, которые ему пришлось вынести, побудили большинство современников относиться к нему с большой долей снисходительности, и ему было позволено позволять себе вольности в выражениях, которые не были бы допущены ни в одном другом члене общества. Он принял на себя точно такую же *роль*, как и раньше, и с большой горячностью высказывался по вопросам, в которых сам не разбирался. Неизбежным результатом стало то, что Ассамблея вскоре перестала придавать какое-либо значение его мнениям. Он прожил достаточно долго, чтобы отречься от многих своих старых доктрин и перевернуть многие из своих прошлых слов. Его взгляды во вторник часто были прямо противоположны тем, какими они были в понедельник, и также не было никаких указаний на то, какими они будут в среду. Члены Совета перестали придавать какое-либо значение его заявлениям или считать их требующими серьезного рассмотрения. На него стали смотреть как на своего рода нелицензированного шута, которому можно было позволить развлекать Дом своими выходками, когда не было неотложных дел; но что касается какого-либо реального влияния, то у него было не больше, чем у младшего посыльного. Ему потребовалось несколько лет, чтобы разобраться в этом, и когда до него дошли сведения, он ушел со своего поста. Если бы политики "Семейного договора" пятьдесят-шестьдесят лет назад были столь же мудры в своем поколении, как члены Ассамблеи Четвертого, Пятого и Шестого парламентов Объединенной Канады, они перестали бы защищать то, чему нет оправдания, и оставили бы Маккензи в покое. Тогда они могли бы удерживать бразды правления на десять, а возможно, и на двадцать лет дольше; но день расплаты, когда бы он наступил, вероятно, был бы более мрачным.

[153] Лорд Хоуик, написав письмо от имени министра по делам колоний, датированное 23 июня 1832 г., в ответ на заявление Маккензи об интервью, проинформировал заявителя, что, хотя секретарь был готов выслушать любые замечания, которые он (Маккензи) мог бы высказать относительно дел Верхней Канады, как частное лицо, заинтересованное в благосостоянии этой провинции, и как член Ассамблеи, однако секретарь не мог признать, что он уполномочен действовать от имени какого-либо другого лица, и не мог вступать с ним в какое-либо обсуждение мер, которые правительство Его Величества могло бы счесть правильными. "Взгляды и намерения правительства Его Величества в отношении дел провинции, - писал его светлость, - могут быть доведены до сведения населения Верхней Канады только через губернатора или законодательный орган; именно к тому или иному из этих органов следует надлежащим образом обращаться с любыми жалобами, которые могут быть поданы отдельными лицами; и если курс, проводимый исполнительным правительством, таков, что дает справедливую почву для недовольства, жители через своих представителей имеют возможность немедленно довести свои жалобы до сведения Его Величества". Полный текст письма можно найти на стр. 191, 192 *Седьмого отчета Комитета по рассмотрению жалоб*.

[154] Мистер Боултон отрицал, по крайней мере косвенно, что ему было направлено какое-либо подобное сообщение. См. его письмо, датированное 30 апреля 1833 года и опубликованное в *Courier* от следующего дня. Но несомненно, что содержание послания было доведено до сведения мистера Хагермана, и вряд ли возможно, чтобы он не сообщил своему коллеге о вопросах, имеющих столь жизненно важное значение для их благополучия.

[155] Полный текст сообщения можно найти на стр. 295 *Седьмого отчета Комитета по рассмотрению жалоб*.

[156] "Мы были очень достоверно проинформированы о том, что из—за масштабов урегулирования споров и последующего увеличения объема судебной работы наши мудрецы сочли целесообразным назначить четвертого судью, и что он [г-н Хагерман] получил (перед своим уходом отсюда) рекомендации от других судей для своего назначения в создавшейся ситуации". — *Адвокат по делам колоний*, Четверг, 2 мая 1833 г.

[157] Именно в это время мистер Стэнли своей пламенной речью против О'Коннелла завоевал себе прозвище "Руперт дебатов".

[158] Генри Шервуд, который к этому времени занял видное место в рядах официальной партии, был особенно громок в своих обвинениях британского правительства в увольнении Боултона и Хагермана. По словам корреспондента *Colonial Advocate*, он заявил в ходе обычной беседы, что, если подобные разбирательства будут продолжаться, его, со своей стороны, не волнует, как скоро британская власть будет заменена республиканской.—См. Письмо "Джона Булля" на первой странице "*Адвоката*" от 14 декабря 1833 года.

[159] Они были одинаково нетерпимы к противодействию со стороны своих приверженцев, когда на карту были поставлены их денежные интересы. В декабре 1833 г. distinguished Дж. Джон Элмсли, который был вызван в Исполнительный совет три года назад, был вынужден покинуть свое место в этом органе, потому что он не мог действовать там самостоятельно. В своем заявлении об отставке, датированном "Холланд-Хаус, Йорк, 3 декабря 1833 года", он говорит: "Поскольку я приступил к исполнению обязанностей на этом высоком посту [т.е. должности члена исполнительного совета], я нахожу, что не могу бесстрашно выражать свои истинные чувства и мнения, если на данный момент они противоречат правительству, не подвергаясь риску увольнения из этого Почетного Совета, что свидетельствует о моей неспособности продвигать общественное благо. Поэтому я счел целесообразным с большим уважением, но неохотно, подать заявление об уходе со своего места в Исполнительном совете". — См. Свидетельство distinguished. Питер Робинсон, в Приложении к *Седьмому отчету по жалобе*, стр. 91. Смотрите также стр. xxvii самого Отчета.

[160] См. *Дело distinguished Генри Джона Боултона, верховного судьи острова Ньюфаундленд* др. — является отчетом о деле в Тайном совете—стр. 3.

[161] Это был муж выдающейся Анны Джеймсон, чьи блестящие художественные критические статьи являются одними из самых читаемых в своем роде на английском языке, и чьи канадские эскизы сделали ее имя хорошо известным в этой стране.

[162] *Дело distinguished Х. Дж. Боултона* и др., стр. 3.

[163] *Ib.*, стр. 4.

[164] Полные сведения о его проступках можно найти в работе, которая уже цитировалась.

ГЛАВА XII.

ЛИШЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ.

Наверх

Маккензи оставался в Англии гораздо дольше, чем ожидал, и вернулся в Канаду только ближе к концу августа 1833 года. Он отсутствовал все почти шестнадцать месяцев, что было значительно дольше, чем было необходимо для выполнения целей его миссии. Он, несомненно, наслаждался жизнью в мегаполисе и не хотел отказываться от нее.[165] Его миссия не была полностью бесплодной, поскольку его представительства в Министерстве по делам колоний привели к написанию уже упомянутого послания лорда Годериха, в котором фракция в Верхней Канаде была вынуждена понять, что в будущем они будут вынуждены действовать с несколько большей осмотрительностью. В депеше было сделано несколько крайне необходимых предложений по вопросам практического значения, среди прочего, относительно вознаграждения членов Ассамблеи, представляющих городские округа; относительно распространения избирательного права на лиц, которые по причине своих религиозных убеждений не могли добросовестно принести предписанную присягу; относительно отмены закона, лишаящего британских подданных права голоса на выборах до истечения семи лет после их возвращения с места жительства в другой стране; и относительно вмешательства членов церковного законодательного совета в светские дела.[166] Маккензи также имел право претендовать на признание заслуг в проведении важных реформ в управлении провинциальным почтовым отделением. Он наглядно представил дела Провинции нескольким видным общественным деятелям, чей интерес к Канаде таким образом был пробужден, и которые с тех пор могли демонстрировать некоторое знакомство с канадскими вопросами, когда они выносились на обсуждение в Палате общин. Во время своего пребывания в Лондоне он опубликовал объемный том объемом 504 страницы, озаглавленный "Очерки в Канаде и Соединенных Штатах", в котором было указано на множество провинциальных злоупотреблений. Информация, содержащаяся в этой работе, была собрана беспорядочно, и нельзя сказать, что она имеет большую реальную ценность, тем более что многие из ее утверждений были неточными, и об этом должно было быть известно при их написании.[167] Тем не менее, это, вероятно, оказало некоторое влияние на усилия автора по привлечению внимания к себе и интересам, которые он представлял. Более того, он ознакомил министра по делам колоний с вопросами, которые, возможно, не могли быть четко разъяснены иначе, как в

устной форме. Было вполне очевидно, что информация, предоставленная им, привела к увольнению Боултона и Хагермана, что удивительно взволновало его душу; и его депрессия была соответственно глубокой, когда он узнал, что одного повысили, а другого восстановили в должности. Он надеялся увидеть мистера Рольфа назначенным на должность генерального солиситора, и, если верить его слову, у него действительно, похоже, были некоторые основания полагать, что такое назначение состоится.[168] Впоследствии он заявил, что у него были "веские причины полагать", что назначение мистера Рольфа действительно было оформлено и передано Канаде, но что сэр Джон Колборн и главный судья Робинсон помешали ему вступить в силу.[169]

Как уже было замечено,[170] Маккензи во время своего отсутствия в Англии снова был избран представлять графство Йорк в Ассамблее. На первом заседании парламента после своего возвращения он представился в качестве члена. Однако было настойчивое решение, что ему не следует позволять занимать свое место. Враждебно настроенное большинство в Палате представителей заявляло, что они имеют право по своему усмотрению определять, кому должно быть разрешено заседать в ней. Маккензи, как они утверждали, оклеветал Палату представителей, оклеветав большинство ее членов, и он не принес и не пытался принести никакого возмещения или извинений. Клерк, действуя, скорее всего, по инструкции, отказался приводить его к присяге. Была принята резолюция о том, что ему не следует разрешать сидеть или голосовать в качестве члена во время сессии, и был издан приказ о новых выборах. Он снова вернулся к своим избирателям, и снова его вернули без сопротивления. Выборщики Йорка к этому времени смертельно устали от фарса, постоянная реконструкция которого привела к частичному лишению их избирательных прав, оставив только одного представителя в Ассамблее вместо двух. Тем не менее, они были полны решимости не отказываться от своих несомненных прав без какого-либо дальнейшего их отстаивания. Выбранный ими участник не был юридически недееспособен. Им сообщили, что у действий Ассамблеи нет конституционного обоснования. Они заявили, что их долг перед самими собой и теми, кто придет после них, не подчиняться покорно несправедливости такого рода. Когда выборы закончились, значительная часть из них сопровождала его к зданию парламента. Но с момента последнего исключения прошло совсем немного времени, а Законодательный орган все еще заседал. Члены Собрания в изумлении уставились на внезапное и совершенно неожиданное вторжение незнакомцев, которые хлынули на галерею и в пространство под стойкой бара, куда им было разрешено проникнуть самим и куда Маккензи явился для принесения присяги. Те, кто не смог найти места внутри, остались без места в вестибюлях. На несколько мгновений в работе Палаты представителей наступило затишье, после чего дородный Питер Перри поднялся со своего места и объявил, что у него есть петиция, которую он должен представить от имени жителей графства Йорк. Содержание петиции не было таким, чтобы сделать ее приемлемой для большинства членов. В ней говорилось об исключении Маккензи и содержалась просьба о том, чтобы подобное унижение не повторилось. Среди сторонников правительства было очень общее мнение, что Палата представителей не должна была получать такую петицию, и некоторые из них высказали свое мнение по этому вопросу. Аллан Макнаб высказался на этот счет со своим обычным акцентом, и был встречен бурей шипения со стороны йоркских выборщиков на галерее. Зловещие звуки! Нельзя было ожидать, что Дом покорно воспротивится такому проявлению, и был отдан приказ очистить галерею. Пока выполнялся приказ, сержант по вооружению подошел к Маккензи, стоявшему под стойкой бара, и приказал ему удалиться. Маккензи ответил, что у него есть право быть там и что он намерен остаться.

Затем сержант по вооружению открыл дверь и попытался силой изгнать Маккензи, но прежде чем он успел осуществить свою цель, из соседнего вестибюля кто-то выбежал. Дверь была немедленно закрыта и забаррикадирована, но только после того, как несколько захватчиков проникли внутрь. Волнение было сильным, и на несколько минут работа Палаты была приостановлена. Когда тишина была в какой-то мере восстановлена, Говоривший приказал сержанту по вооружению очистить пространство под стойкой от посторонних. Этот чиновник снова приказал Маккензи уйти, и он получил тот же ответ, что и раньше. Это было доведено до сведения спикера, который решил, что, поскольку Маккензи не приносил присягу, он не является членом Палаты представителей и не имеет права оставаться. Маккензи был там, готовый и горящий желанием принести присягу; но, тем не менее, сержант по вооружению удалил его, и Собрание снова было очищено от его присутствия. На следующий день он снова был официально исключен голосованием Палаты представителей^[171]— аномальная процедура, учитывая решение спикера о том, что он не был членом! Таким образом, его трижды изгоняли из Палаты представителей, и один раз исключили оттуда на том основании, что он не был ее членом.

К этому времени стало ясно, что в Заведении с таким составом Маккензи не может рассчитывать на честную игру. Мистер Бидвелл, мистер Перри и другие его друзья все это время мужественно выступали в его защиту, когда представлялась такая возможность, но их аргументы были просто отброшены. Однако его драчливый дух был полностью пробужден, и он решил исчерпать все средства, прежде чем отказаться от своих попыток занять место, на которое он имел право. Он обратился к вице-губернатору за разрешением принести присягу, предписанную для членов Законодательного органа, перед его превосходительством или перед кем-либо, специально назначенным для этой цели, в соответствии с двадцать девятой статьей Конституционного акта 1791 года.^[172] Вопрос, связанный с этим заявлением, был направлен Генеральному прокурору мистеру Джеймсону, который выразил мнение, что Маккензи имел право на запрошенную привилегию. Тем не менее, рассмотрение вопроса было отложено на несколько недель, поскольку враждебно настроенные члены Собрания были доведены до крайнего возбуждения вторжением сельского населения и были не в настроении терпеть присутствие Маккензи. Тем временем петиции вице-губернатору были отправлены из разных частей графства Йорк, а также из других мест. Язык некоторых из них был самым безошибочным, и было очевидно, что выносливость почти достигла своего предела.

1834.

В понедельник, 10 февраля, Маккензи, принеся присягу перед секретарем Исполнительного совета и получив должным образом заверенное свидетельство о церемониале, осмелился еще раз появиться в Зале Собрания.

Когда он вошел, Палата представителей заседала в Комитете по вопросу улучшения судоходства на реке Святого Лаврентия. Галерея была переполнена зрителями, большинство из которых симпатизировали Маккензи и собрались там, чтобы оказать ему своего рода внешнюю численную поддержку. Он подошел к креслу, которое когда-то привык занимать, и тихо сел на него. Не прошло и нескольких минут, как сержант по вооружению^[173] подошел и попросил его удалиться. Этому он отказался сделать, утверждая, что он был законно избранным членом, должным образом приведенным к присяге и ему не было предъявлено никаких обвинений в совершении правонарушений, которые могли бы лишить его права заседать и голосовать.^[174]

Он предъявил заверенную копию присяги и приказал сержанту по вооружению вмешаться на свой страх и риск. Ниже приводится собственный отчет Маккензи о том, что произошло; и, в отличие от большинства его рассказов, он во всех существенных отношениях подтвержден несколькими очевидцами. "Он [сержант по вооружению] сказал, что должен применить силу, и сделал это настолько мягко, насколько это соответствовало закону. Хотя его действия были незаконными, все его поведение при приведении их в исполнение было отмечено осмотрительностью, мудро принятой в возбужденном состоянии умов плотной аудитории, которой он был окружен. Я почти сразу же вернулся на место, которое занимал, и по дороге был схвачен полковником Фрейзером, таможенным инспектором в Броквилле, и вынужден изменить маршрут. Прежде чем я уселся, один из членов, я думаю, мистер Боултон^[175] предложил Оратору занять кресло. Он так и сделал, и я обратился к нему, сообщив об оскорблении, которое я получил при исполнении своих обязанностей члена клуба. На это он ничего не ответил, но сказал, что сержант по вооружению должен знать свой долг. Затем он покинул кресло; заседание Комитета возобновилось, и меня во второй раз насильственным путем вынудили покинуть мое место. После недолгого размышления я решил вернуться на свое место; был в третий раз вынужден покинуть его сержантом по вооружению, а когда Говоривший вернулся, я был посажен в бар, обвиненный сержантом по вооружению в отказе покидать Дом".^[176] Затем сержант по вооружениям доложил спикеру, что он взял под стражу Уильяма Лайона Маккензи за мелкое хулиганство и назначил его главным в коллегии адвокатов; после чего мистер Сэмсон и поддержанный мистером Ванкоунетом, членом парламента от Стормонта, предложили Уильяму Лайону Маккензи, поскольку сержант по вооружению был доставлен в коллегию адвокатов Палаты представителей за мелкое хулиганство, заявить, что он может сказать в свою защиту. К этому предложению мистер Перри внес поправку о том, что Маккензи не подвергался юридической дисквалификации и имел право заседать и голосовать в Палате представителей. Затем последовали долгие дебаты, которые длились почти шесть часов,^[177] и которые оставили спорный вопрос практически там же, где он был. Предложение мистера Перри было отклонено двадцатью одним голосованием против пятнадцати. Плотная толпа занимала галерею до глубокой ночи, но порядок сохранялся, единственной демонстрацией было приглушенное шипение во время выступления мистера Уильяма Б. Робинсона, члена Simcoe и брата Главного судьи. Некоторые ораторы-тори проявили большую злобу, некоторые из которых подтвердили свою лояльность, громко обрушившись с критикой на вице-губернатора за то, что он позволил секретарю Исполнительного совета привести Маккензи к присяге. Аллан Макнаб заявил о своем намерении проголосовать за заключение Маккензи в общую тюрьму. Подняв глаза на галерею, он хмуро посмотрел на жильцов, которых назвал бандой головорезов, пришедших сюда, чтобы запугать Дом. Вице-губернатор, по его словам, вмешался очень ненадлежащим образом и таким образом, который никоим образом не делает ему чести. Он действовал как викарий из Брея и все же мог обнаружить, подобно этому человеку, что, рассматривая вопрос с обеих сторон, он может оказаться между ними. Мистер Сэмсон, депутат от Гастингса, высказался с аналогичной целью, заявив, что он выступает за отправку Маккензи в тюрьму без проведения слушаний, и высказал вице-губернатору резкое порицание. "Его превосходительство, - заметил мистер Сэмсон, - прекрасно знал, что мистер Маккензи был исключен нами, и с его стороны допустить приведение к присяге при таких обстоятельствах было в высшей степени недопустимой процедурой. Он не имел никакого права вмешиваться. Я действительно говорю, что он сыграл в высшей степени неподобающую роль, и я не знаю, но эта Палата должна это принять ". Когда Маккензи попытался выступить в баре, Уильям Гамильтон Мерритт, член палаты представителей Холдиманда, поднялся в сильном

гневе и воскликнул: "Заглушите его голос. Его следовало выставить из Дома, и двое мужчин постоянно стояли у двери, чтобы не впускать его ". Авессалом Шейд из Голта, член партии "Халтон", придерживался того же мнения. Речь члена группы Simcoe, которая, как уже упоминалось, вызвала шипение с галереи, была, пожалуй, самой яростной из всех. Он выступал за то, чтобы Маккензи был наказан и отправлен в тюрьму без права произнести "ни единого слова" в защиту его возмутительных действий. "Маккензи, - сказал он, - никогда бы не осмелился снова показаться в этом Доме, если бы у него в кармане не было на это санкции его Превосходительства. Я утверждаю, что поведение Его Превосходительства было совершенно неоправданным. Действительно, я не мог поверить, что его Превосходительство мог подумать о таком шаге, не посоветовавшись со спикером этой Палаты. У него не было никакого права делать это, и теперь, когда ему сказали, что мы не признаем такого права со стороны исполнительной власти, я надеюсь, что он не будет упорствовать ".^[178] Если говорить более мягко, многие реформаторы были заклеены как "предатели", "недовольные" и "республиканцы" тем самым человеком, который сейчас произнес это. Луч в собственном глазу гораздо труднее заметить, чем соринку в глазу своего брата.

Очевидный факт заключается в том, что никакое чувство лояльности или нелояльности не имело никакого отношения к обращению, которому Маккензи подвергся со стороны "Соглашения" и их сторонников. Все было просто: Маккензи был занозой у них в боку. Он внимательно наблюдал за ними и разоблачал их поведение в красноречивых и энергичных выражениях, хотя часто необдуманных и неподобающих. Они чувствовали, что их превосходству угрожает опасность, и в значительной степени с его помощью. Его исключение было вызвано твердой решимостью не допустить его в парламент, независимо не только от того, что было конституционным или неконституционным, но даже от того, что было правильным или неправильным. Чтобы осуществить это решение, они прибегли ко всем партийным приемам, которые большинство в Собрании предоставило в их распоряжение. "От начала до конца", как отмечает мистер Линдси,^[179] "судебное разбирательство против мистера Маккензи было задумано в партийном духе и проводилось партийными голосами. Худшего описания или осуждения им дать было нельзя, поскольку по своей природе они были судебными".

Дебаты, как уже было сказано, ни к чему не привели. Маккензи не разрешили занять свое место, и он больше не пытался сделать этого в ходе сессии. Никакого нового судебного приказа о выборах члена парламента от округа Йорк выдано не было. Сторонники Маккензи выступали против выдачи судебного приказа, поскольку при таком разбирательстве предполагалось бы, что высылка была законной и что в представительстве имелась юридическая вакансия. Другие, которые не были дружелюбны к Маккензи, считали, что новые выборы приведут только к новым осложнениям. Йорк, несомненно, вернул бы исключенного члена, и ему снова было бы отказано в месте в Палате представителей. Соответственно, сессия затянулась до своего закрытия без какого-либо судебного приказа, что не имело большого практического значения, поскольку в течение нескольких месяцев должны были состояться всеобщие выборы. Таким образом, будет видно, что графство Йорк подверглось частичному лишению избирательных прав на три года, в течение которых были проведены три сессии. Перед началом очередной сессии был сформирован новый парламент, и политическая ситуация претерпела полную метаморфозу.

Во время сессии 1833-4 годов, на которой произошла только что описанная бурная сцена, парламент провинции сделал одну важную уступку общественному мнению, приняв Закон,

делающий судьей Суда королевской скамьи независимыми от короны. Однако справедливо заявить, что это было сделано в результате давления со стороны имперского правительства,^[180] а не из какого-либо желания устранить давнее злоупотребление. Закон предусматривал, что "судьи Суда Королевской скамьи Его Величества для этой провинции должны занимать свои должности во время их примерного поведения, несмотря на поручения, которые были ранее предоставлены им, или любой из них может указать, что должность должна занимать с соизволения Его Величества; и что с момента и после принятия этого Закона поручения судьям указанного Суда должны предоставляться им соответственно для выполнения во время их примерного поведения, и что поручения судей указанного Суда в настоящее время должны быть, продолжаться и оставаться в полной силе во время их примерного поведения, несмотря на кончина Его Величества или любого из его наследников и преемников". Таким образом, судебная власть стала независимой от настроений Исполнительной власти, благодаря чему был сделан большой шаг к обеспечению чистого отправления правосудия в Высшем суде провинции. Если бы аналогичная политика проводилась в отношении других грубых злоупотреблений, воздействие на общественное сознание было бы самым умиротворяющим. Оставаясь в одиночестве, Закон демонстрировал разительный контраст со всеми другими аспектами политики исполнительной власти, и можно усомниться в том, что таким образом был умиротворен хоть один житель провинции.

СНОСКИ:

^[165] Перед своим отъездом из Канады он путешествовал туда-сюда по стране, чтобы собрать взносы на покрытие расходов своего путешествия. Он добился незначительного успеха. После своего возвращения он предпринял дальнейшие усилия в том же направлении и с аналогичными результатами. Люди, проявлявшие большое рвение к реформированию, не спешили совать руки в карманы для такой цели, и ему удалось собрать всего около 150 фунтов стерлингов. Однако следует помнить, что большинство реформаторов из Верхней части Канады в те дни были бедняками. Мистер Линдси утверждает, что фактические выплаты Маккензи за время его отсутствия составили 676 фунтов стерлингов (*Жизнь Маккензи*, том i., стр. 287), но значительная часть этой суммы была потрачена на поездку в Шотландию. Вероятно также, что указанная сумма включает расходы на публикацию *Эскизов в Канаде и Соединенных Штатах*, которые, должно быть, были значительными. Из отчета мистера Линдси справедливо следует, что Маккензи был вынужден сам выплатить разницу между 150 фунтами стерлингов, суммой, собранной с подписчиков, и 676 фунтами стерлингов, суммой, фактически израсходованной. "Народный представитель, - сообщает он нам, - был оставлен нести большую часть расходов". Таково, без сомнения, было убеждение мистера Линдсея, когда была написана его книга; но ничто не могло быть дальше от истины. Было бы гораздо ближе к истине сказать, что Маккензи наслаждался шестнадцатимесячным отпуском за счет своих политических друзей, поскольку все или почти все деньги, потраченные сверх 150 фунтов стерлингов, были внесены доктором Моррисоном, доктором Рольфом, Дэвидом Гибсоном, Лесли, Шепардами и другими; и поскольку никакая часть внесенных таким образом денег так и не была возвращена, они, а не Маккензи, были вынуждены нести убытки. Таким образом, подразумеваемое оскорбление партии реформ совершенно незаслуженно.

^[166] Его светлость с большой ясностью высказался по этому поводу. "Действительно ли, - писал он, - даже при таком ограничении [*т.е. ограничение невмешательства в светские дела*] желательно ли им занимать такие места, - это вопрос, по которому я полностью готов выслушать

с предельным вниманием любой совет, который я могу получить от вас, от Палаты Собрания или от любого другого компетентного органа. Я не стремлюсь сохранить ни епископа [Макдоннелла], ни архидьякона [Стрейкена] в списке членов Совета, но, напротив, я скорее склонен к мнению, что, отказываясь от своих мест, они лучше всего руководствовались бы своим личным комфортом и успехом своих замыслов на духовное благо людей. Но любая такая отставка должна быть добровольной, поскольку должность сохраняется пожизненно; и если бы было иначе, никакие соображения не могли бы заставить меня посоветовать Его Величеству отстранить епископа или архидьякона от занимаемых ими должностей, за исключением самых убедительных доказательств неправомерного поведения ". Можно было бы небезосновательно истолковать эти слова как довольно широкий намек епископу Макдоннеллу и доктору Стрейкену на то, что им следует уйти в отставку.

[167] Лондонская *Morning Herald* от 11 июля 1833 года правильно охарактеризовала это как "страннейшую смесь клеветы и правды, знания и невежества, смелых утверждений и колеблющихся мнений".

[168] "Мы не сомневаемся, что мистеру Рольфу предложат стать адвокатом, но примет ли он это - вопрос более сомнительный; хотя мы думаем, что он, возможно, сможет, при условии, что он будет связан в администрации с людьми либеральной политики; в противном случае, по нашему мнению, он откажется. Такое назначение, безусловно, сделало бы честь нашей стране, и мы надеемся, что он (мистер Рольф) примет назначение, если ему предложат, то есть если он сможет последовательно это делать". — *Адвокат по делам колоний*, четверг, 2 мая 1833 г. Смотрите также "*Адвокат*" за 3 октября 1833 года.

[169] Смотрите *Отчет об увольнении прокурора и генерального солиситора с должности и о повторном назначении мистера Хагермана*, написанный Маккензи для Общего комитета по [реформе] в Йорке и опубликованный в "*Адвокате*" за четверг, 29 августа 1833 г.

[170] *Ante*, стр. 247.

[171] Поскольку в резолюции излагались факты, относящиеся к двум предыдущим высылкам, а также основания для нынешней, возможно, будет нелишним привести ее полностью. Голосование по нему состоялось во вторник, 17 декабря (1833 г.). Его инициатором был Уильям Моррис, депутат от Ланарка. Именно в следующих словах: "Вот этот дом, на тринадцатый день декабря 1831 года в результате неправильного и скандального пасквиля, опубликованного в отношении большинства его членов Уильяма Лайона Маккензи, Эсквайр, один из членов, представляющих графства Йорк, в котором он признался, что он автор и издатель, был вынужден изгнать его, сказал Уильям Лион Маккензи, из этого дома: что, несмотря на грубые и скандальный характер клеветы, этот дом, в надежде, что сказал Уильям Лион Маккензи бы воздержаться от продолжения оскорбительное поведение, за которое он был выслан, позволил ему занять свое место на третий день января, в качестве члена в графстве Йорк, после повторного избрания: что в этом надежду, так важно, чтобы преднамеренного сделки общественной бизнеса, что крайне необходимо для респектабельность законодательная власть и спокойствие в стране, на несколько дней опыте убедился в этом доме было так мало оснований рассчитывать, что на седьмой день того же месяца января, он был подавляющим большинством голосов вновь признано необходимым, чтобы изгнать сказал Уильям Лион Маккензи, к повторению и усугублению повторении означенных лживые и скандальные клевету; и, поступая так, этот дом, для того, чтобы поддержать достоинство которая должна

принадлежать законодательному органу, рассматривать это просто и надлежащим объявить сказал Уильям Лион Маккензи негодными и недостойными того, чтобы занимать место в этом доме в период существования настоящего парламента: Что, как сказал Уильям Лион Маккензи никогда не возмещало этот дом для грубых телесных повреждений, которые он пытался нанести на его характер и дела, нет никаких оснований отходить от разрешения тем, что седьмой день января, 1832." В поправке г-н Макнаб, поддержанный г-ном Робинсоном, предложил добавить к первоначальной резолюции следующие слова: "И поэтому он, упомянутый Уильям Лайон Маккензи, вновь избранный и возвращенный представлять графство Йорк в нынешнем парламенте, настоящим исключается". Поправка, как и первоначальное предложение, была принята 22 голосами против 18.

[172] Этот раздел предусматривает принесение присяги перед губернатором, вице-губернатором или лицом, управляющим правительством, или "перед каким-либо лицом или лицами, уполномоченными указанным губернатором или вице-губернатором" и т.д.

[173] Сержантом по вооружению был Аллан Макнаб-старший, отец младшего члена "Вентворта".

[174] Смотрите "Адвоката" от четверг, 13 февраля 1834 г.

[175] Не Х. Дж. Боултон, который несколькими месяцами ранее уехал в Ньюфаундленд, а Джордж Стрэндж Боултон, один из участников группы Durham.

[176] Смотрите "Адвокат" от 13 февраля 1834 г.

[177] Маккензи в "Адвокате" говорит "полных семь часов", но он не появлялся в Зале Заседаний почти до половины четвертого пополудни, и Палата закрылась в 9.30 из-за отсутствия кворума. Смотрите журнал заседаний. Три смещения Маккензи с его места, должно быть, заняли несколько минут, а все дебаты никак не могли растянуться более чем на шесть часов. Этот вопрос не имеет особого значения, но он показывает, насколько тщательно следует изучать все неподтвержденные заявления Маккензи, прежде чем принимать их в качестве доказательств.

[178] "Вполне вероятно, - говорит Маккензи (*Адвокат по делам колоний*, 13 февраля), - что провокационные высказывания некоторых членов закончились бы беспорядками, если бы я не предупредил людей через прессу, лично во многих их жилых домах и в Палате представителей, прежде чем я занял свое место, сохранять полное молчание, что бы ни говорили или ни делали члены. Они вели себя очень организованно, и это делает им честь. Если общественное мнение не отомстит за наше дело, насилие и беспорядки нам не помогут". Ирония судьбы распорядилась так, что это замечательное чувство не нашло постоянного пристанища в груди писателя.

[179] *Жизнь и времена Маккензи*, том i, стр. 311.

[180] Смотрите депешу лорда Годериха от 8 ноября 1832 г.

ГЛАВА XIII.

ПИСЬМО МИСТЕРА ХЬЮМА О "ПАГУБНОМ ГОСПОДСТВЕ".

Наверх

Неоднократные исключения Маккензи, какими бы несправедливыми они ни были и какими бы унижительными ни были некоторые сопутствующие обстоятельства, не были полностью без компенсации. Во-первых, из-за них о нем говорили больше, чем о любом другом человеке в Верхней Канаде. Это само по себе во многом примирило бы его с обрушившимися на него унижениями, поскольку дурная слава была очень дорога его сердцу. Но его ждала более существенная награда, причем совершенно неожиданная.

В течение месяца после сцены на Собрании, описанной в конце предыдущей главы, город Йорк прекратил свое существование, сменив свое название на древнеиндийское, которое он с тех пор носит. В ходе сессии был получен Акт о регистрации, в соответствии с которым было постановлено, что Йорк должен быть создан как корпоративный и политический орган под названием город Торонто. Город должен был быть разделен на округа, с двумя олдерменами и двумя обычными членами совета от каждого округа, которые должны были избираться жителями; и с мэром, который должен был избираться олдерменами и членами совета из своей среды. Этот закон, как и остальные меры, принятые в ходе сессии, был одобрен в день перерыва — 6 марта 1834 года. 15 числа того же месяца появилось официальное заявление, согласно которому на четверг, 27-го, были назначены первые выборы муниципальных представителей. Сразу же по всему городу была развернута кампания активной агитации. Как это часто случалось в последнее время, соревнование приобрело политическую окраску. Акт о регистрации был подготовлен влиятельными лицами Тори и прошел через Ассамблею под эгидой местного члена шерифа Джарвиса. В своих выступлениях по этому вопросу в Палате представителей мистер Джарвис исходил из разумного и законного обоснования того, что столица провинции достигла размеров, которые делают необходимым отдельное правительство для эффективного управления ее делами. К этой точке зрения в целом присоединились жители Тори. Реформаторы, с другой стороны, все это время были против инкорпорации. Йорк, утверждали они, был главной крепостью и оплотом официальной партии, которая почти наверняка приобрела бы пагубное влияние в муниципальных делах в ущерб остальному сообществу. Провинция в целом уже достаточно пострадала от компактного господства, и было далеко не желательно предоставлять возможность для его применения в более ограниченной области. Опять же, было подчеркнуто, что расходы на создание отдельной администрации для города с лихвой уравнивают любые преимущества, которые можно извлечь из этого. Эти взгляды с большой горячностью выдвигались реформаторами как в парламенте, так и через

прессу. Из всего этого было очевидно, что предстоящие выборы станут довольно точной проверкой силы соответствующих политических партий в городе.

Вообще говоря, голоса консерваторов в столице были в значительной степени выше, чем у реформаторов. То, что весной 1834 года этого не было, в немалой степени объяснялось общественным возмущением несправедливым обращением, которому подвергся Маккензи. Люди, которые до этого никогда не голосовали за Реформу, теперь выступили в поддержку кандидатов, которые были известны как сильные реформаторы. Дело было не столько в том, что эти люди сочувствовали Маккензи, которого многие из них ненавидели; но они чувствовали, что была совершена вопиющая несправедливость, против которой им следовало выразить свой официальный протест. Результатом стало то, что оптимистичные расчеты тори были полностью сфальсифицированы, и что большинство кандидатов-реформаторов были возвращены в первый совет города Торонто. Среди последних были сам Маккензи, который был избран одним из олдерменов прихода Святого Дэвида, и Джон Ролф, который был избран от прихода Святого Патрика.

В этом месте необходимо сказать несколько слов пояснения в отношении мистера Рольфа. Следует помнить, что он и двое Болдуинов сняли свои мантии во время рассмотрения спора по делу Уиллиса и отказались вести какие-либо дальнейшие дела в суде, который, по их мнению, был учрежден незаконно.^[181] Они больше не появлялись в суде в течение срока полномочий до тех пор, пока решение Тайного совета не успокоило их умы по этому вопросу. Больше ничто не мешало им возобновить свою практику. Болдуины так и сделали, и Рольф какое-то время следовал их примеру, хотя и без особого энтузиазма. Он уже давно испытывал глубокое отвращение к пристрастности, проявляемой судьями, и к их полному подчинению воле исполнительной власти, выраженному их судебным рупором, генеральным прокурором Робинсоном. Из-за, как он полагал, своих политических убеждений он был вынужден бороться с постоянной враждебностью судебной власти. Его триумфы в коллегии адвокатов были одержаны благодаря его власти над присяжными и несмотря на односторонние обвинения со стороны коллегии. О понимании и судебной честности мистера Шервуда у него сложилось очень низкое представление. Хагерман, временно сменивший судью Уиллиса, был более способным человеком, но его политические убеждения были настолько сильны, что Рольф не стал бы подвергать опасности интересы своих клиентов, появляясь перед ним. С приходом генерального прокурора Робинсона на скамью подсудимых положение дел, с точки зрения Рольфа, улучшилось ненамного. Мистер Робинсон и он так долго боролись друг с другом в коллегии адвокатов и в зале Ассамблеи, что стали считать друг друга личными врагами. Рольф, справедливо или ошибочно, пришел к выводу, что он больше не может надеяться на какую-либо меру правосудия. Необходимым следствием такого заключения была решимость оставить юридическую практику и вернуться к медицине, которую он, действительно, никогда полностью не оставлял. Это решение было полностью выполнено более чем через два года после того, как оно было сформировано, хотя он тем временем не принимал никаких новых исков и неуклонно готовился к надвигающимся переменам. Решающий шаг, по-видимому, был сделан только в 1832 году, когда он передал свою юридическую практику своему брату Джорджу. С тех пор Джон Ролф больше никогда не появлялся в Суде в качестве адвоката. Это было судьбоносное решение, поскольку у него была прекрасная юридическая практика, и он пользовался репутацией самого красноречивого человека в Верхней канадской коллегии адвокатов. Он пережил буйство юности, и ему было в то время почти сорок лет — возраст, в котором мало у кого хватило бы мужества отказаться от занятия, которое с большим успехом проводилось в

течение многих лет. Он возобновил медицинскую практику и с тех пор был известен как "Доктор" Рольф. За несколько лет до этого он проживал в Дандасе. Теперь он переехал в столицу, где его хорошо знали, и где он продолжал проживать до начала Восстания в конце 1837 года. Вскоре он занял почетное место в рядах своего нового призвания и достиг там такого же положения, какого когда-либо достигал в адвокатуре. В Верхней Канаде не было регулярно организованного медицинского колледжа, и возможностей для получения компетентной медицинской подготовки было немного. В ответ на настоятельные просьбы ряда влиятельных лиц в Торонто он открыл частный медицинский класс и обучал ограниченное число студентов. Его преподавание было чрезвычайно успешным, и он снискал огромную любовь своих учеников. Казалось, он держал в руках всю медицинскую литературу, а его изумительные познания и яркая выразительность разжигали в сердцах молодых людей любовь к знаниям ради них самих.^[182] Никто так не уважал его достижения, как вице-губернатор. Сэр Джон убеждал его основать постоянный медицинский колледж и обещал, что в государственной помощи для такого предприятия не должно быть недостатка. Но у доктора Рольфа были другие взгляды. Он уже несколько лет был вне общественной жизни, но и не думал о том, чтобы оставаться в ней. Он был полон решимости вновь войти в парламент при первой подходящей возможности и не позволял профессиональным занятиям поглощать все его внимание. В отличие от Роберта Болдуина, который в то время в значительной степени держался в стороне от политики, Рольф принимал ведущее участие во встречах по реформе и кокусах и делал все возможное, чтобы придать политике реформ практическую форму. Болдуин, несмотря на свое несомненное рвение к либеральным принципам, был проникнут несколько исключительными социальными идеями и в тот период не испытывал активной симпатии к реформаторам. Он считал Маккензи в значительной степени демагогом и человеком, с которым у него не могло быть никаких особо близких отношений. Чувства, которые Болдуин питал к Маккензи, по-видимому, были очень сродни чувствам сэра Джона Фальстафа к войскам, с которыми он заявил, что не будет маршировать через Ковентри. Шумное многословие и самоутверждение Маккензи оскорбляли патрицианские инстинкты мистера Болдуина, которому, действительно, маленький пролетарий был совершенно неприятен. Однако это чувство, по-видимому, было вызвано антипатией этих двух мужчин, а не простым чувством исключительности со стороны мистера Болдуина. У них было так мало общего, как только могли быть у двух человек. Не вдаваясь далее в этот вопрос, будет достаточно сказать, что у одного было суждение в условиях строгой дисциплины, в то время как суждение другого всегда было подчинено обстоятельствам или предрассудкам момента — фатальный недостаток для того, кто стремится быть лидером людей. Мистер Болдуин не скрывал своего убеждения в том, что партия реформ не сможет добиться существенного прогресса до тех пор, пока такому человеку, как Маккензи, будет позволено иметь какой-либо командный голос в ее советах или, во всяком случае, принимать какое-либо участие в формировании или направлении ее политики. Рольф придерживался более широких взглядов и, хотя он признавал заведомо слабые стороны характера Маккензи, не чувствовал желания ни выбрасывать его за борт совсем, ни лишать его участия в руководстве партийными делами. Естественно, он чувствовал и решительно высказывался по поводу изгнания. Лично к Маккензи он никогда не испытывал особой симпатии, но ненавидел несправедливость и без колебаний оказал исключенному члену клуба всю поддержку, моральную и иную, на которую тот был способен. Он обычно говорил, что Маккензи мог бы еще сделать много полезного для Реформы, если бы только его можно было удержать на подобающем месте. Маккензи, со своей стороны, никогда не уставал восхвалять Рольфа, причем иногда делал это в экстравагантных выражениях. Куда бы он ни приезжал, он провозглашал Доктора единственным человеком в Верхней Канаде,

способным привести реформистскую партию к триумфу и постоянной власти. Бидвелл и Перри были по-своему достаточно хороши, но ни к одному из них он бы не поверил, если бы Рольф усомнился в мудрости их советов.

Таково было положение дел на момент выборов первого совета города Торонто. В этом Совете, как уже упоминалось, преобладали члены-реформаторы. Согласно положениям Закона о регистрации, олдермены и члены совета должны были провести свое первое собрание в четверг, 3 апреля, когда они должны были приступить к выборам мэра. Поскольку члены-реформаторы смогли взять ситуацию под контроль, вечером в понедельник, 31 марта, они провели совещание, чтобы согласовать план действий и предпринять шаги по максимальному использованию своего численного превосходства в Совете. Относительно мэрии уже было достигнуто соглашение. По общему согласию доктору Рольфу было предложено занять кресло главного магистрата. В целом он подходил для этой должности лучше, чем любой другой человек в городе, и члены Реформаторской партии с гордостью смотрели на своего кандидата. Но на собрании, состоявшемся вечером 31-го, дело приняло совершенно неожиданный оборот. Доктор Рольф не присутствовал, его удерживали профессиональные обязанности. Джеймс Лесли, один из олдерменов округа Сент-Дэвид, высказал предположение, что Доктору было безразлично, что касается мэрии, и что он был бы вполне готов отказаться от любых претензий на должность, которую он, как предполагалось, занимал. Далее было высказано предположение, что интересам реформаторов наилучшим образом способствовало бы повышение редактора *Advocate* до должности главного судьи. Утверждалось, что Ассамблея обошлась с Маккензи постыдно, а официальная партия в целом отнеслась к нему с презрением. В Министерстве внутренних дел его оклеветали как личность, которую секретарь не мог постоянно допускать к его присутствию при должном уважении к нему самому и его офису. Его представляли как маленького ворчливого выскочку, который голосами самой низшей и негодяйской части радикалов был поставлен в положение, неподобающее его характеру и имуществу. Против него особенно настаивали в Англии, где лучший класс реформаторов держался от него в стороне и глубоко презирал его. Не могло быть никаких сомнений в том, что из-за подобных заявлений Маккензи подвергся большому количеству незаслуженных оскорблений и досады во время своего пребывания на старой родине. Было сказано, что нынешнее положение дел предоставляет ему прекрасную возможность искупить вину за то, что он вынес, и в то же время одержать двойную победу в защиту принципов Реформы. Его возвышение до должности главного судьи столицы Верхней Канады дало бы самый убедительный ответ, который только можно было дать на оскорбления и клевету, которыми он подвергался. Эта должность была сопряжена с высокой честью и достоинством. Было бы невозможно представить человека, занимающего этот пост, простым инструментом и рупором низкопробной радикальной клики или как человека, которого ни один джентльмен не мог бы допустить на конференцию. В этих аргументах было много правдоподобия, и они имели тем больший вес, что доктор Рольф, как утверждалось, лично был безразличен к этому вопросу. Более того, доктор Рольф не нуждался в возвышении достоинства. Он, конечно, не мог извлечь никакой выгоды из избрания на пост мэра и вполне мог позволить себе отказаться от своих притязаний. В конце концов такая точка зрения возобладала, и перед закрытием собрания было решено, что при условии согласия доктора Рольфа Маккензи должен стать первым мэром Торонто.

Когда дело было передано доктору Рольфу, он выразил некоторое удивление действиями комитета. Похоже, он был убежден, что, поставив Маккензи на видное место, нельзя добиться

успеха в деле Реформ. Он знал Маккензи как человека, который терпеть не мог процветания и чей недостаток умственного балласта был таков, что ему нельзя было доверить власть. Более того, он был очень склонен подозревать, что маленький человечек сам стоял у истоков движения в его пользу, что, вероятно, и было фактом. Тем не менее, Доктор был вынужден признать, что в выдвинутых аргументах было много силы, и он ни в коем случае не был расположен настаивать на своих собственных утверждениях. Поэтому он дал свое согласие, и с этого момента вопрос можно было считать практически решенным, хотя он хранился в глубокой тайне среди лиц, которых это касалось самым непосредственным образом.

Консервативные члены Совета также провели совещание перед днем, назначенным для выборов мэра. Их целью было организовать свои силы и создать наилучший фронт, который допускало их численное превосходство. Они предполагали, что реформаторы, как само собой разумеющееся, выберут доктора Рольфа на должность главы магистратуры, и это предположение было подтверждено распространенными слухами, так что у них не было никаких сомнений на этот счет. Этот выбор вызвал их полное одобрение. На самом деле, если бы мэра не выбирали из их числа — о чем не могло быть и речи при таком преобладании Реформаторов, — ни один человек не был бы для них так приемлем, как доктор Рольф. Все они знали его и уважали, и чувствовалось, что он займет это кресло с честью для города. Соответственно, они решили оказать ему свою поддержку, и один из них, мистер Томас Карфрэмладший, написал ему по этому поводу. Но доктор Рольф тем временем дал свое согласие на проект избрания Маккензи и был не в состоянии принять поддержку ни с чьей стороны. После тщательного рассмотрения он принял решение сложить с себя полномочия члена Совета. Он предвидел, что Маккензи станет непопулярным, и считал вероятным, что он будет виновен в неблагоразумии, которое ни один публичный представитель политической партии не смог бы должным образом защитить. Ход последующих событий был таков, что полностью оправдал этот прогноз. доктор Рольф ответил мистеру Карфре, поблагодарив его за предложение поддержки, но объявив, что он собирается покинуть свое кресло. Он также написал своему другу доктору Моррисону, одному из представителей прихода Святого Андрея, с тем же намерением. Содержание этих двух писем стало известно только на заседании Совета 3 апреля, в противном случае, несомненно, были бы предприняты шаги, чтобы предотвратить избрание Маккензи; поскольку реформаторы, за двумя или тремя исключениями, не были достаточно озабочены его избранием, чтобы сместить доктора Рольфа ради него; а что касается консерваторов, то мысль о том, что Маккензи займет самое высокое место в Совете, всегда была бы для них просто невыносимой. В назначенное время все олдермены и члены совета были на своих местах, за исключением доктора Рольфа. Председатель временно занял Джон Доул, один из представителей прихода Святого Андрея. Он был внесен Франклином Джексом, членом городского совета от прихода Святого Дэвида, и поддержан Джеймсом Лесли, коллегой Маккензи в качестве представителя олдермена от того же прихода, "чтобы Уильям Лайон Маккензи, эсквайр, был мэром этого города". Это предложение застало членов Консервативной партии врасплох, и они не пытались скрыть своего недовольства и даже отвращения. Несколько из них встали по очереди и высказались в пользу доктора Рольфа. Затем доктор Моррисон объявил о решении доктора Рольфа и зачитал его письмо в качестве подтверждения. Мистер Карфрэм намекнул, что он получил от Доктора письмо с тем же содержанием. Таким образом, нет места для дальнейшего обсуждения. Заранее согласованная программа была выполнена. Маккензи получил десять голосов в поддержку своей кандидатуры, что составило большинство. Он был объявлен должным образом избранным и занял почетное

кресло. Во второй половине того же дня он принес предписанную присягу, и его полномочия были полными. Он мог похвастаться тем, что был первым мэром Торонто, а также первым мэром, когда-либо избранным в Верхней Канаде.

Едва он занял свой пост, как начал приводить примеры того извращенного и почти непостижимого недостатка рассудительности, который сопровождал его с начала и до конца жизни. Зная, в каком свете к нему относились консервативные члены Совета, можно было бы предположить, что он будет особенно осмотрителен в своем поведении по отношению к ним и постарается не нанести беспричинного оскорбления. Напротив, он вел себя как настоящий Чиновник и вызывал отвращение не только у консерваторов, но и у некоторых своих собственных друзей. Он постоянно навязывал Совету свои личные противоречия и пытался склонить членов принять чью-либо сторону. Его неосмотрительность в вопросе о знаменитом письме "пагубное господство" абсолютно непонятна. Подробности на этих страницах могут быть приведены лишь очень кратко.

В мае месяце мистер Маккензи получил от Джозефа Хьюма, члена—радикала от Мидлсекса в британской палате общин, необычное письмо - письмо, которое из-за резкости тона и неумеренности формулировок могло быть написано почти самим редактором *Advocate*. В нем говорилось о преподобном Эджертоне Райерсоне, ведущем служителе Методистской церкви и редакторе *The Christian Guardian*, в выражениях, которые удивительно себе позволить использовать джентльмену в положении мистера Хьюма. Так вот, незадолго до этого Маккензи поссорился с мистером Райерсоном и посвятил много места в "*Адвокате*" его очернению. Он увидел в этом возможность для дальнейшей атаки, с целью чего намеренно опубликовал "обширные выдержки"[183] из письма в выпуске его статьи от 22 мая. Эффект был электрическим, поскольку ссылки на мистера Райерсона, какими бы плохими они ни были, не были теми частями письма, которые больше всего рассчитаны на то, чтобы вызвать удивление в общественном сознании. Фраза, вызвавшая немедленное осуждение со стороны всех слоев общества, была той, в которой автор, имея в виду последние выборы Маккензи в Ассамблею и его изгнание оттуда, охарактеризовал эти слушания как события, которые должны ускорить кризис, который быстро приближался в делах Канады, и который "завершится независимостью и свободой от пагубного господства метрополии". Эти необычные слова — необычные, поскольку исходят от британского государственного деятеля колонисту, который также был общественным деятелем, — были напечатаны в "*Адвокате*", как и остальная часть письма, крупным шрифтом. Впоследствии было подчеркнуто[184] от имени г-на Хьюма, что он не имел в виду отделение от метрополии, а только прекращение ложной и пагубной системы управления колонией; и это объяснение было им принято[185], чтобы выразить то, что он намеревался обозначить. Но если мистер Хьюм мог так нескромно писать на подобную тему, что следует думать о редакторе газеты и политическом деятеле, у которых не хватило ума представить миру Верхней Канады подобную постановку, особенно в то время, когда он сам занимал пост мэра ее самого важного города?

Как только номер *Advocate*, содержащий это письмо, попал в руки общественности, со всех сторон раздался протест. Тори увидели свое преимущество и максимально им воспользовались. Теперь, как говорили, настоящие замыслы Маккензи и тех, кто действовал вместе с ним, больше не скрывались. То, чего они хотели, было не конституционной реформой, а отделением от Империи и установлением республики. И так говорили и чувствовали не только тори. Люди, которые искренне ненавидели господство Договора и которые осуждали

обращение с Маккензи как неконституционное, тираническое и несправедливое, теперь чувствовали, что такой человек не заслуживает сочувствия. Очевидно, в душе он был бунтарем.^[186] Он навлек позор не только на себя, но и на партию, к которой принадлежал. Реформистские журналы поспешили заявить о своем несогласии с чувствами, содержащимися в предосудительном письме. "Мы называем себя радикальными реформаторами, - сказал *Свободный человек*, - и готовы пойти на любые разумные меры для исправления злоупотреблений, потому что мы знаем, что как в метрополии, так и в этих колониях существовали серьезные недовольства.... но мы не можем заставить себя поддерживать жестокие и беспринципные группировки". "Часто случалось, к несчастью, - сказал *британский вигист*из Кингстона, - что тех, кто трудился над освобождением населения этой колонии от жестокого правления ТОРИ, обвиняли в неприязни к метрополии и в намерении произвести замену их нынешней монархической формы правления республиканским способом правления. Мы полностью убеждены в том, что ни одно обвинение в целом не является более ложным; и все же, из-за нескромности некоторых авторов, у врагов политических перемен было предоставлено слишком много возможностей обосновать свои утверждения чем-то вроде доказательства. Вот письмо, опубликованное ведущим реформатором, без единого замечания в адрес проповедуемой им доктрины.... Искренне ли мистер Маккензи верит, что независимость этой провинции была бы полезна для ее жителей; или он придерживается мнения, что господство метрополии пагубно? Если он ответит отрицательно, а мы думаем, что так и будет, то почему, во имя здравого смысла, он давал своим врагам столько поводов обвинять его в нелояльности?" Как заявила *The Free Press*о Гамильтоне, "Реформаторы жалуются не на господство метрополии, а всего лишь на тираническое поведение маленькой и презренной фракции в колонии. Господство над метрополией так же необходимо для нашего нынешнего счастья и будущего величия, как материнская грудь для младенца ". "Относительно чувств, содержащихся в этом письме, в умах честных людей может быть только одно мнение, - писала *Британско-американская газета*о Сент-Катаринсе. То, что они являются мятежными и революционными, болезненно очевидно; помимо языка, на котором они изложены, краткие ссылки на важные темы, о которых идет речь, и своеобразная манера их выступления перед канадской общественностью, неотразимо заставляют нас прийти к выводу, что это преждевременное раскрытие давно вынашиваемого плана по отделению Канады от империи Великобритании и либо присоединению их к конфедеративному союзу Штатов, либо созданию отдельных независимых республиканских правительств; что касается автора или издателя письма, то несущественно, какого именно ". Самого Маккензи характеризовали как человека, который делал все возможное, чтобы подтолкнуть людей к восстанию без оглядки. При таком тоне либеральной прессы легко понять тон журналов Тори. Некоторые из них требовали, чтобы правительство немедленно возбудило уголовное дело против Маккензи. По всей провинции прошли митинги возмущения, на которых были произнесены лояльные обращения к Его Величеству. Методистская конференция и другие организации, как светские, так и религиозные, поспешили принять резолюции, осуждающие чувства мистера Хьюма, и направить их вице-губернатору. Волнение в Торонто было огромным. До полудня того дня, когда оскорбительное письмо появилось в печати, был созван общественный митинг в знак протеста против нелояльных настроений, воплощенных в нем. На нем присутствовало множество людей, и, хотя присутствовало немало реформаторов, вотум порицания Маккензи был вынесен без единого несогласия. Этот вопрос был поднят в городском совете, и, хотя поддержка сторонников Реформы позволила ему избежать официального порицания этого органа, он был вынужден подвергнуться серии критических замечаний, которые, должно быть, чрезвычайно

оскорбили его чувства. Этим единственным ошибочным поступком он умудрился причинить достаточно вреда, чтобы с лихвой компенсировать любое благо, достигнутое благодаря его миссии в Англии; и там было много реформаторов, которые, несмотря на все его протесты, никогда больше не испытывали к нему доверия, политического или иного.

В качестве мэра он довольно усердно относился к своим обязанностям. В течение года город подвергнулся нашествию азиатской холеры, и он, по-видимому, сделал все возможное, чтобы остановить распространение эпидемии, а также обеспечить лечение заболевших пациентов. Тем не менее, он был виновен в ряде неблагоразумных поступков, которые сделали его ненавистным для значительной части населения. Его мелочность духа постоянно давала о себе знать. Ни один человек в обществе, каким бы незначительным он ни был, не был ниже его гнева, когда было задето его чувство личного достоинства. Однажды к нему в суд мэра предстала несчастная женщина с невоздержанными привычками и распущенным характером. Она была словоохотлива и оскорбительна, и Маккензи в ярости приказал поместить ее в общественную тюрьму. В городе все еще существовали общественный позорный столб и колодки, но, как и в приходе сквайра Хейзелдина, ими уже давно не пользовались. Маккензи, вероятно, никогда не слышал о максиме *Quieta non movere*. Во всяком случае, большая часть его жизни была потрачена на усилия в противоположном направлении. Его приговор был приведен в исполнение, и преступник был посажен в колодки. Если бы это был поступок ископаемого члена Сообщества, это не показалось бы слишком неуместным, но Маккензи это казалось нелепым, не соответствующим его профессии. Это возбудило народное негодование против него до более высокой степени, чем когда-либо; но это имело один хороший эффект: это привело к удалению и уничтожению варварских пережитков средневековья. Маккензи принадлежит сомнительная заслуга в возрождении их использования, когда магистратам-консерваторам стало стыдно их больше использовать. Он имеет право на дальнейшее отличие в том, что является последним мировым судьей в Верхней Канаде, санкционировавшим их использование; и это тоже в случае с бедной и беззащитной женщиной, чье несчастье должно было отдалить ее от возможности его мести.

Значительная часть лета была потрачена обеими политическими партиями провинции на подготовку к всеобщим выборам, которые должны были состояться до конца года. Он состоялся в октябре. Если бы оно состоялось несколькими месяцами ранее, когда симпатии общественности к Маккензи из-за его неоднократных изгнаний были на пике, подавляющее большинство членов-реформаторов было бы возвращено. Публикация письма мистера Хьюма в промежутке между выступлениями вызвала отторжение многих симпатий и привела к потере многих голосов сторонниками Реформы. Тем не менее, на большей части территории провинции наблюдалась сильная тенденция к проведению реформ, и реформаторы прилагали беспрецедентные усилия. Им удалось привлечь на свою сторону большое количество римско-католического электората, и они поглотили большую часть недавно прибывших из-за моря. Бидвелл и Перри были переизбраны от Леннокса и Аддингтона. Уильям Бенджамин Уэллс, двадцатипятилетний молодой юрист, впоследствии отметившийся как газетный автор, выступавший за реформы, и из "Канадианы" которого на этих страницах уже было сделано несколько выдержек, был возвращен в графство Гренвилл. По происхождению он был уроженцем Верхней Канады, лоялистом США и внуком добровольца, сражавшегося при осаде Луисбурга. Оксфорд вернулся за одним из своих членов, доктором Чарльзом Данкомбом, которому было суждено принять заметное участие в событиях восстания двумя годами позже. Он был практикующим врачом большого ума и широкого влияния, красноречивым и

убедительным оратором и пламенным реформатором. Он жил на Берфордских равнинах, недалеко от нынешней деревни Бишопсгейт, в нескольких милях к западу от Брантфорда. Два члена парламента, вернувшиеся от округа Симко, представляли почти две крайности политических взглядов. Уильям Бенджамин Робинсон, брат Верховного судьи, был, как и подобает представителям его расы, воплощением торизма Семейного договора. Его коллегой был Сэмюэл Лаунт, чье имя из-за его безвременной кончины и сопутствующих ей печальных обстоятельств вызывает множество печальных воспоминаний. Можно с уверенностью сказать, что из всех жертв восстания 1837 года ни одну не оплакивали так искренне и повсеместно. Его казнь справедливо рассматривается как судебное убийство и пятно на летописи нашей страны. Поскольку с тех пор к его имени проявлялся особый интерес и поскольку о нем в целом известно очень мало, возможно, будет уместно привести несколько подробностей. Он родился на берегу реки Саскуэханна, в штате Пенсильвания, 24 сентября 1791 года. Его отец, Габриэль Лаунт, был англичанином, уроженцем Бристоля, который поселился в Соединенных Штатах после окончания войны за независимость и женился на американке английского происхождения. Габриэль Лаунт никогда не терял своих британских наклонностей во время своего пребывания в республике, и весной 1811 года в сопровождении своего сына и остальных членов семьи он переехал в Верхнюю Канаду. Он поселился в городке Уитчерч, где практиковал в качестве геодезиста, и в течение последних нескольких лет провел множество официальных съемок для правительства провинции. Сэмюэл, до своего переезда в Канаду, обучился ремеслу кузнеца, которым он занимался в течение нескольких лет в Холланд-Лэндинге. У него была ферма по соседству, которую он возделывал с большим финансовым успехом. Будучи человеком большого трудолюбия и ума, он постепенно накопил значительное состояние и стал тем, кого по тем временам можно было считать богатым. Более того, он завоевал уважение и доверие окружающих его людей, потому что был добросердечен и щедр и тратил большую часть своего времени на удовлетворение потребностей тех прибывающих поселенцев, которые находились в менее выгодном положении, чем он сам. По сей день окрестности изобилуют преданиями о его благородном бескорыстии, и есть старики и старухи, которые по прошествии полувека не могут говорить о Сэмюэле Лаунте без затуманивания зрения и хрипоты голоса.^[187] Хотя он был ревностным лоялистом, он был восторженным реформатором и яростно выступал против господства фракции, чей эгоизм зашел так далеко, что парализовал жизнь Провинции. Он был превосходным оратором и во время предвыборной борьбы многое сделал для пробуждения общественного мнения по плодотворной теме злоупотреблений исполнительной власти. Теперь он, в ответ на настойчивые просьбы, позволил выдвинуть себя кандидатом на пост представителя Симко в Ассамблее и, как уже было видно, был возвращен в этот избирательный округ вместе с ультраторийцами. Внешне он был значительно выше среднего роста, крепкого телосложения, смуглый, с приятным, интеллигентным выражением лица.

[Написано от руки.] Я ваш тупой слуга Дэвид Гибсон

Графство Йорк, страдающее от чувства унижения и частичного лишения избирательных прав, проявило себя особенно заметным участником конкурса. В течение предыдущего года был принят Закон[188], расширяющий и корректирующий представительство округа и разделяющий его в избирательных целях на четыре округа, обозначенных соответственно Первым, Вторым, третьим и четвертым. Каждый из них теперь вернулся Радикальным Реформатором. Первым верхом вернулся Дэвид Гибсон, землемер, проживавший на Йонг-стрит, примерно в восьми милях к северу от города, недалеко от нынешней деревни Уиллоудейл. Он был шотландцем по национальности, родившись в приходе Гламмис, графство Форфаршир, 9 марта 1804 года. В рамках закона в Провинции не было более ярко выраженного

Реформатора, чем мистер Гибсон, чей дом был чем-то вроде рандеву или места встреч для партийных собраний. Он был честным и благородных помыслов человеком, которого очень уважали его соседи, и он пользовался большим расположением своей партии. На втором этапе выбрали Маккензи. Многие избиратели не одобряли некоторые из его действий, но его статью в основном читали среди них, и считалось, что ему причитается некоторая компенсация за унижения, которым он подвергся. Третьим вернулся доктор Томас Дэвид Моррисон из Торонто, к которому уже обращались в связи с муниципальными делами города. Он был врачом, пользующимся хорошей практикой; человеком здравого смысла и дающим мудрые советы, а также видной фигурой в рядах Реформаторов. На Четвертую езду был возвращен Джон Макинтош, житель Торонто и родственник Маккензи по браку. Он был убежденным реформатором, не обладавшим выдающимися способностями, который несколькими месяцами ранее был избран президентом Конференции по реформе столичного округа и, как было известно, в значительной степени находился под контролем Маккензи. Таковы были четыре представителя из Йорка.

К концу конкурса реформаторы провинции получили определенное большинство голосов, что заставило их с нетерпением ждать заседания парламента, хотя, за исключением Бидвелла и Перри, их лучшие и наиболее доверенные руководители не получили в нем мест. Ролф и Болдуины категорически отказались баллотироваться от какого-либо из избирательных округов, хотя их настоятельно призывали это сделать. Похоже, они чувствовали, что политический пульс был нездоровым и что нельзя было добиться признания ни их самих, ни дела Реформ, пока сохранялись болезненные симптомы. Худшим симптомом из всех в их глазах было господство Маккензи и его спутников среди сельской и необразованной части общества.^[189] С этим возвышением они были совершенно не согласны и ждали времени, когда он достигнет надлежащего уровня в общественном мнении. Доктор Рольф заставил себя согласиться с такой оценкой Маккензи с большой неохотой; и вероятно, что его сильные подозрения в двурушничестве в вопросе выборов мэра были как-то связаны с изменением его взглядов.

К этому времени Маккензи устал от публикации "*Advocate*", которая не имела коммерческого успеха. В начале ноября вышел последний номер, изданный под его эгидой, и редактор был свободен посвятить все свои силы законодательным обязанностям.^[190] На второй неделе декабря он и ряд его политических друзей сформировали то, что они называли Обществом Канадского альянса, для продвижения ответственного правительства, отмены закона о первородстве, секуляризации резервов духовенства и других необходимых реформ, большинство из которых с тех пор были одобрены. В начале нового (1835) года Маккензи снова предложил себя в качестве кандидата на пост представителя прихода Святого Давида в городском совете Торонто, но потерпел поражение от Роберта Болдуина Салливана, блестящего юриста из Торонто и родственника Роберта Болдуина. Совет избрал победившего кандидата мэром на следующий год.

СНОСКИ:

^[181] *Ante*, стр. 187.

^[182] "Его наставлениям и любви к знаниям, которые он никогда не переставал внушать тем, кто попадал под магию его красноречия, многие люди, которые с тех пор оставили свой след в истории Канады, обязаны своим первым стартом в интеллектуальном прогрессе. Среди них

следует отметить нынешнего главного суперинтенданта образования, который признал, что если он и добился каких-либо отличий, то главным образом благодаря любви к знаниям, на которую его вдохновили красноречие и пример доктора Рольфа ". Таково было свидетельство покойного доктора Райерсона, опубликованное в *Журнале образования* после смерти доктора Рольфа в 1870 году.

[183] Фраза принадлежит самому Маккензи. Смотрите его замечания, предшествующие выдержкам, в "*Адвокате* от 22 мая.

[184] Доктором Моррисоном из городского совета Торонто. Смотрите отчет о работе этого органа на заседании, состоявшемся в понедельник, 9 июня 1834 года. По этому вопросу в целом см. брошюру, опубликованную в Торонто в 1834 году под названием *Знаменитое письмо Джозефа Хьюмаи др.*

[185] В письме от 14 июля 1834 г., опубликованном в "*Адвокате*" от 25 сентября, г-н Хьюм заявляет, что его смысл заключался в том, "что неправильное управление правительством в Канаде и монопольное эгоистичное господство тех людей, которые в последнее время (хотя и небольшой части народа) сопротивлялись любым улучшениям и реформам, потеряют авторитет властей на Даунинг-стрит и оставят людям свободу управлять своими делами".

[186] Следующая выдержка взята из искусно написанного письма, подписанного "О. Р. Q.", которое появилось в *Courier* от 5 июня 1834 года. В нем выражались настроения почти всех газет страны, любого политического оттенка: "Если бы не это письмо, жители этой провинции могли бы долго оставаться в неведении относительно истинных мотивов, которыми было продиктовано ваше поведение. Они могут долго считать вас преследуемым патриотом.... Но ваша неосторожность или ваше тщеславие были средством полного разоблачения и выставления вас перед народом этой страны во всем обнаженном уродстве признанного предателя. Отныне вы должны довольствоваться тем, что вас считают тайным подстрекателем бессердечного заговора.... Не думайте, сэр, что это чувства ярого политического оппонента, который одобряет меры, принятые по отношению к вам Палатой собрания.... Эти взгляды, сэр, являются взглядами человека, который всегда осуждал курс, проводимый вашими противниками по отношению к вам, как неразумный, несправедливый и неконституционный. Это чувства человека, который, если бы у него была власть наказывать людей, которые первыми вывели вас из нищеты, позора и разорения к сравнительному достатку и народной известности, отправил бы разрушителей вашей прессы в менее благоприятные регионы. Это чувства того, кто был до публикации письма ... считал вас человеком, связанным с институтами вашей страны.... Есть старая пословица: "Дайте ему достаточно веревки" и т.д. У вас их немного, и если признание в таких чувствах, которые вы недавно обнародовали, не позволит вам продвинуться еще на несколько ярдов, вы можете считать себя бесконечно более удачливым, чем многие лучшие и смелые люди ".

[187] "Для многих бедных поселенцев, приехавших из Европы и получивших земельные наделы от правительства, он был другом и советчиком, и в случае необходимости их нужды удовлетворялись из его кошелька или закровов. "Много раз, - говорили некоторые из наших товарищей по заключению, - мы видели, как он после окончания дневных трудов покидал свой дом, чтобы нести провизию на многие мили через непроходимый лес к лачуге какого-нибудь бедного и обездоленного поселенца, который вместе с женой и семьей был доведен нуждой и болезнями до полного разорения". Тем, кто знаком с историей новых поселений, нет нужды

рассказывать, как часто те, кто привык к лучшим временам, вынуждены вступать на новый жизненный путь, обязанности, о которых они совершенно не знают и для которых они совершенно непригодны, и как часто болезни порождаются их большими физическими нагрузками, пренебрежением и лишениями. В стране, подобной той, в которой обосновался мистер Лаунт, жители жили далеко друг от друга и состояли в основном из старых, изможденных британских офицеров, которые по окончании войны в последний раз разбили свои палатки в дикой местности. Суммы, вырученные ими от продажи своего половинного жалованья, почти истрачены на перевозку их маленьких семей, прежде чем они прибудут на земли, выделенные им правительством — неприспособленные из-за своих прежних занятий нести тяжелую работу, которой требовал их новый образ жизни, часто случалось так, что, прежде чем они могли что-либо добыть со своих земель, они оказывались совершенно лишенными средств к существованию. Слишком гордые, чтобы обратиться за помощью, они скорее умрут с голоду, чем сообщат о своем положении; но в лице Лоунта, их щедрого соседа, они нашли того, кто быстро нашел способ оказать помощь, и он позаботится об их нуждах с такой деликатностью, что самые чувствительные испытают скорее удовольствие, чем укол уязвленной гордости". — Theeller's *Канада в 1837-38 гг.*, том i, стр. 233, 234. Я привожу эти замечания не потому, что испытываю какое-либо уважение к личному свидетельству Теллера по какому-либо вопросу, а потому, что в данном случае его язык ясно выражает общее настроение того периода по отношению к Сэмюэлю Лаунту и подтверждается воспоминаниями многих людей, все еще живущих в Холланд-Лэндинге и его окрестностях.

[188] 3 Wm. IV., с. 15, передано 13 февраля 1833 года.

[189] В феврале прошлого года доктор Болдуин написал в ответ на уведомление об участии в качестве делегата на Окружном съезде: "От этой чести я прошу разрешения отказаться, и по этой причине: до сих пор я служил стране в меру своих скромных способностей в качестве ее представителя в парламенте, с искреннейшей честностью стремясь поддерживать права народа, незапятнанные, я надеюсь Одним-единственным голосованием противоположной тенденции я, вместе со многими другими самыми верными сторонниками этих прав, столкнулся с такой крайней изменчивостью общественного мнения, что в моем сознании уже давно сформировался следующий вывод: большая часть населения этой провинции (без сомнения, есть много достойных исключений), никоим образом не осведомленная о своих правах или их огромной ценности, тем не менее, постыдно безразлична к тому, в чьи руки они вверяют их сохранение и надлежащее осуществление. Только опыт должен учить людей. Этот опыт дается им болезненными уроками.... В этих обстоятельствах я прошу вас принести мои извинения " и т.д. Это письмо появилось в "*Адвокате*" от 13 марта 1834 г. после письма с аналогичным комментарием от доктора Рольфа.

[190] Некоторое время спустя это было продолжено другой рукой под именем *Корреспондента и адвоката*.

ГЛАВА XIV.

СМОТРИТЕ, ИДЕТ ГЕРОЙ-ПОБЕДИТЕЛЬ!

Наверх

1835.

Парламент собрался 15 января 1835 года, когда реформаторское большинство в Ассамблее смогло еще раз избрать мистера Бидвелла спикером. Голоса распределились тридцатью одним голосом против двадцати семи. Среди меньшинства были пять или шесть членов консерваторов, которые отвергали название Тори и выступали против политики официальной партии, которой, как было видно,^[191] они просто оказали квалифицированную поддержку как меньшее из двух зол. При таком положении дел в Ассамблее партия "Соглашение", конечно, была лишена возможности предпринимать какие-либо дальнейшие серьезные попытки не допустить Маккензи в Палату представителей. Материалы предыдущих сессий, касающиеся нескольких исключений, были по ходатайству самого Маккензи удалены из журналов Палаты представителей. Пагубное письмо о доминировании стало предметом длительного обсуждения, в ходе которого Маккензи получил несколько чрезвычайно жестких ударов от генерального солиситора Хагермана; но поскольку он был явно неправ, предав огласке это письмо, и поскольку члены его партии наказали его хранить молчание в случае нападок на этот счет, он спокойно выдержал натиск генерального солиситора.

Наиболее важными слушаниями сессии и единственными, о которых необходимо упомянуть на этих страницах, были те, которые касались Седьмого доклада Комитета по рассмотрению жалоб, на который уже неоднократно делались ссылки. В пятницу, 23 января, Маккензи ходатайствовал и добился назначения Специального комитета по рассмотрению жалоб, наделенного полномочиями посылать за людьми, бумагами и отчетами, а также полномочиями время от времени сообщать в Палату представителей счет, адрес или иным образом. Сам Маккензи выступал в качестве председателя Комитета, другими членами которого, как наконец выяснилось, были доктор Моррисон, Дэвид Гибсон и Чарльз Уотерс, один из представителей Прескотта. Знаменитый Седьмой доклад, который сделал больше для привлечения внимания правительства Метрополии к вопросу о делах Верхней Канады, чем все предыдущие усилия в этом направлении, был завершен и представлен Ассамблее в пятницу, 10 апреля. Это был поистине грозный обвинительный акт. В нем перечислялись различные проблемы, с которыми столкнулась Провинция и которые громко требовали исправления. Они уже были изложены в предыдущих главах настоящей работы, и здесь нет необходимости их расширять. Преобладающий тон Доклада был умеренным и спокойным, и в нем практически нет ничего такого, из чего можно было бы сделать серьезное исключение, хотя, как легко можно понять из внутренних свидетельств, составители были твердо убеждены в важности яркого изложения их

дела. Сам отчет занимает всего пятнадцать страниц в приложении к официальным журналам сессии; но доказательства, собранные Комитетом, а также различные письма, бумаги и документооборот, которые составляют массу ценной информации, представленной Ассамблее, достигают огромных размеров. В дополнение к экземплярам, напечатанным для включения в приложение к журналу, две тысячи экземпляров полного собрания сочинений были выпущены отдельно в виде octavo для распространения. Таким образом, он разошелся значительным тиражом по всей провинции; и по экземпляру было также разослано каждому члену британской палаты общин. Первый экземпляр, попавший в руки переплетчика, был направлен министру по делам колоний. Все самые насущные проблемы были рассмотрены более или менее подробно, но особое внимание было уделено необходимости ответственного правительства — правительства, ответственного перед общественным мнением, которое должно прекратить свое существование, когда оно перестанет пользоваться доверием народа. Желаемое решение этого важного вопроса обязательно включало бы устранение многих наиболее вопиющих злоупотреблений, которым долгое время подвергались жители провинции, и партия реформ остро осознавала важность получения концессии. Более трети собственно доклада было посвящено рассмотрению этого вопроса в его различных аспектах, и было показано, что исполнительная власть провинции не только невосприимчива к общественному мнению, но и была достаточно готова игнорировать взгляды самого правительства метрополии, когда эти взгляды не совпадали с их собственными планами самовозвеличивания. Некоторые из собранных доказательств носили наиболее компрометирующий характер, в то время как отказ ведущих участников Соглашения отвечать на определенные поставленные перед ними вопросы, как правило, не выставлял ситуацию в более благоприятном свете. Ответы архидьякона Стрейкена на многие заданные ему вопросы были равносильны практическому неуважению к Комитету. "Я не отвечаю на этот вопрос". — "Мне нечего ответить". — "Я отсылаю вас к Конституционному акту". — "Я не могу ответить на этот вопрос из-за содержащихся в нем предположений, которые я не признаю". Таковы некоторые из его ответов. Весь его анализ заслуживает прочтения, поскольку показывает, насколько разумный человек иногда позволяет фанатизму и нетерпимости овладеть его душой. Действительно, показания всех свидетелей могут быть с пользой прочитаны теми, кто желает получить полное представление о состоянии Провинции в то время и в полной мере оценить существовавшую необходимость изменения способа ведения государственных дел.

Доклад, хотя и был представлен Ассамблее, как указывалось выше, по-видимому, не был официально принят в ходе сессии, но распоряжение о его печати вместе с двумя тысячами дополнительных экземпляров было равносильно практическому принятию, и, вероятно, именно так и рассматривалось. Комитет мог бы легко добиться его принятия, поскольку голосование по кандидатуре спикера не в полной мере отражало силу оппозиции, которая по нескольким вопросам смогла получить большинство от десяти до одиннадцати. Но партии реформ вновь был наглядно продемонстрирован тот факт, что простой успех на выборах мало что им дал. Несмотря на численное меньшинство официальной партии в Собрании, они продолжали осуществлять верховную власть и укрепляться за счет постоянного покровительства. Они контролировали Законодательный совет и, таким образом, могли контролировать законодательные полномочия Ассамблеи, независимо от какого-либо вопроса о численной силе или слабости Оппозиции в этой Палате. Законодательный совет теперь занял позицию решительного антагонизма к голосу народа и не будет принимать никаких законов либерального характера. Яркое осознание этих фактов придало остроту замечаниям об

ответственном правительстве в Отчете Комитета по рассмотрению жалоб. Ассамблея направила Его Величеству Обращение с изложением этих различных обескураживающих факторов. Формулировки были уважительными, но твердыми, и был намек на то, что, если средство правовой защиты не будет предоставлено, придется прибегнуть к крайней мере - отказу от обычных поставок. В то же время из некоторых сельских округов через Атлантику были отправлены искренние петиции Его Величеству с мольбами о том, чтобы принципы британской конституции были применены к делам Канады.

Обращение и петиции сопровождалось самыми полными документальными и иными доказательствами, и в сочетании с Отчетом Комитета по рассмотрению жалоб они побудили правительство Метрополии к действию. Пост министра колоний не раз переходил из рук в руки с тех пор, как мистер Стэнли занимал этот пост. На тот момент и в течение нескольких последующих лет его исполнял лорд Гленелг. Его светлость внимательно изучил этот Отчет и лично представил его королю. Правительство Метрополии к этому времени полностью осознало, что в Канаде существует много вполне обоснованного недовольства и что необходимо что-то сделать, чтобы его унять. Было ясно, что реформаторы были оправданы по крайней мере в некоторых своих требованиях и что им следует пойти на разумные уступки. Это осуждение привело к нелюбезной переписке между Министерством по делам колоний и сэром Джоном Колборном,^[192] который, как можно предположить, по совету Главного судьи Робинсона и архидьякона Стрейкена, очень неохотно шел на предложенные уступки. Поскольку это нежелание проявилось в ходе переписки, министр по делам колоний принял решение отозвать Его превосходительство. Сэр Джон был назначен правительством Тори, традиции которого были довольно сильно разрушены в результате принятия законопроекта о реформе. Его способ руководства провинциальной администрацией, возможно, в какой-то степени смягчается обстоятельствами, сопутствовавшими его назначению. Но правительство вигов уже некоторое время находилось у власти, и нельзя было допустить, чтобы изнеженная колониальная политика сохранялась в ущерб лояльности колониалистам. Если сэр Джон Колборн не поддавался дисциплине вигов, он должен был уступить место кому-нибудь с более пластичным складом ума. Тем временем ему было поручено отложить созыв Законодательного собрания до тех пор, пока правительство Метрополии не сможет полностью рассмотреть этот аспект дела и предпринять такие шаги для удовлетворения жалоб провинции, которые могут показаться целесообразными.

Придя к такому выводу, министр по делам колоний начал подыскивать преемника сэру Джону Колборну. Найти подходящего во всех отношениях было нелегко, поскольку это назначение не было наградой такого масштаба, чтобы привлекать людей с действительно первоклассными способностями. По-видимому, есть веские основания полагать, что это место было предложено по крайней мере двум достаточно компетентным государственным служащим, оба из которых отказались от него.^[193] Принимая во внимание его последующее поведение, справедливо предположить, что лорд Гленелг искренне стремился сделать все возможное для Верхней Канады и доверить это назначение лучшему человеку в пределах его досягаемости. Насколько позорно он не смог осуществить свои пожелания в данном конкретном случае, известно каждому изучающему историю Верхней Канады; но чего не известно ни изучающим историю, ни кому—либо еще, так это - какова была движущая сила, которая руководила его выбором? Благодаря какому причудливому стечению обстоятельств это назначение в конце концов было предложено и принято одним из самых невероятных людей в трех королевствах, является одной из тех официальных загадок, которые, кажется, не поддаются разгадке. Факт остается фактом:

пост вице-губернатора Верхней Канады был присвоен сэру Фрэнсису Бонд Хеду, кавалеру Королевского Ганноверского гвельфийского ордена, майору на половинном жалованье в отставке, помощнику комиссара по делам бедных в одном из округов Кента и автору нескольких занимательных, но чрезвычайно поверхностных книг о путешествиях. Ни для кого это назначение не было большей неожиданностью, чем для самого сэра Фрэнсиса. Должно быть, он чувствовал полную абсурдность происходящего — что он не имел права претендовать на такую должность и был лишен права занимать ее с честью. Он ничего не знал о Канаде и его это не волновало. Он был совершенно несведущ в политике. Он никогда не вступал ни в одну политическую партию; никогда не присутствовал на политических дискуссиях; даже никогда не голосовал на выборах и не принимал в них никакого участия.^[194] постольку, поскольку каких-либо знаний о британской конституции был обеспокоен, у него было так же мало, как любой англичанин достойного образования может быть. Он не имел никаких претензий к правительству, не был знаком ни с одним из его членов и никогда в жизни даже не видел лорда Гленелга.^[195] Конечно, нет ничего странного в том, что он должен был, как он говорит,^[196] "в полном недоумении", почему ему предложили это назначение.

С того дня и по настоящее время это обстоятельство озадачивало более мудрые головы, чем его, и предпринимались различные попытки разгадать тайну. Говорят, в Министерстве по делам колоний существует традиция, согласно которой назначение стало результатом странного неправильного понимания личности, и покойный мистер Робак заверил сэра Фрэнсиса Хинк, что так оно и было на самом деле.^[197] "Выдающийся государственный деятель Империи" также заверил сэра Фрэнсиса, что слышал то же самое заявление,^[198] которая заключалась в том, что человек, для которого назначено назначение, действительно был предполагался родственник сэра Фрэнсиса, впоследствии сэра Эдмунда Уокер-Хеда, генерал-губернатора Канады. Говорят, что на заседании кабинета министров, когда рассматривался выбор преемника сэра Джона Колборна, один из министров предположил, что "янг Хед" был бы наиболее подходящим кандидатом на эту должность — имелся в виду Эдмунд Уокер Хед, который уже тогда был известен как обладающий широкими политическими знаниями, по крайней мере, настолько, насколько такие знания можно почерпнуть из книг. Кроме того, Эдмунд был известен многим общественным деятелям Великобритании как способный писатель на политические темы и был протеже маркиза Лэнсдауна, который в то время был президентом Совета и, как следствие, коллегой лорда Гленелга. Эдмунд, как и Фрэнсис, был уполномоченным по делам бедных, хотя и занимал более высокое положение, чем его родственник. Таким образом, утверждается, что был какой-то видимый предлог для того, чтобы спутать одно с другим. Лорд Гленелг, как гласит история, воспринял предложение своего коллеги как относящееся к сэру Фрэнсису, и последовал ему; и прежде чем ошибка была обнаружена, назначение было предложено не тому человеку и принято не им.^[199] Нелегко сказать, сколько правды может быть в этом изложении дела. Такая грубая ошибка означала бы небрежность, едва ли мыслимую при управлении важным государственным ведомством. Сэр Фрэнсис Хинкс, однако, который имел исключительную возможность обсудить эту историю с ведущими английскими государственными деятелями, твердо склонен в нее поверить.^[200] Какое бы мнение ни было сформировано относительно его истинности или ложности, несомненно, что сэр Фрэнсис Бонд Хед получил это назначение и что его поведение в Верхней Канаде сделало больше для отчуждения умов колонистов в целом, чем что-либо, что было сделано сэром Джоном Колборном или сэром Перегрином Мейтлендом. От его имени следует сказать следующее: он прибыл в Канаду в очень критический момент — в то время, когда

дипломатическая проницательность и прозорливость государственного деятеля настоятельно требовались от человека, занимающего должность вице-губернатора. Несправедливость так долго царила в этой стране, что многие жители перестали надеяться на лучшие времена. Многие отчаивались в будущем, а некоторые, чьей естественной стихией было противодействие, не испытывали особого желания быть примиренными.^[201] Даже прирожденный государственный деятель ни в коем случае не счел бы свою задачу синекурой.

Для государственных деятелей не могло быть и тени притворства со стороны сэра Фрэнсиса Хеда. Склад его ума был легким и воздушным. Он был необычайно тщеславен и застенчив; и, как уже было видно, он был лишен политических знаний и опыта. Весь ход его предыдущей жизни был направлен на то, чтобы сделать его непригодным для того величия, которое теперь было возложено на него. Значительная часть его была потрачена на путешествия и приключения, и очень мало - на учебу. Он бросил школу в раннем возрасте, и с тех пор сталкивался с бесчисленными дорожно-транспортными происшествиями, вызванными наводнениями и полевыми работами в различных частях мира. Он прошел определенную подготовку в Военной академии в Вулвиче и на девятнадцатом году жизни получил звание Королевского инженера. Незадолго до окончания войны на Пиренейском полуострове он побывал на действительной службе в Испании; присутствовал при Катр-Бра и Ватерлоо, а также сражался при Флерюсе под командованием прусского генерала Зиетана, где под ним была подстрелена лошадь. После восстановления мира он в течение некоторого времени занимался тригонометрической съемкой острова Лампедоса в Средиземном море. Оттуда он сел на греческое судно, направлявшееся в Триполи; чуть не потерпел крушение из-за неводержанности шкипера и в конце концов был высажен на берег на Мальте. Он также был сражен Байроном и последовал вслед за автором "Чайльд Гарольда" в Левант; созерцал "Ниобу народов" среди руин Рима; был свидетелем танца дервишей среди разрушенных храмов Афин; и "почувствовал, как его патриотизм набирает силу на Марафонской равнине".^[202] Он дважды посещал Южную Америку в качестве агента компании, созданной для разработки определенных золотых и серебряных рудников и известной как Горная ассоциация Рио-де-ла-Плата. Во время одной из таких экспедиций он проехал верхом из порта Буэнос-Айрес через пампасы к серебряным рудникам Упсаллата, у подножия Анд, откуда без какого-либо спутника галопом вернулся в Буэнос-Айрес — расстояние почти в тысячу миль - за короткий промежуток времени в восемь дней. Затем он вернулся обратно через пампасы и, собрав в Мендосе группу старателей, повел их через Анды в Сантьяго, столицу Чили. После "разведки" страны в различных направлениях он вернулся через Анды и пампасы в Буэнос-Айрес, преодолев шесть тысяч миль верхом за невообразимо короткое время. Его "Черновые заметки" содержат наглядный отчет об этой экспедиции, и это очень интересное чтение. Это снискало ему широкую известность и привело к тому, что в современной литературе того времени его обычно называли "Скачущей головой". Его полная приключений карьера наложила неизгладимый отпечаток на его характер. Он был опрометчив, порывист, невнимателен и поверхностен, любил создавать драматические эффекты и всегда стремился к какому-нибудь *театральному перевороту*. Он недостаточно долго проработал уполномоченным по делам бедных, чтобы основательно остепениться, когда около полуночи в его кентскую резиденцию прибыл королевский гонец с официальным предложением назначить его вице-губернатором Верхней Канады. По-видимому, сначала у него хватило здравого смысла отклонить предложенную честь, но он позволил уговорить себя принять ее лорду Гленелгу и его заместителю мистеру Стивену. Как я уже говорил в другом месте: "Результатом назначения, назначенного при таких

обстоятельствах, стала катастрофа для Провинции и нечто, почти приближающееся к позору для него самого. Как гражданский администратор в беспокойной и охваченной жалобами колонии, он был совершенно не в своей тарелке и предоставил сигнальный экземпляр круглого колышка в квадратном отверстии. Его правление длилось немногим более двух лет, но за этот период он ухитрился поссориться со своей собственной исполнительной властью, с правительством Метрополии, от которого он получил свое назначение, и почти со всеми, кто желал продвигать дело политической свободы в Верхней Канаде. Он также ухитрился натворить немало пакостей, которые оставляли следы в течение многих лет после того, как он перестал иметь какой-либо контроль над канадскими делами. И все же было бы крайне несправедливо представлять его как намеренно плохого или со злонамеренными намерениями человека. Он был просто слабым человеком вне своей сферы деятельности". [203] То, что человека с такими умственными способностями следовало послать, чтобы остановить волну недовольства верхушки Канады и умиротворить шумных радикалов типа Маккензи, само по себе является достаточным доказательством того, что была допущена какая-то огромная официальная ошибка. Нужен был государственный деятель и человек либеральных политических взглядов. Если бы было проведено какое-либо, хотя бы малейшее расследование, было бы установлено, что сэр Фрэнсис едва ли знал значение слова "государственный деятель" и что у него не было никаких политических взглядов. Вряд ли будет преувеличением сказать, что по всем текущим политическим вопросам, независимо от того, касались ли они колоний или метрополии, в его голове не было ничего, кроме пустоты. Лорд Гленелг подготовил подробный документ с инструкциями для нового вице-губернатора, который был задуман как ответ Империи на решительные заявления, поступавшие из Верхней Канады в течение года. Сэру Фрэнсису было поручено довести суть своих инструкций до обеих палат провинциального парламента. Проучившись несколько дней у мистера Стивена, съездив в Брайтон и будучи представлен королю, он со своей свитой отплыл из Ливерпуля в Канаду через Нью-Йорк. Пересекая Атлантику, он посвятил некоторое время изучению своих инструкций вместе с Седьмым отчетом Комитета по рассмотрению жалоб, которым его снабдили в министерстве по делам колоний. [204] По прибытии в Нью-Йорк он направился к своему конечному пункту назначения. "Этой главе не было бы конца, - пишет он в третьей главе своего "Повествования", - если бы я стал описывать простоту ума, злонамеренно называемую невежеством, с которой я приблизился к городу Торонто. С увесистой книгой жалоб мистера Маккензи в моем чемоданчике и с моими инструкциями по исправлению положения в моем письменном чемоданчике я рассматривал себя как политического врача, который, независимо от того, получал ли он регулярное образование или нет, вот—вот добьется удивительного исцеления; ибо, поскольку я ни на минуту не сомневался ни в существовании 553 страниц жалоб, ни в том, что я буду безжалостно уничтожать их с корнем и ветвями, я был совершенно уверен, что очень скоро смогу с гордостью сообщить, что жалоб Верхней Канады больше нет - фактически, что я дал добро на их уничтожение. , видел их и победил". Безумный человек, сравнивать себя с Цезарем, даже в такой полушутливой манере, в такое время и предполагать, что ожесточенная вражда, копившаяся на протяжении большей части поколения, могла быть сметена с лица земли простым мановением руки такой слабой замены "могущественного Юлия", как он!

1836.

Он прибыл в Торонто 23 января 1836 года. Сэр Джон Колборн как раз был готов к своему отъезду, к великому сожалению официальной партии и к большому удовольствию реформаторов, которых заставили поверить, что новый вице-губернатор был убежденным

либералом, присланным специально для того, чтобы уладить их недовольство и свергнуть Договор с места власти, которое они так долго узурпировали. Парламент был собран 14 числа того же месяца и с тех пор ожидал прибытия нового представителя короля. Что касается сэра Джона Колборна, то он был не в ладах с имперским правительством, хотя его жесткие представления о дисциплине не позволяли ему высказывать свое недовольство никому, кроме некоторых членов Исполнительной власти, но даже им его взгляды были сообщены с большой осторожностью и в строжайшей тайне.^[205] В результате неудовлетворительных сообщений из Министерства по делам колоний он в течение некоторого времени чувствовал, что его положение становится все более и более неудобным, и просил отозвать его; но вопрос о его снятии с должности был полностью решен до получения его запроса министром по делам колоний. Он отсидел свой полный срок в шесть лет или чуть больше, так что его отстранение от должности не повлекло за собой никаких последствий для него. Его характер и воспитание не позволяли ему осуществлять проекты Реформ, которые было решено начать, но в своей сфере деятельности он был признан ценным государственным служащим, который всю свою жизнь исполнял свой долг в соответствии с тем, что было ему даровано. Ведущие деятели правящей партии Провинции ожидали его ухода с мрачными предчувствиями. Их также заставили предположить, что сэр Фрэнсис Хед был Реформатором с большим опытом, который пришел к ним, чтобы ввести новый порядок вещей. Они решили предпринять одно большое усилие, пока у них оставался шанс. Они побудили сэра Джона перед его отъездом совершить то, что уместно охарактеризовать как самый противоестественный поступок в его жизни: поступок, который вызвал настоящий взрыв общественного негодования и заставил имя преступника быть проклятым по всей провинции.

Следует помнить, что^[206] Конституционным законом было предусмотрено создание и наделение из земель, зарезервированных для поддержки протестантского духовенства, домов священников или приходских домов, согласно учреждению Англиканской церкви. Дискуссия, к которой неоднократно приводили Резервы Духовенства, не позволила воспользоваться каким-либо преимуществом этого авторитета. С момента принятия Конституционного акта прошло почти полвека, и поскольку власти было позволено оставаться неиспользованной в течение всего этого времени, были веские основания полагать, что не будет предпринято никаких попыток привести ее в действие, особенно с учетом сильного чувства, испытываемого в отношении Резервов, и того факта, что правительство Империи обратилось к парламенту провинции с просьбой принять закон по этому вопросу. Предыдущие министры по делам колоний, в том числе лорд Годерих, дали то, что справедливо можно было бы истолковать как обещания со стороны имперского правительства, что не будут предприняты никакие шаги в отношении распоряжения какой-либо частью Резерваций, если это не согласуется с мнениями большинства высшего канадского населения. И все же сэр Джон позволил убедить себя создать и наделить сорок четыре дома священников^[207] более чем 17 000 акров земли, в среднем около 386 акров каждому. Они были переданы во владение священнослужителям, которые, таким образом, получили возможность приобрести такой личный имущественный интерес к этим землям, который, как считалось, позволил бы им отстаивать свои права на них в суде.

Этот самый предосудительный "клерикальный захват земель" был совершен 15 января, за восемь дней до прибытия преемника сэра Джона Колборна, и когда сэр Фрэнсис фактически был *на пути* в Торонто. Таким образом, это был один из последних официальных актов сэра Джона. Говорят, что его с трудом заставили согласиться с советом своего Совета по этому

вопросу. Во всяком случае, он, по-видимому, считал, что создание им приходских домов было экстраординарным поступком, и позаботился о том, чтобы ничего не говорить об этом имперскому правительству, которое узнало об этом только после того, как сэр Фрэнсис Хед некоторое время находился у власти. То, что создание и финансирование приходских домов были средством значительного усиления общего недовольства по всей провинции, и что они, таким образом, были факторами, вызвавшими Восстание, не подлежит сомнению; хотя говорить, как было сказано Маккензи и другими, что они были *главными* факторами, значит нести чушь. Продолжение истории также может быть кратко изложено здесь. Исполнительный совет держал это дело в секрете так долго, как мог, но оно было такого характера, что его скорейшее раскрытие было неизбежно. Сделка стала достоянием общественности весной, вскоре после закрытия сессии парламента. Как только об этом стало известно, общественное возмущение начало проявляться в громких речах и газетных статьях. Были проведены собрания, чтобы осудить сэра Джона Колборна и тех, кто подтолкнул его к этому своевольному беззаконию. Уэслианская методистская конференция и Синод Церкви Шотландии в Верхней Канаде, если и не пришли к согласию по какому-либо другому вопросу, то были единодушны в этом вопросе и официально высказались по этому поводу с горячностью, которая понравилась общественному мнению. Бесчисленные петиции были отправлены по морю. "Имперское правительство", - говорит мистер Линдси,^[208] "было завалено петициями, в которых молились об аннулировании приходских домов. Настроение общественного сознания стало проникаться той угрюмостью, которую порождает чувство обиды и которая предвещает приближение гражданских волнений. Именно идея попранной имперской веры, нарушенного договора между Сувереном и его канадскими подданными стала причиной нанесенного ущерба. Народ повторил обещание лорда Годериха, что их пожеланиями в этом вопросе будет руководствоваться Государь, и считал себя жертвами обмана, который навлек бесчестие на корону и недоверие к имперской вере". Правительство Метрополии колебалось по поводу отказа от сделки. Право вице-губернатора создавать фонды без явного согласия короля было не совсем ясным, и по этому вопросу были проведены консультации с королевскими судебными приставами. Эти джентльмены по делу, представленному на их рассмотрение, высказали мнение, что имело место превышение полномочий и что создание и пожертвование были недействительными. Доктор Стрейкен, ознакомившись с этим обстоятельством, подготовил отчет, содержащий определенные факты и документы, которые не были представлены сотрудникам правоохранительных органов, которым дело теперь было передано во второй раз. Дополнительные данные придали этому вопросу иное значение, и сотрудники Правоохранительных органов пришли к выводу, противоположному тому, который они высказывали ранее. Соответственно, получателям гранта было разрешено сохранить свою собственность в неприкосновенности, но имя сэра Джона Колборна в Верхней Канаде продолжали проклинать за его участие в сделке в течение многих лет.^[209]

СНОСКИ:

^[191] Ante, стр. 231, 232.

^[192] См. *Отчет Специального комитета Палаты Собрания о политическом состоянии провинций Верхняя и Нижняя Канада*, стр. 25. Торонто, 1838.

^[193] См. *Черновые заметки к рассказу Хеда*, Либерал, стр. 17. Лондон, 1840.

^[194] Смотрите его *рассказ*, глава III.

[195] *Повествование*, глава II.

[196] *Ib.*

[197] Смотрите *Воспоминания о его общественной жизни*, сэра Фрэнсиса Хинкса, К.К.М.Н., С.В. стр. 14. Монреаль, 1884.

[198] *Ib.*, стр. 15.

[199] Смотрите *Канадскую портретную галерею*, том iv., стр. 172.

[200] *Воспоминания* и др., стр. 14, 15.

[201] Министерство по делам колоний даже не могло сослаться в оправдание такой фатальной ошибки, как назначение сэра Ф.Б. главой, на то, что оно не осознавало важности кризиса в колониальных делах. В начале инструкции, подготовленной для сэра Фрэнсиса и датированной "Даунинг-стрит, 15 декабря 1835 года", можно найти следующие слова: "Настоящим имею честь препроводить вам Распоряжение, подписанное указом Его Величества, о назначении вас вице-губернатором провинции Верхняя Канада. Вы были избраны на этот пост в эпоху более трудную и важную, чем любая из тех, что до сих пор происходили в истории этой части владений Его Величества. Выражение уверенности в вашем благоразумии и способностях, которое подразумевает этот выбор, было бы только ослаблено любыми более формальными заверениями, которые я мог бы вам передать ". Какой комментарий к подобным формулировкам был дан самим фактом назначения такого человека, как сэр Фрэнсис Хед!

[202] Смотрите краткий отчет о жизни сэра Ф. Б. Хеда, опубликованный в "*Курьере Верхней Канады*" от 11 июня 1836 г., написанный Аланом Фэйрфордом (Джоном Кентом) и снабженный примечаниями к сборнику *речей, посланий и ответов его превосходительства*, изданному в Торонто в том же году.

[203] *Канадская портретная галерея*, Том II., стр. 169, где процитированные выше предложения являются частью достаточно полного очерка жизни сэра Ф. Б. Хеда.

[204] Похоже, что Джозеф Хьюм предоставил ему дубликат. Посмотрите письмо этого джентльмена Маккензи, датированное 5 декабря 1835 года и включенное в третью главу *Повествования*.

[205] См. *Отчет Специального комитета Ассамблеи* и др., 1838. См. также *Вопрос священника*, стр. 2. Торонто, 1836.

[206] *Ante*, стр. 63.

[207] Намерение состояло в том, чтобы создать пятьдесят семь ректориев, и патенты на это число были фактически оформлены, но тринадцать из них остались неподписанными вице-губернатором, и власти отказались завершить их или признать их действительность. Смотрите "*Приходы священников Верхней Канады*", *возвращаясь к Обращению Достопочтенной Палаты общины* т.д. Министерство по делам колоний, Даунинг-стрит, 1839 год. См. также *Последние сорок лет*, том ii., стр. 199: *Религиозные пожертвования в Канаде; глава канадской истории*, сэр Фрэнсис Хинкс, К.К.М.Н., С.В.; Лондон, 1869.

[208] См. *"Заповедники духовенства", их историю и нынешнее положение*, Чарльз Линдси, стр. 30, 31. Торонто, 1851 год.

[209] Не было сочтено необходимым подробно останавливаться на вопросе о доме священника на этих страницах. Любой, кто пожелает это сделать, найдет очень полную информацию в различных источниках, упомянутых выше.

ГЛАВА XV.

"ИСПЫТАННЫЙ РЕФОРМАТОР".

Наверх

Сэр Фрэнсис Хед, прибыв в Торонто в субботу, 23 января, временно поселился в отеле, где для него были забронированы апартаменты. Проезжая по улицам, он был немало удивлен, увидев на стенах вывески крупными буквами "Сэр Фрэнсис Хед, испытанный реформатор". Каким фарсом, должно быть, выглядело это в его глазах, зная, что до дня получения королевского гонца он никогда не читал ни страницы о практической политике; что он никогда не регистрировал политические голосования и что в настоящий момент, по его собственному откровенному выражению, он был связан с человеческой политикой не больше, чем лошади, которые его влекли! Как, должно быть, он удивлялся Судьбе, сыгравшей с ним такую шутку! В тот же день, по настоятельной просьбе сэра Джона Колборна, он переехал в Дом правительства. В понедельник, 25-го, он был приведен к присяге в качестве вице-губернатора, а во вторник сэр Джон и его семья отбыли в Монреаль. Соглашение заботилось о том, чтобы их верный друг не покидал резиденцию своего правительства без какого-либо знака того, что могло бы сойти за народную благосклонность. Толпа людей собралась, чтобы поприветствовать сэра Джона, проходившего по улицам по пути на восток, и постороннему человеку было бы простительно полагать, что бывший вице-губернатор вызывал у населения чувства самой теплой привязанности. Он направился в Монреаль и договорился отплыть из Нью-Йорка в Англию, когда получил депешу о назначении его главнокомандующим Вооруженными силами в Канаде. Соответственно, он отправился в Квебек, столицу Нижней провинции, которая уже находилась в состоянии брожения и готовилась к взрыву, который разразился ближе к концу следующего года.

Теперь, когда сэр Фрэнсис официально вступил в должность, обычно предполагалось, что началась эпоха реформ. Его манеры и обращение были в высшей степени приятными, и поначалу он производил самое благоприятное впечатление на всех, кто входил в непосредственный круг его влияния. Реформистская пресса воспевала его хвалу. Как только он получил свое назначение, Джозеф Хьюм написал Маккензи, поздравляя провинцию с этим обстоятельством и заявляя, что поведение и принципы сэра Фрэнсиса получили большое одобрение. "Я беспокоюсь о том, - писал мистер Хьюм, - чтобы вы и все реформаторы приняли сэра Фрэнсиса наилучшим образом и сделали все в соответствии с принципами, чтобы соответствовать его взглядам и пожеланиям".^[210] Факт заключался в том, что мистер Хьюм находился в точно таком же состоянии, как и сам лорд Гленелг, в отношении сэра Фрэнсиса: иными словами, он вообще ничего о нем не знал. Похоже, он весьма неблагоприятно считал сам собой разумеющимся, что новый вице-губернатор был хорошим человеком для этой должности, потому что он был назначен под покровительством вигов. Его письмо попало во все реформистские газеты Верхней Канады, и у сэра Фрэнсиса не было причин жаловаться на обращение, которому он подвергся в их руках. Его приветствовали как "Испытанного реформатора", о котором они так долго и напрасно молились. С другой стороны, тори и консерваторы, естественно, относились к нему со значительной опаской. Они не сомневались, что его появление предвещало их падение; но они были слишком мудры, чтобы высказывать какое-либо беспокойство, и спокойно ждали развития событий. В то время как парламент заседал, он получил от обеих палат поздравительные адреса по случаю своего вступления в должность главы правительства. 27-го он спустился в Зал Совета и произнес краткую и довольно бессмысленную речь перед Законодательным собранием.^[211] "Что касается меня, - сказал он, - мне нечего ни обещать, ни исповедовать, но я надеюсь, что не буду напрасно просить вас оказать мне ту лояльную, конституционную, беспристрастную и бесстрашную помощь, на которую рассчитывает ваш король и которой требуют растущие интересы вашей страны". Лорд Гленелг поручил ему довести до сведения законодательного собрания провинции суть своих инструкций. Он не только передал суть письма, но и разослал дословную копию самого письма вместе с копией приложения в каждый из Домов. Этим необдуманным поступком он поставил в немалое замешательство министра по делам колоний и доказал свое полное отсутствие опыта в дипломатических делах.^[212] Лорд Гленелг, как и официальный мир Великобритании в целом, почувствовал и выразил решительное неодобрение такого необычного поведения со стороны вице-губернатора, которого следовало отозвать только за этот поступок, и, вероятно, отзывали бы, если бы не трудности с поиском компетентного человека на его место.

Изучению этих инструкций должно быть отведено определенное место. Говоря в целом, можно предположить, что они проявили склонность к смягчению недовольства колонистов, но только частичным и поэтапным образом, таким, какой мог бы быть применен к лицам, находящимся под опекой. Было очевидно, что правительство Метрополии рассматривало колонистов как людей, которые не достигли полного политического роста, которые не во всех случаях были способны судить о том, что лучше для них самих, и которые нуждались в постоянном наблюдении со стороны более спокойных и возвышенных умов, чем их собственный. В ответ на утверждение о том, что количество государственных должностей в колонии превышает потребности населения, было сказано, что в Верхней Канаде, как и в других новых странах, количество государственных должностей неизбежно пропорционально больше, чем в более старых и густонаселенных штатах. "На ранних стадиях развития такого общества, - писал лорд

Гленелг, - на правительство возлагается множество обязанностей, которые в более продвинутый период берут на себя более образованные и состоятельные классы в качестве почетного занятия своего досуга". Далее он сказал, что правительство Его Величества не стремилось сохранять за собой больше покровительства, чем было необходимо для благосостояния народа, но что отбор государственных должностных лиц должен быть доверен главе местного правительства и не может разумно осуществляться в какой-либо форме всенародных выборов или поручаться какому-либо народному органу. Было высказано предположение, что такое упражнение или передача были бы разрушительными для ответственности и дисциплины. Эта доктрина была изложена как общее правило действий, но любое желание вывести ее за пределы справедливых и необходимых пределов было категорически отвергнуто, и было даже высказано предположение, что существуют случаи, в которых доктрина может быть нарушена. Не было попытки вдаваться в подробности относительно конкретных случаев, но в качестве общего принципа было заявлено, что любое покровительство, необходимое для поддержания полного подчинения прерогативам короны, должно быть сохранено, и что от всего ненужного для этой цели следует отказаться. Его Превосходительству было поручено тщательно изучить этот вопрос и сообщить о результатах своего расследования. Если тем временем он сочтет разумным сократить количество должностей либо путем упразднения, либо объединения, он был уполномочен действовать по своему усмотрению в этом отношении, но любое назначение, произведенное при таких обстоятельствах, должно было быть чисто временным и подлежать отмене правительством страны происхождения. При отборе лиц на государственные должности его Превосходительство должен был руководствоваться исключительно сравнением притязаний кандидатов на основании прошлых заслуг или личной квалификации; и, как общее правило, на должность не должно было назначаться лицо, которое не было бы уроженцем провинции или оседлым ее жителем. Исключения из этого последнего правила допускались в тех случаях, когда требовалось знание какого-либо конкретного искусства или науки и когда не удавалось найти кандидата из провинции, обладающего необходимой квалификацией. Его превосходительство также был освобожден от ограничений в выборе тех офицеров, которые были непосредственно прикреплены к его собственной персоне. Были и различные другие указания, не требующие уточнения, по вопросам патронажа и пенсий, заработной платы и сборов, а также провинциального почтового отделения. Вопрос о резервациях духовенства рассматривался в самом общем виде, никакого определенного курса предложено не было; и инструкции по этому вопросу абсолютно лишены исторической или иной ценности. Что касается Департамента по предоставлению земли, то предполагалось, что некоторые жалобы были устранены. Была сделана ссылка на депешу лорда Рипона по этому вопросу, и было заявлено, что любая двусмысленность в ней должна быть устранена, при этом должно быть обеспечено незамедлительное выполнение содержащихся в ней инструкций. Колледж Верхней Канады, основанный сэром Джоном Колборном всего за пять лет до этого, уже стал поводом для оскорблений для многих реформаторов. Ассамблея в своем Обращении к Его Величеству заявила, что она поддерживается за счет больших государственных средств, с высоким жалованьем ее главным хозяевам. Они выразили мнение, что Провинция в целом извлекает из этого очень мало пользы и что без этого можно обойтись. По этому поводу лорд Гленелг заметил, что нет никакого желания сохранять за учреждением какие-либо расходы, более чем достаточные для надлежащего обеспечения эффективной работы учителей; но преимущества такого учреждения, как было сказано, должны быть велики, и если провинция не извлекает из этого никакой выгоды, объяснение следует искать в какой-нибудь ошибке руководства, которую

можно исправить. Его светлость заметил, что ему следовало бы глубоко сожалеть об упразднении колледжа, "недостатки которого казались бы столь исправимыми, и преимущества которого, кажется, нелегко преувеличить". Что касается Королевского колледжа, который был еще одним образовательным яблоком раздора между двумя ветвями законодательного собрания провинции, было намекнуто, что Его Величество с радостью возобновит рассмотрение хартии при условии, что на это будет получено согласие обеих палат, но что, поскольку вопрос был передан на рассмотрение местному законодательному собранию, он не может изъять его из их ведения по просьбе только одной ветви. Была подана жалоба на систему аудита государственных счетов как недостаточную для обеспечения надлежащего использования поступлений. В качестве средства правовой защиты было предложено создать Ревизионную комиссию, регулирование деятельности которой должно быть обеспечено хорошо продуманным законодательством. Министр по делам колоний выразил свое согласие с этим предложением и передал различные документы, разъясняющие систему аудита государственных счетов Королевства. Поскольку Ассамблея выразила свое убеждение в том, что Законодательный совет не согласится с каким-либо эффективным законодательством по этому вопросу, вице-губернатор был уполномочен, в случае реализации этого убеждения, сформировать временную ревизионную комиссию. Чтобы исправить другое зло, на которое жаловались, — сокрытие государственных счетов от Ассамблеи — было предложено принять закон, устанавливающий время и порядок периодического представления отчетов и назначающий должностных лиц, которые должны представлять их Законодательному органу. Затем следовали краткие инструкции, которые вице-губернатор должен соблюдать при общении с Собранием. "Вы всегда будете, - писал его светлость, - выслушивать обращения Собрания с самым пристальным вниманием и вежливостью. Насколько это может соответствовать вашему долгу перед королем, вы охотно и откровенно выполните их пожелания. Если этот долг когда-либо вынудит вас расходиться с их мнением или отказаться подчиниться их желаниям, вы объясните самым прямым образом и, конечно, в самых примирительных выражениях причины вашего поведения". Его Превосходительству было поручено принять депешу лорда Годериха сэру Джону Колборну от 8 ноября 1832 г.,^[213] в качестве правила для руководства своим поведением. Ему было поручено выбирать мировых судей без учета политических соображений. В отчете Комитета по рассмотрению жалоб, а также в Обращении Ассамблеи к королю большое внимание уделялось порядку назначения членов Законодательного совета. Было заявлено, что этот орган совершенно не соответствовал целям, для которых он был создан, и что восстановление законодательной гармонии и надлежащего управления требует его перестройки на выборном принципе.^[214] Жители Нижней провинции были настроены по этому вопросу еще более решительно, чем их собратья-колонисты в Верхней Канаде, и в связи с этим сделали срочные представления Его Величеству в девяноста двух резолюциях, которые были приняты местной Ассамблеей во время сессии 1834 года. "Величайшим недостатком конституции Канады, - говорили они, - является право короны назначать членов Законодательного совета". Эти резолюции привели к назначению имперским правительством комиссии по расследованию дел Нижней Канады, и поскольку принципы, касающиеся вопроса о выборном Законодательном совете, были одинаковыми в обеих провинциях, лорд Гленелг теперь удовлетворился тем, что приложил инструкции, выданные уполномоченным, и сослался на содержащиеся в них взгляды как на то, что они получили преднамеренную санкцию короля. Аналогичный механизм был принят в отношении требования о контроле со стороны Ассамблеи территориальных и случайных доходов Короны.

Один из важнейших вопросов, затмевающих ответственность исполнительной власти, был решен лордом Гленелгом самым поверхностным и неудовлетворительным образом. Было очевидно, что он либо совершенно не понимал реального значения темы, либо фехтовал с ней с единственной целью ввести колонистов в заблуждение фальшивым изложением. "Опыт, по-видимому, доказывает, - писал он, - что управление государственными делами в Канаде ни в коем случае не освобождается от контроля со стороны достаточной практической ответственности. Перед Его Величеством и парламентом губернатор Верхней Канады всегда несет полную ответственность за свои официальные действия. То, что эта ответственность не является чисто номинальной, но что Его Величество испытывает самую живую заинтересованность в благополучии своих канадских подданных и всегда стремится уделять терпеливое и кропотливое внимание любым заявлениям, которые они могут адресовать ему, либо через своих представителей, либо как частные лица, доказывается не только всем содержанием переписки моих предшественников на этом посту, но и депешей, которую я сейчас направляю вам. О том, что имперский парламент не склонен безразлично относиться к заявлениям своих канадских собратьев-подданных, свидетельствует работа комитетов, которые были назначены Палатой общин в течение последних нескольких лет для расследования вопросов, касающихся этих провинций ". Было объявлено, что обязанностью вице-губернатора является оправдываться перед королем и имперским парламентом за каждый акт своей администрации. В случае рассмотрения какой-либо жалобы против него, его поведение должно было получить наиболее благоприятную оценку. Было сказано, что Ассамблея в любое время может ссылаться на вмешательство короля и парламента. Каждый государственный служащий должен был зависеть от соизволения короля — *то есть* от соизволения вице-губернатора — в течение срока пребывания в должности. Затем были установлены определенные правила, соблюдение которых, как было сказано, приведет к созданию системы совершенной ответственности. Поскольку эти правила ни в чем существенно не отличались от тех, которые последовательно применялись Фрэнсисом Гором, сэром Перегрином Мейтлендом и сэром Джоном Колборном, было очевидно, что система ответственности, предложенная лордом Гленелгом, не была идентична той, которой желали реформаторы из Верхней Канады. Лорд Гленелг, безусловно, подтвердил свое утверждение о том, что высшее канадское руководство "практически ответственно". Но перед кем они были ответственны? Перед высшим канадским народом? Вовсе нет. Ответственность лежала на короле и парламенте Великобритании, то есть на Даунинг-стрит, в нескольких тысячах миль отсюда. Какая польза была от такой ответственности, охраняемой секретными депешами, "как система шпионажа"?[215] Спасла ли эта ответственность перед Даунинг-стрит когда-либо "хоть одного мученика от неудовольствия руководства"?[216] Помогло ли это как-нибудь для защиты Роберта Гурлея, капитана Мэтьюза, Фрэнсиса Коллинза или Роберта Рэндала? Спасло ли это от сухой сковороды и медленного огня кого-нибудь из десятков людей, чье единственное преступление против государства заключалось в том, что они добровольно не пожертвовали своими правами и не стали орудиями продажности и коррупции? Ни в одном отдельном случае это не служило какой-либо подобной цели. Такая ответственность была насмешкой, "сломанной тростинкой, на которую было бы безумием когда-либо снова опираться".[217] Реальной, конституционной ответственности перед народом там было не так много, как притворства. "Все полномочия правительства, - говорит мистер Линдси, - были сосредоточены на Даунинг-стрит, и все колониальные чиновники, от высших до низших, были марионетками в руках государственного секретаря по делам колоний. В то же время внешние атрибуты конституционной системы, предназначенные для развлечения колонистов, не служили никакой другой цели, кроме как раздражать людей,

которые обладали достаточной проницательностью, чтобы распознать насмешку, и чье самоуважение заставляло их ненавидеть притворство ".[218]

В одном из первых параграфов этих инструкций лорд Гленелг от имени правительства Его Величества возражал против любого применения Ассамблеей этой скрытой меры — прекращения поставок, — на которую был сделан намек в Обращении к этому органу, и назвал ее процедурой, которая может быть оправдана только крайней необходимостью. В заключение он выразил искреннюю надежду на то, что представители Высшего канадского народа с благодарностью и сердечностью примут это новое доказательство отеческой заботы Его Величества о благополучии своих верноподданных в Провинции и что, отбросив все необоснованные недоверия, они с радостью будут сотрудничать с королем и вице-губернатором в продвижении процветания "этой интересной и ценной части Британской империи".

Как уже упоминалось, полный текст инструкций был доведен новым вице-губернатором до сведения Верхней канадской ассамблеи. Помимо того факта, что эта процедура не была оправдана ни обычаем, ни прямым разрешением, она была недальновидной и неразумной, поскольку инструкции ни в коей мере не были удовлетворительными ни для официальной стороны, ни для оппозиции. Оппозиция поняла, что под прикрытием множества справедливых слов и благовидных фраз было сделано очень мало существенных уступок. Официальной партии казалось, что дух уступок проявлялся слишком сильно, и поскольку назначение сэра Фрэнсиса Хеда было воспринято реформаторами как триумф, все, что имело характер уступок, пропущенных через такую среду, естественно, воспринималось с большим подозрением. Что касается самого сэра Фрэнсиса, то, похоже, в течение нескольких недель в его голове царил хаос. Не прошло и нескольких дней, как он вступил в должность, как у него состоялась серия частных бесед с несколькими ведущими членами партии реформ. В ходе беседы с мистером Бидвеллом, который, как следует помнить, был спикером Ассамблеи, ему впервые стало известно, что отчет Комитета по рассмотрению жалоб не был признан партией реформ в качестве полного изложения дела между правительством Метрополии и ими самими.[219] Вскоре после этого у него было интервью с Маккензи, который совместно с доктором Моррисоном был главным ответственным за существование Отчета. "Я подумал, - пишет сэр Фрэнсис,[220], - что, конечно, он был бы слишком счастлив обсудить со мной содержание своей собственной книги, но его разум, казалось, вызывал отвращение к ее предметам даже больше, чем у мистера Бидвелла. Боясь взглянуть мне в лицо, он сидел, не доставая ногами до земли, и с лицом, отвернутым от меня под углом примерно в семьдесят градусов; в то время как с эксцентричностью, словоохотливостью и поистине с видом сумасшедшего крошечное создание бредило о жалобах здесь и там, которые Комитет, по его словам, не решился перечислить ". Это стало откровением для вице-губернатора и заставило его задуматься. Он попытался обсудить достоинства Доклада с различными лицами, но столкнулся с необъяснимым нежеланием говорить об этом. Все были готовы обсудить претензии самостоятельно, но ни один ведущий реформатор не был расположен допускать Доклад к обсуждению. Причина этого, несомненно, заключалась в том, что автором Доклада был в основном Маккензи, и они не желали принимать его в качестве своего рупора. Что касается нежелания самого Маккензи вступать в обсуждение этого вопроса, то оно, вероятно, возникло из чувства, что с его стороны было бы неразумно привязывать себя к определенному рекорду, за пределы которого ему не разрешили бы выезжать. Сэр Фрэнсис, пишущий три года спустя, заявляет, что "свет истины" сразу же озарил его разум и что он понял, что отчет о жалобе был

простым предлогом для восстания.[221] Совершенно ясно, что он не воспринимал ничего подобного, и что "свет истины" был для него просто запоздалой мыслью. Человек в здравом уме не может увидеть то, чего не существует, и в то время в сердце любого, с кем вице-губернатор вступал в контакт, не было намерения бунтовать - даже в сердце самого Маккензи, которого легко можно было бы умиротворить мудростью и благоразумием. Если бы сэр Фрэнсис был хотя бы наполовину таким умным и проницательным, каким он себя считал, — нет, если бы он даже был достаточно честным и правдивым и обладал самым обычным здравым смыслом, — вероятно, не было бы такого явления, как восстание верхушки Канады.

Не пробыл он и двух недель в стране, как с разных сторон ему начали поступать предложения относительно состава Исполнительного совета. Этот орган на данный момент состоял всего из трех человек, а именно: Питера Робинсона, комиссара земель короны; Джорджа Херчмера Маркланда, генерального инспектора; и Джозефа Уэллса, казначея Королевского колледжа. Присутствие всех трех этих лиц было необходимо для формирования кворума, и в случае болезни или неизбежного отсутствия кого-либо из них общественные дела были бы прерваны и отложены. Более того, мистер Робинсон был не только исполнительным советником, но, как только что упоминалось, также комиссаром земель Короны. В прежнем качестве на него была возложена обязанность принимать участие в проверке его собственных счетов. Эта вопиющая необходимость больше не существовала бы, если бы были назначены дополнительные члены, поскольку кворум можно было бы легко получить, не требуя присутствия мистера Робинсона в Совете директоров. Эти факты были неоспоримы, и аргумент, который можно было вывести из них, был неопровержим. Должны быть назначены дополнительные члены совета. Но из какого класса общества они должны быть выбраны? Сэр Фрэнсис, "Испытанный реформатор", начал испытывать неприязнь к реформаторам Верхней Канады. Казалось, между ним и ними существовал естественный антагонизм. Причину далеко искать не надо. Люди такого социального положения, как Маккензи, были непостижимо ненавистны этому "забегаловщику чистой воды", в то время как такие люди, как Бидвелл и Болдуин, заставляли его болезненно осознавать собственную ничтожность и недостаточность для задачи, которую он взял на себя. И все же он не мог рискнуть призвать в свой Совет кого-либо из оставшихся сторонников Соглашения Тори и тем самым полностью проигнорировать либеральные принципы, которые, как предполагалось, продиктовали его назначение. Более того, тори сочли нужным обратиться к королю с петицией против его самого первого административного акта — назначения генерального инспектора. Что касается консерваторов, то, в отличие от тори, они еще не сформулировали четкой политики, и ни один из их лидеров не выступил особо заметно на передний план.

Тогда казалось очевидным, что выбор должен быть сделан из рядов Реформаторов. После долгих размышлений и запросов,[222] вице-губернатор пришел к выводу, что следует обратиться к Роберту Болдуину, джентльмену, которого он называет "весьма уважаемым за его моральный облик, умеренность в политике и обладание уважением и доверием всех сторон".[223] Решение Его Превосходительства по этому вопросу было одобрено спикерами двух палат, а также тремя членами Совета, всем которым проект был представлен до того, как были предприняты какие-либо попытки его реализовать. Когда предложение было сделано мистеру Болдуину, оно было воспринято им с подобающим уважением, но с прохладцей, которая отнюдь не льстила тщеславию сэра Фрэнсиса, который, по-видимому, ожидал, что получатель будет почти ошеломлен оказанной честью. Последний заявил, что ему очень не хотелось снова вступать в общественную жизнь, и он с большой откровенностью изложил свои

взгляды на политическую ситуацию. Было проведено несколько бесед, в ходе которых сэр Фрэнсис сделал все возможное, чтобы побудить мистера Болдуина согласиться с его пожеланиями. Мистеру Болдуину потребовалось время для размышления, что, разумеется, было предоставлено. Вице-губернатор, стремясь добиться своего, послал за отцом мистера Болдуина, доктором У. У. Болдуином, с целью заручиться его влиянием на переговорах. Отец и сын были единомышленны. Между политическими настроениями трех членов существующего Исполнительного совета и человека, которого предлагалось включить в их число, было мало или вообще ничего общего. Как же тогда можно было ожидать, что они придут к согласию относительно политики Администрации. Если они не придут к согласию, что поможет единственный голос мистера Болдуина против трех других? И, даже признавая, что от этой аномалии можно избавиться, было сочтено необходимым достичь некоторого понимания по вопросу ответственности исполнительной власти, прежде чем г-н Болдуин сможет согласиться занять место в Совете. Он и его отец, от которого в основном почерпнули его политические идеи, в течение многих лет утверждали, что Ответственное правительство уже существует в Верхней Канаде в силу Конституционного закона, и что, когда правительство не набирает большинства голосов в Ассамблее, оно по закону обязано уйти в отставку. Конечно, было печально известно, что этот принцип никогда не признавался администрацией провинции, но мистер Болдуин придерживался мнения, что в данном конкретном случае конституция систематически нарушалась. Обсуждая этот вопрос с вице-губернатором, он теперь обнаружил, что последний совершенно не знаком с конституционными вопросами и что у него нет никаких идей по этому вопросу, кроме тех, которые он почерпнул за последние несколько дней. Тем не менее, добрый нрав его превосходительства и его кажущееся стремление выполнить свой долг завоевали симпатии мистера Болдуина, который, естественно, испытывал желание быть полезным человеку, приехавшему в Канаду под видом испытанного реформатора и заявлявшему, что им движет искреннее желание управлять колонией на основе либеральных принципов. После нескольких вежливых отказов, а также после долгих размышлений и неоднократных консультаций со своими друзьями мистер Болдуин согласился занять этот пост при условии, что места в Совете были одновременно предложены его отцу, а также доктору Рольфу и мистеру Бидвеллу. Доктор Болдуин настолько не желал брать на себя заботы о должности, что его имя было исключено по общему согласию. По отношению к доктору Рольфу возражений не было, но его превосходительство испытывал неприязнь к мистеру Бидвеллу, с которым он часто беседовал и который не стеснялся с большой свободой высказываться о необходимости регулярной системы провинциальных реформ. После продолжительного обсуждения было решено, что Джон Генри Данн, генеральный прокурор провинции, должен быть заменен мистером Бидвеллом. Мистер Данн не был членом какой-либо политической партии и не обладал какими-либо особыми способностями к политической жизни; но он был человеком высокого характера и умеренных взглядов и пользовался большим уважением в обществе. В субботу, 20 февраля, трое новых членов совета были приведены к присяге и опубликованы в газете "до тех пор, пока не будет известно соизволение короля".^[224] Три старых участника сохранили свои места.

Это проявление решимости продолжать управление провинцией с помощью советников, пользующихся доверием общественности, было встречено с большой благосклонностью партией реформ, да и консерваторами тоже, поскольку господа Болдуин, Рольф и Данн были людьми, к которым все классы общества испытывали высочайшее уважение, и считались совершенно вне подозрений. Даже члены Соглашения были склонны одобрить это соглашение,

поскольку из-за слухов, которые достигли их ушей, они опасались, что вице-губернатор может вступить в союз с радикалами, которые, если бы пришли к власти, сделали бы все возможное, чтобы расплатиться за прошлые злоупотребления. Таким образом, в целом сэр Фрэнсис существенно укрепил свои позиции. Но сила была скорее фиктивной, чем реальной, и беспочвенная ткань, которую он с таким трудом поднял, быстро зашаталась и упала. Трое новых членов Совета вскоре обнаружили, что их места были синекурами. Его Превосходительство не нуждался в их советах и не имел намерения позволять им иметь какой-либо реальный голос в деятельности правительства. Только к одному человеку он обращался за советом в каждой чрезвычайной ситуации. Этот человек не был членом правительства и, следовательно, являлся советником без присяги, не несущим никакой ответственности ни перед кем. Он был силой, стоящей за тронем, со всеми привилегиями и без каких-либо недостатков, связанных с таким положением. Джентльменом, возведенным в это необычное достоинство, был главный судья Робинсон, спикер Законодательного совета, главный дух Семейного договора и пожизненный поборник тех самых злоупотреблений, устранить которые, как предполагалось, был направлен "Испытанный реформатор". К советникам, как старым, так и новым, относились как к простым руководителям. С ними консультировались по земельным вопросам и незначительным деталям, но политика и меры правительства редко попадали под их контроль или представлялись им для консультации.^[225] Некоторые из этих мер были такими, что они не могли быть одобрены или санкционированы. Его превосходительство назначил двух приверженцев старой официальной партии на вакантные должности, на которые они не имели никаких прав. Он отклонил королевское одобрение законопроекта об адвокатах преступников, меры, "которой требовали справедливость и гуманность и которая принималась более десяти лет почти единогласно постоянными и разными Палатами Собрания".^[226] Таким образом, члены Совета казались ответственными за действия, которые они не могли контролировать, и которые некоторые из них, по крайней мере, крайне не одобряли. Партия реформ была поражена, увидев, что подобные вещи делаются под эгидой правительства, членами которого были Роберт Болдуин и доктор Рольф. Однако они оправдали обоих этих джентльменов в том, что они советовали подобные действия. Реформаторы в целом считали, что с тремя новыми членами совета не советовались, или же что преобладали старые члены совета во главе с вице-губернатором.^[227]

Нельзя было допустить, чтобы такое положение вещей продолжалось. Члены Исполнительного совета посовещались и решили обратиться с протестом к вице-губернатору. Это возражение было официально оформлено в письменном виде и отправлено его Превосходительству в пятницу, 4 марта. Трое старых членов согласились с ним, и он был подписан всеми шестью в порядке старшинства. Сам факт этого согласия является убедительным доказательством роста влияния общественного мнения в Провинции. В прошлые времена члены Исполнительного совета год за годом довольствовались тем, что изображали из себя руководителей, в то время как Джон Беверли Робинсон и еще один или двое других манипулировали всем ходом государственных дел и направляли его. Однако вполне вероятно, что в данном случае на трех старших членов Совета могли повлиять аргументы Болдуина и Рольфа, которые были очень категоричны по рассматриваемому вопросу.

Ответ вице-губернатора, каждый абзац которого свидетельствует о хитрой руке Главного судьи, датирован следующим днем, но фактически не был передан до следующего очередного дня Совета, который был в четверг, 10-го. В нем содержалось твердое, но вежливое выражение несогласия его Превосходительства с мнениями, выраженными Исполнительными советниками относительно их привилегий и обязанностей. Утверждалось, что вице-губернатор был

единственным ответственным министром, и указывалось, что разница между конституцией метрополии и колонии в высшей степени выгодна последней. Говорилось, что его Превосходительство обязан консультироваться со своим Советом только тогда, когда чувствует необходимость в их совете, и делать это по бесчисленным вопросам, по которым он ежедневно вынужден принимать решения, было бы "так же совершенно невозможно, как для кого-либо, кроме него самого, решить, по каким пунктам его разум требует совета". Позиция Советов была объявлена неконституционной, но Его Превосходительство сообщил им, что его оценка своих способностей и честности, а также о его личном отношении к ним, оставалась непоколебимой, и что он не бесчувственен к трудностям, к которому он подвергнется, если они сочтут это необходимым подать в отставку. Однако он добавил, что если они придерживаются мнения, что их присяга требует от них ухода в отставку, он просит их без колебаний сделать это из-за него. Поскольку они были твердо убеждены в этом, они явились к его превосходительству в субботу, 12-го, и подали прошения об отставке, которые были приняты. Они пробыли на своем посту ровно три недели.

Ключ к этой загадке легко найти. Сэр Фрэнсис испытывал крайнее отвращение к личностям и политическим принципам реформаторов Верхней Канады. Существовал врожденный антагонизм между натурой этого поверхностного, легкомысленного рисовальщика с обочины и натурами таких людей, как Ролф, Бидвелл и Болдуины, чья спокойная серьезность и целеустремленность были усилены длительным курсом несправедливости, которому они подвергались вместе со своей партией. Серьезность этих джентльменов предстала перед ним в свете назойливости, если не дерзости. Вряд ли можно было ожидать, что он будет сильно сочувствовать их неукротимому рвению к принципам, которых он не понимал и которые, возможно, был неспособен понять. Тогда сэр Фрэнсис был в высшей степени социальной личностью, а социальные качества лидеров Реформаторской верхушки Канады были невысокого уровня. Им светская беседа за грецкими орехами и вином казалась совершенно неуместной на фоне важных общественных вопросов, которые срочно требовали решения. В этом отношении они представляли разительный контраст с ведущими духами Соглашения. Робинсоны, Хагерманы и Шервуды, все до единого, могли не только консультировать вице-губернатора по делам провинции, но и быть приятными и занимательными собеседниками. Они не слишком отличались от окружных магистратов и других должностных лиц, с которыми он привык совещаться в качестве уполномоченного по делам бедных. Более того, они были чрезвычайно дипломатичны. Они понимали важность привлечения его на свою сторону и вели себя соответственно. Они не упускали возможности понравиться ему. Вместо того чтобы надоедать ему тем, что, по его мнению, казалось заумными рассуждениями об ответственности исполнительной власти и выборном Законодательном совете, они рассматривали такие доктрины как мифы, зародившиеся в угрюмых мозгах непрактичных и недовольных людей. Широкие знания, многолетний опыт и показное красноречие Главного судьи позволили ему с большим правдоподобием представить сторону тори в этих аргументах. Сэр Фрэнсис вскоре убедился, что проблема заключается не просто в двух сторонах колониальной политики, но и между монархией и республиканизмом, между лояльностью и нелояльностью, между Великобританией и Соединенными Штатами. Как он впоследствии заявил, он считал, что был "приговорен бороться на земле Америки с демократией,^[228]" и что если он не преодолет это, он сам будет вынужден уступить. Придя к такому выводу, он, что вполне естественно, предпочел роль молота наковальне. Несомненно, лучше нанести удар, чем быть нанесенным. Действуя по этому принципу, он полностью подчинился Семейному договору и с этого времени во всех

существенных отношениях руководствовался их советами. Его опрометчивость и порывистость иногда приводили к тому, что он действовал по собственному почину, не дожидаясь совета ни с чьей стороны; но во всех обычных административных делах сэр Джон Робинсон руководил им так же эффективно, как когда-либо сэр Джон Колборн.

Как только было объявлено, что все члены Исполнительного совета подали в отставку, общественный пульс забился в ускоренном темпе. Волнение значительно усилилось после публикации письма, написанного Робертом Болдуином Питеру Перри, в котором, по специальному разрешению вице-губернатора, были подробно изложены все сопутствующие обстоятельства. Это письмо, написанное с явной целью быть зачитанным мистером Перри со своего места в Ассамблее и впоследствии опубликованным в газетах, несколько формально по своему тону, но оно представляет предмет в ясном свете и должно рассматриваться как важный вклад в историю ответственного правления в Верхней Канаде. Это главный, действительно единственный заслуживающий доверия подлинный источник фактов относительно конкретного спора между сэром Фрэнсисом и его Советом, поскольку отчет первого [229] более чем обычно неполон и односторонен при рассмотрении этого эпизода. Основные моменты изложения дела мистером Болдуином были отражены в предыдущем повествовании. Вице-губернатор, не теряя времени, обеспечил себя новым Советом. 14 марта, когда до отставки оставалось всего два дня, в экстренном выпуске *Gazette* было объявлено, что Роберт Болдуин Салливан, Джон Элмсли, Огастес Болдуин и Уильям Аллан были назначены членами Исполнительного совета провинции. Читатель уже познакомился со всеми этими джентльменами, за исключением Огастеса Болдуина, который был отставным морским офицером с высокой репутацией, но не занимался особой политикой; брат доктора Болдуина и, как следствие, дядя Роберта Болдуина. Все четверо новых советников были людьми с характером и положением, но они не разделяли либеральных настроений того периода, и народ в целом не был расположен оказывать им какое-либо политическое доверие. Элмсли и Аллан были последовательными старомодными тори. Склонности Болдуина, насколько они у него были, были в том же направлении. Юность и начало жизни Салливана прошли в обстановке более или менее либеральных влияний, но в последнее время он проявил тенденцию к регрессу в политических вопросах. Во многом это было связано с личным соперничеством между ним и Маккензи в муниципальных делах. Как упоминалось ранее, он победил Маккензи на муниципальных выборах в приход Святого Дэвида и был избран мэром Торонто в начале 1835 года. Соперничество между ними велось с неприличной злобой. Салливан осудил Маккензи как шумного выскочку и демагога; в то время как Маккензи охарактеризовал Салливана как елейного на язык, беспринципного юриста, который будет врать громче всех для клиента, у которого самый длинный кошелек. Все сторонники Маккензи во время предвыборной кампании были радикалами или, по крайней мере, людьми с сильными реформаторскими наклонностями. Это привлекло все голоса тори и консерваторов на сторону Салливана, который, таким образом, в определенной мере подпал под влияние антиреформаторов. Его социальные вкусы также склоняли его в том же направлении, так что вскоре его стали относить к консерваторам. Реформаторы были склонны косо смотреть на него как на политического ренегата, и эта склонность усилилась после того, как он занял пост сэра Фрэнсиса Хеда на нынешнем этапе. Он единственный из всех новых Советников был человеком исключительных способностей. Несколько лет спустя он был неточно описан как "ирландец по происхождению и юрист по профессии; человек, который, если бы он объединил последовательность политического поведения и весомость личного

характера с великими и оригинальными талантами, которыми он, несомненно, обладал, мог бы принять заметное участие в государственных делах любой страны".[230]

Эти сделки - отставка членов совета и назначение их преемников - вызвали огромный накал чувств среди оппозиции в Собрании, у которой уже возникли серьезные подозрения относительно мотивов вице-губернатора. Но волнение охватило не только оппозицию. В нем приняли участие консерваторы и даже, на какое-то время, большинство ультра-тори. 14 марта Палата представителей пятьюдесятью тремя голосами против двух приняла резолюцию, недвусмысленно подтверждающую принципы, которые пытались поддерживать бывшие члены Совета. Десять дней спустя обращение к вице-губернатору, основанное на этой резолюции, было принято тридцатью двумя голосами против девятнадцати. Оно выразило глубокое сожаление по поводу того, что его Превосходительство согласился принять отставку своего бывшего Совета. Он заявил о полном недоверии Ассамблеи к новым назначениям и смиренно попросил принять незамедлительные меры для отстранения новых членов Совета от должности. Тем временем петиции на эту всепоглощающую тему посыпались в Ассамблею со всей провинции.[231] В Торонто, а также в некоторых других крупных городах были созваны общественные собрания, на которых были приняты резолюции, повторяющие обращение Ассамблеи, в которых вице-губернатор умолял уволить своих нынешних советников и призвать в свой Совет джентльменов, пользующихся доверием общественности.

Одно из таких собраний имело особую тенденцию к углублению непоправимого разрыва между сэром Фрэнсисом Хедом и партией реформ. 25 марта в мэрии Торонто состоялось собрание, на котором было принято Обращение к его Превосходительству исключительной важности. В нем довольно подробно рассматривался рассматриваемый конституционный вопрос; говорилось о том, что Ответственное правительство было введено Конституционным актом; выражались удивление и сожаление по поводу отставки покойных членов Совета и полное недоверие к их преемникам. Оно выразило сожаление по поводу очевидного факта, что его Превосходительство действовал под влиянием злых и неизвестных советников. В заключение, в нем утверждались все права и привилегии британской конституции, а также то, что представитель короны должен консультироваться у людей, известных народу и пользующихся его доверием. Когда депутация прибыла в Дом правительства, чтобы выступить с этим Обращением, с ними обошлись с непринужденной резкостью и *бесцеремонностью*, которые их сильно оскорбили. Ответ его Превосходительства был многословным и неудовлетворительным по тону, но самой неприятной его чертой была атмосфера напускного превосходства, которой он был пронизан. В нем говорилось о собрании, представленном депутацией, как состоящем в основном из "трудолюбивых классов", но добавлялось, с кажущейся высокопарностью снисхождения, что на Обращение следует ответить с таким вниманием, как если бы оно исходило от любой из ветвей законодательной власти — "хотя, - сказал его превосходительство, - я буду выражаться более простым и обыденным языком". Это было достаточно плохо, но его эффект усиливался поведением вице-губернатора и нескольких военных офицеров, которые присутствовали при нем. Депутации показалось, что эти джентльмены относились к ним с высокомерной дерзостью; как к чему-то, что вице-королевство должно пока мириться терпеть, но как нечто совершенно выходящее за рамки их симпатий или интересов. Ничто не могло быть в худшем вкусе, чем подобное поведение, хотя вполне возможно, что было проявлено больше чувствительности, чем того требовали реальные обстоятельства. Депутация удалилась, задетая за живое унижениями, которые, по их разумению, они, справедливо или ошибочно, сами себе подвергли. Следующим вечером в

доме доктора Моррисона— который в то время был мэром города, состоялась встреча с их участием и некоторыми их друзьями, на которой был подготовлен горько—саркастический ответ. Оно поблагодарило его Превосходительство за то, что он ответил на Обращение "трудолюбивых классов" с таким вниманием, как если бы оно исходило от любой из ветвей законодательной власти, и признало его снисходительность в выражении своих мыслей простым и обыденным языком — языком, который, как предполагается, был снижен до уровня простого и обыденного понимания его собеседников, прискорбный недостаток образования которых объяснялся плохим управлением прежними правительствами пожертвований Королевского колледжа и невозможностью добиться продажи Запасов духовенства и присвоения вырученных средств на образовательные цели. "Именно потому, - продолжался этот резкий ответ, - что с нами так жестоко обращались, пренебрегали и презирали наше образование и интересы в рамках господствовавшей до сих пор системы правления, мы теперь вынуждены настаивать на переменах, которые не могут быть к худшему". Упоминалось о желании создать систему ответственного правительства, и на полную бесполезность простой ответственности перед Даунинг-стрит указывалось с подчеркнутой красноречием, доказывавшей, что подписавшие были предельно серьезны. Плохое управление Далхаузи и Эйлмером в Нижней Канаде и Гором, Мейтлендом и Колборном в Верхней Канаде было затронуто в нескольких кратких, язвительных предложениях. Было показано, что, хотя эти джентльмены несли ответственность перед Даунинг-стрит, они не только не понесли никакого наказания, но и фактически были повышены до более высоких званий. "Мы не хотим, - сказали они, - в нашем простом и домашнем заявлении проявить невежливость, заявляя о нашем неизменном убеждении, что номинальная ответственность перед Даунинг-стрит, которая не принесла ничего хорошего вышеупомянутым джентльменам с высокими претензиями на честь, характер и положение, не может оказать никакого магического действия на администрацию вашего превосходительства, которая, если она закончится так же неудачно, как началась, может заставить нас испить чашу национального бесчестия до дна, без (как показывает опыт) возмещения с нашей стороны или возмездия с вашей". Там было еще много чего в том же роде. В заключение документа говорилось, что, если вице-губернатор не будет править в соответствии со здравыми конституционными принципами, он нарушит хартию, фактически отменит закон и справедливо утратит подчинение своей власти.

Это был, без сомнения, самый энергичный протест, который когда-либо подавался вице-губернатору Верхней Канады. Его подписали Джесси Кетчум, Джеймс Херви Прайс, Джеймс Лессли, Эндрю МакГлашан, Джеймс Шеннон, Роберт Маккей, М. Маклеллан, Тимоти Парсонс, Уильям Лессли, Джон Миллс, Э. Т. Хендерсон, Джон Доул, Джон Э. Тимс и Уильям Дж. О'Грейди. Все они были яркими радикалами и помощниками Маккензи. Двое из них — Джесси Кетчум и Джеймс Лессли — выступили с ответом в Доме правительства, не дожидаясь ответа. Оно уже было напечатано, и в течение следующего дня его широко читали и комментировали. Вице-губернатор не остался равнодушным к этой едкой иронии, но она не вызвала никаких возражений, и после первого кратковременного всплеска его гнева этому вопросу, насколько он был обеспокоен, было тихо позволено исчезнуть из поля зрения. Документ, однако, послужил дополнительным стимулом для общественного ажиотажа, и его продолжали время от времени цитировать против сэра Фрэнсиса, пока он оставался в колонии.

Пока происходили эти события, законодательное собрание провинции все еще продолжало заседать. Поскольку Ассамблея назначила Комитет для рассмотрения переписки между вице-губернатором и бывшими членами Совета, он приступил к рассмотрению этого вопроса в

обычном порядке. Доклад был представлен Ассамблее 18 апреля. В ходе последовавших дебатов со стороны тори прозвучало несколько красноречивых речей. Наиболее эффективные аргументы тори были основаны на предположении, что уступка Ответственного правительства будет лишь предварительным этапом отделения от метрополии. Речь, произнесенная мистером Хагерманом по этому поводу, была одной из самых блестящих попыток в его жизни. Однако простое словесное красноречие оказалось напрасным. Доклад был принят тридцатью двумя голосами против двадцати одного. В нем содержалось еще более прямое осуждение вице-губернатора, чем в упомянутом выше ответе. В нем выражалась уверенность Комитета в том, что назначение трех бывших советников было лживым маневром, направленным на то, чтобы завоевать доверие страны за либеральные чувства и намерения, которых на самом деле не существовало. Вопрос об ответственности исполнительной власти рассматривался довольно подробно, и поведение бывших членов совета было одобрено во всех деталях. Нет необходимости анализировать весь отчет, который был длинным и исчерпывающим. В нем четко рекомендовалось воздержаться от ежегодных поставок. Ассамблея, приняв доклад и решившись на эту крайнюю меру, доказала, что, выражаясь языком инструкций лорда Гленелга,^[232] она рассматривает настоящее в свете "чрезвычайной ситуации". Поставки, однако, не были полностью прекращены. Деньги были выделены на строительство дорог, школ, улучшение судоходства и другие полезные цели; но все эти субсидии были аннулированы вице-губернатором, который выразил свое неодобрение поведением Собрания, отказавшись утвердить денежные законопроекты сессии. Впоследствии он указал в качестве одной из причин своего отказа, что у него были веские основания полагать, что часть денег была потрачена Ассамблеей на отправку агента в Англию^[233] — что, вероятно, и было фактом.

Ассамблея, чувствуя, что следует найти какую-то причину для их действий в вопросе поставок, которые теперь были приостановлены впервые в истории Верхней Канады, направила королю Обращение, в котором поведение вице-губернатора не было окрашено в нейтральные тона. Его прямо обвинили в деспотизме, тирании, несправедливости и лживости. Его поведение было объявлено "унижающим честь" его Величества и "деморализующим общество". Был также принят меморандум в Палату общин, в котором его публичные действия были названы произвольными и мстительными, и в котором он был обвинен в неверных заявлениях, искажении фактов и "отклонениях от искренности и правды". Этот меморандум с горькими формулировками был официально подписан мистером Бидвеллом как спикером Палаты представителей - обстоятельство, которое надолго запомнилось замешанному в нем лицу.

Должно быть, сэру Фрэнсису было очень неприятно, что он был вынужден переслать эти документы в Министерство по делам колоний. Это был первый случай, когда четкие и неприкрытые обвинения столь унижительного характера были официально выдвинуты против вице-губернатора колонии, и нужно признать, что ничто, кроме самых неопровержимых доказательств, не могло оправдать использование таких терминов в общении между двумя представительными органами в отношении доверенного слуги короны, особенно в случае с человеком, занимающим столь высокое положение. Что-то связано с правилами приличия, и обвинять человека в отклонениях от искренности и правды - это, конечно, всего лишь слегка перифрастический метод обвинения его во лжи. Ассамблея, однако, не без оснований пришла к убеждению, что слову сэра Фрэнсиса не следует доверять. Другие люди, вступившие с ним в более или менее близкие отношения, были вынуждены прийти к такому же выводу.^[234] Факт в том, что когда его чувства были сильно взволнованы, он не знал, как говорить на языке правды и трезвости. Он говорил так много и так бездумно, что очень часто высказывал то, чего на самом

деле не было. Возможно, можно было бы найти некоторое оправдание тому, кто в пылу словесной полемики придает значение ошибочным заявлениям. Но неправильные заявления сэра Фрэнсиса не ограничивались словесной полемикой. Он был недвусмысленно осужден за "отклонение от искренности и правды" в преднамеренном официальном сообщении. Ассамблея просила предоставить им копии любых обязательств или соглашений между ним и его советниками, касающихся управления правительством в случае смерти или смещения его Превосходительства. На эту просьбу сэр Фрэнсис ответил, недвусмысленно отрицая существование какого-либо документа подобного характера. Тем не менее, после допроса некоторых членов Совета было доказано, что соглашение по этому вопросу действительно было достигнуто и что оно было оформлено в письменном виде собственноручно его Превосходительством. Приемы, к которым он прибегал в своих попытках доказать, что он был просто виновен в уклонении от ответственности, а не в откровенной лжи, были таковы, что положительно усугубляли первоначальное преступление и полностью оправдывали Собрание в отказе придавать какое-либо значение его неподтвержденному заявлению по какому-либо вопросу.^[235] По мере того, как проходили недели, ссора между ним и Ассамблеей становилась все более ожесточенной. 20 апреля он объявил перерыв в работе парламента, произнес по этому случаю речь, которая, должно быть, заняла целый час или больше, и в которой он в своей неподражаемой манере и со своей собственной точки зрения проанализировал различные события, которыми характеризовалась его администрация до этого времени. Ни о какой попытке проанализировать его здесь не может быть и речи. Полностью его следует прочитать в официальном журнале сессии.

В течение недель, последовавших за переносом сроков, общественное волнение продолжало нарастать, пока не достигло беспрецедентного уровня в истории провинции. Реформаторы чувствовали, что они были прискорбно обмануты в вице-губернаторе, и многие из них не знали границ своему порицанию. Некоторые реформистские газеты довольно настойчиво намекали, что нельзя ожидать от людей постоянной лояльности, когда их год за годом лишают их прав и когда все их петиции сводятся на нет. Политическая атмосфера была наэлектризована. Перспективы были мрачными и зловещими. Некоторые из лоялистов начали опасаться реального народного восстания. Такое восстание, по их мнению, было бы законным продолжением столь экстраординарного мероприятия, как прекращение поставок. Для многих благонамеренных, но старомодных людей сам по себе акт отказа проголосовать за поставки был разновидностью государственной измены. Более практичным людям этот акт представлялся в другом аспекте. Это казалось им признаком скупости и разорительной скупости. Они с плохо скрываемой завистью смотрели на поразительное процветание соседнего штата Нью-Йорк. Любой, кто пересекал канадскую границу в этом направлении, сразу же осознавал, что он перешел из страны сравнительного застоя в страну активности и прогресса. Этот контраст был в значительной степени вызван строительством крупных общественных объектов и щедрой политикой со стороны законодательного собрания штата. Казалось, не было причин сомневаться в том, что принятие аналогичной политики приведет к аналогичным результатам в Верхней Канаде, где срочно требовались крупные и дорогостоящие общественные работы для надлежащего освоения ресурсов колонии. Но вместо щедрых денежных субсидий на эти цели Ассамблея сократила поставки для выполнения самых элементарных работ первой необходимости. Колония никогда не могла надеяться высоко поднять голову на стороне своего предприимчивого соседа, пока господствовала такая система очистки сыра от кожуры.

Советники вице-губернатора были достаточно проницательны, чтобы максимально использовать это бесперспективное положение дел. Политика "очищения от кожи" чего-то добивалась, но ее почти упустили из виду при гораздо более эффективном обвинении в нелояльности к Империи. Ничто так не могло склонить чашу весов общественного мнения в пользу его Превосходительства, как явно обоснованное клеймо нелояльности, брошенное на его противников. Официальная партия, соответственно, намеренно взялась за распространение убеждения, что основная часть Оппозиции созрела для государственной измены и что под видом агитации за реформы они скрывали намерение осуществить отделение колонии от Великобритании. Не исключено, что многие из тех, кто усердно распространял доклад, делали это добросовестно, поскольку формулировки некоторых реформаторов, использовавшиеся в моменты раздражения, по своей природе приводили к такому выводу. Не успел этот отчет завоевать доверие, как произошел весьма ощутимый перелом в общественном мнении. Многие, кто громко роптал на поведение сэра Фрэнсиса, теперь заявили, что они на его стороне. Они поддерживали доктрину ответственного руководителя, но преданность метрополии была для них дыханием ноздрей. Все, что имело тенденцию ослаблять узы, связывавшие колонию с Империей, подлежало решительному противодействию и искоренению. Господство Договора было плохим, но даже в худшем случае это было лучше, чем разделение. Так утверждали многие люди, которые всегда отличались умеренностью своих политических взглядов. Официальная партия, конечно, обратила подобные настроения во внимание. Крики о нелояльности раздавались со всех сторон. На положение в Нижней провинции, которое быстро скатывалось к восстанию, торжествующе указывали как на свидетельство того, чего следовало ожидать, если позволить демократическим идеям продвинуться вперед. Дважды за последние четыре года Нижняя Канадская ассамблея прибегала к крайней мере - отказывала правительству в поставках. Поступив таким образом, они связались с Императорским министерством и навлекли на себя негодование людей умеренных взглядов. Не было секретом, что реформаторы из Верхней Канады в целом симпатизировали проектам Реформ, выдвигаемым агитаторами из Нижней Канады; и тори устраивало предположение, что симпатии распространялись не только на законные проекты реформ, но и на менее открыто признаваемые планы восстания. Непосредственно перед переносом сроков мистер Бидвелл представил Ассамблее письмо, написанное Луи Жозефом Папино, спикером Ассамблеи Нижней Канады, в котором великий агитатор высказывал чувства, которые, прочитанные в свете последующих событий, не могут быть истолкованы иначе, как предательские. Несколько членов партии реформ публично с энтузиазмом отзывались о месье Папино и даже зашли так далеко, что выразили одобрение его самым нескромным и предосудительным высказываниям. Это обстоятельство теперь использовалось для демонстрации того, что цели антиисполнительной партии в обеих провинциях были идентичны. Не было никаких попыток провести различие между конституционными реформаторами типа Болдуина и продвинутыми радикалами вроде Маккензи. Все они были включены в один огульный вердикт как "нелояльные" лица, против которых благонамеренным гражданам было необходимо организовать для самообороны.

В начале мая эти чувства начали находить выражение во внешних действиях. Ряд джентльменов-тори из Торонто сформировали то, что они называли Британским конституционным обществом, с фундаментальным принципом и целью увековечения связи между Верхней Канадой и Соединенным Королевством. Общество, носящее то же название, было образовано после начала войны 1812 года, и это общество 1836 года претендовало на то,

чтобы быть реорганизацией первого. Однако на самом деле это было, по сути, новое общество, созданное с конкретной целью противостоять призывам к ответственному правительству и заручиться поддержкой сэра Фрэнсиса Хеда. В течение предыдущего года полковник Фитцгibbon под руководством сэра Джона Колборна сформировал учебный корпус для тех молодых людей из Торонто, которые желали получить военное образование. Горстка молодых людей с хорошими связями воспользовалась этой возможностью. Теперь полковник с удвоенным рвением посвятил себя подготовке восстания, которое, как он объявил, вспыхнет до следующей зимы. Он собрал стрелковый корпус численностью в семьдесят человек и с неустанным энтузиазмом обучал их дважды в неделю, заявляя, что, когда настанет час испытания, он и "его парни" окажутся на своих местах, как бы остальная часть общества ни считала нужным себя вести.

Несмотря на эти приготовления и преобладающие настроения, которые их вдохновляли, сомнительно, чтобы идея восстания до этого времени окончательно овладела разумом хоть одного человека в Верхней Канаде. Кажется, есть все основания полагать, что время для мудрых уступок еще не прошло и что благоразумный и осмотрительный Администратор мог бы восстановить спокойствие в стране, ни на йоту не выходя за рамки инструкций лорда Гленелга. Но сэр Фрэнсис Хед действовал не в таком духе. Он твердо настроился против уступок, будучи убежден, как он сказал, что чем больше он уступит, тем больше от него потребуют. В этом отношении он — без сомнения, бессознательно — подражал примеру Якова Второго, который придерживался мнения, что его отец был обязан потерей головы своим уступкам Палате общин. То, что это мнение было полностью ошибочным, не допускает возражений. Сэр Фрэнсис был в равной степени неправ и в равной степени упрям в отстаивании своего мнения. Его поведение стало последней каплей, упавшей на спину стойкого верблюда, и последовавший за этим взрыв в значительной степени следует отнести на счет его плохого управления.

СНОСКИ:

[210] Смотрите письмо в *описании* Хеда, глава iii.

[211] Эта процедура не понравилась Ассамблее. Сэр Джон Колборн уже произнес одну Тронную речь на открытии сессии, и это выступление со второй речью было воспринято как нарушение привилегий. После того, как на обсуждение было потрачено много времени, был найден прецедент для действий вице-губернатора, датированных декабрем 1765 года, и этот вопрос было решено закрыть.

[212] В третьей главе своего *Повествования* сэр Фрэнсис пытается оправдаться за этот бессмысленный поступок. Читатель, который считает, что стоит обратиться к риторическому заявлению, которое там пытались выдвинуть, вспомнит изречение Пемброка в "*Короле Иоанне*, что

"... часто оправдание вины
усугубляет вину оправданием".

[213] Это депеша, упомянутая в *ante*, стр. 246, к которой служители закона короны отнеслись с таким презрением и которая была возвращена Законодательным советом провинции вице-губернатору.

[214] Смотрите 8-ю редакцию Отчета, стр. xxxix.

[215] Смотрите реплику некоторых граждан Торонто на ответ вице-губернатора на их обращение от 25 марта 1836 года.

[216] *Ib.*

[217] *Ib.*

[218] *Жизнь Маккензи*, том i., стр. 345, 346.

[219] *Повествование*, глава iii.

[220] *Ib.*

[221] *Повествование*, глава iii.

[222] Смотрите депешу Хеда лорду Гленелгу, датированную 22 февраля 1836 г., в *Описании*, глава iv.

[223] *Ib.*

[224] Смотрите дополнительный номер *Газеты*, выпущенный в этот день. Очень полный отчет о переговорах и конференциях, которые привели к такому результату, можно найти в письме Роберта Болдуина Питеру Перри, датированном "Фронт-стрит, 16 марта 1836 года" и опубликованном в газетах того времени. См. *пост*, стр. 312.

[225] Смотрите представления членов совета вице-губернатору, датированные пятницей, 4 марта 1836 года.

[226] См. *Отчет Специального комитета, которому был передан ответ Его Превосходительства вице-губернатора на Обращение Палаты Собрания относительно ответственного исполнительного совета*, стр. 6. Торонто, 1836.

[227] *Ib.*, стр. 7.

[228] *Повествование*, глава v.

[229] *Повествование*, главы iv., v.

[230] "Жизнь и переписка Чарльза, лорда Меткалфа" *Кея*, том ii., стр. 339. Исправленное издание 1858 года.

[231] Справедливо будет сказать, что некоторые из них произошли благодаря усилиям радикалов в Ассамблее, которые разослали местным друзьям пустые петиции с инструкциями собрать подписи и заполнить название избирательного округа.

[232] *Ante*, стр. 303, 304.

[233] Смотрите его депешу лорду Гленелгу, датированную 28 апреля 1836 г., в *Описании*, глава v.

[234] Сам сэр Фрэнсис серьезно записал, что некоторые офицеры милиции публично объявили его "чертовым лжецом и чертовым негодяем в Провинции". См. депешу от 6 февраля 1837 г. в *Повествовании*, глава ix.

[235] Доказательства можно найти в приложении к журналу 1836 года, 2-я сессия двенадцатого парламента, том iii., № 106, стр. 57, 58.

ГЛАВА XVI.

ТРИУМФЫ ИСПЫТАННОГО РЕФОРМАТОРА.

Наверх

В то время как общественное возбуждение не ослабевало, вице-губернатор решился на шаг, который вряд ли был рассчитан на то, чтобы его смягчить. Этим шагом стал роспуск существующего парламента. Он и его советники, присягнувшие и неподсягнувшие, верили, что настало подходящее время для всеобщих выборов. Если бы численное большинство оппозиции в Ассамблее изменилось, правительство могло бы позволить себе посмеяться над тем, что они называли "низкопробной демократией". Считалось, что такой поворот теперь может быть осуществлен. Можно смело полагаться на то, что крик о нелояльности сделает свое дело, не только очистив Ассамблею от главных представителей Оппозиции, но и предоставив Правительственной партии легко работающее большинство. Однако для того, чтобы могло показаться, что его Превосходительство следует общественному мнению в этом вопросе, а не руководит им, официальная партия распорядилась о направлении петиций из различных кругов с просьбой о роспуске и всеобщих выборах. Это не только послужило намеченной цели ввести общественность в заблуждение относительно замыслов Исполнительной власти, но и предоставило сэру Фрэнсису возможность излить океан слов в форме ответов. Заключительная фраза его ответа на обращение некоторых избирателей Родного округа в высшей степени характерна для этого человека. Фрагменты уже упомянутого письма Папино Бидвеллу, по-видимому, указывали на возможное вторжение в Провинцию жителей Соединенных Штатов. Сэр Фрэнсис с энтузиазмом ухватился за эту идею, как за свидетельство согласованных действий гипотетических захватчиков и радикалов из Верхней Канады. "От имени каждого полка ополчения в Верхней Канаде, — сказал он, — Пусть идут, если осмелятся!" [236] Ничто, кроме фактического прочтения его депеш, не даст точного представления о его вопиющей самоуверенности в настоящее время. Совершенно очевидно, что он расценил процитированный выше ответ как мастерский ход энергичной дипломатии. Он обратил на это особое внимание в послании лорду Гленелгу, в ходе которого употребил выражения, которые, должно быть, почти ошеломили традиционного и благопристойного министра по делам колоний. "Я отдаю себе отчет, — писал он, — что к ответу могут придаться на Даунинг-стрит, поскольку я знаю, что это не совсем соответствует словам Хойла. *Mais, mon seigneur, croyez-vous*

done qu'on fasse des revolutions avec de l'eau de rose?"[237] Тон его депеш от начала до конца экстраординарен. Казалось бы, они должны были рассказать свою собственную жалкую историю поверхностности и непригодности министру по делам колоний. Объявляя о вероятности досрочного роспуска парламента провинции, сэр Фрэнсис просит его светлость не посылать ему никаких распоряжений по этому вопросу, а позволить ему решить этот вопрос по-своему.[238] Оппозицию постоянно называют такими фразами, как "республиканцы в Палате собрания" и "революционеры Верхней Канады".[239] Его светлость предупрежден, что если требования Оппозиции в вопросе ответственности исполнительной власти будут выполнены, "демократия в наихудшей из возможных форм восторжествует в наших колониях".[240] "В Южной Америке, - замечает он, - правда и справедливость помогли мне преодолеть трудности, еще большие, чем те, с которыми мне приходится бороться сейчас, и я твердо уверен, что они снова восторжествуют".[241] В другом сообщении[242] его светлость уведомлен, что Роберт Болдуин, которого называют агентом "революционной партии", собирается отправиться в Лондон. "Утверждается, - пишет сэр Фрэнсис, - что он направляется туда для восстановления своего здоровья, но его сторона признает, что он будет готов ответить на любые вопросы, которые правительство сочтет нужным задать ему". За этим намеком следует выражение уверенности в том, что его светлость не одобрит "систему засылки агентов из британских североамериканских колоний и их приема правительством". Выражается надежда, что, если мистер Болдуин прямо или косвенно свяжется с Министерством по делам колоний во время своего пребывания в Англии, на него можно будет эффективно воздействовать и что он может получить "ответ в таком стиле", копия которого может быть передана сэру Фрэнсису и опубликована в канадских газетах, как средство сдерживания дальнейших "левых атак на конституцию". Можно добавить, что вышеупомянутое выражение доверия было оправдано результатом, поскольку мистер Болдуин во время своего пребывания в Англии не был допущен к беседе с лордом Гленелгом, хотя письменное изложение его взглядов было получено его светлостью и представлено Кабинету министров.

Реформаторы, умеренные и радикальные, были сблизлены возбужденным состоянием общественного сознания и усилиями официальной партии по уничтожению их влияния. За несколько недель до фактического роспуска стало известно, что такой шаг неизбежен, и началась тихая подготовка к всеобщим выборам, которые должны были последовать. О формировании радикалами Канадского общества альянса ближе к концу 1834 года уже упоминалось.[243] Ни платформа этого общества, ни способ его руководства не были таковы, чтобы рекомендовать его реформаторам в целом, и теперь было сочтено целесообразным организовать новую ассоциацию на более широкой основе, уделяя особое внимание сотрудничеству с реформаторами, проживающими в сельских округах. Соответственно, это было сделано под эгидой некоторых ведущих реформаторов Торонто. В отличие от Британского конституционного общества, упомянутого в конце предыдущей главы, новая ассоциация получила название Общество конституционных реформ. доктор Болдуин принял президентство, а Фрэнсис Хинкс, который в то время занимался коммерческой деятельностью в Торонто, был назначен секретарем. Были предприняты шаги по противодействию искажениям официальной партии и в целом для эффективного ведения предстоящей избирательной кампании. Реформаторы, похоже, сильно недооценили усилия своих оппонентов. Как показало это событие, они также безнадежно заблуждались в оценке общественного мнения Провинции, поскольку с нетерпением ждали приближающегося конкурса с предельной уверенностью в результате. Считалось, что новое общество совершит чудеса на пути к тщательной

организации, и было высказано твердое убеждение, что существующее реформаторское большинство в Ассамблее будет полностью сохранено, если не увеличено. Усилия официальной партии по распространению убеждений, наносящих ущерб патриотизму реформаторов, были высмеяны с презрением. Такой же была попытка вице-губернатора внушить жителям веру в вероятность иностранного вторжения. После обнародования "вызова воображаемому захватчику" несколько реформаторов Торонто во главе с мистером Хинксом позабавились розыгрышем. Посовещавшись, они сформировали депутацию и нанесли визит его Превосходительству в состоянии хорошо притворного волнения. В официальном обращении они выразили большую озабоченность по поводу предполагаемого вторжения. Они заявили, что вновь разделяют его безграничное доверие к провинциальному ополчению, но просили сообщить им квартал, откуда ожидается нападение. "Мы не сомневаемся, - сказали они в своем Обращении, - в готовности, с которой был бы дан ответ в случае возникновения чрезвычайной ситуации на ваше обращение к ополчению, которое, как мы убеждены, не было бы подано без достаточных оснований. В связи с вопросом, столь серьезно затрагивающим мир и безмятежность страны и безопасность ее торговли, мы просим вашего превосходительства узнать, с какой стороны предположительно существует угроза вторжения". На это небезосновательное требование вице-губернатор не смог дать никакого определенного ответа. Абсурдность его вызова впервые была полностью доведена до него. Согласно показаниям очевидцев, он "не сидел, а стоял с тем личным колебанием, которое вы наблюдаете у человека, находящегося в таком положении, что не знает, что сказать или что сделать".[244] Когда, наконец, пришел его ответ, он оказался самым кратким и разумным из всех его ответов. "Джентльмены, - сказал он, - у меня нет больше никаких замечаний, которые я мог бы высказать вам по этому поводу". Депутация, с трудом сдерживая смех, удалилась.

Провинциальный парламент был распущен 28 мая, и поскольку считалось желательным ковать железо, пока горячо, выборы были проведены с неподобающей поспешностью. Они начались 20 июня, и все возвраты были сделаны в течение первой недели июля. Исход был захватывающим, но не вызывал сомнений, поскольку официальная сторона вступила в состязание с заряженными кубиками и решимостью победить. Были предприняты многочисленные попытки объяснить и оправдать их поведение в эту богатую событиями эпоху; но невозможно игнорировать тот факт, что результат был предreshен с самого момента выдачи судебных приказов. Вся мощь правительства была направлена на то, чтобы обеспечить возвращение кандидатов от Тори, и это было сделано самым прямым и бесстыдным образом. Вице-губернатор открыто сделал себя участником конкурса. Его ответы на различные обращения, которые он сам продвигал, были настроены на одну и ту же мелодию.[245] Проблема была представлена в таком свете, что немалая часть населения была вынуждена поверить, что поддержание связи с Великобританией зависит от результата конкурса. Благодаря заявлениям правительственных эмиссаров, поддержанным прессой Тори и подкрепленным подстрекательскими речами и обращениями вице-губернатора, широко распространялось мнение, что в случае успеха реформаторов произойдет быстрое искоренение любимых институтов, за которым последует отделение от метрополии и окончательная аннексия Соединенными Штатами. Нескромный язык Маккензи и некоторых других радикалов был таков, что придавал окраску искажениям подобного рода, и вызванный этим настрой стал решающим для результата. Не только сторонники тори, но и большая часть умеренно настроенного населения сплотилась на стороне вице-губернатора, чтобы поддержать связи с Британией и противостоять вторжению республиканских и революционных идей.

Лояльность была безудержной, а патриотический пыл разгорелся до такой степени, какой он не достигал в Верхней Канаде со времен войны 1812 года. "Долой демократию!", "Долой республиканизм!", "Ура сэру Фрэнсису Хэду и британским связям!" Таковы были легенды, начертанные на глухих стенах в главных городах провинции.^[246] Голоса тори изготавливались оптом, а фонды Тори растрачивались с безрассудной расточительностью. Впервые в истории Верхней Канады правительственные агенты были направлены на избирательные участки, вооруженные патентами на землю, которые должны были быть распределены между избирателями. Можно усомниться в том, что некоторые из них не были присвоены лицам, не имевшим на них права собственности.^[247] Голоса за реформу были отклонены вернувшимися офицерами-партизанами под самыми надуманными предложениями. Банды хулиганов были размещены на избирательных участках для запугивания тех, кто осмеливался приблизиться, чтобы записать свои голоса в пользу антиправительственных кандидатов. По крайней мере, в одном случае вице-губернатор лично прибыл на избирательный участок, когда борьба была в самом разгаре, и некоторое время оставался там верхом на лошади, в непосредственной близости от места, где регистрировались голоса.^[248] Что касается реформаторов, то они вскоре отказались от своих мечтаний о доверии. Но их грубое пробуждение, каким бы ранним оно ни было, пришло слишком поздно. Они поняли, что семя было хорошо посеяно и что урожай еще предстоит собрать. Они обнаружили, что на них смотрят с подозрением и неприязнью их соседи и другие люди, от которых они привыкли получать доверие и уважение. Им требовалась вся смелость их мнений, чтобы противостоять дискредитации, которую вызвала официальная клевета. Самые смелые из них шли на выборы с духом безнадежной надежды. Более робкие спокойно оставались дома и воздерживались от голосования, предпочитая не подвергать себя определенным оскорблениям и возможному физическому насилию.

Возможно, в ответ на некоторые из приведенных выше утверждений можно было бы настаивать на том, что Комитет Ассамблеи впоследствии расследовал различные вопросы, на которые была подана жалоба, и что их отчет снял с губернатора всю вину. Но любому, кто знаком с работой избирательных комиссий в те дни и даже в гораздо более поздние времена, не нужно будет сообщать, насколько большое — или насколько малое — значение следует придавать вердикту из такого источника. В рассматриваемом деле судебное разбирательство проводилось с исключительным пренебрежением к приличиям, и оправдательный вердикт не может иметь никакого значения. Только один член Комитета заслушал все доказательства, на которых основывался отчет. Трое из членов заявили, что отчет был принят без их ведома или согласия. Из пяти других членов, подготовивших документ, один присутствовал только на двух заседаниях из четырнадцати; в то время как другой присутствовал на четырех и еще на пяти. Четвертый член присутствовал на двенадцати заседаниях, и только один из пяти присутствовал на всех четырнадцати. Расследование от начала до конца проводилось в духе пристрастия, и отчет, выражаясь языком доктора Рольфа, был "результатом неумеренного рвения, недостаточных доказательств, поспешных выводов и преданности руководству".^[249] Как правило, трудно уличить правительство в фактическом, прямом вмешательстве в свободу выборов. Но в случае всеобщих выборов 1836 года, к сожалению, нет места для сомнений. То, что патенты были выданы в большом количестве Комиссаром земель короны и отправлены доверенными представителями правительства на избирательные участки для использования избирателями, так же хорошо установлено, как и сам факт выборов. Более того, этот факт признается сэром Фрэнсисом Хедом в дополнительной главе к его "Повествованию", а также Комитетом, назначенным Ассамблеей для расследования этого дела, и попытки объяснить это

носят самый слабый характер. Количество выданных патентов было настолько велико, что потребовался специальный штат дополнительных клерков, чтобы подготовить их к тому времени, когда они были востребованы. В некоторых случаях патенты распространялись лишь на четверть акра дикой, необработанной земли, на которой не было возведено никаких зданий. Многие из них были выпущены между датой роспуска парламента и закрытием выборов месяцем позже,^[250] а в некоторых случаях они были выпущены после фактического начала голосования. Бюллетени раздавались открыто в местах проведения выборов лицам, которые не подавали за ними заявлений и которые, по крайней мере в некоторых случаях, получали их без уплаты обычных сборов, просто для того, чтобы таким образом иметь возможность проголосовать. Вопрос о том, повлияла ли выдача патентов на результат выборов в каком-либо отдельном случае, совершенно не относится к делу. Было бы абсурдно притворяться перед лицом подобной тактики, что народу была предоставлена какая-либо реальная свобода выбора в вопросе парламентского представительства. Свобода выборов была парализована. Избиратели-реформаторы были буквально ошеломлены, и их избирательное право оказалось бесполезным. Все это было сделано с ведома и согласия вице-губернатора, который тем самым умышленно нарушил инструкции, полученные им из Министерства внутренних дел.^[251]

Результат предвыборной борьбы, проведенной по этим направлениям, был таков, что полностью оправдал ожидания сэра Фрэнсиса и его советников. Были возвращены не только все старые члены партии Тори — и это, в ряде случаев, без какого-либо сопротивления, — но и ряд новых приверженцев этой стороны получили места. Хагерман был возвращен в "Кингстон" путем аккламации, Маклин был возвращен в "Стормонт", Джордж С. Джарвис — в "Таун Корнуолл", Джонас Джонс и Огл Б. Гоуэн — в "Лидс", А. Н. Макнаб — в "Вентворт", У. Б. Робинсон — в "Симко", Махлон Барвелл — в "Таун Лондон", Генри Шервуд — в "Броквилл" и Уильям Генри Дрейпер — в "Торонто". Джентльмен, названный последним, известный в более поздние времена как верховный судья Дрейпер, теперь впервые появился на публике. Он был очень удачным приобретением в рядах Высшего канадского торизма, и ему было суждено оказывать широкое и далеко идущее влияние на сменявших друг друга представителей короны в этой колонии. Но триумфы официальной партии не ограничивались простым численным успехом. Они вырвали несколько важных избирательных округов из рук своих противников. Реформаторы не только остались в незначительном меньшинстве, но и почти все их наиболее способные члены потерпели поражение в тех округах, которые долгое время считались безопасными для проведения Реформ. Бидвелл и Перри потерпели поражение в Ленноксе и Аддингтоне; Лаунта постигла аналогичная участь в Симкоу; а Маккензи потерпел явное поражение во Втором Рейде Йорка от человека, не имевшего политического положения. Гибсон, Моррисон и Макинтош выиграли свои соответствующие выборы в трех других округах Йорка, но ни один из них не обладал большими парламентскими способностями и на него нельзя было положиться в какой-либо серьезной чрезвычайной ситуации. Единственным значительным достижением партии реформ стало избрание доктора Рольфа. Доктор, после того как позволил уговорить себя занять место в Исполнительном совете, отставка которого послужила началом соперничества между реформаторами и вице-губернатором, не чувствовал себя вправе отвергать предложения своих друзей. Он был выдвинут кандидатом от графства Норфолк, и его кандидатура оказалась успешной. Он сам по себе был хозяином, и его возвращение стало единственной полосой яркого света, появившейся на горизонте Реформ в конце кампании.

Пожалуй, самой неудовлетворительной чертой во всем этом неудовлетворительном деле, с точки зрения Реформы, было то, что позорное поражение реформаторов было вызвано

дезертирством из их собственных рядов. Умеренно настроенные реформаторы вместе с консерваторами пришли к выводу, что даже господство Семейного договора предпочтительнее господства таких людей, как Маккензи. Публикация пагубного письма о доминировании, за которым последовали, как это было, искажения Тори, заставила тысячи людей поверить, что радикалы тайно выступают за отделение колонии от Великобритании. Уэслианские методисты, многочисленная организация, были вдвойне вынуждены выступить против Маккензи и всех, кто поддерживал его дело. О ссоре между Маккензи и преподобным Эджертоном Райерсоном уже упоминалось.^[252] Мистер Райерсон был в те дни одной из самых выдающихся фигур методизма Верхней Канады и вместе со своими братьями оказывал преобладающее влияние среди членов этого органа. Во время всеобщих выборов 1836 года он отсутствовал в провинции с миссией в Англию, куда он отправился, чтобы получить устав Академии Верхней Канады и собрать взносы на создание и содержание этого учебного заведения, которое впоследствии превратилось в колледж Университета Виктории. Но рука преподобного джентльмена была далеко протянута и простиралась через широкие просторы Атлантики. Как и большая и респектабельная часть высшего канадского населения, он питал чувство личного презрения к Маккензи, чей характер он глубоко презирал и чьи проекты считал наносящими ущерб благосостоянию колонии. Публикация пагубного письма о господстве убедила его в том, что восстание и отделение были одними из заветных планов радикалов. Всем подобным планам он был готов противопоставить самое решительное сопротивление, поскольку его лояльность была высочайшего порядка, а его неприязнь к Маккензи, вероятно, придавала его сопротивлению дополнительное рвение. Как уже было видно, Маккензи с помощью Хьюма, Робака и других британских государственных деятелей преуспел в создании в умах английской общественности значительной симпатии к канадским реформам. Чтобы противодействовать этому влиянию, мистер Райерсон за подписью "Канадец" направил серию писем в лондонскую *Times*. Они были энергично написаны и привлекли большое внимание не только в Англии, но и в Канаде, где их перепечатывали в колонках газет Тори и где они распространялись в виде брошюр в качестве предвыборного документа. Мистер Райерсон также написал ведущим членам методистской организации Канады, призывая их бросить все свое влияние на кандидатов от правительства и против революционной политики радикалов. Его призывы достигли своей цели, и подавляющее большинство уэслианских методистов Верхней Канады, которые до этого поддерживали членов движения "Реформа", перешли на сторону правительства. Во многих избирательных округах — особенно в Ленноксе и Аддингтоне — они удерживали баланс сил, и их отход от дела Реформ решил судьбу кандидатов.^[253] Некоторые остались равнодушными к разъяснениям мистера Райерсона, а некоторые даже зашли так далеко, что осудили его поведение и ответили на его аргументы, но их было слишком мало, чтобы повлиять на общий результат. Некоторые из успешных кандидатов были вынуждены заранее пообещать методистам и другим неконформистам предпринять немедленные шаги для урегулирования вопроса о резервах духовенства, но этими обещаниями пренебрегли или о них забыли в последовавшую за этим бурную эпоху.

Таким образом, будет видно, что, как ясно указано в Отчете лорда Дарема,^[254] спор, который был начат по вопросу об ответственном Исполнительном совете, впоследствии был ловко повернут официальной стороной и был решен на совершенно иных основаниях. Вопрос об ответственном исполнительном органе, так же как и вопрос о Резервах Духовенства, на какое-то время выпал из поля зрения общественности. Все остальные вопросы уступили место решимости вернуть кандидатов, которые "сплотились бы вокруг трона". Триумф правительства

вышел далеко за рамки того, что некоторые его члены осмеливались ожидать. 8 июля сэр Фрэнсис смог доложить лорду Гленелгу, что "конституционисты" — этим именем он обозначил официальную партию и всех, кто их поддерживал, — получили большинство в двадцать пять человек,^[255] тогда как в предыдущем Собрании они были в меньшинстве из одиннадцати. В том же сообщении он воспользовался возможностью очернить мистера Бидвелла, которого он охарактеризовал как "близнеца или сиамского компаньона мистера спикера Папино". Он описал бурную реакцию, которая была вызвана, и ликующе сообщил его светлости, что из четырех кандидатов, которые боролись в избирательном округе Леннокс и Аддингтон, мистер Бидвелл набрал наименьшее количество голосов.

Министр колоний, должно быть, был крайне озадачен, не зная, что и думать об этом вспыльчивом и скачущем вице-губернаторе, который был так явно лишен особых качеств, предположительно необходимых для человека его положения, и который оформлял свои официальные депеши по образцу сенсационного романа. Передо мной был человек, которого выбрали на высокий и почетный пост, потому что предполагалось, что он сведущ в науке политики, но который, как теперь выяснилось, был совершенно незнаком с принципами и практикой правления; который не был осведомлен о приличиях и удобствах официального общения; который в том, что предназначалось для серьезных официальных сообщений, пользовался выдержками из французских водевилей и ссыался на определенные методы процедуры, которые не были *соответствии с Хойлом*! Согласно всем известным теориям и прецедентам, вступление в должность такого человека должно было сопровождаться немедленным и позорным провалом. И все же, насколько можно было судить, он ни в коем случае не потерпел неудачу. Более того, казалось, что он действительно добился поразительного успеха и добился того, чего люди с большими способностями и большим опытом были совершенно не в состоянии достичь. Такой успех был непостижимой тайной для официального разума, и лорд Гленелг, по-видимому, после первых нескольких недель оставил все попытки проникнуть в нее. Все поведение этого нетрадиционного вице-губернатора было непостижимо. Он выразил свое полное несогласие с политикой Комиссии по расследованию в Нижней Канаде, которая высказалась в пользу ответственного руководителя.^[256] Он даже зашел так далеко, что подал в отставку из-за своей неспособности согласиться с либеральными мерами реформы, за которые выступали комиссары.^[257] Но правительство Метрополии ни в коем случае не было склонно принимать его отставку именно в то время. У них не было свободного человека, которого можно было бы поставить на его место, и было сочтено желательным, чтобы ему разрешили еще немного попробовать свои силы. И теперь эта новость о результатах выборов, казалось, полностью оправдывала их решимость сохранить его на своем посту. Если он действительно установил новый и улучшенный порядок вещей в Верхней Канаде, было бы только справедливо, если бы он наслаждался престижем своего успеха.

Но пагубные последствия поверхностной и катастрофической политики сэра Фрэнсиса уже начинали становиться очевидными для тех, чьи глаза были достаточно проницательны, чтобы заглядывать за поверхность вещей. Реформаторы чувствовали, что их перехитрили. Это они могли бы вынести, поскольку в прошлые времена им часто приходилось терпеть подобное наказание. Но они считали, что были обмануты в своих правах тем, чьей особой обязанностью было следить за этими правами и сохранять их в неприкосновенности. Они многое пережили от рук Гора, Мейтленда и Колборна. Но Гор, Мейтленд и Колборн не предстали перед ними в облике испытанных Реформаторов. Они были эмиссарами Тори от руководства тори за морем, чьи указания они, как правило, выполняли. Все это изменилось, но перемена, насколько это

касалось Верхней Канады, была к худшему. Реформаторы Провинции чувствовали, что человек, который был поставлен у руля государства — человек, посланный якобы Либеральным правительством исправить накопленные ошибки прошлого, — был в некоторых отношениях гораздо более опасен, чем любой из его предшественников. Карлайл тогда еще не произнес своей знаменитой речи о дураках, но идея о том, что дурак иногда может внушать гораздо больше страха, чем мудрый человек, достаточно очевидна и в яркой форме предстала перед умами многих реформаторов Верхней Канады. К этому времени они уже кое-что узнали о сэре Фрэнсисе Хэде. Они заставили себя считать его не просто дураком, но дураком, лишенным правильных чувств или принципов; дураком, который не остановится ни перед какой несправедливостью или беззаконием, совершение которых привело бы, пусть даже в малой степени, к его собственному прославлению. Он, очевидно, рассматривал свое личное вмешательство в выборы как то, чем он должен гордиться. Такое положение вещей было невыносимо. Было ясно, что для канадских реформаторов жизнь очень скоро перестанет стоить того, чтобы жить. Они отчаивались в будущем, которое, по их подавленному мнению, казалось нависшим над ними небом непроглядной черноты. Их отчаяние сопровождалось жгучим чувством поражения и несправедливости, пропорциональным обстоятельствам. Подобные чувства испытывали не только проигравшие кандидаты и их ближайшие друзья, но и реформаторы в целом. Некоторые из них начали взвешивать преимущества и недостатки переезда из Провинции. Другие, после того как прошел первый всплеск разочарования, решили сохранять терпение и надеяться на лучшее. Сравнительно небольшое число людей, поддавшись влиянию смеси отчаяния и раздражения, начали рассматривать вооруженное сопротивление власти как одну из возможностей ближайшего будущего. Конституционное сопротивление, по их мнению, получило справедливый судебный процесс. Не стоит ли попробовать более радикальные меры?

Заметным среди персонажей, находившихся под сильным влиянием подобных мыслей, был Уильям Лайон Маккензи, который, как упоминалось ранее, проиграл свои выборы во Втором округе Йорка. Можно было бы предположить, что если какой-либо избирательный округ в провинции находился вне досягаемости влияния тори, то Второй округ имел право на это отличие. Это был, как известно, самый радикальный электорат в колонии. Он преданно поддерживал Маккензи на протяжении всей смутной эпохи последовательных изгнаний. И все же теперь это выбросило его за борт из-за политического ничтожества. Объяснение следует искать в том факте, что Атракцион стал ареной некоторых скандальных злоупотреблений, совершенных во время кампании. Тори решили, что Маккензи должен быть побежден любой ценой, и прибегли к самым предосудительным средствам для достижения этой цели. Избрать называющего себя тори было бы невозможно, поэтому человек, решивший выступить против него, был тем, кого автор "Мидлмарча", возможно, имела в виду, когда описывала сэра Джеймса Четтама как "человека уступчивого нрава, с разными мнениями и неуверенным голосом".^[258] Его звали Эдвард Уильям Томсон, и он называл себя умеренным реформатором. Его умеренность была приемлема для значительной части избирателей, многие из которых устали от Маккензи. Официальная партия, однако, решила не полагаться на законные средства для победы над кандидатом-радикалом. Деньги тратились свободно, и мускулистые хулиганы были наняты для запугивания. Хорошие голоса были отклонены с одной стороны, а плохие приняты с другой. На избирательный участок были отправлены патенты, некоторые получатели которых проголосовали за Томсона. Присутствовал шериф Джарвис, который своим языком и поведением сделал все возможное, чтобы обескуражить сторонников Маккензи. Ни один

камень не был перевернут для достижения желаемой цели. Тех средств, которыми Маккензи располагал, было совершенно недостаточно, чтобы противодействовать устройствам, использованным против него. Он был побежден, причем большинством в сто голосов.

Этот результат застал Маккензи врасплох. Он пришел к нему в форме откровения. Он не позволял себе сомневаться в своем успехе, и убежденность в том, что он утратил свою популярность, ранила его до глубины души. Он удалился в дом одного из своих сторонников по соседству, где совершенно сломался и плакал с горечью, вызвавшей активное сочувствие присутствующих. Но это настроение длилось недолго. За этим последовали угрюмость и невозмутимость, каких за ним никогда прежде не наблюдали. Он знал, что его избили несправедливо, и решил подать петицию против выборов. Тем временем его гнев против партии, которая была замешана в его поражении, был неуправляемым и должен был найти выход. Он решил, что должен снова получить контроль над газетой. Соответственно, он основал "*Конституцию*", еженедельную газету, первый номер которой вышел в Торонто в шестидесятую годовщину Провозглашения независимости Соединенных Штатов, а именно 4 июля 1836 года. Тон статьи был таким, какой можно было ожидать, судя по настроению ее редактора. Это был более откровенный орган, чем когда-либо был под его руководством "*Адвокат*", и с самого начала его можно было назвать революционным органом. В его колонках находили выражение все проявления недовольства, и некоторые из его редакционных статей были отмечены духом горечи и непримиримости, которые, как обычно предполагалось, не свойственны натуре Маккензи. Несомненно, были бы приняты меры для его подавления, если бы правительство не почувствовало, что оно добилось знаменательного триумфа и что оно может позволить себе игнорировать его атаки.

Многие другие радикалы испытывали к Правительственной партии не меньшую неприязнь, чем Маккензи. Действительно, поведение партии власти было таким, что сделало временными радикалами немало людей, которые до этого были известны как умеренные реформаторы. Действительно, можно сказать, что почти все умеренные либо объединились с Правительственной партией из страха перед радикалами, либо объединились с радикалами из чувства официальной тирании и несправедливости. Были проведены публичные собрания, на которых вице-губернатор и его мирмидонцы подверглись самым яростным обвинениям. На заседании Общества конституционных реформ доктор Болдуин, Джордж Ридут, Джеймс Э. Смолл и другие говорили о поведении его превосходительства в выражениях, которые публика никогда прежде не слышала из их уст. Официальное обращение Общества по поводу отставки членов Исполнительного совета также содержало несколько суровых, но вполне заслуженных замечаний. Вице-губернатор выразил свое осуждение использованных формулировок, незамедлительно уволив трех вышеназванных джентльменов с определенных должностей, которые они занимали. [259] Как будет показано ниже, это разбирательство в конечном итоге привело к серьезным осложнениям между Министерством внутренних дел и сэром Фрэнсисом. Тем временем последнему было позволено поступать по-своему, но не без упорных попыток сопротивления со стороны некоторых его противников. Ряд наиболее ярых радикалов решили решительно заявить о выборах и других злоупотреблениях в британской палате общин и с этой целью послали в Англию доктора Чарльза Данкомба. Доктор Данкомб был переизбран в Оксфорд, но ему пришлось бороться с влиянием, аналогичным тому, которое имело место в других избирательных округах, и, таким образом, он мог говорить о пристрастном поведении эmissаров вице-губернатора на основании личных наблюдений. Он подготовил заявление по делу против сэра Фрэнсиса, которое было представлено в Палату общин мистером Хьюмом.

Министр по делам колоний отправил его копию сэру Фрэнсису для объяснений. Маловероятно, что миссия доктора Данкомба была бы успешной при любых обстоятельствах, но он совершил ошибку, слишком много протестуя. Большая часть обвинительного заключения могла бы быть легко обоснована в любом беспристрастном суде, но в нем также содержались обвинения, которые, независимо от того, правдивы они или нет, обвинитель не смог доказать. Как упоминалось на бывшей странице[260], дело было передано в Комитет Провинциального собрания, которым вице-губернатор был полностью оправдан. Дополнительная ссылка на этот вопрос будет сделана в связи с работой следующей сессии.

Тем временем вице-губернатор вел обширную переписку с министром по делам колоний. Темы, затронутые в ней, были многочисленными и разнообразными. Возможно, наиболее важной из всех была Комиссия по расследованию в Нижней Канаде. Члены Комиссии составили отчет, в котором они рекомендовали создание ответственного правительства и другие столь необходимые реформы. Как упоминалось ранее, сэр Фрэнсис не разделял эти взгляды и решительно отвергал рекомендованную таким образом политику. Идея ответственного руководителя была ему совершенно отвратительна. Он вскоре понял, что имперское правительство рано или поздно уступит настоятельному требованию, выдвинутому от имени различных британских североамериканских колоний, но он решил бороться с этим до тех пор, пока будет возможно противодействие, и его депеши изобилуют тем, что он, несомненно, рассматривал как аргументы с отрицательной стороны. Он предсказал самые серьезные результаты, если политика Комиссаров будет принята. Формулировки девяноста двух резолюций Ассамблеи Нижней Канады, которые он назвал не только оскорбительными для британского правительства, но и предательскими. Он предлагал различные меры для установления власти короны в Канаде на прочной основе. Среди них были отмена Закона о передаче доходов, присоединение округа Гаспе к провинции Нью-Брансуик и присоединение Монреаля к Верхней Канаде. Можно с уверенностью предположить, что эти идеи не были его собственными, и никто, кто читал "Канаду и канадский законопроект", [261], опубликованный несколькими годами позже, не будет сильно сомневаться в личности, от которой он черпал вдохновение.

СНОСКИ:

[236] Впоследствии сэр Фрэнсис отрицал, что этот вызов был адресован американцам. Смотрите его депешу лорду Гленелгу от 6 ноября 1836 года, изложенную в его *Повествовании*, глава vi. Но совершенно очевидно, что отрицание, так же как и конструкция, которую он пытался вложить в свой язык, было запоздалой мыслью. Если, как он там утверждает, "американцы имели к этому вопросу не больше отношения, чем китайцы", то в его отважном вызове не было никакого соответствующего значения.

[237] Смотрите отправку от 28 мая.

[238] Смотрите отправку от 21 апреля.

[239] *Ib.*

[240] *Ib.*

[241] Депеша от 28 мая.

[242] От 28 апреля.

[243] *Ante*, стр. 281.

[244] Смотрите *Речь доктора Рольфа в Комитете Палаты представителей по докладу Специального комитета по петиции доктора Чарльза Данкомба в Палату общин Великобритании*, произнесенную в понедельник, 30 января 1837 г.

[245] Впоследствии сэр Фрэнсис настаивал на том, что его ответы на обращения были даны до, а не во время выборов. Заявление не выдерживает подробного рассмотрения. Вред был нанесен подстрекательским и угрожающим тоном ответов, и простой вопрос о времени их получения не имел никакого значения. Английский писатель таким образом эффективно опровергает эту попытку защиты: "Несомненно, у него [сэра Ф. Б. Хеда] должно быть какое-то смутное представление о том, что это не вопрос времени, и что, если избирательному органу адресованы обещания или угрозы в отношении осуществления им избирательного права, не имеет значения, сделано ли это до выборов или во время них. Каким бы нелогичным он себя ни проявил, мы не можем предположить, что он настолько начисто лишен способности рассуждать, как предполагала бы искренность в этой защите; и поэтому мы должны верить, что он знает, что обвинение вполне обосновано, и прибегает к этому неуклюжему уклонению в чистом отчаянии". — См. *Лондонское и Вестминстерское обозрение*, vol. xxxii., № 2, статья vi.

[246] Во время конкурса люди на the hustings фактически требовали от кандидатов: "Вы голосуете за Палату собрания или за сэра Фрэнсиса Хеда?" — вопрос, который, как отмечает сам сэр Фрэнсис, сводился к следующему: "Вы за республиканское правительство или нет?" — См. *Меморандум о нынешнем политическом состоянии Канады*, в *Описании*, глава. vi.

[247] Лорд Дарем, основываясь на имеющихся у него доказательствах, исходит из предположения, что патенты не выдавались никому, кроме лиц, имеющих право на землю. Но, как признает его светлость, выдача патентов вообще при таких обстоятельствах была актом официального фаворитизма, которого не допустил бы ни один вице-губернатор с должным чувством своего долга. См. *Отчет*, фолиантное издание США, стр. 51.

[248] Это было в Стритсвилле, когда между Уильямом Лайоном Маккензи и Эдвардом Уильямом Томсоном шло соревнование за вторую езду на Йорке.

[249] Смотрите его речь в Ассамблее 30 января 1837 года.

[250] Из официальных отчетов следует, что 1478 патентов прошли Большую печать в период с 20 апреля (даты продления) до закрытия конкурса в июне. Из этого числа 1245 были выпущены во исполнение Распоряжений Совета, сделанных до прибытия сэра Фрэнсиса Хеда в Провинцию. Между его прибытием и закрытием выборов было выдано 233 документа, из которых только 150 были выданы по распоряжению Совета от его имени. Но то, что все 1478 избирательных бюллетеней были приняты при режиме сэра Фрэнсиса за очень короткий период; что для этой цели был нанят специальный штат клерков; что впервые в истории провинции эти патенты были распределены в кабинках для голосования правительственными агентами, которые были убежденными приверженцами официальной партии и, более того, зависели от правительства в своем положении, — таковы обстоятельства, которые допускают лишь одно краткое

объяснение. Единственным из этих агентов, которого Следственный комитет осмелился вызвать к себе, был мистер Уэлсли Ричи из Барри, который при допросе показал, что он упомянул вице-губернатору, что лица, желающие получить их документы, имеют на них право, и что *он думал, что они будут голосовать за кандидатов от Конституции*; что сэр Ф. Б. Хед строго приказал свидетелю никоим образом не вмешиваться в качестве представителя правительства или использовать любое влияние, которое давало ему его положение на выборах; что из числа, не превышающего 130 патентов, на которые имели право лица, проживающие в графстве Симко, и которые были у свидетелей в их пользу, было вызвано всего около тридцати, и только часть из этих тридцати проголосовала. Это всего лишь мелкое уклонение. Как указано в тексте, степень, в которой подобная тактика повлияла на результат, не является главным вопросом, требующим решения. Самого факта, что они были наняты, достаточно, чтобы решить вопрос о виновности. Ричи было приказано не вмешиваться в выборы в качестве *представителя правительства*. Как могло случиться, что чиновник, о котором известно, что он связан с правительством, лишил себя влияния, неотделимого от такой связи, особенно когда его сильные политические пристрастия были хорошо известны, и когда он представил себя на выборах в качестве распространителя информации среди избирателей? Сам факт совещания по такому вопросу между главой правительства и подчиненным сам по себе является подозрительным обстоятельством.

[251] В депеше лорда Годериха сэру Джону Колборну от 8 ноября 1832 г., упомянутой в *ante*, стр. 246, используются следующие формулировки: "Его Величество ожидает и требует от вас, чтобы вы не практиковали и не допускали со стороны тех, кто официально вам подчинен, какого-либо вмешательства в права его подданных на свободный и непредвзятый выбор своего места жительства". представители;" и, как упоминалось ранее, лорд Гленелг прямо проинструктировал сэра Фрэнсиса Хеда взять это послание за правило для руководства своим поведением. См. *ante*, стр. 301.

[252] *Ante*, стр. 272.

[253] Сэр Фрэнсис Хинкс, который, как упоминалось ранее в тексте, в то время проживал в Торонто и был связан с партией реформ, в своих *воспоминаниях* изложил свои взгляды по этому вопросу, и поскольку они основаны на личном опыте и воспоминаниях, их стоит процитировать. "Принимая во внимание, - пишет он, - что из всех общих правил есть исключения, я думаю, что я не ошибаюсь в своем убеждении, что члены Англиканской церкви и пресвитериане в целом голосовали за кандидатов от Тори, в то время как римские католики и баптисты, конгрегационалисты и т.д. одинаково голосовали за реформаторов. Уэслианские методисты удерживали баланс сил во многих избирательных округах, и я полагаю, что общепризнано, что на выборах 1836 года их голоса были направлены против реформаторов ". И снова: "Я полагаю, что прав, утверждая, что сэр Фрэнсис Хед победил на выборах 1836 года реформаторов главным образом под влиянием преподобного Эджертон Райерсона, который, хотя и отсутствовал в то время в Канаде, своими опубликованными впечатлениями побудил тех, кто доверился ему, отказаться от дела Реформ". — *Воспоминания* т. Д., стр. 17, 18.

[254] Фолиантное издание США, стр. 49.

[255] Всего в Палате было всего шестьдесят два члена, так что большинство из двадцати пяти представляло собой то, что можно было бы назвать абсолютным контролем. Фактическое

большинство составляло двадцать шесть человек, поскольку было всего восемнадцать представителей Реформ против сорока четырех сторонников правительства.

[256] Смотрите его депешу от 1 июня.

[257] *Ib.*

[258] Эта формулировка точно характеризует мистера Томсона, поскольку впоследствии, в Ассамблее, было невозможно предсказать, как он проголосует по любому мыслимому вопросу. Его принципы "Реформы", должно быть, были очень "умеренными", поскольку он часто поддерживал меры, предусмотренные Договором. Его голоса, похоже, были продиктованы случайностью или капризом, а не какими-либо политическими убеждениями.

[259] Доктор Болдуин был судьей Суррогатного суда Родного округа. Вероятно, его увольнение было вызвано в равной степени тем фактом, что он был президентом Общества, а не его замечаниями о вице-губернаторе или официальным обращением. мистер Ридут был судьей окружного суда Ниагары, мировым судьей и полковником Второго полка Восточно-Йоркского ополчения. Он был уволен со всех трех должностей, хотя и не был членом Общества реформ. Мистер Смолл был комиссаром Апелляционного суда в Торонто, а также подполковником Первого Восточно-Йоркского ополчения.

[260] *Ante*, стр. 330.

[261] Написано Главным судьей Робинсоном в противовес проекту объединения двух провинций Верхней и Нижней Канады.

ГЛАВА XVII.

РЕАКЦИЯ.

Наверх

Последние недели лета и часть ранней осени вице-губернатор провел в неформальной поездке по некоторым из самых интересных и живописных районов провинции. Большая часть путешествия, занявшая в общей сложности около двух месяцев, была проделана верхом и всего с двумя сопровождающими. Приятно написанный отчет о некоторых впечатлениях, пережитых во время этого бодрящего отпуска, можно найти в "Эмигранте", легком, отрывочном и наиболее читабельном маленьком томе, изданном сэром Фрэнсисом десять лет спустя. Вскоре после его

возвращения в резиденцию правительства его самодовольство получило проверку в виде депеши из Министерства по делам колоний, к которой были приложены копии инструкций, направленных сэру Арчибальду Кэмпбеллу, вице-губернатору Нью-Брансуика. Казалось, что напряженные усилия реформаторов этой провинции увенчались успехом. Сэру Арчибальду было приказано передать Ассамблее случайные и территориальные доходы короны и назначить ответственного исполнителя. Это было еще не все. Сэру Фрэнсису самому было ясно сообщено, что то, что было признано в одной британской североамериканской провинции, не может быть утаено от остальных. Едва это известие было прожевано и переварено, как он получил еще одно сообщение, которое усугубило его замешательство, подтвердив предыдущее и поставив отвратительную доктрину у самой его двери. Его проинструктировали, что отныне Исполнительные советы в различных североамериканских колониях должны состоять из лиц, пользующихся доверием народа. Это, хотя и не было полной неожиданностью, почти прошло. Он видел, что картонный домик, который он с таким трудом построил, вот-вот рухнет у него на глазах. Если бы этот курс был продолжен, все его усилия собрать Палата собрания вскоре оказались бы напрасными; ибо ни одно Собрание не стало бы постоянно поддерживать клику советников, при назначении которых они сами не имели права голоса и в принципы которых они не верили. Сэр Арчибальд Кэмпбелл и он сам были полностью единодушны в решении этого щекотливого вопроса, и они оба были твердо полны решимости сопротивляться такой политике до последнего. В этой работе нет необходимости представлять какой-либо подробный отчет о действиях сэра Арчибальда. Достаточно будет сказать, что он предпочел уйти в отставку, нежели подчиниться полученным инструкциям, и что он выполнил это решение в течение следующего года, когда его сменил сэр Джон Харви. Сэр Фрэнсис Хед тем временем довольствовался, насколько мог, яростными протестами, адресованными Министерству внутренних дел. "Чем серьезнее я размышляю о политическом спокойствии в этой провинции", - писал он,^[262] "тем более твердо я утверждаюсь в своем мнении, что холодные, суровые, решительные, не допускающие примирения меры формируют наиболее популярное описание правительства, которое может быть применено по отношению к свободным и благородно мыслящим жителям Канады". Стиль его депеш не улучшился со временем. Они были многословными, напыщенными и жаргонными. Сами депеши в значительной степени состояли из раздутой, дерзкой фразеологии и цитат из легкой литературы того периода. Лорд Гленелг, однако, привык к нетрадиционным методам своего протеза и ни в коей мере не был расположен судить его строго. 8 сентября он написал ему о том, что его "дальновидность, энергия и моральное мужество" были одобрены королем. "Мне особенно приятно, - писал его светлость, - быть каналом передачи вам этого высокого и почетного свидетельства благосклонного принятия ваших услуг Его Величеством". Из всего этого достаточно очевидно, что реальное состояние дел в Высших эшелонах власти Канады было не намного более ясно понято Министерством по делам колоний, чем сэром Фрэнсисом Хедом.

Новый парламент был собран 8 ноября. Арчибальд Маклин из Стормонта был избран спикером большинством в пятнадцать голосов - тридцать шесть против двадцати одного. Это голосование ни в коем случае не свидетельствовало о полной силе правительства, перед которым было просто невозможно устоять. Сила Договора была не только полностью восстановлена, но и возросла. Никогда еще его влияние не было столь велико. Оно было абсолютным, ошеломляющим; и любое противодействие ему было голым пинком под зад. В Тронной речи его Превосходительство поздравил Палаты представителей с чувством лояльности, охватившим провинцию, и со спокойствием и безмятежностью общественного сознания. Он обратил

внимание на "очевидное спокойствие в стране" и кратко упомянул о законодательстве, рассматриваемом правительством, которое, как было указано таким образом, носило исключительно практический характер. Речь завершилась заявлением о намерении его Превосходительства "сохранить в неприкосновенности счастливую конституцию этой провинции". Если Речь в целом содержала точное отражение мнения официальных лиц, это указывало на то, что правительство сильно недооценивало общественное мнение в стране. Правда, заметной агитации было мало, поскольку партия реформ потерпела столь сокрушительное поражение, что на какое-то время почувствовала себя бессильной. Но они лихорадочно осознавали нанесенный им сокрушительный удар и оправились от него в духе, который был далек от "безмятежности". Десятки из них отчаялись в будущем, распродали свое имущество и переехали в Соединенные Штаты. В сентябре и октябре произошла значительная эмиграция фермеров из западной части провинции в Мичиган. Таково было "спокойствие", которым так гордился сэр Фрэнсис и о котором он продолжал распространяться с повторяющимися интервалами, пока его не пробудило ото сна известие о том, что "мятежники" находятся у Монтгомери.

Законодательный орган немедленно приступил к принятию законопроекта о поддержке Гражданского правительства на текущий год, об обстоятельствах, о которых вице-губернатор поспешил проинформировать лорда Гленелга. Различные важные вопросы занимали внимание парламента во время сессии. Среди других вопросов, которые были вынесены на обсуждение, было давнее недовольство духовных резервов. В четверг, 8 декабря, Хайрам Нортон, депутат от Гренвилла, внес в Ассамблею законопроект, целью которого является распоряжение Резервами для целей общего образования. Он прошел второе чтение 13 числа того же месяца, после чего Палата представителей в составе Комитета полного состава после нескольких дней рассмотрения и дискуссий приняла резолюцию в пользу присвоения земель Духовенства и доходов, полученных от их продажи, для религиозного и нравственного воспитания народа. Это послужило поводом для внесения доктором Рольфом поправки, "Согласно которой целесообразно предусмотреть продажу Запасов духовенства и использование вырученных средств на цели общего образования, как один из наиболее законных способов дать свободный простор распространению религиозной истины в обществе". В поддержку этой поправки Доктор произнес, несомненно, самую примечательную речь в своей жизни — речь, которую известный писатель[263] объявил не имеющей аналогов в анналах парламентских дебатов Канады. Обилие и великолепие иллюстраций, плавная и гармоничная дикция не могли бы не подчеркнуть, что это большое усилие, если бы оно было представлено перед любой аудиторией в мире. Нельзя воздать ей большей похвалы, чем зафиксировать тот простой факт, что она укрепила и без того высокую репутацию Доктора как оратора и что она вызвала восхищение многих людей, которые не могли согласиться с доктринами и аргументами, содержащимися в ней. Но никакое красноречие и никакие аргументы не помогли бы этому Дому. Поправка была отклонена, и в пятницу, 16-го, первоначальная резолюция была принята тридцатью пятью голосами против двадцати одного. Затем этот вопрос был передан в Верхнюю палату для согласования. Поскольку эта мера провалилась во время сессии и в конечном итоге ни к чему не привела, представляется излишним следить за ее успехами дальше.

1837.

Доктор Рольф произнес еще одну мощную речь во время заседания; речь, которая сама по себе дала бы ему право занять высокое место в качестве парламентского оратора и которая уступала

по силе только речи, произнесенной в Резервации духовенства. Это возникло из-за обвинений доктора Данкомба против вице-губернатора. Получив от министра по делам колоний копию жалобы, которая была подана в Палату общин, его превосходительство, который, конечно, мог безоговорочно полагаться на Ассамблею в ее тогдашнем составе, передал ее этому органу для рассмотрения. Результат полностью оправдал его доверие. Был назначен сторонний комитет, который подошел к вопросу в духе, весьма далеком от судебной справедливости. То, как проводилось расследование, уже зафиксировано.^[264] Доктор Данкомб выдвинул определенные обвинения, некоторые из которых легко поддавались положительному доказательству, в то время как другие по своей природе не допускали ничего более веского, чем косвенные доказательства. Что касается одного или двух обвинений в клевете, он безоговорочно верил в их правдивость, но ему не удалось получить каких-либо существенных доказательств. Однажды он предстал перед Комитетом только для того, чтобы обнаружить, как и ожидал, что ему не следует рассчитывать на справедливое или терпеливое слушание. В этих обстоятельствах он счел, что дальнейшими попытками установить истинность его утверждений ничего не добиться, и разрешил рассматривать дело заочно. Соответственно, Комитет приступил к сбору доказательств под свою ответственность. Вынесенный вердикт был таким, какой легко можно было предвидеть. Каждое обвинение и инсинуация, выдвинутые против его превосходительства, были объявлены "полностью лишенными правды". Таким всеобъемлющим образом было не только оправдано его поведение, но и о нем говорили как о человеке, перед которым Провинция в большом долгу. В свое время доклад был представлен Ассамблее с предложением о его принятии. Разбирательство с самого начала носило характер практического импичмента вице-губернатора, вопрос, который действительно выходил за рамки юрисдикции любого канадского суда. Это дало доктору Рольфу возможность выступить перед Палатой представителей со значительной речью, которая, как заметил биограф мистера Маккензи, "навсегда останется незабываемой в истории Канады".^[265] Оно было доставлено 30 января 1837 года. В нем самым резким образом были разоблачены различные злоупотребления, имевшие место во время выборов. Серио-комический тон, которым была пронизана большая часть произведения, вызвал взрыв смеха, в то время как более серьезные пассажи вызвали самые противоречивые чувства в умах слушателей. Истинное ораторское искусство никогда не бывает совершенно бесплодным, и может показаться, что эта мощная речь должна была дать толчок чувствам, которые рано или поздно должны были привести к конкретным результатам. Однако пока речь шла о каких-либо непосредственных последствиях для действий Палаты представителей, об этом можно было бы умолчать. Отчет был принят более чем двумя третями присутствующих членов, и вице-губернатор был официально освобожден от ответственности.

Среди других вопросов, представленных на рассмотрение Ассамблеи, была петиция от мистера Маккензи. С момента избрания он публично заявлял о своей решимости подать петицию против возвращения во Второй округ Йорка. Из-за болезни он не смог подать ходатайство в установленный срок, и от его имени был получен дополнительный срок. Он собрал огромную массу доказательств, на некоторые части которых правительству, несомненно, было бы трудно ответить к удовлетворению общественности. Он ликовал и открыто хвастался, что разоблачит такую массовую коррупцию, которая повергнет страну в ужас. Однако он был настолько поглощен сбором доказательств и отрицанием своего предполагаемого триумфа над врагами, что не смог взять необходимую подписку о невыезде до тех пор, пока не истек отведенный для этого срок. Закон, регулирующий это дело, требовал, чтобы заявитель был взят под подписку о

невыезде в течение четырнадцати дней с момента подачи ходатайства. В данном случае петиция была подана 20 декабря 1836 года, так что четырнадцать дней истекли 3 января 1837 года. "Если по истечении указанных четырнадцати дней", — так гласил устав, — "такая подписка о невыезде не будет введена, спикер должен сообщить об этом Палате представителей, и приказ о принятии такой петиции к рассмотрению после этого должен быть исполнен; если только по вопросу, специально изложенному и проверенному к удовлетворению Палаты представителей, Палата представителей не сочтет нужным увеличить срок для введения такой подписки". Соответственно, на открытии Палаты представителей в среду, 4 января, г-н спикер Маклин объявил, что время, отведенное У. Л. Маккензи, кандидату от Второго округа Йорка, подавшему петицию, для рассмотрения его петиции, истекло. Затем г-н Боултон, один из депутатов от Дарема, предложил отложить дальнейшее рассмотрение петиции. доктор Моррисон пытался получить дополнительное время для предоставления установленной законом подписки о невыезде, но Палата не была обязана предоставлять какие-либо послабления и после долгих дебатов отказалась это делать. Ходатайство г-на Боултона было отклонено. принято; после чего доктор Моррисон внес предложение, чтобы мистеру Маккензи разрешили подать новое ходатайство. Палата представителей отклонила это предложение, и мистер Томсон был утвержден на своем месте. Несколько дней спустя этот вопрос снова был доведен до сведения Палаты представителей доктором Моррисоном, который ходатайствовал о том, чтобы мистеру Маккензи было предоставлено дополнительное время для принятия необходимых мер безопасности. Это предложение было внесено для того, чтобы дать доктору Рольфу, который не присутствовал при предыдущем обсуждении, возможность высказаться по этому вопросу. Член парламента от Норфолка выступил с энергичной и тонкой аргументацией, в ходе которой он проанализировал английскую практику, а также практику, которая в целом преобладала в аналогичных случаях в Верхней Канаде. Он утверждал, что четырнадцать дней следует отсчитывать с момента, когда петиция была зачитана в Палате представителей, а не с даты ее вручения. Он утверждал, что представление, упомянутое в уставе, не было завершено до зачитывания петиции, которое не могло состояться до тех пор, пока она не пролежала на столе два дня. Кроме того, задержка заявителя была частично вызвана клерком Палаты представителей, который убедил мистера Маккензи в том, что четырнадцать дней не начнут действовать против него раньше, чем через два дня после вручения петиции. Все аргументы были правдоподобными и весомыми, но они разделили судьбу многих других весомых апелляций в те дни. Ходатайство было отклонено. Похоже, что со стороны правительства была проявлена твердая решимость приостановить расследование. Это наводило на мысль о страхе перед результатом, и так расценивали многие совершенно незаинтересованные люди. Некоторые из обвинений носили серьезнейший характер, и, если бы правительство считало, что их юбки были чистыми, непостижимо, почему они не воспользовались такой возможностью установить этот факт с помощью официального протокола. Кажется, есть слишком веские основания полагать, что, если бы расследование было продолжено, Маккензи оправдал бы свое хвастовство и было бы сделано позорное разоблачение коррупции в исполнительной власти.

Одной из важных мер сессии был Закон, направленный на предотвращение роспуска парламента провинции после упадка короны. Желание исполнительной власти принять такой закон возникло следующим образом. Во время короткой избирательной кампании прошлым летом избирателям от имени правительства были даны самые заманчивые обещания. Это было сделано с полного ведома и согласия — нет, вероятно, по наущению — самих членов

правительства. Выполнение некоторых обещаний было бы вполне осуществимым. Другие были столь же абсурдно невыполнимы, как и обещания Джека Кейда о том, что семь буханок по полпенни будут продаваться за пенни и что в горшке с тремя обручами должно быть десять обручей. Теперь правительство осознало, что их действия были далеки от того, чтобы соответствовать столь щедро данным обещаниям. В случае проведения новых выборов в течение следующих нескольких месяцев реформаторам будет легко привести веские доводы, а Правящей партии будет трудно дать на них действенный ответ. Не казалось невероятным, что вскоре может возникнуть необходимость в новых выборах, поскольку королю Вильгельму Четвертому было более тридцати десяти лет, и было известно, что он находился в таком состоянии здоровья, которое делало маловероятным, что он проживет намного дольше. Теперь его смерть, при обычном ходе вещей, привела бы к роспуску и всеобщим выборам, и это было то непредвиденное обстоятельство, которого было сочтено желательным остерегаться. Соответственно, была принята мера, в соответствии с которой было предписано, "Что парламент этой провинции ни в коем случае не должен считаться избранным или распущенным в связи со смертью или кончиной Его Величества, его наследников или преемников; и никакая сессия парламента этой провинции не должна считаться избранной, или разбирательство в ней, находящееся на рассмотрении, каким-либо образом ослаблено, прервано или затронуто кончиной Его Величества, его наследников или преемников; но, несмотря на такую смерть или кончину, парламент этой провинции должен продолжаться, и, если он заседает, должен продолжать действовать до роспуска или отсрочки в обычном порядке, или до законного истечения срока полномочий такого парламента". Реформаторы боролись с этим Законопроектом дюйм за дюймом на пути его прохождения через Ассамблею, но тщетно. Когда закон был вынесен на третье чтение, Нортон из Гренвилла внес его подтверждение, и, после отклонения его предложения, он предпринял последнюю попытку, предложив, "Чтобы Закон не вступал в силу до истечения срока полномочий нынешнего парламента". Этот законопроект тоже был отклонен, и в конце концов он был принят двадцатью шестью голосами против восемнадцати. Эта мера наводит на мысль об английском законе, принятом Долгим парламентом во время правления Карла Первого, который предписывал, что парламент не должен быть распущен королем без его собственного согласия.

Во время сессии было принято много экстравагантных законодательных актов. Были выделены крупные суммы на строительство и улучшение провинциальных автомагистралей, на исследования реки Оттава и прилегающей к ней территории, на улучшение судоходства по рекам Трент и Гранд, на завершение строительства канала Уэлланд и на строительство различных других каналов, гаваней и маяков. Были также созданы резервы по кредитам нескольким железнодорожным и другим компаниям. Возможно, большинство из них были предприятиями, заслуживающими помощи и поощрения, но общая сумма проголосованных составила почти четыре миллиона долларов, что значительно больше, чем оправдывали состояние провинции и положение людей. Эта чрезмерная щедрость, вероятно, была в какой-то степени вызвана желанием откликнуться на общественный спрос о расходовании денег на общественные улучшения. Именно во время этой сессии был принят Закон, предусматривающий создание провинциального канцлерского суда. Вскоре после этого мистер Джеймсон был назначен вице-канцлером, причем должность канцлера была возложена на корону.

Сессия завершилась в субботу, 4 марта, и ее завершение сопровождалось сценой "вызывающего восхищение беспорядка" в Ассамблее. Проект объединения провинций Верхняя

и Нижняя Канада привлек определенное внимание обеих палат и был в порядке дня на протяжении большей части сессии. Когда наступил последний день обсуждения, Законодательный совет направил в Нижнюю палату Обращение, содержащее некоторые резолюции против предлагаемого союза. Обращение сопровождалось просьбой о том, чтобы Ассамблея согласилась с ним, после чего оно должно было быть направлено королю. Оно попало в руки секретаря Нижней палаты около полудня и сразу же было представлено в форме ходатайства о согласии. Реформаторам это не понравилось, они были решительно настроены в пользу равноправного союза двух провинций - шага, который, по их мнению, значительно улучшил бы соотношение сторон. Значительное число членов уже разъехались по домам, и доктор Рольф воспользовался этим обстоятельством в качестве просьбы отложить дальнейшее рассмотрение вопроса до следующей сессии. Он внес поправку на этот счет и сказал несколько слов в поддержку своего предложения. Доктор Моррисон и Томас Парк[266] продолжили спор и говорили несколько минут. Они подвергались частым прерываниям со стороны сторонников правительства, которые, очевидно, стремились предотвратить дискуссию. Затем доктор Рольф поднялся, чтобы перейти к вопросу о порядке, после чего перерывы были возобновлены. К Спикеру обращались часто, и вскоре он оказался вовлеченным в оживленную дискуссию с доктором Рольфом. Вскоре участниками стали почти все видные члены Палаты представителей, и ситуация стала критической. Среди величайшего замешательства и беспорядка были произнесены резкие слова. Очевидец сравнивает эту сцену с растревоженным осиным гнездом.[267] Оратор, наконец, положил конец вспышкам гнева и завершил сцену, объявив, что настало время обратиться к вице-губернатору с определенными адресами. Возможности возобновить дискуссию не было, и в половине четвертого Черный Род вызвал Палату представителей на заседание Законодательного совета. Объявляя перерыв в работе парламента, вице-губернатор благодушно отозвался о принятом на сессии законодательстве и приветствовал гармонию, царившую между двумя ветвями законодательной власти.

К этому времени проницательным людям стало очевидно, что успех сэра Фрэнсиса как администратора был скорее кажущимся, чем реальным. На протяжении всей избирательной кампании, а также в течение некоторого времени до и после, партия Тори громко восхваляла его. В значительной степени страна приняла его по их оценке. Но теперь прошло достаточно времени, чтобы люди могли судить сами, и было обоснованное подозрение, что нынешняя оценка его деятельности была слишком высока. Он одержал победу на выборах и сумел собрать в Ассамблее подавляющее большинство членов, пообещавших поддерживать его политику; но теперь он начал обнаруживать, что поднял дух, который не мог контролировать. Ни большинство в Ассамблее, ни члены Законодательного совета не были готовы рабски подчиняться его диктату или следовать за ним с завязанными глазами, куда бы он ни захотел их повести. Некоторые официальные заявления этих органов в ходе сессии были столь же убедительными заявлениями об их собственном достоинстве и независимости, какими когда-либо были выступления предыдущей Ассамблеи. Даже Исполнительный совет начал проявлять нетерпение из-за того, что ему косвенно диктовали неподсудные советники, которым вице-губернатор позволил узурпировать функции, принадлежащие исключительно им самим. Популярность его превосходительства, очевидно, шла на убыль по всей стране. Против него была решительная реакция, и тысячи реформаторов, голосовавших на выборах за кандидатов от правительства, теперь были воодушевлены сильными оппозиционными настроениями. Вице-губернатор также имел разногласия с Министерством по делам колоний по нескольким важным

вопросам. Как упоминалось ранее, он решительно выступал против рекомендаций комиссаров Нижней Канады. Он не выполнил указание лорда Гленелга восстановить мистера Ридута на должностях, с которых этот джентльмен был уволен. Теперь он проявил дальнейшее неповиновение, пренебрегая несколькими незначительными предписаниями, полученными из штаб-квартиры, в результате чего втянул себя в много спорной переписки. Его тревоги усилились из-за коммерческого кризиса, который примерно в это же время разразился в Соединенных Штатах. В этой благодатной стране была эпоха кажущегося процветания, но реальной инфляции, законным следствием которой стал нынешний кризис. Выплаты в денежной форме были приостановлены, и бизнес был практически парализован. Это удручающее положение вещей быстро отразилось на Канаде, которая была недостаточно квалифицирована, чтобы вынести такое наказание. Банки и торговое сообщество в целом встревожились. В Нижней провинции банки приостановили платежи в денежной форме, и наши были очень склонны последовать примеру. Директора некоторых наших ведущих финансовых учреждений обратились к вице-губернатору за советом и указаниями. Однако, поскольку все эти вопросы относятся скорее к торговой истории страны, чем к истории Восстания, нет необходимости вдаваться в подробности. Достаточно сказать, что сэр Фрэнсис Хед считал уместным в этой чрезвычайной ситуации созвать дополнительную сессию Законодательного органа, которая соответствующим образом собралась в понедельник, 19 июня. Поскольку мистер Маклин занял место в коллегии после закрытия предыдущей сессии, было необходимо избрать нового спикера, и А. Н. Макнаб был выбран его преемником.^[268] Сессия длилась всего три недели и завершилась во вторник, 11 июля. Это была исключительно чрезвычайная сессия, и законодательство ограничивалось освобождением банков от определенных санкций, которые кризис грозил наложить на них.

СНОСКИ:

^[262] Смотрите депешу от 30 декабря 1836 г. в *описании*, глава vii.

^[263] Мистер Чарльз Линдси в своей брошюре *"Резервы духовенства: их история и современное положение;"* приложение, стр. i. Он добавляет: "Ясная, четкая, классическая дикция оратора; ученость и исторические исследования, которые он продемонстрировал; красота и уместность его иллюстраций; широта, глубина и непоколебимая основа его аргументов; ясность, силлогистическая точность и сила его логики, а также впечатляющее красноречие его выступления произвели на тех, кто слышал эту речь, неизгладимый эффект. Его публикация в газетах того времени взбудоражила людей. Это убедило их (ибо, как ни странно это может показаться сейчас, было много тех, кого нужно было убедить) в небиблейском, аморальном и несправедливом характере Государственной религии; в то же время это укрепило их в решимости не успокаиваться до тех пор, пока они не уничтожат проклятие с канадской земли.... Это благородное усилие способного, образованного, смелого и патриотичного защитника дела народа от его коррумпированных, беспринципных, а затем могущественных врагов должно быть напечатано золотыми буквами и сохранено для наставления и предостережения всех будущих поколений канадских свободных людей ". Это было написано в 1851 году, когда вопрос о резервациях духовенства все еще оставался нерешенным, и в то время как он все еще продолжал будоражить общественное сознание, почти исключая другие вопросы. Теперь, когда тема перестала быть практической, похвалы, столь щедро расточаемые знаменитой речью доктора Рольфа, возможно, покажутся немного натянутыми; но, несомненно, это было огромное ораторское и интеллектуальное усилие, какого никогда прежде не слышали

в стенах законодательного собрания провинции. Даже на таком расстоянии во времени, когда всякий интерес к предмету угас, речь нельзя читать, не вызывая чувства восхищения оратором.

[264] *Ante*, стр. 330.

[265] "Жизнь Маккензи" Линдси, том i, стр. 392.

[266] Участник Middlesex.

[267] Смотрите отчет в номере *The Correspondent and Advocate* за среду, 15 марта.

[268] При голосовании по кандидатуре спикера присутствовали сорок два члена, все из которых проголосовали за мистера Макнаба, за исключением Дэвида Гибсона из Первого округа Йорка, который зафиксировал свой единственный голос "против".

ГЛАВА XVIII.

КОВКА КОПИЙ.

Наверх

Следует помнить, что летом 1836 года доктор Болдуин, Джордж Ридут и Дж. Э. Смолл были уволены сэром Фрэнсисом Хедом с определенных должностей, которые они занимали по воле короны. Мистер Ридут обратился с апелляцией к лорду Гленелгу, к которому вскоре после этого вице-губернатору пришлось обращаться за защитой своего поведения. Единственной причиной, которая поначалу была названа его превосходительством для увольнения г-на Ридута, было то, что последний предположительно был членом Общества конституционных реформ. Это общество незадолго до выборов выпустило и распространило печатное обращение, в котором его Превосходительство обвинялся в пренебрежении конституционным правительством, а также в искренности и правдивости его заявлений. Мистер Ридут, несомненно, присутствовал на некоторых собраниях общества и выступал на них, но он не был его членом, и ему не составило труда установить этот факт к удовлетворению министра по делам колоний, который после зрелого размышления передал сэру Фрэнсису приказ Его Величества о восстановлении мистера Ридута на различных должностях, с которых он был смещен. Этот приказ, как упоминалось в конце предыдущей главы, сэр Фрэнсис не счел нужным выполнить. Обнаружив, что дело в его нынешнем виде проиграно, он внес поправки в протокол, выдвинув против обвиняемого другие обвинения. На этом пути он не встретил особого поощрения со стороны его светлости, который терпеливо боролся со своим несостоятельным положением и

повторил предписание о восстановлении мистера Ридута в должности. Пока рассмотрение этого вопроса откладывалось, между лордом Гленелгом и сэром Фрэнсисом возникло еще одно расхождение во мнениях. Весной 1837 года, когда мистер Джеймсон был назначен вице-канцлером, а Арчибальд Маклин и Джонас Джонас были назначены судьями Суда королевской скамьи, сэру Фрэнсису потребовалось представить эти назначения его светлости вместе с назначениями мистера Хагермана и мистера Дрейпера соответственно в должности генерального прокурора и генерального солиситора. Его превосходительство, по-видимому, счел необходимым указать какую-либо причину для отказа от мистера Бидвелла, чьи юридические познания, безусловно, превосходили познания любого другого члена коллегии адвокатов Верхней Канады с тех пор, как Джон Рольф отказался от длинной мантии. "Юридические познания этого джентльмена", - написал сэр Фрэнсис,^[269] "Я считаю, что они превосходят, по крайней мере, одного из лиц, которых я возвысил. Его моральный облик безупречен. Но, как бы я ни стремился воздать должное таланту, все же я не могу не чувствовать, что благополучие и честь этой провинции зависят от того, что Его Величество никогда не повысит в должности неверного человека ". Затем его превосходительство представил мистера Бидвелла как человека, желавшего добиться отделения колонии от метрополии и обменять британскую конституцию на "низкие, пресмыкающиеся принципы демократии". Не было никаких утверждений о том, что какое-либо подобное желание когда-либо было лично выражено или проявлено мистером Бидвеллом, но это было выведено *из поведения его партнеров*. Это было несколько больше, чем министр по делам колоний мог спокойно пропустить мимо ушей. Он указал^[270] вице-губернатору, что нелояльность, вменяемая соратникам мистера Бидвелла, не была предъявлена ему самому и не пыталась быть доказана каким-либо его действием; что он отказался от политической борьбы; и что, поскольку его профессиональные способности и высокие моральные качества уважались его политическими оппонентами, политическая позиция, ранее занятая им, не должна препятствовать его продвижению. Его светлость далее настаивал на том, что назначение такого человека на должность судьи убедит высшую канадскую общественность в беспристрастности исполнительной власти в подобных вопросах. Наконец, его превосходительству сообщили, что в случае появления еще одной вакансии среди судей Суда королевской скамьи правительство Его Величества желает, чтобы эта должность была предложена мистеру Бидвеллу.

Получив послание, содержащее этот намек, Испытанный Реформатор был почти вне себя. В нем не было ни капли того великодушия, которое заставляет человека признать, что он неправ, когда это ясно доказано. Не мог он похвастаться и тем умением изящно уступать, которое позволяет его обладателю отступить без дискредитации из несостоятельного положения. Он ответил его светлости^[271] в следующих резких и недвусмысленных выражениях: "После очень тщательного рассмотрения я решил взять на себя серьезную ответственность за категорический отказ назначить мистера Бидвелла судьей или восстановить мистера Джорджа Ридута на должности судьи, с которой я его отстранил". Далее он осудил необходимость этого "открытого акта враждебности", но добавил, что неповиновение со стороны вице-губернатора не обязательно подразумевает недовольство министром. Он намекнул, что вполне готов к немедленному увольнению. Большая часть депеши была занята клеветой на мистера Бидвелла и его отца. Чтобы не возникло недоразумений по этому поводу, он решительно повторил свой отказ возвысить первого. "Пока я остаюсь вице-губернатором этой провинции, - писал он, - я *никогда* не назначу мистера Бидвелла судьей; и я считаю уместным признаться вашей светлости, что в данный момент у меня есть два назначения королевского советника, ни одно из

которых я не могу добросовестно доверить этому джентльмену". Он отказался продолжать обсуждение вопроса относительно г-на Ридута и снова в самых недвусмысленных выражениях отказался восстановить его в должности. Эта формулировка не оставляла министру по делам колоний иного выбора, кроме как "принять отставку сэра Фрэнсиса", но прежде чем это решение было официально доведено до него, спокойствие в провинции было нарушено вспышкой восстания.

В течение всего лета этого года Маккензи делал все возможное, чтобы усилить преобладающее чувство недовольства правительством. Невероятная горечь владела им с момента выборов, и судьба его петиции воспламенила его негодование почти до безумия. Он чувствовал, что его обманом лишили места и что ни на что нельзя надеяться ни ему самому, ни его коллегам по работе, пока существующее правительство остается у власти. С тех пор свержение этого правительства стало доминирующей страстью его жизни. Он был готов использовать любые средства, законные или незаконные, для достижения этой цели. В тоне *Конституции*. Очевидно, ум редактора прошел долгий путь с тех пор, как он впервые начал интересоваться общественными делами. В одном из ранних номеров *Advocate*^[272] он хвастался, что нелояльность никогда не зайдет ему в душу. "Даже имя, которое я ношу, - писал он, - во все века оказывалось талисманом, непреодолимым барьером". Какая перемена произошла с ним с тех пор, как он произнес эти слова. Теперь он хвастался своей "мятежной кровью", которая, по его словам, всегда будет преобладать. "Я горжусь, - писал он, - своим происхождением от мятежной расы".^[273] И, как будто это было недостаточно конкретно, он добавил: "Если бы люди чувствовали то, что чувствую я, то никогда не было бы Гранта или Гленелга, которые пересекли Тэй и Твид, чтобы обменять бедность высокородных горцев на значительное богатство равнин, которые посмели бы оскорбить Верхнюю Канаду официальным присутствием в качестве ее правителя такого двусмысленного персонажа, как этот мистер Что-делать". -они-называют-его-Главой—Фрэнсиса Бонда". Время от времени пресса Тори выступала против него в духе, никоим образом не рассчитанном на то, чтобы смягчить суровость его сердца. Его щедро награждали самыми презрительными эпитетами, и время от времени над ним насмехались из-за его скромного происхождения. Кажется почти излишним говорить, что у тех, кто позволял себе подобные насмешки, было очень мало поводов упрекнуть Маккензи в происхождении и воспитании. Несомненно, в крови любого человека, который может опуститься до таких методов унижения поверженного врага, должна быть какая-то мерзкая зараза. Тем не менее, подобные оскорбления, последовавшие за серьезным материальным ущербом, подлили масла в огонь, который горел в сердце Маккензи подобно всепожирающему огню. Вся худшая сторона его натуры была вооружена. Были времена, когда он писал и говорил как человек, потерявший всякий самоконтроль. Но он был так смертельно серьезен, что убедил многие колеблющиеся умы. В Родном округе, где в основном распространялась его газета, было множество людей, которые достаточно насмотрелись на безответственное правительство, чтобы быть готовыми благосклонно воспринимать его проповеди. Его усилия не ограничивались написанием злобных статей. Он открыто ходил среди людей и распространял свои доктрины из уст в уста. Он говорил лучше, чем писал, и было вполне естественно, что он оказывал сильное влияние на сельские общины, в которых преобладал радикальный элемент. В это время его влияние стало особенно заметным во Втором округе Йорка, который он представлял в парламенте и который, как упоминалось ранее, был ареной масштабной коррупции во время последних выборов. Избиратели этого избирательного округа осознали тот факт, что они были обмануты тори и что их представитель, мистер Томсон, вряд ли принесет большую пользу в роли Реформатора. Они с

нетерпением выслушали изложение жалоб Маккензи и приветствовали его до эха, когда он намекнул, что пришло время Духу Свободы заявить о себе.

Среди тех, кто горячо сочувствовал Маккензи, был Сэмюэл Лаунт из Холланд-Лэндинга, который, как следует помнить, заседал в прошлом парламенте от имени Симко и который был побежден, как он считал, коррумпированными методами на последних выборах. Он подумывал о подаче петиции в Ассамблею, но был обескуражен убежденностью в том, что добиться беспристрастного расследования будет невозможно. Теперь он объединился с Маккензи в организации серии "Профсоюзных собраний", как их называли, в различных городках Норт-Йорк и Симко. Эти собрания созывались через нерегулярные промежутки времени якобы с целью политической организации. Поначалу они, по-видимому, проводились с изрядной долей лукавства, поскольку, как правило, не было сказано ничего такого, что, строго говоря, можно было бы расценить как государственную измену. Но не может быть никаких сомнений в том, что намерением первоначального организатора этих собраний было распространение революционных идей с целью в конечном итоге прибегнуть к оружию, и за короткое время маска политической организации была полностью сброшена. Те, кто однажды взялся за плуг, не собирались отступать, и, прежде чем они осознали, что делают, они оказались преданными проектам, о которых поначалу даже не мечтали.

Примеру Лаунта последовало большинство ведущих радикалов среди фермерского сообщества, где он был наиболее известен. Ллойды, Горхэмы, Доаны, Флетчеры и другие долгое время были активными сторонниками радикальных принципов и со все возрастающей враждебностью относились к тактике сэра Фрэнсиса Хеда. Они видели, что право постоянно нарушается силой. Они видели, что уважительные жалобы и петиции людей игнорируются и сводятся на нет. Они видели правительство в руках людей, которые были не только лишены сочувствия к прогрессивным идеям, но и, казалось, не имели никакого отношения к принципам простого добра и зла. Они считали себя бесполезными в содружестве. Их заветные принципы были подвергнуты общественному презрению, а выбранные ими кандидаты в парламент были побеждены мошенническими средствами. Они не имели никакого веса в государственных делах. После долгой и упорной борьбы с Семейным договором они увидели, что эта клика укрепилась у власти сильнее, чем когда-либо прежде. Испытанный Реформатор, которого в ответ на их долгие и громкие призывы прислали управлять правительством, опустил до неприкрытого насилия и тирании, превышающих все, что можно было действительно предъявить тори сэру Джону Колборну. Все старые злоупотребления сохранялись в полной силе. Влияние духовных резервов не было устранено. Назначения на должности по-прежнему производились только от одного политического органа. Законодательный совет по-прежнему обладал полномочиями парализовать усилия Ассамблеи. Само Собрание в настоящее время было таким же отсталым, как и Верхняя палата, и оно было сформировано коррумпированной и продажной группой чиновников, против которых не было никакого средства правовой защиты. Закон о предотвращении роспуска парламента, вероятно, привел бы к сохранению существующего состава Ассамблеи на долгие годы. Ко всем этим злам теперь добавилась великая коммерческая депрессия. И, казалось, не было никаких перспектив на более светлые времена. Будущее казалось пасмурным и безнадежным. Стоит ли удивляться, если те, кто был вынужден рассматривать картину с этой мрачной точки зрения, были вынуждены прийти к выводу, что изменения любого рода, несомненно, должны быть к лучшему?

Невозможно сказать, в какой именно момент идея вооруженного сопротивления власти была принята сельскими реформаторами, но я не могу найти никаких отчетливых следов этого до 30 июня, когда на тайном собрании, состоявшемся в Ллойдтауне, была принята резолюция о том, что конституционное сопротивление угнетению в течение многих лет оказывалось тщетным, и каждому реформатору надлежит вооружиться для защиты своих прав и прав своих соотечественников. В течение двух недель после этого резолюции аналогичного характера были приняты небольшими собраниями в других частях Родного округа. Однако до сих пор идея настоящего восстания, по-видимому, не приобрела определенной формы в умах сторонников Маккензи и Лаунта. В лучшем случае, по-видимому, существовало некое понимание того, что обращение к оружию было оправданным и могло когда-нибудь стать целесообразным; но даже такой взгляд на дело не встречал всеобщего согласия, и сторонники восстания иногда сталкивались с враждебным большинством, даже среди собраний наиболее доверенных радикалов.

Но тем временем реформаторы в городах и поселках начинали проявлять активность. Торонто был штаб-квартирой партии реформ Верхней Канады, и было естественно, что приверженцы этой партии по всей провинции, как правило, с интересом наблюдали за их действиями. До сих пор среди столичных реформаторов не было серьезных намеков на идею вооруженного восстания против правительства. Глубокое сочувствие, однако, чувствовалось и выражалось среди них жителям Нижней Канады, которые не скрывали своей решимости восстать в случае, если будут выполнены определенные резолюции, принятые британским парламентом по просьбе Министерства. Эти резолюции были приняты вследствие упорного отказа Нижней Канадской ассамблеи предоставить материалы. Они санкционировали изъятие определенных средств, находящихся в руках главного распорядителя провинциальных средств, и использование их на общие цели провинциального правительства. Папино и его сторонники были взбешены этим процессом и активно готовились к вспышке. Реформаторы из Верхней Канады искренне сочувствовали своим соседям и принимали резолюции, осуждающие отвратительные резолюции. 5 июля Маккензи в "*Конституции*" с исключительной смелостью проанализировал положение дел в Нижней провинции. Он обсудил вероятность вспышки болезни там и шансы на успех, очень четко выразив свое собственное положительное мнение относительно обоих непредвиденных обстоятельств. В других реформаторских газетах высказывались решительные мнения в пользу позиции Папино в споре, но, за исключением *Конституции*, ни одна из них не осмеливалась предсказывать успех повстанческого оружия и надеяться на него. Дело в том, что сравнительно небольшое число реформаторов из верхушки Канады были либо готовы к восстанию, либо желали его. Они были охвачены горячим гневом и готовы были поддержать самые радикальные меры агитации. Однако их враждебность была направлена главным образом не против Великобритании, а против сэра Фрэнсиса Хеда и тех, кто его окружал. Считалось, что министерство внутренних дел не справилось со своими обязанностями, но более умные люди были готовы сделать скидку на невежество в отношении канадских дел министра, находящегося за три тысячи миль отсюда. Таковы были чувства Роберта Болдуина и сотен других людей, искренность принципов Реформы которых в равной степени не вызвала сомнений. Доктор Болдуин чувствовал и выражал меньшую умеренность, чем его сын, хотя он был не тем человеком, который отважился бы на то, что он не мог рассматривать иначе, как безрассудный план восстания, особенно когда его главные союзники состояли из радикалов Маккензи. Рольф и Бидвелл придерживались того же мнения, что и доктор Болдуин. Их тошнило от всего, что они видели вокруг. Они бы сердечно

приветствовали бескровную революцию. Что касается Бидвелла, то он с радостью наблюдал бы, как Провинция тихо поглощается Соединенными Штатами, поскольку господству Семейного договора тогда пришел бы конец, и у человека появился бы шанс быть оцененным в соответствии с его заслугами. От человека, находящегося в таком положении, в каком он находился, нельзя было ожидать преданной лояльности правительству, которое делало все возможное, чтобы подавить его, и которое возвело такого юриста, как Джонас Джонс, на скамью подсудимых выше его головы. Как и его отец до него, он был республиканцем в принципе и, несомненно, был бы готов к установлению республиканской формы правления в Верхней Канаде; но он никогда не позволял своим пристрастиям мешать его обязанностям гражданина и законодателя. Более того, прежде всего он был христианином и человеком мира. Революции планируются или совершаются не такими, как он. Если бы его спросили на эту тему, он, несомненно, признал бы, что бунт при определенных обстоятельствах может быть оправдан, но вряд ли возможно представить себе какие-либо обстоятельства, при которых его можно было бы побудить принять участие в таком движении. Несомненно, ничто, кроме почти абсолютной уверенности в успехе, не побудило бы его пойти по такому пути. Изначально присущие ему вероятности успеха в случае восстания в Верхней Канаде были очень немногочисленны и отдаленны. Был короткий промежуток времени, в течение которого из-за глупости и бездеятельности правительства мог быть достигнут успех, но был бы он временным или постоянным, вопрос о том, останется ли он когда-либо открытым. В любом случае, это было такое непредвиденное обстоятельство, на которое ни один благоразумный человек не позволил бы себе заранее рассчитывать. На самом деле мистер Бидвелл имел к восстанию не больше отношения, чем Роберт Болдуин.^[274] Доктор Рольф, доктор Моррисон, Дэвид Гибсон, Джеймс Херви Прайс, Фрэнсис Хинкс, Джон Доул, Джеймс и Уильям Лессли, Джон Макинтош,^[275] и многие другие ведущие реформаторы были полны горячности и негодования, готовые пойти на все, чтобы добиться более удовлетворительного для своей партии положения вещей; но вплоть до конца лета я не могу узнать, чтобы какая-либо серьезная мысль о восстании овладела умами кого-либо из выдающихся реформаторов Торонто, за исключением самого Маккензи. Даже в Северном Йорке и Симко, где чувство недовольства было самым сильным и где было много разговоров о восстании против правительства, никто, похоже, не осознавал и не верил, что произойдет какая-либо реальная вспышка.

Однако не могло быть никаких сомнений в том, что реформаторы как в городе, так и в деревне были более серьезны, чем когда-либо прежде. Они поддерживали энергичные меры, и число сторонников пассивного терпения было очень небольшим. Между ними и противниками правительства в Нижней Канаде существовали регулярные контакты. Они часто проводили собрания, на которых обсуждались планы агитации, и где каждого члена поощряли высказывать свое мнение без страха или благосклонности. Очень частым местом встреч в Торонто была таверна Эллиотта на северо-западном углу Йонг-стрит и Куин-стрит. Местом для проведения более секретных собраний была пивоварня Джона Доула, расположенная позади его дома на северо-западном углу улиц Аделаида и Бэй.^[276] Ближе к концу июля несколько ведущих радикалов собрались у Эллиота с целью обсуждения проекта письменной декларации, которая должна была воплотить платформу местных членов партии. Это очень похоже на осторожную пародию на Декларацию независимости Соединенных Штатов, по образцу которой она, очевидно, была создана. В нем излагались основные претензии, на которые жаловалась партия реформ; заявлялось, что настало время для отстаивания прав и исправления причиненного вреда; и выражалось самое горячее восхищение Папино и его

соотечественниками за их противодействие британскому правительству. Далее в нем было выражено мнение, что реформаторы Верхней Канады обязаны действовать сообща со своими согражданами в Нижней провинции; и чтобы сделать их сотрудничество более эффективным, он рекомендовал проводить общественные собрания и организовывать политические ассоциации по всей стране. Наконец, он рекомендовал провести в Торонто съезд делегатов для рассмотрения политической ситуации, "наделив его членов полномочиями назначать уполномоченных для встреч с другими лицами, которые будут назначены от имени Нижней Канады и любых других колоний, вооруженных соответствующими полномочиями в качестве конгресса для поиска эффективного средства правовой защиты жалоб колонистов". Г-н Линдси,^[277] несомненно, на основании "авторитет Маккензи" представляет эту Декларацию как совместную работу доктора Рольфа и доктора У. Дж. О'Грейди, бывшего редактора журнала *"Корреспондент и адвокат"*. Я не могу найти никаких подтверждающих доказательств этому заявлению, и некоторые письма доктора Рольфа, по крайней мере косвенно, противоречат утверждению о том, что он приложил какую-либо руку к его подготовке. Вопрос об авторстве, однако, не важен. Документ обсуждался довольно подробно. Присутствовавший доктор Моррисон полностью одобрил его содержание, но отказался подписывать его, поскольку тем самым поставил бы себя в сомнительное положение члена парламента. Джеймс Лесли не согласился с этим аргументом, и Доктор в конце концов поставил свою подпись. Его примеру последовали все остальные присутствующие, за исключением Джеймса Лесли, который не назвал своего имени до тех пор, пока документ не будет подписан доктором Рольфом, отсутствовавшим на собрании.^[278]

Во второй половине дня в пятницу, 28-го числа того же месяца, Декларация была представлена и обсуждена во второй раз рядом реформаторов, собравшихся у Эллиота. В тот же вечер в пивоварне Doel's brewery должно было состояться большое собрание, на котором было сочтено желательным утвердить платформу. Однако по нескольким пунктам возникло некоторое обсуждение, и были внесены одно или два несущественных изменения, после чего было сочтено за лучшее отложить окончательное принятие Декларации в целом до следующего заседания. На встрече, состоявшейся вечером у Доэла, присутствовало очень много людей. Присутствовало около трехсот человек,^[279] и состоялось много важных дискуссий. Предложение, выражающее сочувствие и восхищение Папино и его соотечественниками, было предложено Маккензи и принято без возражений, и было решено, что "реформаторы Верхней Канады" должны объединиться с реформаторами Нижней провинции. Лица, присутствовавшие на этом собрании, конечно, не имели полномочий выступать от имени реформаторов Верхней Канады в целом, но они достаточно справедливо представляли радикальное крыло партии, которое было достаточно многочисленным, чтобы быть грозным. Совещание далее постановило, что съезд делегатов должен быть собран в ближайшее время в Торонто, "чтобы принять во внимание состояние провинции, причины нынешних финансовых и других трудностей, а также средства, с помощью которых они могут быть эффективно устранены"; и что упомянутый съезд назначит лиц для поездки в Нижнюю Канаду, "чтобы встретиться там с делегатами любого конгресса этих провинций, который может быть назначен для заседания и обсуждения вопросов, представляющих взаимный интерес для колоний в течение текущего года". Декларация не была представлена, поскольку те, кто ею руководил, не вынесли по ней окончательного решения. После долгого и напряженного заседания ассамблея закрылась, чтобы собраться в том же месте вечером в понедельник, 31-го.

Радикальные лидеры очень сожалели о том, что доктор Рольф до сих пор не принимал никакого активного участия в их обсуждениях. Было известно, что он симпатизировал проекту движения совместно с нижнеканадцами с целью произвести впечатление на имперское правительство необходимостью изменения их колониальной политики. Он стал доверенным советником всех ведущих радикалов, которые смотрели на него как на единственного человека в Провинции, способного провести любую крупную и мудрую Реформу. Но он не отождествлял себя с ними, фактически сотрудничая в их проектах, и не присутствовал ни на одной из их тайных встреч, хотя был полностью информирован обо всем, что там происходило. Радикалы, понимая, как много можно было бы выиграть, заручившись присутствием среди них Рольфа и Бидвелла, решили привлечь обоих этих джентльменов к службе. На закрытом заседании вечером 31-го движение добилось значительного прогресса. Декларация была официально принята пункт за пунктом. Согласно сообщению современной газеты,^[280] это "вызвало у участников собрания самые недвусмысленные знаки одобрения". Как уже упоминалось, в одном из его пунктов рекомендовалось провести съезд в Торонто. Соответственно, была единогласно принята резолюция о назначении Рольфа, Бидвелла, доктора Моррисона, Джеймса Лессли и других делегатами предлагаемого съезда. Все были уверены, что это приведет к отождествлению Ролфа и Бидвелла с радикальным движением, поскольку не предполагалось, что кто-либо из них откажется присутствовать в качестве делегатов. Были приняты и другие резолюции с целью приведения партии в состояние эффективной организации по всей провинции. Лица, которые ранее добавляли свои имена к Декларации^[281] были назначены "постоянным комитетом бдительности для этого города и свобод, а также для немедленного и практического осуществления решений этого собрания для эффективной организации реформаторов Верхней Канады". Джон Эллиот, переписчик из Торонто, который также был помощником секретаря городского совета, было предложено продолжать действовать в качестве обычного секретаря, а Маккензи действовать в качестве "Агента и секретаря-корреспондента". Обе эти просьбы были удовлетворены. Резолюция, несомненно принятая в подражание аналогичным резолюциям на собраниях, проводимых под эгидой Папино в Нижней Канаде, обязывала членов воздерживаться, насколько это возможно, "от потребления товаров, поступающих из-за моря, или уплаты пошлин". Своего рода наездник на это был выдвинут Маккензи и принят собранием: "Право приобретать предметы роскоши или необходимости на самом дешевом рынке присуще людям, которые соглашаются только на введение пошлин для создания доходов с четким пониманием того, что доходы, полученные таким образом, должны направляться на необходимые расходы правительства и назначаться представителями народа; и поэтому, когда контракт разрывается исполнительной властью или любым иностранным органом власти, люди освобождаются от своих обязательств и больше не несут никаких моральных обязательств вносить свой вклад или помогать в сборе таких доходов." В среду, 2 августа, Декларация была опубликована полностью вместе с названиями членов комитета в *The Correspondent and Advocate*, а также в *Конституции* Маккензи. В каждом из этих документов также был опубликован отчет о работе совещания.

Роль, отведенная Маккензи — роль "Агента и секретаря-корреспондента" - была важной и ставила его перед необходимостью отдавать все свое время и энергию общему делу. В той мере, в какой его способности позволяли ему это сделать, он должен был фактически сыграть ту же роль в Верхней Канаде, которую Папино долгое время играл в Нижней провинции. Он должен был стать высшим бродячим организатором и разъезжать по стране, разжигая оппозицию правительству. Это включало бы организацию и проведение публичных собраний и

тайных собраний, отбор местных корреспондентов, надзор за местными репортажами и различные другие обязанности, которые не были определенно оговорены, и многое было бы обязательно оставлено на его собственное усмотрение. Несколькими неделями ранее он выполнял точно такие же задачи, но с тех пор он мог осуществлять свои планы в качестве аккредитованного эмиссара Реформаторов Торонто, что, конечно, придавало ему дополнительную значимость в глазах реформаторов в целом. Его назначение было обусловлено его собственными маневрами, но следует признать, что он был во многих отношениях хорошо подготовлен для этой должности.

Он приступил к выполнению своих задач с удвоенным усердием. Провинция была разделена на четыре округа, каждый из которых снова был разделен на более мелкие подразделения. Местные отделения обществ были сформированы или реконструированы во всех районах, где было много реформаторов. Каждому из них было поручено регулярно отчитываться перед центральным обществом, и все последние должны были отчитываться перед Соответствующим секретарем, который классифицировал отчеты, переваривал их и представлял центральному комитету в Торонто. Маккензи сразу же приступил к проведению новой серии встреч, начав с городов, в которых он был наиболее известен, а затем перемещаясь туда-сюда, как это было сочтено целесообразным. Таким образом, в течение конца лета и осени он объехал весь Родной Округ и большую часть прилегающей страны. Его душа была в работе, которую он делал, и он вкладывал в нее всю энергию, на которую был способен. Ему не удалось вызвать такое чувство на западе, как Папино на востоке. Он не обладал изумительным галльским красноречием Папино, а фермеры Верхней Канады не были сделаны из такого легковоспламеняющегося материала, как *жители* Нижней провинции. Но Маккензи, когда он был полностью возбужден, как сейчас, обладал значительной властью для того, чтобы двигать массами, и он прилагал к этому такие усилия, каких никогда раньше не делал. Многочисленные обиды, которые ему пришлось пережить, вывели его натуру из себя почти до предела, и он мог в любой момент обрушить на себя бурю негодования. Ему удалось пробудить энтузиазм в людях, которые раньше отличались флегматичностью. Он представил несколько новых тем для рассмотрения своими одиторами, но старые темы он представил в свете, наводящем на мысль о новых идеях. Он выступил с речью против беззакония исполнительной власти, косности имперского правительства и преступного безразличия британского парламента. Декларация, по сути, была тестом, на котором основывались его речи, но он представлял соответствующие ее положения в постоянно повторяющемся новизне аспекта. Сам документ был представлен на утверждение различным собраниям в сопровождении пламенных комментариев Маккензи. Как правило, радикальный элемент преобладал на собраниях, и у него не было проблем с выполнением своих решений, часто очень большим большинством. Он адаптировал свое ораторское искусство к своей аудитории. Там, где он знал, что практически не столкнется с противодействием, он был гораздо более откровенен, чем там, где это чувство было менее благоприятным для него. Везде, где он чувствовал, что может увлечь за собой аудиторию, он смело выступал за отделение от метрополии и создание выборных институтов при независимом правительстве; хотя он старался не допускать любого обращения к физической силе,^[282] и в целом выступал за денежную выплату британскому правительству в качестве цены за полное освобождение и отказ от всех имперских притязаний на колонию. Он использовал все атрибуты, которые, по его мнению, могли произвести впечатление на людей, и транспаранты с революционными надписями были свободно вывешены с платформы в районах, где такой курс считался безопасным. Лаунт, Гибсон, Нельсон Горэм и другие иногда подкрепляли его своим присутствием и своим

ораторским искусством. Все эти джентльмены были одарены более чем обычной силой выражения. Тема была той, которая всем им была глубоко по сердцу, и о которой они могли говорить с неизменной свежестью и энергией. Аудитория иногда переходила к бурным аплодисментам. Даже в сообществах, где настроения населения были менее восторженными, с рекомендациями, содержащимися в Декларации, в целом согласились, и были сформированы местные комитеты бдительности. Делегаты на предполагаемый съезд в Торонто были назначены, но дата его проведения пока оставалась открытой. Около семидесяти из этих делегатов были назначены только в Родном округе. Выступавшие яростно настаивали на необходимости объединения усилий с оппозицией Нижней Канады в их усилиях по установлению гражданских и религиозных свобод, и это было общепризнано аудиторией. Любое упоминание со стороны выступающих о том, что "наши братья в Нижней Канаде" делают во имя свободы, почти наверняка вызывало аплодисменты. Доверенный эмиссар - Джесси Ллойд из Ллойдтауна — действовал как посредник между радикальными лидерами в двух провинциях и время от времени передавал депеши и разведданные между Папино и Маккензи. С помощью этого и других средств лидеры Нижней Канады от начала до конца были оперативно проинформированы о ходе движения в Верхней провинции.

Иногда — не часто — Маккензи сталкивался со значительным сопротивлением. Идея отделения от Великобритании была камнем преткновения даже для некоторых ультрарадикалов, и с ней нужно было обращаться крайне деликатно. Другие опасались каких-либо согласованных действий с нижнеканадцами из-за религиозной веры последних. Более того, в нескольких случаях собрания были фактически разогнаны тори, в чьих ушах язык, используемый Маккензи и его помощниками, был ни много ни мало государственной изменой. В других случаях, хотя оппозиция была недостаточно эффективна, чтобы фактически разогнать митинги, было признано невозможным принять какие-либо резолюции, основанные на Декларации. В двух случаях собрания были разогнаны в замешательстве местными организациями оранжистов, и несколько человек подверглись более или менее физическому насилию. Однако подобные инциденты были исключением, а не правилом. Из всех собраний — числом значительно более сотни[283] — состоявшихся между принятием Декларации и фактической вспышкой восстания, семьдесят пять процентов, по-видимому, прошли без серьезных беспорядков или вмешательства. Большинство из тех, кто не одобрял собрания, держались от них в стороне и относились к тем, кто их продвигал, с устоявшейся враждебностью, часто сопровождавшейся презрением. Из тех, кто присутствовал на этих резолюциях и поддерживал их, очень небольшое число подозревало, что ситуация сама по себе или под руководством Маккензи ведет к восстанию.

Что касается самого Маккензи, то он, похоже, был полон решимости проказничать все лето этого богатого событиями года. Однако он понимал необходимость действовать медленно, поскольку никто лучше него не знал, что очень небольшой процент реформаторов Провинции может быть привлечен к одобрению такого проекта, как восстание, под его эгидой. К чему бы они были склонны, если бы восстание обсуждалось Робертом Болдуином, Бидвеллом, Рольфом и другими выдающимися реформаторами, спрашивать сейчас было бы бесполезно. Это было бы так же бесполезно, как обсуждать, какова была бы судьба революции 1688 года, если бы Яков Второй умер, будучи герцогом Йоркским. Психическое устройство Болдуина и Бидвелла было таково, что для них было бы невозможно принять участие в восстании, и общее мнение по

отношению к Рольфу состояло в том, что о том, чтобы он сделал это, в равной степени не могло быть и речи. Все это было хорошо известно Маккензи. Он также хорошо знал, что реформистская пресса немедленно осудила бы его, если бы о его планах стало известно. Если бы он столкнулся с таким осуждением, его пузырь лопнул бы тут же. Но реформаторская пресса ничего не знала о его планах. Считалось, что онагитировал за конституционную реформу. Было, конечно, известно, что он довел свою агитацию до беспрецедентного размаха, но предполагалось, что он делал это с целью запугать правительство и тем самым принудить его к уступкам; и реформистская пресса по всей стране была полностью готова поддержать его в таком курсе. Соответственно, он действовал с гораздо большей осторожностью, чем обычно проявлял при ведении государственных или частных дел. Он понимал, что механизм комитетов бдительности, отраслевых обществ, публичных собраний и тому подобного, который был так успешно приведен в действие под эгидой реформаторов, может быть использован в повстанческих целях. Нескольким своим друзьям в стране, на которых он обладал почти неограниченным влиянием и которые, как он знал, испытывали почти такую же неприязнь к правительству, как и он сам, он поделился проектом, предполагающим применение оружия. Среди них были Сэмюэл Лаунт, Джесси Ллойд, Сайлас Флетчер, Нельсон Горэм и Питер Мэтьюз. Сообщение, несомненно, было сделано нескольким лицам в разное время, но все упомянутые лица, по-видимому, были ознакомлены с проектом до начала осени. Все они с готовностью согласились, но никакой мысли о кровопролитии у них в голове не было. Предполагалось собрать большое количество реформаторов со всей страны, а затем двинуться на столицу в форме чудовищной демонстрации. Эта идея, похоже, возникла у Лоунта. Сначала Маккензи возразил против этого, сочтя маловероятным, что это окажется эффективным. Он настаивал на том, что демонстрации в его пользу проводились несколько лет назад, и что ни одна из них не оказала никакого влияния на смягчение политики правительства или на то, чтобы побудить Ассамблею разрешить ему участвовать в них. Он особо привел случай, когда огромная толпа йоркских выборщиков сопровождала его в Палату собрания и заполнила галереи и вестибюли, пока заседал парламент.^[284] Все это, указал он, было напрасным трудом, и если такая сцена должна быть воспроизведена, то для того, чтобы произвести какой-либо удовлетворительный эффект, она должна быть действительно в очень большом масштабе. Его доводы были неопровержимы. Было ясно, что любое обращение к чувству справедливости правительства было бы напрасным, и что на них можно было повлиять только с помощью их страхов. Если что-либо должно было быть осуществлено с помощью демонической страсти, число лиц, принимающих в ней участие, должно было быть достаточно многочисленным, чтобы внушить благоговейный страх правительству, а при необходимости и принудить его.

, По-видимому, прошло несколько недель, прежде чем какой-либо план был окончательно разработан и одобрен всеми девятью или десятью заинтересованными лицами, которые, таким образом, взяли на себя ответственность направлять будущий курс нашего колониального государства. Достигнутое понимание заключалось в том, что время проведения предлагаемого съезда в Торонто также будет подходящим временем для проведения предлагаемой демонстрации. Съезд предоставил бы разумный предлог для собрания большого числа сторонников реформ в столице. Следует помнить, что не было установлено определенного времени для проведения съезда. Теперь было решено, что его следует провести ранней весной 1838 года. Когда собрание должно было завершиться, было предложено обратиться к правительству, как бароны обратились к королю Джону в Раннимиде, и добиться от них согласия на конституцию, основанную на положениях, воплощенных в Декларации. Было

решено, что, если это согласие будет получено, сэра Фрэнсиса Хеда, по крайней мере временно, не потревожат на его посту вице-губернатора, но что Исполнительный совет должен быть полностью преобразован и что Рольф, Бидвелл и Маккензи получают в нем места. Правительство должно было осуществляться на основе принципа ответственности исполнительной власти перед Ассамблеей. За этой реорганизацией должны были последовать всеобщие выборы, после которых будущее колонии будет в руках Ассамблеи.

Но как, если бы правительство не подвергалось принуждению? Что было бы делать, если бы они отказались подчиняться диктату? В этом случае оставался только один путь. Вице-губернатор и его Совет должны были быть схвачены *скак* можно меньшим насилием. Должно было быть сформировано Временное правительство с доктором Рольфом во главе, при условии, что этого джентльмена удастся убедить принять этот пост. Не считалось, что осуществление этого проекта обязательно повлечет за собой какие-либо человеческие жертвы, поскольку силы, имевшиеся в распоряжении Временного правительства, были бы таковы, что любое противодействие стало бы бесполезным. Более того, было известно, что основная масса населения столицы благосклонно относится к принципам Реформ, и считалось, что они с готовностью приняли бы участие в движении, если бы увидели гарантированную перспективу успеха.

Заговорщики были настроены оптимистично в отношении сотрудничества с Рольфом, поскольку, в отличие от Бидвелла, он не отказался от должности члена конвента, которую ему навязала июльская встреча на пивоварне Доула. Бидвелл, сразу же после того, как узнал о том, что было сделано, уведомил секретаря, что он отошел от политической жизни и что он не может иметь никакого отношения к предлагаемому съезду. Рольф тоже поначалу был склонен отказаться от назначения, но у него было время подумать, и он обсудил этот вопрос с доктором Болдуином, который настоятельно посоветовал ему согласиться. Я не могу найти документальных свидетельств ни согласия, ни неприятия с его стороны, но он, по-видимому, был благосклонен к проведению съезда, который он, несомненно, рассматривал как возможное средство консолидации партии реформ и повышения эффективности ее оппозиции правительству. Было решено, что в настоящее время ему ничего не следует говорить о предполагаемом свержении правительства с помощью силы. Предполагалось, что самые смелые элементы плана будут храниться в секрете почти от всех, пока не наступит время действовать, но клятва о неразглашении не была принята, и, несмотря на все резолюции, более или менее точные намеки на то, что замышлялось, были переданы сотням радикалов по всему Родному округу и в других местах.

По мере приближения осени заговорщики продолжали готовить своих сторонников к впечатляющему выступлению следующей весной. Было очевидно, что даже очень многочисленная демонстрация не произведет впечатления на правительство, если те, кто примет в ней участие, не будут нести с собой внушение силы. Чтобы быть сильными, у них должно быть оружие, и, кроме того, они должны знать, как им пользоваться, если возникнет необходимость. Соответственно, по всем городам была организована система тайной подготовки. Люди встречались после наступления темноты в уголках тихих полей, в тени лесов и в других уединенных местах и там получали такие инструкции по военной подготовке и передвижениям, какие были возможны при данных обстоятельствах. Старые мушкеты, пистолеты и сабли были отремонтированы после долгого неиспользования и снова пущены в ход. Небольшое количество винтовок и боеприпасов было тайно получено из Соединенных

Штатов. Недовольные кузнецы в сельских округах посвятили себя изготовлению грубых наконечников для копий, которые, будучи прикреплены к рукояткам из гикори длиной в пять или шесть футов, не представляли собой презренного оружия ни для нападения, ни для защиты. Кузница Лаунта в Холланд-Лэндинге на несколько недель была в основном отдана этому производству. Поскольку не было никаких попыток вмешаться в эти действия, недовольные осмелели и начали регулярно собираться, чтобы попрактиковаться в стрельбе из винтовки, голубиных состязаниях и забое индеек. Как указывалось в предыдущей заметке, [\[285\]](#) К мистеру Бидвеллу обратились за юридическим заключением относительно законности таких собраний. Он давал советы с большой осторожностью, уточняя, насколько, по его мнению, безнаказанно могут заходить подобные вещи. Собрания для забоя птиц и испытания мастерства владения ружьем, по его замыслу, должны были проходить в рамках закона.

К середине октября движение распространилось во всех направлениях. Четыре округа, на которые была разделена провинция, назывались соответственно Отделом Торонто, отделом Мидленда, Западным отделом и Восточным отделом. Первое из названных состояло из округов Йорк, Симко, Дарем, Халтон, Вентворт, Холдиманд и Линкольн. Во второе вошли графства Нортумберленд, Гастингс, Принс-Эдуард, Фронтенак, Леннокс и Аддингтон. Западное деление состояло из Оксфорда, Норфолка, Мидлсекса, Гурона, Кента и Эссекса; а Восточное включало всю ту часть провинции к востоку и северо-востоку от Мидленда. Подготовка к демонстрации шла более или менее активно повсюду, и были ночи, когда можно было сказать, что вся страна была вооружена. В некоторых частях Западного округа, находившихся под руководством доктора Чарльза Данкомба, настроения против правительства были такими же сильными, как и в любой другой части Родного округа, и приготовления там велись с особой активностью. Доктору Данкомбу и нескольким ведущим деятелям среди радикалов был доверен полный план заговора, в той мере, в какой он был разработан; но ни в одной части провинции рядовые члены организации не были посвящены в нечто, похожее на полное доверие. Большинство из тех, кто занимался муштровкой и изготовлением наконечников для копий и рукоятей, полагали, что они просто готовятся к грандиозной процессии, которая должна была устроить правительство своей численностью. Вполне естественно задать вопрос: чем занималось правительство все это время? Были ли они в полном неведении о том, что происходило вокруг них? Вовсе нет. Их регулярно информировали о транспарантах, подготовке речей, тренировках, голубиных матчах и многом другом; и — по крайней мере, в некоторых случаях — им удавалось получать довольно точные отчеты о ходе встреч Маккензи. Но они совершили серьезную ошибку, недооценив своих оппонентов. Они не поверили, что Маккензи когда-либо снова может быть опасен. Он был настолько побежден в своей рукопашной схватке с торизмом, что нельзя было верить, что он когда-либо снова сможет заручиться достаточно большим количеством последователей, чтобы о нем стоило серьезно подумать. Правда, он угрожал всевозможными ужасными бедствиями, но он за столько лет привык позволять себе громкие угрозы, что потерял всякую власть сеять тревогу. Он был похож на мальчика-пастушка, который так часто кричал "волк", что никто не обращал на него внимания. Официальная партия говорила о нем как о выскочке-манекенщике, который наслаждался своим маленьким днем дурной славы, но чья сила как во благо, так и во зло была в прошлом. Иногда, когда он публиковал в своей газете что-нибудь особенно яростное, внимание вице-губернатора привлекали к этому его сторонники, которые настаивали на возбуждении уголовного дела. Но более мудрые советники сэра Фрэнсиса знали, что лучше не прибегать к таким глупым действиям. Они знали, что государственное преследование сделало больше для того, чтобы оттолкнуть симпатии населения и ослабить власть

правительства в прошлые времена, чем любая другая причина. Редактор "*Конституции*", по их мнению, неуклонно терял свое влияние — влияние, которое он никогда не мог надеяться восстановить, если только какой-нибудь неосторожный поступок его врагов снова не вызовет у него показной симпатии и дурной славы. Считалось, что ничто так не придаст ему фиктивной значимости, как судебное преследование его за государственную измену, по крайней мере до тех пор, пока он не пойдет настолько далеко, чтобы сделать судебное преследование обязательным. Сэр Фрэнсис Хед, главный судья Робинсон, генеральный прокурор Хагерман, судья Джонс и вся раса чиновников отказывались верить в возможность настоящего восстания. Все они заявляли, что в Провинции не наберется и пятидесяти человек, которые согласились бы поднять оружие против правительства. Говорили, что многие низколобые радикалы были готовы хвастаться и бахвалиться, но их мужество было лишь поверхностным. Что касается Маккензи, то его признали исключением, поскольку дело касалось простой склонности к бунту, но он потерял всякое влияние, которым когда-либо обладал, и ни на что не рассчитывал. Было вполне очевидно, что рано или поздно он переступит границы, за которыми его можно будет оставить в покое. Затем, когда он должен был поставить себя в такое положение, что ни один верноподданный не смог бы его защитить, настало время эффективно распорядиться им. В таком случае, во что бы то ни стало, дайте ему побольше веревки. Именно в таком духе власти расценили маленького человека и его действия, и он воспользовался свободой слова и действий в максимально возможной степени. "Сначала", - говорит сэр Фрэнсис, [\[286\]](#) "он писал, затем его печатали, затем он ездил верхом, а затем он говорил, топал, пускал пену, вытирал свой маленький мятежный ротик, а затем снова говорил; и таким образом, как белка в колесе, он с поразительным усердием продолжал центр революционной карьеры". Генеральному прокурору Хагерману было поручено доложить его превосходительству, как только Маккензи пойдет так далеко в обвинении в государственной измене, что его обвинительный приговор будет вынесен наверняка, а тем временем ему было разрешено призывать Дух Свободы, как в прозе, так и в поэзии, сколько душе угодно.

В Нижней провинции ситуация сложилась таким образом, что благоприятствовала планам Маккензи. Сэр Джон Колборн был достаточно хорошо информирован о действиях Папино и других подстрекателей к восстанию, и ему стало ясно, что очень скоро он будет вынужден прибегнуть к сильной руке. Он чувствовал себя в полной безопасности, но в то же время был полон решимости не пренебрегать никакими предосторожностями, которые могли бы привести к быстрой и решительной победе. Он собрал все силы, находящиеся в его распоряжении, и под личным наблюдением убедился в их эффективности. В Торонто было расквартировано несколько подразделений. Сэр Джон разделял уверенность сэра Фрэнсиса Хедда в лояльности жителей Верхней Канады и соглашался с мнением, что о восстании Верхней Канады вообще не может быть и речи. Поскольку он полагал, что там войска вряд ли понадобятся, он счел разумным укрепить свои позиции, перебросив их в Кингстон, где они были бы более доступны на случай, если ему понадобятся их услуги для подавления восстания в Нижней Канаде. Когда это перемещение было произведено, Торонто остался совершенно без охраны со стороны военных. По приказу вице-губернатора несколько тысяч единиц оружия, недавно отправленных из Кингстона, вместе с большим количеством боеприпасов были переданы на хранение муниципальным властям и сданы на хранение в мэрию. Дежурными были назначены два констебля, и это была абсолютно единственная мера предосторожности, принятая против изъятия оружия и боеприпасов любой решительной группой людей, которые могли бы посчитать уместным завладеть ими.

Маккензи считал, что благоприятное время настало и что решение отложить до следующей весны любые активные меры против правительства следует отменить. Он получил дополнительный импульс от определенных сообщений, которые дошли до него через Джесси Ллойда в понедельник, 9 октября, от лидеров движения в Нижней Канаде. Эти сообщения уведомили его о том, что франко-канадцы собираются совершить то, что они называли "отважным ударом во имя свободы" без дальнейших промедлений. Они умоляли его сотрудничать с ними, одновременно подняв знамя восстания в Верхней провинции. Сам Ллойд одобрял эту идею и советовал ее принять.

Однако такой важный шаг вряд ли мог быть предпринят без согласия других. Маккензи, который в момент получения сообщений находился на Йонг-стрит, в нескольких милях от Торонто, поспешил в город и созвал небольшое тайное совещание в пивоварне Доула. Я не могу установить точную дату проведения этого собрания, но, должно быть, это было вечером либо понедельника, 9-го, либо вторника, 10 октября.^[287] Присутствовали одиннадцать человек. Это были: 1. сам Маккензи; 2. Джон Доул, владелец пивоварни; 3. доктор Моррисон; 4. Джон Макинтош, который заседал в Ассамблее Четвертого Райдинга Йорка; 5. Джон Эллиот, который, как уже упоминалось, был обычным секретарем собраний Союза реформистов в Торонто; 6. Тимоти Парсон, который держал склад соломенных шляп и модных вещей на Кинг-стрит; 7. Роберт Маккей, бакалейщик и виноторговец; 8. Уильям Лессли, один из представителей фирмы "Лессли и сыновья", книготорговцы, канцелярские товары и аптекари, дом 110-½ по Кинг-стрит; 9. Джон Армстронг, производитель режущих инструментов, имеющий коммерческое предприятие на Йонг-стрит, 33; 10. Томас Армстронг, плотник, проживающий на участке номер 11 (ныне Queen) Улица; 11. Джон Миллс, хэттер, Кинг-стрит, 191. Доктора Рольфа и Дж. Х. Прайса попросили присутствовать, но они не сочли нужным это сделать. Никто, кроме Маккензи, по-видимому, не имел ни малейшего представления о реальной цели, ради которой было созвано это собрание. Остальные десять просто отправились в назначенное место, чтобы выслушать любое сообщение, которое Агент и Секретарь-корреспондент могли бы им сообщить. Когда Маккензи попросили изложить цель, ради которой он собрал их вместе, он приступил к реализации своего проекта. Не успел он приступить к нему, как столкнулся с ропотом и выражениями несогласия. Он заявил, что может рассчитывать на активное содействие по меньшей мере полутора тысяч человек только в Родном округе, из которых, однако, не более трети были снабжены оружием. За пределами Родного района он мог рассчитывать на две-три тысячи человек, но из них не одна пятая была должным образом вооружена. По его словам, от всего этого можно неявно зависеть в поддержке любого проекта, который может быть принят тогда и там. Он предложил разослать надежных гонцов во все стороны, чтобы призвать этих "хороших и верных людей" немедленно отправляться в Торонто. Но, по его словам, нет необходимости ждать прибытия этих сторонников. Он приложил все усилия, чтобы выяснить точное состояние города, и тот оказался абсолютно беззащитным из-за отвода войск. Почему бы не нанести решающий удар сразу? Почему бы немедленно не послать за ГИПЕРССЫЛКОЙ Датчера литейщикам и топоростроителям Armstrong's, которые все были верны правому делу? С этими людьми за спиной они могли бы отправиться напрямик в Дом правительства и схватить сэра Фрэнсиса, который только что вернулся со своей ежедневной верховой прогулки и которого охранял только один часовой. После того как он будет схвачен, они могут проследовать в мэрию и конфисковать оружие и боеприпасы. Следующим шагом было бы провозгласить Временное правительство и предоставить сэру Фрэнсису альтернативу: уступить тому, чего требовали радикалы, или взять на себя последствия отказа. Маккензи утверждал, что

не было абсолютно ничего, что могло бы помешать осуществлению этой программы. Четыре пятых граждан присоединятся к ним, когда увидят, что их усилия увенчались успехом, а из другой пятой по меньшей мере половина сохранит нейтралитет, в то время как небольшая часть населения будет слишком незначительной по численности, чтобы они могли оказать какое-либо серьезное сопротивление.

Такова была поразительная схема, предложенная Маккензи. Его небольшая аудитория едва ли могла поверить свидетельствам своих чувств. Зайдя так далеко, доктор Моррисон больше не мог сдерживаться и разразился такой порывистостью и негодованием, которые за ним редко наблюдались. Он спросил, возможно ли, чтобы Маккензи всерьезвзялся за столь безрассудный замысел. "Это, - сказал он, - государственная измена; и если вы думаете втянуть меня в какой-либо подобный безумный план, то увидите, что я не тот, кто вам нужен!" Он заявил, что, если по этому поводу будет сказано еще хоть слово, он немедленно покинет комнату. Остальные присутствующие также отвергли это предложение с большей или меньшей горячностью, но все они сочли его безумной выходкой Маккензи и вряд ли заслуживающим серьезного рассмотрения. Маккензи понял, что ничего нельзя было поделать, и через несколько минут маленький конклав распался.

На следующий день Маккензи посетил доктора Рольфа, который тем временем узнал от доктора Моррисона о предложении, сделанном накануне вечером. Доктор Рольф расспросил Маккензи, строго соблюдая точность его сведений о количестве людей, на сторонников которых можно было бы положиться в случае революции. Маккензи повторил свое утверждение, что можно легко собрать около четырех тысяч человек, каждый из которых созрел и готов взяться за оружие. Он представил определенные документальные свидетельства, подтверждающие правдивость его заявлений, и яростно заявил, что успешная революция не только возможна, но и неизбежна. Он предложил не дожидаться предполагаемого съезда, а быстро собрать всех мужчин, которых можно было собрать вместе в каком-нибудь месте в пределах нескольких миль от города. Это он предполагал осуществить как можно более тайно. Затем люди могли бы продвинуться по городу и всем скопом направиться к ратуше, где они могли бы обзавестись оружием и боеприпасами. Тогда они стали бы хозяевами положения и могли бы сформировать Временное правительство на таких условиях, о которых можно было бы договориться. Доктор Рольф был настолько впечатлен представленными ему документальными и другими доказательствами, что согласился рассмотреть этот вопрос и обсудить его с некоторыми из своих друзей.

Поразмыслив над этой темой, доктор Рольф, похоже, пришел к выводу, что подрыв правительства был вполне осуществим. Столица провинции была беззащитна. Вице-губернатор не только отослал войска, но и упорно отказывался предпринимать какие-либо шаги по организации ополчения. Если несколько тысяч людей действительно были настроены заявить о себе, ничто не могло помешать им осуществить программу, изложенную Маккензи. Они могли захватить Торонто и схватить членов правительства до того, как можно было бы предпринять какие-либо меры для успешного противодействия им. Поскольку это было сделано тихо, без кровопролития, казалось достаточно вероятным, что население в целом не откажется от их поддержки. Реформаторы провинции составляли подавляющее большинство жителей, и в Верхней Канаде не было ни одного Реформатора, который бы искренне не уставал от сэра Фрэнсиса Хеда и его клики. Лишь незначительное меньшинство согласилось бы пойти на риск и опасности восстания; но есть большая разница между восстанием, с которым предстоит

столкнуться, и тем, которое было успешно завершено. Тысячи людей, которые упорно отказывались бы иметь какую-либо связь с первым, с готовностью согласились бы на второе. Если бы правительство однажды было свергнуто и оказалось в руках реформаторов, и если бы вся реформаторская верхушка сочувствовала переменам, восстание увенчалось бы успехом, поскольку в то время в Провинции было сравнительно немного людей, которые достаточно заботились о Семейном договоре, чтобы рисковать жизнью или конечностями с целью возвращения их к власти. Но требовалось рассмотреть еще один важный вопрос: что скажет по этому поводу имперское правительство? Если бы мощь и величие Британии были задействованы против этого проекта, ни одно восстание верхушки Канады не могло бы надеяться на постоянный успех, за исключением очень маловероятного случая национального вмешательства со стороны Соединенных Штатов. Но разве не было вероятно, что имперское правительство будет сильно впечатлено этим восстанием стойкого и сильно обиженного народа и что чувство справедливости вынудит их принять новую политику в отношении Канады? Если бы это предположение оказалось верным, все, чего добивались с помощью восстания, было бы достигнуто. В любом случае, положение реформаторов вряд ли могло измениться к худшему. Лидеры движения были вынуждены искать убежища в Штатах, но некоторые из них уже начали рассматривать такую эмиграцию как желательную, поскольку, казалось, у них не было будущего при правлении Семейного договора.

С подобными мыслями, пронесшимися в его голове, доктор Рольф провел несколько совещаний с доктором Моррисоном, с которым Маккензи также имел некоторую беседу после собрания на пивоварне. Доктор Моррисон был склонен придавать большое значение любому предложению, исходящему от своего коллеги по профессии, и когда ему сообщили взгляды последнего, он смог созерцать восстание народа с гораздо большим самодовольством, чем раньше. Идея постепенно обретала форму в его сознании. По настоятельной просьбе Маккензи он передал ему письмо, в котором представил Джесси Ллойда доктору Э. Б. О'Каллагану из Монреаля, который был редактором радикальной газеты и, как известно, поддерживал восстание. Ллойд собирался отправиться из своего дома в городке Кинг в одну из своих экспедиций в Нижнюю провинцию, чтобы посоветоваться с лидерами тамошних повстанческих движений. Это было где-то на третьей неделе октября.

Доктор Моррисон, взявшись таким образом за плуг, считал себя в какой-то мере обязанным поддерживать дело народа, если он действительно намеревался свергнуть правительство. Однажды, примерно две недели спустя, он получил срочное сообщение от доктора Рольфа с просьбой зайти в дом последнего на Лот (Куин) -стрит. Отправившись туда, он застал Рольфа и Маккензи за совещанием с Ллойдом, который *had just returned from the Lower Province with a letter to Mackenzie from Thomas Storrow Brown, one of the directors of the*, , повстанческого движения. На первый взгляд письмо казалось простым деловым сообщением, но его фразеология имела тайный смысл, понятный Маккензи, который разъяснил его остальным. Ллойд дополнил письмо определенными устными сообщениями. Оказалось, что жители Нижней Канады были готовы действовать, но они хотели, чтобы радикалы Верхней Канады сделали первый шаг, чтобы отвлечь внимание от своих действий. Это повлекло бы за собой серьезные последствия и не могло быть решено для всех в одночасье. После некоторого размышления было решено, что Рольф, Моррисон и Маккензи должны встретиться в доме Моррисона на Ньюгейт-стрит (Аделаида) тем же вечером, чтобы серьезно посоветоваться. Встреча прошла в соответствии с договоренностью. Ролф и Моррисон указали Маккензи на важные последствия, которые могут возникнуть в результате принятия мер по предложению из

Нижней Канады. Они выразили некоторое сомнение относительно того, действительно ли люди достаточно желают перемен, чтобы рисковать своими свободами и жизнями в ходе восстания, и указали на катастрофические последствия неудачи. Однако Маккензи, у которого было гораздо больше возможностей судить о склонности общественного мнения среди радикалов, вряд ли стал бы прислушиваться к подобным увещаниям. В сотый раз он указал на незащищенное состояние столицы. В течение последних нескольких дней войска, которые были переброшены из Торонто в Кингстон, были полностью выведены из провинции сэром Джоном Колборном, чтобы их можно было использовать против повстанцев в Нижней Канаде. Таким образом, вся Верхняя провинция оказалась без средств защиты. Маккензи дал слово, что все радикальные элементы стремятся встать на сторону правого дела. Он утверждал, что получил списки, подписанные тысячами человек, каждый из которых поклялся поднять восстание в любой момент, когда его призовут. Восстание, заявил он, неизбежно, поскольку дух восстания был полностью пробужден; и он упрекнул своих собеседников за их равнодушие к делу народа. После нескольких часов обсуждений было решено, что Маккензи должен проехать по стране и четко вынести этот вопрос на рассмотрение различных политических союзов. Если они действительно чувствовали себя готовыми и стремились свергнуть существующее правительство силой оружия, как заявил Маккензи, они должны были добиться своего. Обсуждался план захвата оружия в ратуше, взятия под стражу главных правительственных чиновников и создания Временного правительства во главе с доктором Рольфом. Считалось, что все это можно легко осуществить без единого выстрела и без жертвования ни одной жизнью. Также было четко понято, что частная собственность должна уважаться и что все деньги в банках должны рассматриваться как частная собственность, за исключением тех, которые фактически принадлежат правительству. Однако было прямо оговорено, что никто не должен быть окончательно привержен какому-либо определенному процессу до возвращения Маккензи из его сельской поездки с санкции различных политических союзов. Между тем Маккензи не было дано никаких полномочий, ни прямо, ни косвенно, побуждать людей к восстанию. Он был просто уполномочен выяснить их взгляды. По его собственной настоятельной просьбе ему было дано разрешение использовать имена Рольфа и Моррисона, но только в той мере, в какой он заявлял, что, если люди действительно желают совершить революцию, они могут рассчитывать на поддержку этих двух джентльменов. С таким четким пониманием Маккензи покинул дом доктора Моррисона и той же ночью или рано утром следующего дня отправился на север.

СНОСКИ:

[269] Смотрите его Депешу лорду Гленелгу, датированную 5 апреля 1837 г., в Описании, глава ix.

[270] Смотрите его Депешу, датированную 14 июля 1837 года.

[271] От 10 сентября.

[272] Смотрите номер за 10 июня 1824 года.

[273] Это хвастовство, кажется, содержалось в колонках *Конституции*, но я не смог его там найти. Я привожу цитату, опираясь на "*Жизнь Маккензи*" мистера Линдси, том i, стр. 395, примечание.

[274] Мистер Макмаллен, пишущий, несомненно, исходя из искренних убеждений, пытается создать впечатление, что Бидвелл был более глубоко вовлечен в восстание, чем он предпочел признать. См. его *Историю Канады*, стр. 446, примечание. Но никаких существенных доказательств в поддержку такой веры никогда представлено не было, в то время как доказательства с другой стороны неопровержимы. Прежде всего, это характер человека. Его моральное мужество было велико, и он мог отстаивать заветный принцип с большой твердостью и энергией. Но он сражался оружием, которое не было плотским, и скорее перенес бы почти любое зло, которое могло быть ему причинено, чем прибегнул бы к физическому насилию. Кроме того, существует тот факт, что он всегда отрицал всякую осведомленность о восстании. Ни один человек, знавший Маршалла Спринга Бидвелла, не колеблясь, поверил бы его голым словам против любых, кроме самых прямых доказательств обратного, и в данном случае вряд ли можно сказать, что существуют какие-либо компенсирующие доказательства вообще. Опять же, есть тот факт, что он отказался выступать в качестве делегата на предлагаемом съезде по реформе, как впоследствии упоминается в тексте. Но нет необходимости прибегать к косвенным или предположительным доказательствам. У нас есть свидетельство самого Маккензи, который после своего возвращения в Канаду был достаточно готов выдать секреты своих бывших помощников и который был бы только рад, если бы мог указать на Бидвелла как на одного из них. В своей книге "*Флаг перемирия*", опубликованной в 1853 году, он говорит: "Мне часто задают вопрос — какую роль принимал мистер Бидвелл в 1837 году", — и его ответ достаточно ясен: "Насколько я знаю, ничего подобного". Совершенно очевидно, что Бидвелл не мог быть вовлечен в движение без ведома Маккензи. Единственных обстоятельств, которые могут быть приведены как указывающие на осведомленность мистера Бидвелла о предполагаемом восстании, всего два, и ни одно из них не выдерживает тщательного изучения. Во-первых, это правда, что радикалы консультировались с ним относительно законности их сбора для строевых учений и других целей. Он сообщил, что при определенных ограничениях такие собрания подпадают под действие закона и что не может быть ничего предосудительного в состязаниях на ружье, включающих простую проверку мастерства. Но когда к нему обратились за советом, даже со стороны Маккензи не было намерения подниматься в какой-либо определенный период, и мистер Бидвелл, вполне возможно, полагал, что проекты закончатся так же, как большинство предприятий Маккензи, — разговорами. Другим обстоятельством, требующим объяснения, является то, что он позволил запугать себя и вынудить покинуть страну. Это будет должным образом рассмотрено в надлежащем месте. Пока достаточно сказать, что, принимая все во внимание, сам факт его эмиграции не является доказательством ни в ту, ни в другую сторону, тогда как сопутствующие обстоятельства являются убедительными предполагаемыми доказательствами его невиновности.

Изучая бумаги покойного Дэвида Гибсона в течение последних нескольких недель, я наткнулся на то, что не без оснований можно считать убедительным доказательством того, что Бидвелл никоим образом не был причастен к восстанию. Гибсон после своего побега в штат Нью-Йорк пожелал получить работу землемера и, по предложению доктора Ролфа, написал Бидвеллу письмо с просьбой предоставить справку о его характере и дать совет относительно наилучших способов получения работы. Бидвелл в то время находился в городе Нью-Йорк, обдумывая, на что ему следует обратить свое внимание в качестве средства к существованию. Его ответ и приложенное к нему свидетельство — оба написаны его собственной рукой — сейчас лежат передо мной. Последнее заключается в следующем: —

"Я был знаком с Дэвидом Гибсоном, эсквайром, до недавних беспорядков в Верхней Канаде и знаю, что благодаря своей честности, здравому смыслу и дружелюбному характеру он завоевал доверие и уважение своих соседей и знакомых. Его услуги в качестве землемера были высоко оценены. С тех пор как начались беспорядки в Верхней Канаде, я не поддерживал с ним связи, но я не сомневаюсь, что можно полностью положиться на его трудолюбие, способности и верность во всех его начинаниях. Я видел, как его имя упоминалось с уважением к его человечности в одной из самых жестоких газет, выходящих в Верхней Канаде. Передайте ему мои самые теплые пожелания успеха и счастья.

"Маршалл С. Бидвелл".

Ниже приводится текст письма, сопровождающего сертификат:—

Мой дорогой сэр!

Сегодня я получил ваше письмо и отправил вам справку. Я не могу направить вас ни в какое место или ситуацию для трудоустройства. Я сам выбит из колеи и не знаю, что мне делать и где я поселюсь.

Я сожалею о недавних событиях в Верхней Канаде и по сей день не могу не думать о них с изумлением. То, что такие здравомыслящие люди, как вы и другие, могли быть вовлечены в столь абсурдный и безнадежный проект, не перестает меня удивлять. Однако я бы не стал упрекать вас, хотя, возможно, в результате этих перемещений я буду разорен. Напротив, я желаю вам всего наилучшего и испытываю к вам те же добрые чувства, которые испытывал раньше. Я верю, что вы сможете найти какую-нибудь ситуацию, в которой будете счастливы.

Искренне ваш,
Маршалл С. Бидвелл.
Дэвид Гибсон, эсквайр,
6 марта.

После публикации этого письма, написанного, как следует помнить, одному из главных участников восстания, вряд ли будут делать вид, что Бидвелл был замешан в этом предприятии. Это характерное послание, дышащее христианской добротой и доброжелательностью, и, независимо от его отношения к рассматриваемому вопросу, вполне достойно публикации как иллюстрация индивидуальности Бидвелла.

[275] Ради последовательности я принимаю единообразное написание имени этого джентльмена, которое, однако, пишется одинаково "Макинтош" и "МаКинтош" в журналах Собраний, в различных официальных документах, в газетах и рекламе того времени и даже в частной переписке. В справочнике Уолтона по Торонто за 1837 год он указан как "МаКинтош", что, по-видимому, было формой, обычно принятой членами семьи.

[276] Часть этого здания, используемая как строгальный цех, все еще существует на Бэй-стрит, недалеко к северу от Аделаида-стрит.

[277] *Жизнь Маккензи.*, том ii., стр. 17.

[278] По словам мистера Линдси, Джеймс Лессли побудил своего брата Уильяма, подписавшего Декларацию, стереть свою подпись. См. *"Жизнь Маккензи"*, том ii, стр. 18.

[279] Смотрите показания Джона Эллиота на суде над доктором Моррисоном по обвинению в государственной измене в Торонто в апреле следующего года.

[280] *Корреспондент и адвокат* за среду, 2 августа.

[281] Их было девятнадцать, и они состояли из доктора Моррисона, Джона Эллиота, Дэвида Гибсона, Джона Макинтоша, доктора О'Грейди, Э. Б. Гилберта, Джона Монтгомери, доктора Джона Эдварда Тимса, Дж. Х. Прайса, Джона Доула, М. Рейнольдса, Эдварда Райта, Роберта Маккея, Томаса Эллиота, Джеймса Армстронга, Джеймса Хантера, Джона Армстронга, Уильяма Кетчума и У. Л. Маккензи.

[282] Однако на встрече, состоявшейся в городке Каледон на второй неделе августа, обсуждалась очень откровенная резолюция. После изложения некоторых общих принципов относительно обязанностей королей, губернаторов и подданных, в нем говорилось следующее: "Если возмещение причиненного нам зла может быть достигнуто иным способом, у народа Верхней Канады нет законных оснований применять силу. Но высшей обязанностью гражданина является сохранение общества, и, поскольку все другие политические обязанности вытекают из него и подчинены ему, каждый гражданин обязан защищать свою страну от ее врагов, как внешних, так и внутренних. Когда правительство занимается систематическим угнетением народа и уничтожением его гарантий от будущего угнетения, оно совершает по отношению к нему те же виды зла, которые оправдывают призыв к применению силы против иностранного врага. История Англии и всего этого континента не испытывает недостатка в примерах, на которых правители и управляемые могли бы увидеть, что, хотя люди часто были готовы терпеливо переносить плохое правительство, существуют юридические и конституционные пределы этой выносливости. Славные революции, упрямо отказывающие своим подданным в достаточной безопасности для хорошего правления, хотя очевидно, что это необходимо для постоянства этого благословения, ставят себя в состояние враждебности по отношению к управляемым; и что продление состояния безответственности и незащищенности, подобного тому, которое существовало в Англии во время правления Якова II., и как сейчас существует в Нижней Канаде, является опасным актом агрессии против народа. Судья, который вырождается в систематического угнетателя и закрывает ворота правосудия перед обществом, тем самым восстанавливает их первоначальное право на самозащиту, поскольку он отказывает им в защите закона и, таким образом, утрачивает свое право добиваться их повиновения властью закона". — За текст этой резолюции я в долгу перед мистером Линдси. См. Его *"Жизнь Маккензи"*, том ii, стр. 27, примечание.

[283] Мистер Линдси считает, что число равно двумстам. См. *Жизнь Маккензи*, том ii., стр. 32. Мне не удалось найти никаких следов более чем 117. Маккензи, похоже, присутствовал не менее чем на половине из них.

[284] *Ante*, стр. 256.

[285] *Ante*, стр. 362.

[286] *Эмигрант*, стр. 157.

[287] Джон Эллиот в своих показаниях на суде над доктором Моррисоном указывает дату в октябре; и в моем распоряжении есть доказательства того, что Маккензи получил указание, упомянутое в тексте, во второй понедельник октября. Второй понедельник пришелся на 9-е число. Не будет никаких задержек с созывом собрания, которое, следовательно, состоится вечером понедельника или вторника.

[288] У Уильяма А. Датчера была литейная мастерская на Йонг-стрит, где работало много рабочих, большинство из которых были читателями *Конституции* сторонниками радикального движения. Армстронгом, мастеров по изготовлению топоров которого предлагалось привлечь к работе, был Джон Армстронг, который сам присутствовал на встрече.

ПРИМЕЧАНИЕ К ГЛАВЕ X.

Мои источники для предыдущей главы слишком многочисленны, чтобы их приводить. Помимо печатных работ и официальных отчетов, они состоят из рукописных писем, заявлений, affidavits и других документов, которые никогда не видели света, и наиболее важные из которых будут приведены, полностью или частично, во втором томе.

КОНЕЦ ТОМА I.

